

Константин Поповский

Дом Иова

Пьесы для чтения

16+

Константин Маркович Поповский

Дом Иова. Пьесы для чтения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43650276

SelfPub; 2019

Аннотация

"По согласному мнению и новых и древних теологов Бога нельзя принудить. Например, Его нельзя принудить услышать наши жалобы и мольбы, тем более, ответить на них... Но разве сущность населяющих Аид, Шеол или Кум теней не суть только плач, только жалоба, только похожая на порыв осеннего ветра мольба? Чем же еще заняты они, эти тени, как ни тем, чтобы принудить Бога услышать их и им ответить? Конечно, они не хуже нас знают, что Бога принудить нельзя. Но не вся ли Вечность у них в запасе?" Константин Поповский "Фрагменты и мелодии".

Содержание

Дом Иова	6
Картина первая	7
Картина вторая	33
Картина третья	60
Картина четвертая	80
Картина пятая	97
Картина шестая	109
Картина седьмая	133
Картина восьмая	154
Картина девятая	173
Небеса смеются или Флейта Машиаха	202
Эпизод 1	205
Эпизод 2	214
Эпизод 3	221
Эпизод 4	230
Эпизод 5	234
Эпизод 6	240
Эпизод 7	244
Эпизод 8	253
Эпизод 9	260
Эпизод 10	270
Эпизод 11	275
Эпизод 12	283

Эпизод 13	290
Эпизод 14	300
Эпизод 15	305
Эпизод 16	312
Эпизод 17	323
Эпизод 18	328
Эпизод 19	330
Эпизод 20	336
Эпизод 21	340
Эпизод 22	347
Эпизод 23	351
Эпизод 24	355
Эпизод 25	358
Эпизод 26	365
Эпизод 27	372
Эпизод 28	376
Эпизод 29	380
Эпизод 30	383
По дороге в Дамаск	389
Картина первая	391
Картина вторая	424
Картина третья	444
Картина четвертая	462
Картина пятая	477
Картина шестая	494
Картина седьмая	518

Картина восьмая

528

Картина девятая

549

Картина десятая

558

Дом Иова

Пьеса в 9 картинах

Действующие лица:

Иов

Жена Иова

Ищущий

Адаф

Уза

Элифаз

Бильдад

Цофар

Архистратиг Михаил

Ангел – секретарь

Истина

Ангел смерти

Аввадон

Первый сосед

Второй сосед

Картина первая

Музыка.

В глубине темной сцены начинают медленно проступать очертания покоев Ищущего. По мере того, как тьма отступает, слабо вспыхивает золото книжных корешков, начинают светиться зеркала. Мягко мерцает медь доспехов, но дальше все тонет во мраке, подступившем к окружающей жилое пространство колоннаде.

Сам Ищущий в халате, из-под которого выбиваются белоснежные манжеты и ворот рубахи, сидит в высоком кресле, возле стола, лицом к зрителю. На вид ему не больше сорока. Лицо задумчиво, почти торжественно. Перед ним – раскрытая книга, которую он читает, подперев рукой голову. Стоящий на столе многосвечник разгорается все ярче, но его света явно недостаточно, чтобы побороть царящий вокруг сумрак, прогнать притаившиеся по углам тени.

Углубившись в чтение, Ищущий не замечает, как за его спиной возникает чья-то фигура. Это Уза, его слуга. Бесшумно ступая, он медленно подходит и останавливается за спиной хозяина.

Уза (предварительно предупредив о себе легким стуком по спинке кресла, негромко зовет): Хозяин... Время.

Ищущий молчит, погруженный в чтение.

Хозяин...

Не отрываясь от книги, Ищущий жестом останавливает Узу.

(Настойчиво). Время, хозяин. Вы сами мне велели.

ИЩУЩИЙ *(издали):* Знаю... Знаю. Иди.

Помедлив, Уза вновь стучит по спинке кресла

(Возвращаясь к реальности, недовольно). Да, знаю же, знаю... Подкрался, словно вор... А ну-ка, иди сюда.

Обойдя кресло, Уза останавливается справа от Ищущего.

Да, подойди же ближе, бестолочь!

Уза делает вид, что подходит ближе.

А теперь склони свой слух и послушай, что я тебе сейчас прочту. *(Листает книгу и почти сразу находит нужное место).* Вот. *(Сердито).* Да, слушай внимательно. *(Читает).*

«В природе вещей нет ничего случайного, но всё определено к существованию и действию по известному образцу из необходимости божественной природы...» (*Негромко*). Запомнил?.. Из необходимости божественной природы, бестолочь... (*Отложив книгу, мечтательно*). Есть какая-то неопостижимая тонкость и глубина в этих словах. Знаешь, иногда мне кажется, что это я сам написал их много лет назад. (*Живо*). Представь, я даже вижу ту комнату и стол, за которым моя рука выводила эти бессмертные строки. Была зима, и город за окном назывался Амстердам... Как это странно звучит – Амстердам... Амстердам. Амстердам... Похоже на крик журавлей в пору, когда им приходится улетать на север... Пылал камин, и окна были украшены белым узором... Знаешь, что такое «камин»?

Уза: Нет, хозяин.

Ищущий: И, слава Богу. Лучше запомни эти слова, а на досуге подумай, какая заключена в них сила. Такая, что ещё не написанные, они уже существуют, обрета бессмертие задолго до рождения их автора!.. Задолго до его рожденья!.. (*Негромко*). Впрочем, не удивлюсь, если и сам он окажется всего только их порождением. (*С удовольствием*). «В природе вещей нет ничего случайного...» Ты слышал?.. Ничего... (*Захлопнув книгу, желчно*). Остается только гадать, отчего наша действительность так нелепа и так не похожа на идеал!.. (*Узе, почти страдальчески*). Ну, что тебе?

Уза: Путь в Канцелярию не близок, хозяин.

Ищущий: Спасибо, что ты не забываешь мне об этом напомнить... Не близок и утомителен. (*После небольшой паузы, решительно*). Нет. Не поеду. Не по-е-ду! Остаюсь. Даже не уговаривай.

Уза не трогается с места. Ищущий задумчиво барабанит пальцами по столу. Пауза.

(*Наконец, с досадой, не поворачивая головы*). Ты еще тут?

Уза: Если хозяин все-таки решил остаться...

Ищущий: То, что?

Уза (*нерешительно*): Тогда я должен задать ему один вопрос. (*Оправдываясь*). Вы сами изволили мне это приказать, хозяин.

Ищущий (*безнадежно*): Спрашивай, разбойник.

Уза мнется.

(*Теряя терпение*). Да спрашивай же, спрашивай!

Уза: Уж не оттого ли хозяин не желает ехать в Канцелярию, что он опасается козней небесного воинства? (*Торопливо и громко*). В том смысле, конечно, что как же прикажите его не опасаться, если воинство это в последнее время что-то уж больно сильно расплодилось и отбилась от рук!

Ищущий: Что такое? (*Медленно повернувшись к Узе вместе с креслом, холодно*). Ты в своём уме, слуга?

Уза подавлен.

И кого же это ты прикажешь мне бояться?.. Уж не Архистратига ли, который давно забыл, с какой стороны держат меч? Или, может, его разжиревших от безделья ангелов? Весь этот сброд блюдолизов, занятых составлением никому не нужных циркуляров и отчетов? (*Грозь Узе пальцем*).
Смотри у меня!

Уза: Я только исполнил ваше поручение, повелитель.

Ищущий: Ах, какие мы исполнительные. Скажите, пожалуйста... (*Грозно*). Это всё?

Уза: С вашего позволения, у меня есть еще один небольшой вопросик... Вы мне сами велели, повелитель

Ищущий: Все! Все! Все! Довольно!.. Тебе только дай волю... (*Помолчав, негромко, с тоской*). Ладно. Нечего делать. Уговорил. Еду. (*Кричит*). Нечего! Нечего!.. Еду. Что? Доволен?

Уза (робко): Но вы же сами собирались ехать, повелитель.

Ищущий (почти изумлен): Я?.. (*Театрально смеется*). Я?..

Уза подавлен.

(*Поднимаясь с кресла*). Или ты действительно думаешь, что я стал бы ходить к этим небесным дармоедам, если бы

не крошечная надежда, что в один прекрасный день этот впавший в летаргический сон Вегетарианец услышит мой голос?.. (*Укоризненно*). Ах, Уза, Уза...

Короткая пауза. Ищущий медленно делает несколько шагов по сцене.

(С горечью, негромко). Когда-то в этот день, все сыны Божии приходили к подножью Его трона, чтобы поделиться своими сомнениями и выслушать слова утешения и поддержки, получить совет и наставление? (Обернувшись к Узе, сердито). Но ты прекрасно знаешь, что это было когда-то. Так давно, что уже можно считать, что этого никогда не было! (В раздражении сняв халат, швыряет его Узе и остается в рубаше и длинных панталонах).

Уза (*освободившись от накрывшего его халата, осторожно*): Не возьму на себя смелость спорить, хозяин... Тем более что все говорят, что вы самый выдающийся реформатор после... (*Показывает пальцем вверх*). Ну, вы меня понимаете... (*Понизив голос, почти шепотом*). Но меня не может не беспокоить, что станут думать о реформах, которые позволяют называть Творца Вегетарианцем?

Ищущий (*отмахиваясь*): Это всего только метафора, болван. Метафора! «Вегетарианец» в смысле «Милосердный», «Не Жаждающий Крови»... И все такое прочее.

Уза (*меланхолически*): А «впавший в летаргический сон»,

стало быть, следует понимать, как «отдыхающий от дел»?

Ищущий (*сухо*): Ты просто схватываешь на лету, мерзавец. И все же будет гораздо лучше, если ты немедленно вернешься к своим прямым обязанностям.

Уза: Как будет угодно вашей милости. (*Кричит куда-то вглубь покоев*). Костюм повелителя!

Свет гаснет и тут же ярко вспыхивает, увеличив пространство сцены, но так и не сумев разогнать царящий за колоннадой мрак. В центре стоит Ищущий. Теперь он одет в элегантный светлый костюм. Пестрый галстук и цветок в петлице придают ему некоторую легкомысленность. В руке – изящная трость. Похоже, его настроение заметно улучшилось.

Ищущий (*не без удовольствия оглядывая себя, задумчиво*): Кажется, портной на этот раз не обманул. Костюм хоть куда.

Уза: Превосходно сидит.

Ищущий (*остановившись возле зеркала и продолжая внимательно рассматривать себя*): Хоть куда. (*По-прежнему задумчиво*). Тебе никогда не приходило в голову, что наша одежда это тоже, своего рода, метафора? Как и метафоре, ей свойственно уводить нас прочь от скучной действительности, и делать нас понятными, как для себя, так и для других. В особенности, конечно, для других. (*Поворачивается*

спиной к зеркалу, пытаясь увидеть, как сидит костюм сзади). Ах, нет, совсем неплохо... (*Обернувшись к Узе*). Если нагота – это всего лишь наше естественное состояние, в котором мы все равны, то одежда это нечто почти сверхъестественное. Она возвращает нас из безвестности и каждого делает тем, кем он хотел бы стать по своему собственному разумению. (*Спохватываясь*). Ты записываешь?

Уза поспешно достает тетрадь и начинает записывать.

Похоже, в этой мысли что-то есть. (*Продолжая говорить, вновь поворачивается к зеркалу*). Нагота – непристойна, согласен. Но, вдобавок к этому, она ещё и непонятна, ещё и бессловесна. Ах, как она молчит! Как молчит! Только глупцы могут думать, что она может нам что-то поведать или чему-то научить. Но стоит тебе влезть в костюм или накинуть плащ – и готово! Всё встало на свои места. Теперь ты знаешь о себе кто ты, и в твоей власти делать с этим «кто» всё, что тебе заблагорассудится. Можешь расстегнуть верхние пуговицы и поднять воротник – и вот уже из зеркала на тебя смотрит искатель приключений и веселый малый. А можешь изменить цвет галстука, и твое лицо сразу станет серьёзным, а взгляд значительным. (*Вновь повернувшись спиной к зеркалу*). Ты обретаешь язык, даже не успев открыть рот. Подумай, разве метафора не делает того же, заставляя разговаривать вещи и делая их понятными?

Небольшая пауза.

Уза (*не дождавшись продолжения*): Всё, хозяин?

Ищущий (*повернувшись, но продолжая искоса рассматривать себя в зеркале*): Пока да.

Пряча тетрадь, Уза неожиданно и громко хихикает. Короткая пауза.

(*Холодно*). Ну? И что тебя рассмешило на этот раз?

Уза: Да, ведь как же это, хозяин... Выходит, Создателю следовало бы сотворить вовсе не нас, а только нашу одежду? (*Хихикает*). Да ещё наделить её душой, чтобы она уже совсем бы ничем от нас не отличалась... (*Хихикает*).

Ищущий выразительно смотрит на Узу. Пауза.

(*Смешавшись*). Что?

Небольшая пауза. Ищущий продолжает смотреть на Узу.

(*Подавлен*). Я ведь, кажется, ничего такого не сказал, хозяин.

Ищущий (*со вздохом*): В последнее время, мне почему-то

часто кажется, что ты специально испытываешь моё терпение, Уза. Надеюсь, ты не думаешь, что оно безгранично?

Уза (*жалобно*): Повелитель!..

Ищущий: Или ты уже забыл о том, что меня сегодня ждёт подножье Его трона, которое остряки прозвали Небесной Канцелярией, хотя всем прекрасно известно, что это всего только место, где собрались интриганы и прохвосты, пользующиеся добротой Крепкого и ожидающие от Него очередной подачки!.. Может, хочешь прогуляться туда вместо меня? (*Смолкнув, отходит и обиженно рассматривает себя в зеркале*).

Пауза. Уза переживает.

(*С неожиданной грустью, не оборачиваясь*). Скажи-ка мне, болтун, что ты думаешь о предчувствиях? Веришь в них?

Уза (*застигнут врасплох*): А уж это как будет угодно вашей милости.

Ищущий (*нетерпеливо*): Так веришь или нет?

Уза: Да кто же в них верит-то нынче, хозяин?

Ищущий (*повернувшись к Узе, с интересом*): Что, и в плохие?

Уза: И в плохие, и в хорошие.

Ищущий (*удивлен*): А когда они сбываются?

Уза: Особенно тогда, хозяин.

Ищущий (с сожалением глядя на Узу): Скажите, пожалуйста... Наверное, и сон у тебя, как у безгрешного младенца... (Отойдя от зеркала, идет и останавливается возле Узы, но совсем уверенно). Ну, что? В путь?

Уза: В путь, хозяин. Уж вы поберегите себя там.

Ищущий: Как раз об этом, мне кажется, ты можешь не беспокоиться. (Кричит). В путь!

Свист и вой вихря, подхватившего Ищущего. Свет гаснет и сразу вспыхивает вновь. Ищущий исчез. Оставшись один, Уза медленно идёт по сцене, не спеша ставит на место кресло, затем аккуратно вешает на спинку дивана халат и, наконец, останавливается перед зеркалом.

Уза (передразнивая Ищущего, кривляется, делая вид, что примеряет платье): Уж будьте спокойны, господин Уза! Стоит вам надеть эти белоснежные подштанники, как ваши мысли сразу станут чистыми, а сердце – целомудренным! (Хихикает). А в этой рясе тебя не узнает даже сам Творец. Скажет: откуда взялся здесь этот симпатичный святой? Почему это я никогда не видел его прежде? (Кривляется). Эх, Уза, Уза! Как же ты сразу не догадался, что власть в этом мире принадлежит портным и парикмахерам! (Кривляется).

На пороге вновь неслышно появляется Ищущий. Некоторое время он наблюдает за Узой, затем незаметно подкрав-

шишь, быстро цепляет его за шею своей просточкой.

(Вскрикнув от неожиданности и пытаясь обернуться).
О, Господи!.. Повелитель!

Ищущий *(мягко)*: Ну, разумеется, это я, негодяй. *(Подтягивая Узу к себе)*. Так вот, значит, как ты проводишь без меня время, мерзавец?.. Сначала ловко уговариваешь меня отправиться невесть куда, а затем, оставшись один, кривляешься и паясничаете перед зеркалом, изображая своего горячо любимого хозяина... А теперь скажи-ка мне, висельник, есть ли на свете наказание, которое было бы для тебя чрезмерным?

Уза *(потеряв надежду освободиться, хрипло)*: Повелитель...

Ищущий: Что, не нравится?.. Ах ты, мерзавец, мерзавец... *(Отпускающая Узу)*. Ну, так и быть. Прощаю тебя по случаю моего благополучного возвращения. *(Идет по сцене, расстегивая пиджак)*.

Короткая пауза.

Уза *(потирая шею)*: Хозяин решил остаться?

Ищущий *(швырнув пиджак на пол)*: Не я, Уза, не я. Все-му виной те жалкие обстоятельства, которые, увы, часто оказываются сильнее нас. *(Расстегивая жилетку)*. Знаешь, эти-кие ничтожные случайности, которых никогда не принима-

ешь в расчет до тех пор, пока они в одночасье не спугают тебе все карты... Представь, стоило мне только начать свое путешествие, как я вспомнил, что позабыл дома перчатки. *(С комическим ужасом)*. Какой ужас! Какая непоправимая оплошность!.. *(Скинув жилетку, бросает ее в сторону)*. Ну, подумай сам, мог ли я позволить себе явиться в приличное общество без перчаток?.. Понятно, что мне оставалось только вернуться, что я и сделал, скорбя и вытирая слезы. *(Сбросив с ног ботинки, расстегивает брюки и садится на диван)*.

Уза бросается к Ищущему и помогает ему снять брюки.

(Томно). К тому же, я вдруг почувствовал, что мне совсем не помешает немного вздремнуть... *(Зевает)*. Предаться грезам, окунуться в мир фантазий, чтобы хоть на время забыть об этой неприглядной действительности... *(Поднявшись с дивана и взяв со спинки кресла висящий халат, сердито)*. Ну, что ты смотришь на меня так, как будто я украл у тебя из кухни твой серебряный кофейник?.. *(Надевая халат, сердито)*. Конечно, я испугался... Не сильно, но вполне достаточно для того, чтобы вернуться. Испугался, что Он опять не примет меня и мне снова придется унижаться и делать вид, что все это в порядке вещей, расписываться в Книге посетителей, хлопать этим жалким льстецам или выслушивать пресные нравоучения господина Архистратига, который до сих пор думает, что без его защиты небесам, пожа-

луй, пришлось бы худо. (*Садясь на диван*). А кто бы не испугался на моем месте? Может быть – ты? (*Щелкает пальцами, от чего свет тускнеет и гаснет; сумрак заливает пространство сцены; зевая*). Тогда, сделай милость, отправляйся в следующий раз вместо меня. (*Ложится, закутавшись в халат*). Желаю тебе удачи, дурачок... Потому что сам я сыт всем этим по горло. (*Зевает, глухо*). Ах, как я же сыт... как же я сыт... (*Издалека*). С меня довольно... Хватит... Лучше я напишу Ему письмо... Письмо... (*Бормочет*). Ты только представь себе... Большое, обстоятельное письмо...

Уза бесшумно исчезает.

(*Чуть слышно*). Письмо с уведомлением о вручении... Глубокоуважаемый господин демиург... (*Засыпает*).

Долгая пауза, в продолжение которой в свои права вступает сновидение, наполнив пространство сцены слабым красным сиянием, в свете которого возникают фигуры Архистратига Михаила и Ангела-секретаря.

(*Негромко, еще не вступив в сновидение*). Проклятый сон... Все тот же сон... (*Стонет, затем внезапно садится на диване и молча смотрит на Архистратига Михаила*).

Пауза.

(Мрачно). Ты.

Михаил: Как видишь.

Ищущий молчит. Короткая пауза.

(Удивленно). Что такое? Ты не рад моему дружескому визиту? *(Посмеиваясь).* А я-то торопился, летел...

Ищущий *(еще издалека):* Я понял. Понял... Ты мне снишься.

Михаил: Если и снюсь то, наверное, ничуть не больше, чем ты мне.

Ангел-секретарь негромко хихикает.

Ищущий *(вяло, все еще сопротивляясь):* Нет, нет, ты – сон. Сон. К тому же, не из приятных... *(Приходя в себя, сердито).* Зачем пожаловал?

Михаил: Сейчас объясню.

Ищущий *(сердито):* Постой!.. Я догадаюсь сам... Минутку.

Михаил: Готов поспорить, промахнешься.

Ищущий: Посмотрим. *(Поднявшись с дивана и кутаясь в халат, медленно подходит к Михаилу).*

Короткая пауза.

(Негромко, словно сам с собой). Ну, так и есть. Конечно. И что бы мне не догадаться сразу... *(Михаилу).* Ты здесь затем, чтоб сообщить мне, что Крепкий, наконец, желает меня видеть!.. *(Смеется, потирая руки).* Что, съел? *(На мгновенье смолкает, с торжеством глядя на Михаила, затем, ликуя, идет по сцене).*

Короткая пауза, в продолжение которой Михаил молча делает знак Ангелу-секретарю и тот немедленно подвигает к нему кресло, в которое Михаил не спеша садится. Ангел-секретарь становится у него за спиной.

О, я как чувствовал, что Он скоро вспомнит обо мне, потому что только от одного меня Он может услышать не лесть, а правду!... *(Обернувшись к Михаилу, надменно).* Слышишь, архистратиг? Это так же верно, как и то, что меня зовут Ищущим.

Михаил: У тебя новое имя?

Ищущий: И неплохое, начальник воинств... Только умоляю тебя, не спрашивай меня о том, что я ищу. Надеюсь, тебе не надо напоминать, что искать всегда следует только одно? Вернее, одну. Ту, чьё имя так сладко, что когда его произносишь, кажется, что вкушаешь райское яблоко.

Короткая пауза.

(Удивлён). Как? Неужели ты не вспомнил? (*Кивая в сторону Ангела-секретаря*). Тогда, может быть, этот не в меру смешливый юноша?.. Как? Тоже нет? Ай-яй-яй. (*Снисходительно*). Искать следует Истину, голубчик. Разве есть у нас другая цель?.. Тебе следовало бы это знать, начальник караулов.

Михаил (*невозмутимо*): Кажется, я уже слышал от тебя нечто подобное лет четыреста назад.

Ищущий: Так чего ж ты тогда медлишь?.. Архистратиг?.. Беги! Спеши! Зови своих пернатых! Пусть выстроят почетный караул и отворят ворота! Пускай трубят во все концы Вселенной, что я еду!.. Я еду! Еду! (*Неожиданно осекишься, смолкнув, смотрит на Михаила, негромко*). Еду...

Короткая пауза.

(*С тоской*). Ну? Что ты ждешь?

Михаил: Увы.

Ищущий: Увы?

Михаил: Увы.

Ищущий (*сникая*): Что? Нет?

Михаил: Увы. Увы. Увы. Всевышний не соизволит принять тебя сегодня.

Ищущий (*подавлен*): Не соизволит? Опять? (*С горечью*). Что, даже здесь, во сне?

Михаил: Во всяком случае, не сегодня.

Ищущий: Так может, завтра?.. Завтра? (*Почти жалобно*). Ну, что же ты молчишь, архистратиг?

Михаил: Завтра?.. Что ж, очень может быть, что завтра... Но, во всяком случае, не прежде, чем я доведу до тебя Его волю.

Ищущий (*сердито*): Так доводи!.. Доводи. Только прошу тебя. Не пичкай меня больше пустыми обещаниями, как это было в прошлый раз! Не советуй мне набраться терпения и взять в спутники надежду, чтобы было легче дожидаться этого «завтра». (*Угрюмо*). Почему-то мне в последнее время кажется, что это «завтра» никогда не наступит. Что его вообще не существует. Потому что, рассудив здраво, в Царстве Вечности просто не может быть никакого «завтра», а только это самодовольное «сегодня», которое не имеет ни начала, ни конца...

Михаил хранит молчание. Короткая пауза.

(*Прервав себя, холодно*). Я тебя слушаю, начальник воинств.

Михаил: Тебе велели передать, что готовы принять тебя и выслушать все твои нелепые претензии и безумные проекты. (*Повышая голос и не давая Ищущему перебить себя*). Да, да, да! Но не прежде, чем будут выполнены некоторые важные условия.

Ищущий (*мягко*): Тебе так вот и велели передать: «нелепые» и «безумные»?

Михаил: А разве кто-нибудь в этом еще сомневается?

Ангел-секретарь негромко хихикает.

Ищущий (*бросив на Ангела красноречивый взгляд*): Очень и очень многие, архистратиг. Поэтому сделай одолжение, пересказывая чужие слова, будь точен, и не уклоняйся от оригинала.

Михаил (*пропустив замечание Ищущего мимо ушей*): Я повторяю. Тебя, примут, но только при одном условии... Вспомни-ка, знаком тебе человек по имени Иов?

Ищущий (*уклончиво*): Я знавал немало людей, архистратиг.

Михаил: Я, кажется, спросил тебя об одном.

Ищущий: Только не заговаривай мне зубы, начальник циркуляров. (*Раздражённо*). Если речь идёт об Иове из земли Уц, то, возможно, я действительно кое-что слышал и о нём, и о его хваленой праведности. Но к моему делу это отношения не имеет.

Михаил: У меня сложилось впечатление, что Всемогущий придерживается другого мнения.

Ищущий сбит с толку. Впрочем, он сразу же берёт себя в руки, склонившись в притворно-смирённом поклоне.

(Выдержав паузу). Он примет и выслушает тебя. Но не прежде, чем ты сумеешь одержать победу над Иовом из земли Уц. Тем самым, о котором ты слышал, и которого называют праведником.

Короткая пауза. Ищущий с недоумением смотрит на Михаила.

Ищущий *(тревожно)*: Как это прикажешь понимать, архистратиг? О какой победе ты говоришь?

Михаил: Возможно, я выразился недостаточно ясно, хотя многие на твоём месте прекрасно бы поняли, о чем идет речь... Что ж, я повторю еще. Условия самые простые. Служи праведность Иова, и Всемогущий немедленно примет тебя. *(Негромко и слегка насмешливо)*. Другими словами, покажи нам, на что ты способен. Загони его в угол. Пошли ему болезни, голод, отчаянье. Заставь проклинать час своего рождения. Словом, сделай так, чтобы Крепкий отвернулся от него и вычеркнул его имя из Книги жизни. Сдается мне, в этом нет ничего трудного.

Ищущий медленно отходит, обдумывая услышанное. Пауза.

(Вслед Ищущему). Но только имей в виду – Всемилостив-

вый Сам будет судьёй в вашем споре.

Ищущий (*рассмеявшись*): Нет, в самом деле, архистратиг... Клянусь Веспером, это просто ни на что не похоже... (*Возвращаясь*). Или я что-то не так понял?

Михаил: Не знаю, почему некоторые хвалят остроту твоего ума. Что же тут можно понять не так?.. Ты нападёшь на него со всей яростью, словно тигр на беззащитную лань, и будешь терзать его столько, сколько считаешь нужным. До тех пор, пока не уступит один из вас, – или ты, потеряв надежду сломить его праведность, или он, опустив от усталости руки и уступая отчаянью... Уж, кажется, куда как проще.

Ищущий: погоди!.. Что это?.. Постой, постой, постой... (*Изумлен*). Налететь на праведника? Обглодать его, словно саранча весенние побеги? Трепать его до тех пор, пока он не заголосит? Порвать на нём платье, иссушить его гортань?.. Я правильно тебя понял, архистратиг? Что это за нелепая игра, в которую мне предлагают сыграть? Да есть ли в этом хотя бы капля смысла? (*Криво усмехаясь*). Или Всемогущий решил сравнить нас, как двух бойцовых петухов? (*Смеется*). Ты случайно не знаешь на кого Он поставил?..

Михаил (*сдержанно*): Такова Его воля.

Ищущий (*вполголоса*): Все так говорят. (*Отходит и сразу возвращается*). Он богат?

Михаил: Милость Божия не перестаёт проливаться над его домом.

Ищущий: Ах, вот оно что... Жена, дети?

Михаил: Счастлив и плодовит.

Ищущий: И при этом, конечно, богобоязнен, чист и, как у вас принято говорить, далёк от зла!

Михаил: Сверх всякой меры.

Ищущий: Ну, ещё бы! Не трудно быть праведником, когда Создатель благословил и тебя, и твой дом!.. Никак не могу взять в толк, архистратиг. Зачем подвергать испытаниям того, кто заведомо их не выдержит?.. Или речь всё-таки идёт о том, чтобы только немного припугнуть его?

Михаил: Ты все ещё не понял? Всё, что принадлежит ему – всё это в твоей руке. Его стада, его слуги, его дети. Всё, чем он богат. И сам он, – плоть, и кость его – они тоже в твоей власти. Лишь дыхание его сохрани. Других условий нет.

Ищущий *(не скрывая удивления)*: И это всё?.. Все? *(Смеется)*. Да, что ты, начальник! Или ты не знаешь, что и дня не выстоять человеку перед лицом несчастий? Нетвёрд становится он и в делах, и в помыслах своих, как только Всевышний отворачивается от него, и удача покидает его дом. Неужели ты в первый раз слышишь об этом? Стоит беде коснуться его краем крыла, как трещит по швам его смирение, а чистота навсегда скрывается под слоем грязи. Где его праведность? Где богобоязненность? Где простота? Лиши его богатства – и вот он уже хуже дикого зверя. Разлучи с родными – и проклятия не сойдут с его языка. Да, что ты, архистратиг!..

Михаил *(без выражения)*: Такова Его воля.

Ищущий: Да, слышал, слышал!.. *(Почти дружески)*. Знаешь. Не стоило бы Крепкому затевать эту историю с человеком. Не трудным будет для меня это дело... *(В задумчивости опускается на диван)*.

Михаил *(поднимаясь с кресла)*: Ты сам Ему об этом скажешь, если Он тебя примет.

Ищущий молчит.

Итак?

Ищущий: Передай, что я берусь. *(Сердито)*. Берусь, берусь!.. Хотя, положи руку на сердце, не нахожу в этом ни капли смысла.

Михаил: Тогда возьми вот это. *(Не оборачиваясь, протягивает руку Ангелу-секретарю, который вкладывает в нее небольшую книгу, положив ее на стол)*. Это будет напоминать тебе о нашем договоре. *(Повернувшись, готовый уже исчезнуть)*. Прощай.

Ищущий: Прощай, архистратиг. Боюсь, не успеет новая луна вырасти до половины, как я вынужден буду вновь засвидетельствовать тебе своё почтение. *(Быстро, вдогонку уходящим)*. Эй, постой, постой!

Михаил останавливается и оборачивается к Ищущему.

(Серьёзно). Скажи-ка, мне вот что, начальник. Что ты зна-

ешь о городе, который носит имя Амстердам? Знаешь о таком?

Михаил, чуть улыбаясь, молча смотрит на Ищущего. Короткая пауза.

(Удивлен). Как? Совсем ничего?

Михаил: А что, по-твоему, можно знать о том, чего не существует?

Ангел-секретарь хихикает.

Ищущий: Так ты полагаешь, что он не существует? (*Откинувшись на подушку, негромко*). Ах, архистратиг, архистратиг... А вот у меня, представь, совсем другие сведения... (*Слабо*). Совсем другие сведения, начальник воинств... (*Бормочет*). Там идет снег и на каналах трескается лед... Лед... Снег... Огонь... (*Смолкает*).

Сновиденье кончается. Михаил и Ангел-секретарь исчезают. Гаснет красное мерцание.

(*Стонет, просыпаясь*). Проклятый сон... Проклятый сон...

С горящим фонарем появляется Уза.

Уза: Звали, хозяин?

Ищущий (*не отрывая голову от подушки, глухо*): Ты слышал?.. Видел? (*Сердито*). Да, отвечай же!

Уза: Что, хозяин?

Ищущий: Здесь был кто-нибудь?

Уза (*озираясь*): Никого, хозяин.

Ищущий: Тогда скажи... Вон там, на столе... Что там?

Вытянув шею, Уза смотрит на стол.

Да, подойди же, подойди!

Уза осторожно подходит.

Что там?

Уза: Какая-то книга, хозяин.

Ищущий: Дай мне ее.

Взяв со стола книгу, Уза подходит к дивану.

Нет, посмотри сначала сам.

Поставив фонарь на стол, Уза открывает книгу.

Читай. (*Нетерпеливо*). Да, читай же!

Уза: Тут написано: «Подлинная история праведного Иова». *(Смолкает)*.

Ищущий: Ну, дальше, дальше!

Уза: Это все.

Ищущий: Все?

Уза *(тревожно)*: Все, повелитель.

Ищущий: Ну-ка, дай сюда!

Подойдя, Уза протягивает Ищущему книгу.

(Почти вырвав из рук Узы книгу, быстро читает). «Подлинная история праведного Иова». *(Листает книгу)*. А что же дальше?.. Ничего! Чистые страницы! А? *(Узе)*. Ты видел? Видел? *(Листает)*. Чистые страницы! *(Трясет книгу, язвительно)*. Какая глубокая многозначительность! Одни только чистые страницы и ничего больше!.. А сколько их! Нет, ты только посмотри!.. А? *(Захлопнув книгу, глухо)*. Но мы их заполним, верно?

Уза: Как будет угодно хозяину.

Ищущий: Клянусь преисподней! Мы их заполним и очень, очень скоро! Можешь даже не сомневаться. *(Швыряет книгу прочь)*.

Тьма заволакивает сцену.

Картина вторая

Внешняя сторона глинобитной стены, окружающей дом Иова. Когда-то в центре её находились ворота, но теперь на их месте зияет широкий проём, за которым открывается часть внутреннего двора и угол дома.

На небольшом плоском камне, лицом к зрителю, сидит Иов. Взгляд его отрешённо скользит по невидимой для зрителя пустыне. Лицо спокойно.

Вечер. Последние лучи заходящего солнца ещё освещают стену и неподвижную фигуру Иова, но небо на востоке, за его спиной, уже быстро темнеет.

В проёме показываются две фигуры; это соседи Иова – Первый и Второй. В руках у Второго – небольшой мешок.

В продолжение следующей сцены розовые тени быстро гаснут, уступая место светлой лунной ночи...

Первый сосед (*неслышно подходя к сидящему Иову*):
Мир тебе, Иов.

Второй сосед (*подходя*): Принимай гостей, сосед.

Иов (*оглядываясь*): Ах, друзья мои!..

Второй сосед (*опуская мешок на землю*): Здесь рис и немного масла. Не откажи принять, сосед.

Первый сосед: Как говорится, чем богаты.

Иов (*протягивая гостям руки*): Как незаметно вы подкрались, чтобы сразить меня своим вниманием и тронуть моё сердце вашей заботой! Наверное, только вы ещё и помните старого Иова.

Соседи одновременно пожимают руки Иова.

Первый сосед: Зачем ты так говоришь, сосед. Тебя помнят все. И Ония, и Ареф, и Фарра, и кривой Нассон...

Второй сосед: И Гуся.

Первый сосед: Да, и Гуся тоже. Ты же не думаешь, конечно, что память о добром человеке исчезает, словно капля дождя в песке?.. Нет, Иов, тебя помнят все, и старые и молодые.

Второй сосед: И тебя, и твой справедливый суд.

Первый сосед: И особенно, твои мудрые наставления, сосед.

Иов (*неуверенно*): Мои... наставления?

Второй сосед: Можешь быть уверен, сосед, и мы, и наши дети храним их, чтобы передать тем, кто придёт после нас.

Иов (*тревожно*): Постойте, постойте, друзья мои... Что же это такое стало с моей памятью?.. Неужели было время, когда я кого-то наставлял или учил? Невероятно... (*Посмеиваясь*). Наверное, это был какой-то совсем другой Иов. Не я.

Первый сосед: Да, разве ты только наставлял?.. Э, Иов! Вспомни-ка, как ты всегда был и опорой для бедняка, и за-

ступником для слабого, ну, а для всех нас – примером для подражания.

Второй сосед: Да еще каким, Иов!

Иов: Вы заставляете меня краснеть, друзья мои... (*По-медлив, негромко*). Ах, если б можно было впрок заготовить эти добрые дела, – как богат, наверное, был бы я сегодня! (*Глухо*). Если бы можно было наполнить этими делами мешки и сундуки, чтобы откупиться ими от беды в час, когда она приходит! (*С неожиданной горечью*). О-о! Не сидел бы я сегодня здесь, принимая ваши подношения!..

Первый сосед (*постно*): Что же теперь поделаешь, сосед. Ты ведь сам учил нас, что на всё воля Божия.

Второй сосед: На всё Его воля, Иов.

Иов (*отрешённо*): На всё воля Его. (*В пустоту, негромко*). Жертва Богу – дух сокрушённый. Сердце сокрушённое Он не отвергнет...

Первый сосед: Вот это правильно, Иов. В самую точку.

Второй сосед: Тут уж не поспоришь.

Иов: Посидите же со мной, друзья мои. Отдохните от жары и дневных забот. Смотрите, как здесь хорошо в это время. (*Глядя в пустыню*). Пока ещё не упали сумерки, взгляните, как далеко проникает туда взгляд, как легко перебегает он от холма к холму, чтобы, наконец, унести вон к той горной гряде, за которой, говорят, небо сходится с землёй и ангелы спускаются к людям, чтобы исполнить то, что им поручено на небесах... (*Глухо*). Порой мне кажется, что вот, протру-

бят рога, запылит горизонт и оттуда придёт спасение мне и моему дому. (*Тихо*). Глупые фантазии...

Второй сосед (*усаживаясь на песок возле камня, на котором сидит Иов*): Там ничего такого нет, сосед. Пустыня, да еще эта заброшенная дорога. Отец рассказывал мне, что на каждом шагу там натыкаешься на человеческие кости. Страшное место.

Первый сосед: Страшное место, сосед. (*Садится с другой стороны камня*).

Иов: Конечно же, вы правы, друзья мои. (*Негромко, продолжая смотреть в пустыню*). Но отчего-то всякий раз стоит луне подняться над этими холмами и прогнать прочь тени, как мне чудится, что какой-то голос зовёт меня пуститься в путь, от холма к холму, ни о чём не заботясь и ничего не спрашивая, не думая ни о ночлеге, ни оводе, но зато обещая впереди покой и утешение... Какой-то тихий голос...

Первый сосед: Будь с этими голосами поосторожнее, Иов. Сам знаешь, демоны – мастера на разные фокусы. Они только и ждут, чтобы кого-нибудь одурачить, да заманить к себе в логово.

Второй сосед: Говорят, в расщелине у Большого Камня три дня назад видели одного такого. Он был черен и видом походил на кошку.

Первый сосед: А я скажу вам, что есть только одно верное средство от демонов. (*Понизив голос*). Волосы умершего, вымоченные в час новой луны в крови новорождённого яг-

нёнка. Но сделать это не просто, потому что ягнёнок обязательно должен быть рыжий и с голубыми глазами.

Второй сосед (*подозрительно*): Где это ты видел ягнёнка с голубыми глазами?

Первый сосед: Так в этом-то и вся штука!

Иов (*посмеиваясь*): Ах, друзья мои! Ну, мне ли опасаться демонов? Разве осталось у меня ещё что-нибудь, что они могли бы отнять? Может быть, это дыхание? Или эту покрытую коростой плоть, которой я не дорожу?.. Пусть боится их тот, у кого есть, что терять.

Второй сосед: Не говори так, сосед. Страшно представить, что бывает с человеком, который попал к ним в лапы.

В проёме у стены появляется Адаф, слуга Иова. Он неуклюже ступает, подражая походке петуха, то есть высоко поднимает ноги и, время от времени, бьёт себя руками по бёдрам. Короткая пауза.

Адаф (*негромко*): Кукареку, хозяин.

Иов (*тоже негромко*): Кукареку, Адаф.

Адаф: С кем это ты тут?

Иов: С нашими соседями, Адаф... Ты ведь помнишь их?

Адаф: Нет. (*Медленно обходит сидящих, искоса поглядывая на соседей*).

Короткая пауза.

(По-прежнему обращаясь к Иову). Не знаешь, не встречали ли они где-нибудь моих цыплят, хозяин?

Иов: Нет, Адаф.

Адаф: А курочек?

Иов: И курочек.

Адаф: Спроси, может они о них что-нибудь слышали?

Соседи отрицательно качают головами.

Иов: Обещаю тебе, что если они что-нибудь услышат, то обязательно придут и расскажут тебе.

Соседи согласно кивают.

Адаф: Надеюсь, мне не придётся долго ждать. (*Сделав еще несколько шагов, настойчиво*). А может, всё-таки, что-нибудь слышали?

Иов: Нет, Адаф. Ничего.

Адаф (*идёт по сцене*): Ладно, тогда пойду-ка я потороплю солнышко... Какое-то оно сегодня непослушное, просто беда. Не желает ложиться спать, хоть надорви себе всё горло. (*Исчезает в проёме, и сразу же из-за стены раздаётся его громкий крик: «Кукареку!» Затихая, он повторяется несколько раз и, наконец, стихает*).

Второй сосед: Похоже, этот бедняга уже совсем свихнул-

ся, Иов.

Первый сосед: Не боишься жить с ним под одной крышей, Иов?

Иов: Наверное, не больше, чем с самим собой.

Второй сосед (*весело*): Смотри, как бы он, чего доброго, не принял тебя однажды за рисовое зернышко.

Иов: Скорее уж он примет меня за какого-нибудь из своих цыплят... С тех пор, как его дети погибли вместе с моими детьми, и он вообразил себя петухом, не проходит и дня, чтобы он не вспоминал о них.

Первый сосед: Большое несчастье потерять разум.

Иов: Наверное, ты хотел сказать «счастье», сосед? Ведь разум не стал бы скрывать от него, что его дети давно мертвы. А вот лишившись его, он верит, что рано или поздно они найдутся, стоит ему только хорошенько поискать. Недаром говорится, что разум и надежда – плохие друзья.

Первый сосед: Вот я и говорю: большое несчастье лишиться разума, сосед. Без него мы только тешим себя пустыми фантазиями и бродим в потемках. Ты сам учил нас, что полагаться следует только на то, что достоверно и не вызывает сомнений.

Иов (*удивлён*): Неужели, я так учил? (*С интересом*). Ну-ка, ну-ка...

Первый сосед: Да, Иов. Однажды ты прямо так и сказал: «Творец сотворил мир столь простым и ясным, что тот, кто предпочитает блуждать в своих фантазиях...кто предпочи-

тает блуждать в своих фантазиях...» (*Вспоминая, второму*). Ну, как это?

Второй сосед: «...тот только оскорбляет величие Всемогущего...».

Первый сосед: Вот-вот. «Тот, кто предпочитает блуждать в своих фантазиях, только оскорбляет величие Всемогущего»... Не помню, правда, по какому поводу ты это сказал, да ведь это, я думаю, и не важно.

Второй сосед (*сдержанно аплодируя*): Bravo!

Иов: Это мои слова?

Первый сосед: К тому же прекрасные, Иов.

Второй сосед: Тают на языке, словно новый мёд.

Иов: Сказать по правде, они кажутся мне сегодня горше полыни. (*После небольшой паузы, глухо*). Ай, да Иов. Ай, да молодец. (*Бормочет*). Как же далеко может забраться человек от самого себя! Так далеко, что, повстречав, уже не узнаёт себя и спрашивает: кто это? неужели я? Кто же тогда из нас настоящий? И что будет, если попробовать забраться еще дальше? (*Смолкает*).

Соседи переглядываются. Пауза. Иов молчит.

Первый сосед (*осторожно*): Вроде, ты что-то хотел сказать, сосед?

Иов (*возвращаясь*): Нет, нет, друзья мои. Ничего... Ничего...

Первый сосед: Тогда мы, пожалуй, будем собираться. (*Поднимаясь с земли*). Время-то, гляди, к ночи... Прощай, сосед.

Второй сосед (*поднимаясь вслед за первым*): Прощай, сосед. Не забывай нас в своих молитвах.

Иов: Прощайте и вы, друзья мои. (*Протягивает соседям руки*). И пусть милость Всевышнего не оставит вас ни сегодня, ни завтра.

Оба соседа одновременно пожимают руки Иова.

Первый сосед: Приятных тебе снов. (*Уходит*).

Второй сосед: И такого же приятного пробуждения. (*Уходит*).

Солнечные лучи уже погасли и теперь сцену окутывают сумерки. В глубине её легли чёрные тени, но центральную часть сцены, набирая силу, начинает заливать лунный свет.

Оставшись один, Иов некоторое время сидит неподвижно. Но вот что-то привлекает его внимание. Он к чему-то прислушивается, что-то его беспокоит; это заметно и по напряжённому взгляду, направленному в небо, и по выражению лица. Тихая, едва слышная, мелодия звучит над головой Иова, над его домом, над засыпающей пустыней.

Иов (*бормочет озираясь*): Опять эта мелодия... Стоит показаться первым звездам, как она уже тут как тут. Словно караван аравийский верблюдов, груженных корицей и серебром, идёт, звеня колокольчиками, к моему дому... Словно источник мирры забил вдруг посреди двора и наполнил ароматом все уголки моего дома. (*Перебивая себя, поспешно*). Нет, нет, Иов. Скорее, она подобна спущенной с небес хрустальной лестнице, которая манит тебя желанием поскорее подняться по её ступеням. (*Возвращаясь к действительности, горько*). Зачем же Ты тревожишь меня ненужной надеждой, Всемогущий? Зачем смущаешь моё сердце? Убаюкиваешь пустыми мечтами? Разве мертвеца обрадуют новые сандалии? К чему манить надеждой того, кто не сегодня-завтра вновь станет прахом?..

По стене медленно скользит чья-то тень. Мелодия обрывается.

(*Громко*). Кто здесь?

Из темноты в лунный свет медленно вступает закутанная в длинный плащ фигура. Это – Ангел смерти. Лицо закрыто капюшоном. В руках – закинутый на плечо меч. Остановившись у стены, он спускает меч и тяжело опирается на него. Лунный свет вспыхивает на лезвии. Короткая пауза.

(*Негромко*). А-а, это ты. Старый знакомый... Опять пришёл пугать меня? Так начинай, я готов. (*Чуть насмешливо*). Я ведь давно догадался, что ты только пугаешь, хотя до сих пор не понимаю, зачем... Сказать по правде, догадаться-то было совсем не трудно. Разве станет Ангел Смерти раз за разом приходить к человеку и уходить ни с чем?.. Верно? Довольно было бы, наверное, и одного раза.

Ангел смерти молчит. Небольшая пауза.

(*Не дождавшись ответа*). Что, опять вздумал поиграть со мной в молчанку? Что ж, молчи. А лучше бы ты присел, да отдохнул. Наверное, набегался за день?.. А хочешь, пойдём в дом, и ты мне расскажешь, как идут дела в мире. Ты ведь много чего повидал и немало интересного мог бы рассказать. Вот, говорят, Мицраим опять готовится к войне, и колесницы его уже поднимают пыль на границе. (*Вздыхая*). Хотя, если подумать, что мне за дело до Мицраима, вестник печали? И Мицраим будет когда-нибудь повергнут в прах, как повержен сегодня я. А ты встанешь у его изголовья...

Ангел смерти чуть заметно кивает.

А помнишь, как я поначалу боялся тебя? Как страшился даже смотреть в твою сторону? (*Неслышно смеётся*). И что

же? Стоило мне выплакать все слёзы, как вместе с ними ушёл и страх. А всё оттого, что когда мы плачем слёзы искажают увиденное. Вот почему теперь ты для меня не страшнее сторожевой собаки, которую хозяин кормит из рук. (*С внезапной тоской, резко повернувшись к Ангелу Смерти*). Одного только я не пойму, вестник. Отчего ты не хочешь убить меня, проводник в Страну Вечного Покоя? Зачем длишь муку мою? Почему не перережешь эту тонкую нить?.. Уже не в первый раз я прошу тебя об этой милости, но ты даже не хочешь ответить мне. Словно я предлагаю тебе миску прокисшего сыра, а не свою жизнь! (*Тоскуя, негромко*). Давно бы тебе следовало заметить меня, – ещё тогда, когда я был во чреве матери моей, или когда младенцем ползал среди овечьих шкур и кормилица моя называла меня «сладенький мой»! Вот когда бы я избежал всех бед, и зло не коснулось бы меня. (*Мечтательно*). О-о! Лежать бы мне тогда на каменном ложе среди царей и вельмож, и был бы я тогда не беднее их, воздвигающих себе великолепные гробницы и высекающие свои имена на камне! Верно говорят, что там стихает ярость яростных и успокаивается гнев гневающихся! Великий там равен ничтожному, а ничтожный столь же велик, что и величайший, и никто не держит обиду на другого... Отчего же ты не пускаешь меня туда, вестник покоя? Скажи, на что жизнь тому, чья душа спутана, словно поводья упряжки, и нет никого, кто умел бы распутать её? Смерти жаждет он, и рад был бы добыть её, как добывают воду из-под камней, да только

натёр мозоли и поцарапал руки, потому что поставлена ему преграда...

Пауза. Иов молчит, склонившись к земле. Молчит и Ангел смерти.

(Медленно подняв голову. Спокойно). Я слышал, что если ты придёшь к человеку и сохранишь ему жизнь, то, уходя, оставляешь ему ещё одну пару глаз. Говорят, что тогда он становится необыкновенно зорок и с легкостью видит то, что скрыто от других смертных. Это правда?

Ангел смерти чуть заметно кивает. Короткая пауза.

(Усмехнувшись). Да, нет же, нет. Если бы это было правдой, мне уже давно следовало бы ходить обвешанному глазами, а взгляд мой легко проникал бы и к подножью Божьего трона, да и в земные глубины, где прячутся сапфиры и золотоносная руда. *(Посмеиваясь).* Ах, каким славным рудокопом стал бы я тогда! Сама земля не знала бы, как уберечь от меня свои сокровища! Да и небеса тревожились бы, опасаясь как бы, чего доброго, я не подсмотрел их тайн!.. Ничего не укрылось бы от меня тогда, – ни путь звёзд, ни ложь, скрытая в сердце злого. *(Глухо).* Причину бед и ужасов, сокрушивших меня, узнал бы я тогда! *(Сникая).* Жаль только, что всё это пустое, вестник. Не дальше вижу я сегодня, чем видел

прежде. И понимаю ничуть не больше, чем понимал. Только одно и открылось мне: всё, чего я опасался – настигло меня, и чего я боялся – пришло и встало за моей спиной. (*Чуть помедлив, тихо*). Так отчего же ты не хочешь протянуть свою руку и коснуться меня? Разве трудное это для тебя дело?

Ангел смерти безмолвен, как и прежде. Иов медленно поднимается с камня. Короткая пауза.

Или ты хочешь сказать, что не можешь?.. Не можешь?

Кажется, Ангел смерти едва заметно кивает.

(*Догадываясь*). Значит, тебе запретили?.. Да?

Ещё один кивок.

Но кто же мог запретить тебе? (*Смеется*). Тебе!

Ангел смерти поднимает меч и опускает его себе на плечо. Медленно поворачивается, собираясь уйти.

Постой. Не уходи. Хочешь, я угадаю сам?

Ангел смерти на мгновение останавливается. Короткая пауза.

(Поднимая руку к небу). Это Он?.. Да? Он? (Приближаясь к Ангелу Смерти). Я ведь угадал? Это Он?

Ангел смерти, не отвечая, исчезает в темноте. Иов застывает в центре сцены. Короткая пауза.

(Едва слышимым шепотом). Так это Он... (Смолкает, словно ему перехватило дыхание).

Короткая пауза.

(Приходя в себя). Сколько раз эта мысль приходила ко мне, и столько же раз я гнал её прочь, потому что она казалась мне верхом нечестия. Разве не каждый день я говорил себе, что не может Творец преследовать своё творение, потому что нет в этом ни мудрости, ни геройства. (Измлён). Но кто же кроме Него? Кто, если не Он? Шевельнётся ли хоть один волос без Его воли? Упадёт ли без Его согласия роса? (Потрясённо, почти шёпотом). Кто же это еще, если не Он? (Смолкнув, замирает; в его позе, одновременно, и ужас, и решимость).

Пауза, в конце которой за стеной раздаётся голос Жены Иова: «Господин!.. Господин!..».

Жена (*появившись в проёме стены*): Я услышала твой голос, господин. (*Подходя, тревожно*). Ты с кем-то разговаривал?

Иов (*глухо*): С кем же еще, по-твоему, мне разговаривать здесь, как ни с этим болтливым стариком по имени Иов? (*Медленно опускаясь на камень*). Впрочем, не стану тебя обманывать. У меня был гость. Но он уже далеко.

Жена: В такой час, господин?

Иов: А разве ты обращаешь внимание на время, когда молишься или стираешь? Или когда варишь свои вечно несоленые бобы? (*Смолкает, глядя в пустыню*).

Короткая пауза.

Жена (*помедлив, осторожно*): Уже поздно, господин. (*Подходя ближе*). Ночь дышит с холмов. Не хочешь вернуться в дом?

Не отвечая, Иов смотрит в сторону пустыни. Короткая пауза.

Ты ведь знаешь, как я не люблю, это место. Оно меня пугает. Кажется, здесь сама луна смеётся над нами. (*Подняв голову*). Только посмотри, как она противно скалит зубы... (*Понизив голос и зябко поведя плечами*). Я слышала, что когда она становится невидимой, то спускается на землю, чтобы

нападать на одиноких путников и воровать детей.

Иов: Пустое.

Жена: Нет, нет, господин. Это правда.

Иов (*не поворачивая голову, протягивает жене руку*):
Сядь.

Жена (*подходя, задевает оставленный соседями мешок*):
Что это?

Иов: Соседи принесли нам немного риса.

Жена: Вот видишь. Они не забывают тебя. (*Заглянув в мешок, садится рядом с Иовом*). Пусть будут благословенны их имена. Пусть Всемогущий не оставит их в час испытаний!

Иов (*по-прежнему не отрывая взгляда от пустыни, издалека*): Пусть будут они благословенны.

Некоторое время они сидят молча.

(Без выражения, негромко). Посмотри-ка, как легли в ложбинах и расщелинах эти тени. Словно воины, подкрававшиеся к неприятельскому лагерю и готовые к нападению...
(Смолкает).

Жена: Я ничего не вижу, господин.

Иов: А ты посмотри, посмотри... Конечно, я знаю, что это всего только лунные отблески, которые вспыхивают в изломах камней и ничего больше. Но отчего же они так похожи на отсветы, пробегающие по лезвию боевых топоров и мерцающие на копьях в час заката?.. Кажется, вот-вот протру-

бят рога, и сотни стрел поднимутся в небо, наполнив воздух шелестом и свистом. Вспыхнут факелы, и отряд за отрядом двинется по склонам, пугая противника звоном и криками. Мне даже кажется, что если присмотреться, то можно увидеть, как на вершинах холмов пляшут в лунном сиянии духи, почуявшие близость крови. (*С холодной усмешкой*). Богатый пир ожидает их нынче ночью!

Жена (*прижимаясь к Иову*): Я вижу там только одну пустыню, господин. Конечно, она пугает меня, хоть я сама не знаю, чем. Кажется, если пойти в ту сторону, то так и будешь идти и идти, пока не забудешь, где твой дом и как твоё имя. А что может быть хуже, чем человек без имени? (*Понизив голос*). Знаешь, говорят, что там, среди камней встречаются демоны, которые крадут у путников их имена, и тогда те становятся беспомощны, как малые дети, и демоны делают с ними всё, что захотят.

Иов (*глухо*): Можешь мне поверить, – на свете встречаются вору и похуже.

Жена: Похуже, господин?

Иов: Вору, которые крадут у человека его самого.

Жена (*заглядывая в лицо Иова, помедлив, негромко*): Ты что-то скрываешь от меня. Да?

Иов (*усмехаясь*): Что же я могу скрывать от тебя, госпожа? Может быть, мою седину или мои морщины? Или эту латаную одежду, над которой смеются соседские дети? (*Обнимает жену, которая кладёт ему голову на плечо*). Разве

не на двоих поделены все наши богатства? Ты знаешь их наперечёт, не хуже меня.

Жена: Твой голос, господин. Мне кажется, я слышу в нём тревогу... Что это за гость приходил к тебе сегодня?

Иов (*не сразу*): Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что он заслуживает, чтобы его называли вестником. Во всяком случае, мне кажется, что он принёс мне, наконец, добрые вести.

Жена: Благодаренье Всевышнему, что Он не забывает тебя.

Иов (*ворчливо*): А почему, собственно, Он должен забыть меня, женщина?.. Или это не я всегда исполнял все, что бы Он ни требовал? Или жертвы мои были худы и не от всего сердца? А может быть, я согрешил перед Ним каким-нибудь делом, словом или помышлением? (*С горечью*). Так отчего бы Ему не помнить об Иове, которого еще недавно все соседи называли весами правды и мерилom справедливости? (*Смолкает, отвернувшись*).

Жена (*прижимаясь щекой к его плечу*): Ах, Иов... (*Негромко*). Когда ты сердисься, то становишься похож на песчаного кота, в пору, когда ему пришло время искать себе подругу. (*Помедлив, осторожно*). О каких вестях ты говорил, господин?

Иов: О таких, о которых услышишь, пожалуй, не каждый день... (*Поднявшись с камня, медленно делает несколько шагов по сцене, не отрывая взгляда от пустыни*).

Короткая пауза.

(Остановившись, лицом к пустыне). Представь себе: тайный гонитель мой вдруг открыл лицо своё. Уже не прячется он, нанося мне из мрака увечья, но нападает открыто, при свете, говоря: вот он я! Будто спрашивает: хватит ли у тебя мужества, Иов, ответить мне тем же? Не струсил ли, видя гнев мой и слыша стук моей колесницы?.. *(Почти с вызовом)*. Что, разве это не хорошие вести?

Жена *(тихо)*: О ком ты говоришь, господин?

Короткая пауза.

Иов *(возвращаясь к камню и останавливаясь возле сидящей жены, почти насмешливо)*: А разве ты сама не знаешь о Ком?

Жена медленно поднимается с камня, глядя на Иова. Короткая пауза.

(Негромко и спокойно). Или другое имя ты повторяла, когда хоронила своих детей? И не о Нём ли думала, выпрашивая у соседей горсть ячменной муки?.. Или ты не знаешь, кому ещё было под силу свалить Иова, чтобы он упал с высоты своей и разбился, словно глиняный горшок?.. *(Горько)*. На тысячу осколков разлетелся я, и где тот мастер, который

возьмётся склеить меня?

Короткая пауза.

Жена (*пытаясь взять Иова за руку, тихо*): Пойдём до- мой, господин.

Иов (*вырывая руку и отходя в сторону*): Вспомни, разве было, чтобы я утомлял Его слух жалобами или досаждал Ему воплями? Надоедал просьбами? Голосил и клянчил? Только об одном я просил. О самой малости. И что же? (*Показывает туда, где недавно стоял Ангел Смерти*). Вон, взгляни, – сам Ангел Смерти стоит у порога моего, не в силах протянуть ко мне руку, потому что Крепкий запретил ему касаться меня! Видно, по сердцу пришлись ему мучения Иова, так что Он решил длить их вечно!

Жена (*оглянувшись, испуганно*): Здесь никого нет, господин.

Какое-то время Иов смотрит на жену, затем, махнув рукой, вновь садиться на камень. Подойдя к сидящему, Жена становится позади него и кладет ему руки на плечи. Пауза.

(*Устало*). Знаешь, на кого я похож сегодня?.. На воина, которому пришло время отправляться в поход. Или на купца, который собирается в дальний путь и не уверен, что вернётся назад. Как и они, я надеюсь отдалить минуту рас-

ставания, а когда оказывается, что она уже близка, всё ещё медлю, прячась в твоих объятиях. (*Без выражения, негромко*). Страшно доверить свою жизнь утлому суденышку, но еще страшнее выступить навстречу неизвестности. Пойти, не оглядываясь, неведомо куда, позабыв все привычные доводы и наставления... (*Помедлив*). И всё же, что бы там ни говорили, на человеческом языке это всегда будет называться «трусостью». (*Пытаясь повернуть к жене голову, сердито*). Вот и скажи мне, если знаешь, сколько же ещё идти мне на поводу у трусости моей и быть на побегушках у страха моего? Или я, по-твоему, до конца дней моих обречен быть у них в услужении?

Жена (*глядя голову и лицо Иова*): Ах, Иов... Иов.

Короткая пауза.

Иов (*поймав руки жены и не давая ей гладить себя*): Завтра же позову Гонителя моего на суд мой... Пусть придёт, направляющий ветер и ставящий преграду морю. Пусть ответит, чем прогневал его Иов? Чем не угодил? В чём провинился? Вот тогда и узнаем, кто пьёт правду, а кто разбавляет вино ложью!

Жена (*выскользнув из-за спины и встав рядом с Иовом, поспешно*): Пойдём домой, господин мой... Ну, пойдём же, пойдём... Посмотри – уже и Луна поднялась над горами, и звезды давно уже торопят ночь. (*Пытаясь поднять Иова с*

камня, тихо). Ты ведь сам знаешь, – не случилось никогда такого, чтобы Крепкий ходил на суд к человеку. Разве было когда по-другому?

Иов (*упираясь*): Ну, еще бы!.. Вот и страх мой твердит мне о том же. Все уши прожужжал. (*Упираясь*). Опомнись, Иов! Разве Он человек, чтобы с тобой судиться? Ни отец, ни дед твой, ни дед деда не слышали ни о чём подобном... (*Упираясь, медленно поднимается на ноги, но потеряв равновесие, валится на землю*).

Жена, с коротким криком, падает рядом с ним.

(*Кричит с земли*). Да только вот, что я тебе скажу на это!.. Легче лёгкого повторять вслед за всеми: не случилось такого, чтобы Крепкий приходил на зов человека и стучал в его двери!.. А такое чтобы на невинного набрасывали ловчую сеть? Чтобы у чистого отнимали жизнь – разве такое случилось?

Жена (*сядась на землю, негромко*): Ах, Иов... А разве нет?

Иов молчит, распростертый на земле.

Разве не на каждом шагу, господин мой?

Иов (*медленно садясь, негромко*): А хоть бы и так...

Короткая пауза. Иов стряхивает с одежды налипший пе-

сок.

(Негромко). Хоть бы и на каждом шагу, госпожа моя... Потому что всякий раз, когда это случается, разве не случается это словно впервые? Так, будто земля расступилась у тебя под ногами? Будто обрушился небосвод, и звезды посыпались на землю, как угли с жаровни? Словно из ноздрей твоих вынули дыхание?.. Вот уж когда смолкает человеческая мудрость, словно она проглотила язык, да и память уже ничего не может подсказать тебе. Один на всей земле остаётся тогда человек, и нет никого, кто бы мог дать ему совет и научить, что делать. *(С вызовом)*. А теперь скажи мне, если знаешь, – кто же теперь осмелится загородить язык его?.. Может Он?

Пауза.

Жена *(издалека)*: Иов...

Иов молчит.

(Негромко, тоскуя). Страшное дело ты затеял, господин мой... Не оставит Крепкий обиду без ответа. Везде наступит гнев его.

Иов *(медленно поднимаясь на ноги)*: Верно... Не прощает Всемилостивый обид. Везде отыщет. И под землей, и на небесах...

Короткая пауза.

(*Негромко, в пустоту*). И все-таки не всюду достанет гнев Его. И огонь Его опалит не всюду. Потому что есть на земле место, где невинный может укрыться, и где чистый не знает страха... Где сердце обретает покой и твёрдость соседствует с правдой. Где даже Крепкому не достать праведного, потому что далеко он от Него!..

Жена (*пронзительно*): Иов! (*Опустившись на землю, обнимает ноги Иова*).

Иов (*опускаясь на камень*): Слабый получает там силы, а жаждающий утоляет жажду, потому что нет там ни «вчера», ни «завтра» и ложь молчит там, прикусив язык и сжав зубы... Посмотри-ка, как легко Он разрушил дом мой и засыпал песком мой очаг!.. (*Твердо*). Вот только в одном Он просчитался, потому что я построил другой дом, а уж его-то Ему не одолеть!.. На страданиях моих я возвёл его, и отчаяньем моим укрепил. Боль моя – фундамент его. Из стонов моих сложены стены его, и вопли мои – стропила его. Горит огонь в его очаге – огонь гнева моего, не угасят его даже воды потопа. Двери его – мои ночные страхи, а вздохи – окна его. Беды мои покрыли его вместо крыши. Огорожен он ужасом моим и ночные кошмары мои охраняют его. Слезы мои оштукатурили его, и бессонница моя побелила его стены и снаружи, и внутри. Кому под силу разрушить его? Ворваться в него,

защищённого со всех сторон?.. Ах, как же он защищён, дом мой, как прочен! Горы сотрутся в пыль, а он так и будет стоять, насмехаясь над временем!.. Скажи-ка: видели ли когда дом богаче этого? Крепче, этого? Уж не создал ли я его подобно тому, как Всемогущий сотворил мир?

Жена: Господин...

Иов (*негромко*): А теперь скажи мне: если дом построен, не приходит ли время новоселья?.. Не накрывают ли во дворе столы, не приносят ли благодарственную жертву? Не трубят ли в рога, созывая соседей?..

Жена (*тихо*): Да, господин мой...

Иов: Тогда приготовь мне завтра чистую одежду, чтобы я смог встретить своё новоселье... Только одного гостя позову я... Господи, скажу я, Господи! (*С горечью*). Посмотри! Это ведь и Твой праздник! Расскажи же, как помогал строить Иову его дом! Как вёл меня от одной беды к другой, как будил меня ночными кошмарами и теснил ужасами!.. Видишь, вот он готов – дом мой, моё убежище, моя крепость, где «сегодня» не знает ни «вчера», ни «завтра»... Видел ли Ты дом лучше этого? Прочнее этого?.. Э, Господи... (*Махнув рукой, в изнеможении опускает голову*).

Жена (*обнимая его ноги*): Хоть бы обо мне ты вспомнил, господин мой! И без того немного осталось нам дней, чтобы покоить друг друга. Быстро пролетят они.

Иов (*наклонившись и взяв жену за плечи*): Иди сюда. Иди сюда. Иди сюда... (*Пытается поднять ее, но, не сумев это-*

го, без сил опускается рядом).

Долгая пауза. Какое-то время Иов и его Жена сидят молча, почти обнявшись; голова Жены покоится на плече Иова.

Жена *(негромко)*: Пойдём домой, господин мой... Я уложу тебя, и согрею тебя, и сон успокоит тебя. Я буду охранять твой покой и поправлять твои подушки, и отгонять плохие сновидения от твоего изголовья... Конечно, это совсем немного, но ведь в целом свете никто не сумеет сделать это лучше меня... *(Помогая Иову подняться)*. Пойдём, пойдём, господин мой...

Иов поднимается с земли.

(Уводя Иова). Пойдем. Пойдем...

Иов дает увести себя, и они медленно уходят под звуки всё той же тихой мелодии, которую вдруг вновь донёс из пустыни ветер.

Сцена тонет во мраке.

Картина третья

Она начинается сразу, как только заканчивается предыдущее действие. Мелодия, которая сопровождала уход Иова, еще какое-то время звучит над опустевшей сценой, но вот она внезапно обрывается. Левую часть сцены озаряет голубое сияние и, словно в облачении его, из мрака выступает фигура Ищущего. Он ликует.

Ищущий (громким и торжествующим шепотом): Ты слышал? Слышал?.. Он попался!.. Попался!.. Слышишь? Попался!

За его спиной возникает фигура Узы. Ищущий подбегает к провалу в стене и, заглянув во двор, какое-то время прислушивается, надеясь услышать, что происходит в доме. Короткая пауза.

(Возвращаясь к Узе, ликуя). Целый год, день за днем, месяц за месяцем, я гнул его к земле, нанося удар за ударом, но каждый раз он вновь выпрямлялся, словно молодой побег виноградника. И вот сегодня он, наконец, угодил в ловушку, которую я не ставил, и запутался в сетях, которые я не раскидывал! *(Тревожно).* Или меня подвёл слух? *(Узе).* Ты

слышал, как он позвал Всемогущего на суд?.. Да отвечай же! словно приятеля, который в пьяной драке нанёс ущерб его бороде и одежде!.. Я не ослышался?

Уза: Кажется, он собирался сделать это завтра.

Ищущий (*снисходительно*): Можешь не сомневаться. Кто собрался судиться с Крепким, тот уже осудил Его в своём сердце, пусть даже ни одного слово осуждения еще не слетело с его поганого языка... Ты ведь не забыл, что человек – это всего лишь его жалкое сердце? (*Отходит, ликуя*). Ай, да Иов!.. Ай, да праведник!..

Уза: Похоже, его дела плохи.

Ищущий: Хуже не бывает. (*Глумливо*). Или ты думаешь, что если праведник противится наказанию и бежит от невзгод, словно трусливый заяц, то Небеса погладят его по головке?.. Как бы не так, Уза, как бы не так... Да кто он такой, чтобы требовать у Творца отчёта? Прах. Грязь. Ничто. И за меньший грех наказывает Всемогущий... Ах, как он надоел мне своим упрямством и своей жалкой гордостью!.. Быстрее молнии помчусь я нынче же к престолу Крепкого... Помнишь, сколько я ждал этого часа?

Небольшая пауза, в продолжение которой Ищущий, ликуя, проходит по сцене и, наконец, вновь останавливается возле Узы.

(*Дружески*). Ну?.. А что бы ты попросил у Творца, если бы

Он вдруг захотел тебя наградить? (*Смеется*). Надеюсь, это было бы ни какое-нибудь нескромное желание, от которого покраснело бы даже подножье Его трона? (*Смеется*).

Уза смущён. Короткая пауза.

Ну?.. Что же ты молчишь?

Уза: Боюсь, вам это не понравится, повелитель.

Ищущий: Скажите, пожалуйста!.. Не понравится... А ты сделай так, чтобы понравилось! Соври. Выдумай что-нибудь... (*Сердито*). Ну, какое же ты все-таки несообразительное животное... (*Капризно*). Говори немедленно, я хочу знать!

Уза (*тихо*): Наверное, я попросил бы Его о покое, повелитель.

Ищущий: О покое? (*Несколько озадачен*). Я не ослышался? Ты сказал – о покое?.. Да, ты просто сошел с ума, негодяй. (*Внимательно смотрит на Узу*).

Короткая пауза. Уза подавлен.

Что, разве сам я пекусь о чём-нибудь другом?

Уза молчит.

Ну, отвечай же, отвечай! Разве я пекусь не о покое?

Уза молчит.

(Сердито). Ну, что ты опять молчишь, словно проглотил свой ядовитый язык?.. Или ты думаешь, что я ищу трудности ради них самих? Разве не мечтаю я сам о часе, когда покой придёт, наконец, в мир, как заслуженная и желанная награда? Разве не тороплю я его всеми возможными способами? Не ношусь сломя голову из одного конца Вселенной в другой, в надежде, что мой голос рано или поздно будет услышан?.. *(С горечью).* Ах, Уза, Уза...

Уза *(едва слышно)*: Простите, повелитель.

Ищущий *(передразнивая)*: Простите, повелитель... *(Помолчав, с горечью)*. Ты огорчил меня, Уза. И огорчил сильно, очень, очень сильно.

Уза подавлен.

А хочешь, я скажу тебе, почему?

На лице Узы страдания. Ищущий медленно идет по сцене. Его лицо задумчиво и, пожалуй, даже значительно.

Да, потому что тот покой, о котором ты мечтаешь, похож, скорее, на снег, который выпадает иногда в месяце Тевет на холмах Иерусалима, забавляя зевак и радуя чернь. Выглянет

солнце, и его как не бывало. Ты даже не успеваешь сжать его в руке, как он уже течёт сквозь пальцы. Что в нём проку? Не убережет он ни от тревог, ни от печалей. А вот, что я тебе скажу о том покое, который ищущи я, Уза. Он похож на снега, лежащие на Хермоне – никакое солнце не страшно им, вечно лежат они, и вечно будут лежать в безмолвии, пока существует по милости Творца этот мир. *(Снисходительно)*. Ты ведь знаешь, как зовётся этот покой? Он зовётся Истиной. Только в ней одной он сладок и заслужен. Вот его-то я и ищущи. Не думая о себе, не заботясь о том, что скажут обо мне другие, – неужели же ради собственного удовольствия тороплю я время и стучу в закрытые двери? Не ради ли этого покоя, принимаю я унижения и смиряюсь с лишениями? *(С неожиданным беспокойством)*. Постой, ты записываешь?

Уза: Сию минуту, повелитель. *(Поспешино достав тетрадь, готовится записывать)*.

Ищущий: Не пропускай ничего. *(На мгновение задумывается, затем продолжает, всё более вдохновляясь)*. Как ты думаешь, что я скажу Всемилостивому, когда Он примет меня? Когда склонит Своё ухо, чтобы выслушать мою правду? Не скажу ли я: Владыка! Создавая этот мир, не о покое ли Ты помышлял? И разве не Истиной он зовётся, этот покой? Не она ли направляла Твои руки, когда Ты подвешивал звёзды и исчислял их движение? Не она ли определяла меру движения вод и проложила путь для грозowych туч? Утверждала основания Земли и сдерживала бег моря? Вспомни,

как ликовали сыны Божии, видя впервые величие восходящего солнца, как трепетали они, слыша громовые раскаты! Разве не прославили они слуг твоих – меру, число и порядок? Не превознесли ли они Истину, облачённую в одеяния мудрости и царствующую вместе с Тобой в Царстве вечного Покоя?.. (*Недоумевая*). Что же случилось, Всемогущий? Посмотри на творение Твоё по имени «человек». Как ржа точит железо, так и он подтачивает основания Твоего порядка, не желая следовать Твоим установлениям. (*Всё больше распалаясь гневом*). Вот он расселился и наполнил всю землю – не найти места, где бы не звучали его пустые речи. Возводит стены и вздымает к небу башни. Рубит леса и прокладывает дороги. Каналами иссёк лицо земли. Горька вода там, где стоят города его, и мудрый зверь обходит их стороной. Шумом наполнил он землю и дым от его мастерских и плавильен поднимается к небу, закрывая солнце. «Важными делами занят я», – говорит он, похваляясь. Но взгляни – где сердце его, Всемогущий? Оно там, где его богатство, – сапфиры и оникс, яшма и серебро, многоцветные ткани, благовония, рабы и кони, – всё, что он любит, о чём все его помышления и заботы... Ну, разве это не смешно? Он множит стада и расширяет свои дома, позабыв, как немного дней отпущено ему на земле. Уйдёт он – кто вспомнит о нём? Уж, наверное, не те, которые придут ему на смену, и чьи глаза будут также гореть, когда они станут считать свои богатства... Но не знают они покоя и тогда, когда без меры наполняются сокровищ-

ницы их! Погляди, как терзает человека страх, как тревога не уходит из дома его, как гнев ведёт его на поводу и ярость гонит его в обход путей Твоих! Замышляет он и против чужого, и против своего, против правого и против виноватого, ведя счёт дней от преступления к преступлению. Меч – опора его, и стрелы – советчики его. Боевые колесницы его всегда наготове. Мянутся народы и падают царства, и никто не уверен в завтрашнем дне. (*Желчно*). Но при всём при том – посмотри, какое самомнение! Как преисполнен он гордости! Как кичится своим разумом! Далеко, ох, как далеко, посылает он мысли свои, – до подножья Твоего трона долетают они, опускаются до дна бездны! Обо всё на свет судит он без страха, не замечая как шатки его основания, и как беспочвенны его выводы. Однако себя считает он лучшим из всех творений, у самого себя спрашивает он совета, и сам же себя наставляет! (*Почти страстно*). Копни поглубже любого из них и увидишь, что душа его изъедена неправдой, потому что лишь о себе его помыслы, лишь собой он занят, потакая своим заблуждениям и страстям! (*Кричит так неожиданно, что Уза отшатывается*). До каких же пор ты будешь терпеть это, Всемогущий! Взгляни – уже не живёт покой под небесами, и мудрость не наполняет землю! Вот уже и солнце устало вставать над нечестивцами и звёзды колеблются и уклоняются от путей своих, пророчествуя о близости часа, когда восстанет на человека все Твоё творение. Тогда море выйдет из берегов, и горы сдвинутся с места, чтобы разда-

вить его, и земля расступится под его ногами, чтобы изгладилась сама память о нём!.. Отчего же ты медлишь, Всемогущий? Отчего не пройдёшь по земле, уничтожая разъедающую её ржу? (*Шёпотом, страстно*). Почему оставил Ты творение своё? (*На мгновенье замирает, подняв руки и глядя в небо. И сразу же откуда-то доносится и стихает короткий смех*). Кто тут? (*Оглядываясь*). Кто? Кто? Кто?.. (*Узе*). Ты слышал?

Смех повторяется. Теперь он звучит где-то совсем рядом. Уза прячет тетрадь и озирается по сторонам, готовый к отпору.

В озарившем правый угол сцены красном сиянии, появляется фигура Архистратига Михаила. Рядом с ним – Ангел – секретарь. Небольшая пауза.

(Несколько обескуражен, хмуро). А, это ты... Подслушивать нехорошо, начальник воинств.

Михаил (*проходя и осматриваясь*): В этом нет надобности. Потому что всё, что ты можешь сказать, давно и хорошо известно. (*Останавливаясь возле камня, на котором сидел Иов*). К тому же ты так громко кричал, что тебя, наверное, было слышно даже в преисподней. (*Любезно*). Я бы настоятельно рекомендовал тебе все же быть в следующий раз намного сдержаннее.

Ищущий (*криво улыбаясь*): От полноты сердца глаголят

уста, начальник. (*Остановившись по другую сторону камня*).
Надеюсь, ты здесь не для того, чтобы обучать меня хорошим манерам?

Михаил: Это было бы пустой тратой времени. (*Кивая на дом Иова*). Его дом?

Ищущий: Он самый...

Михаил бесстрастно разглядывает дом. Пауза.

А ведь я как чувствовал, что ты примчишься сразу, как только узнаешь о моей победе! (*Вкрадчиво*). Сделай такое одолжение, архистратиг. Соблаговоли поскорее доложить обо мне Всевышнему... Сам видишь – пьеса сыграна!

Михаил (*продолжая смотреть на дом, негромко*): Если хочешь знать мое мнение, то мне почему-то кажется, что она еще только начинается.

Ищущий: Да, что ты, архистратиг!.. Похоже, у тебя сегодня хорошее настроение? (*Смеется*). Позвать Всемогущего на суд, потребовать у Него отчёта, – какое там начинается! Говорю тебе – сыграна! (*Потирая руки*). Иов повержен, и занавес вот-вот должен опуститься. (*Посмеиваясь*). Мне даже кажется, что я уже слышу его шелест... (*Задрав голову, смотрит вверх, словно, в самом деле, ожидая, что оттуда вот-вот появится падающий занавес*). Ничего не слышишь?

Михаил: Не хотелось бы тебя огорчать, господин реформатор, но что касается меня, то я слышу шум занавеса, ко-

торый только что подняли. (*Доставая карточную колоду*). Впрочем, думай, как хочешь... Не желаешь?

Ищущий: Карты? (*Укоризненно*). Помилуй, архистратиг....

Михаил: Как знаешь. (*Тасует колоду, затем убирает её*). Так ты говоришь: позвал на суд? Потребовал отчёта?

Ищущий: В точности всё так, как я предвидел. Стоило беде постучаться в его дверь, как он и думать забыл о своём Благодетеле. (*Снисходительно*). Впрочем, так поступил бы на его месте любой из этих двуногих. Что еще можно ждать от служащих за награду?

Михаил: Будь справедлив хотя бы немного. Ты преследовал его целый год.

Ищущий: Да хоть бы и всю жизнь, архистратиг!.. Неужели же ты думаешь, что твёрдость праведника измеряется неделями? А стойкость добродетели – днями? Что ты, начальник!.. Не поколеблется праведник в праведности своей и добродетельный не уступит своей добродетели, пусть даже сам Всевышний потребует, чтобы они отступились! (*Желчно*). Жаль, очень жаль, не часто доводилось мне встретить такую твёрдость среди людей.

Во время этой реплики Михаил делает знак Ангелу и тот сразу же подвигает к нему возникшее из мрака кресло. То же самое немедленно делает и Ищущий. Уза ставит позади него кресло, и он садится почти одновременно с Михаилом.

Короткая пауза.

Михаил (*задумчиво*): Так ты полагаешь, что Всевышний над добродетелью не властен?.. Любопытно.

Ищущий (*уклончиво*): А как же ты прикажешь властвовать над добродетелью Тому, Кто Сам – добродетель, начальник? Тут надо быть очень осторожным, чтобы не попасть впросак.

Михаил (*вновь доставая карточную колоду*): А тот, кто служит за награду, по-твоему, далёк от праведности? Я ведь правильно тебя понял?

Ищущий: Невозможно одновременно поклоняться и тому, и другому, архистратиг. Спроси, кого хочешь... (*Не оборачиваясь, щелкает в воздухе пальцами*). Эй, ты где?..

Уза немедленно появляется за его спиной.

(*Не оборачиваясь, Узе, мягко*). Не напомнишь ли нам, дружок, – какая награда полагается добродетельному за его добродетель?.. Помнишь?

Уза (*заметно волнуясь*): Как сказано в одной располагающей к доверию книге, повелитель, наградой за добродетель, стало быть, всегда была, есть и будет сама она.

Ищущий (*разведя руками*): Что и требовалось доказать! (*С торжеством смотрит на Михаила*).

Михаил (*тасуя колоду, негромко*): Однако и любопытные

книги вы читаете, господа... А может, всё-таки сыграем?

Ищущий: Ах, архистратиг!.. Ну, разве что для интереса. (*Поспешно*). Но только каждый своими... Было бы крайне неосмотрительно брать в руки чужие карты. (*Делает знак и немедленно Уза вкладывает в его поднятую руку колоду карт*).

Михаил: Согласен. Пусть каждый играет своими.

Пауза. Игроки заняты своими картами.

(*Раскладывая карты, задумчиво, почти про себя*). Интересно все-таки было бы узнать, не говорится ли что-нибудь в вашей книге о том, что и порок, по примеру добродетели, не должен требовать для себя наказания, будучи, так сказать, сам себе наказанием? (*Посмеиваясь, тасует карты*).

Ищущий (*тасуя карты, вполголоса передразнивая Михаила*): Хо-хо-хо...

Михаил: Ведь тогда отпала бы и нужда в Творце, и всё на свете просто шло бы и шло своим естественным чередом, ни о чем особенно не заботясь. Добродетель бы себя награждала, порок бы наказывал, – да, ведь, пожалуй, тогда и в голову бы никому не пришло отличать одно от другого!.. (*Бросая первую карту на камень*). Боюсь, эта карта тебе не понравится. Она называется «Человек».

Ищущий (*посмеиваясь*): Какая же у тебя слабая карта, архистратиг! Она так же слаба, как и твоя скучная ирония...

Смотри, я бью её первой попавшейся под руку. (*Швыряет на камень карту*). Этот порок носит имя «Жадность». Он сожрёт твоего «Человека» изнутри и не оставит от него ничего... Впрочем, нет! погоди! Пожалуй, я побью его так, что тебе не захочется даже вспоминать о нём! (*Швыряет одну за другой карты*). Вот «Лень». Вот «Гнев». Вот «Ложь». Вот «Лицемерие». «Кровожадность». «Предательство». «Жестокость». «Похоть»... Что скажешь? Твоя карта бита, архистратиг.

Михаил: Не торопись. (*Одну за другой кладёт на камень четыре карты*). «Мужество». «Смирение». «Надежда». «Вера».

Ищущий: Джентльменский набор святого!.. В таком случае, позволю себе подбросить тебе вот это. (*Швыряет карты*). «Глупость»! «Гордость»! «Себялюбие»! «Тщеславие»!.. Он мёртв, архистратиг!

Михаил: Вернее, мог бы быть мертвым, если бы не это. (*Не спеша кладёт на камень карту*). «Милосердие Божие». Сожалею, но против этой карты тебе не устоять.

Ищущий (*ворчливо, роясь в колоде*): С какой это стати Крепкому быть милосердным к какому-то прямоходящему млекопитающему?.. Впрочем, изволь. Вот «Сомнение». А вот «Вина». А вот и «Отчаянье»... Это те самые камни, изпод которых ему не выбраться.

Михаил не спеша кладёт на камень карту.

(*Изумлен*). Как! Ещё одно «Милосердие»? Да ты просто жулик, архистратиг! Откуда взяться ещё одному?

Михаил: Оно безгранично, Правдолюбец. Я же сказал, против этой карты тебе не устоять.

Ищущий: Правильнее было бы сказать: «против этих карт». Я подозреваю, что у тебя набиты ими все карманы! (*Швыряет на камень карту*). А что ты скажешь об этом?.. «Смерть»? За эту границу не шагнёт даже Его милосердие!

Михаил молча кладёт на камень карту.

(*Искренне изумлён*). Ещё одно?.. Как прикажешь это понимать?

Михаил: Тут нет никаких загадок. Пока Всемогущий в своём милосердии помнит о человеке – тот жив и смерть не имеет над ним ни власти, ни прав.

Ищущий (*бросая карты на камень*): Ну, знаешь!.. Извини, но я так не играю! (*Некоторое время сидит, отвернувшись, затем вновь поворачивается к Михаилу*). В конце концов, надо же соблюдать хоть какую-то дистанцию, архистратиг! Кто настолько глуп, чтобы спутать ту вечную пьесу, которую играют на небесных подмостках, с тем безвкусным водевилем, который разыгрывает на земле человек?.. Ну, подумай сам, архистратиг!

Михаил: Боюсь, что разница между Небом и Землей все

же не так велика, как это тебе кажется. (*Поднимается с кресла*).

Ангел-секретарь немедленно подхватывает кресло и убирает его.

Разве тебе самому это не приходило в голову, когда ты гнал и преследовал Иова?

Ищущий (удивлен): Мне? (*Продолжая сидеть*): Побойся Бога, архистратиг!.. Да, что же еще здесь можно было найти, кроме уязвленной гордости и застарелой обиды?.. Слава Всевышнему, что всё это уже в прошлом.

Михаил (*любезно*): Я бы на твоём месте не торопился. Вечность любит сюрпризы.

Ищущий: Но ведь не до такой же степени, архистратиг!.. (*Поднимаясь с кресла, дружелюбно*). Знаешь, все эти пьесы так похожи друг на друга, как будто их писал один провинциальный автор! Надо обладать большой фантазией, чтобы думать, что они могут заинтересовать Вечность.

Уза торопливо подхватывает и убирает кресло.

Доложишь обо мне?

Михаил (*с вежливым полупоклоном*): Конечно. И притом немедленно. Как только для этого представится подходящий повод.

Небольшая пауза Ангел-секретарь чуть слышно хихикает. Кажется, до Ищущего начинает доходить смысл сказанного.

Ищущий (*медленно подходя к архистратигу, тихо*): Как это прикажешь понимать, начальник воинств?

Михаил: Мне кажется, что ты бы и сам мог легко догадаться... (*Удивлен*). Как? Или я ослышался? Разве добродетель не всегда должна оставаться наградой для самой себя?.. Надеюсь, что я правильно цитирую эту вашу книгу? Или там говорится не об этом?

Ищущий подавлен. Короткая пауза. Ангел-секретарь хихикает уже открыто. Короткая пауза.

(*Удивлён*). Да, что с тобой, реформатор?.. Твой противник повержен, справедливость торжествует – какую ещё ты ждёшь награду?.. Согласись, что это было бы, во всяком случае, не совсем последовательно.

Ангел-секретарь громко хихикает.

Ищущий (*Ангелу*): Сгинь!.. (*Кричит*). Сгинь! (*Михаилу, хрипло*). А как же наш договор, архистратиг?

Михаил: Ты можешь быть совершенно уверен, что его

никто не нарушал. В сердце Всемогущего нет раздражения против Иова. Он по-прежнему угоден Ему, а мне так почему то даже кажется, что еще больше, чем прежде. (*Усмехаясь*). Я ведь сказал тебе: пьеса продолжается! (*Обернувшись, смотрит в сторону дома Иова*).

Ищущий (*раздавлен*): Неужели?.. (*Какое-то время смотрит вместе с Михаилом на дом Иова, хрипло*). С каких это, интересно, пор Всемогущий перестал карать за преступления?

Михаил молчит.

Или ты еще обрадуешь меня тем, что Он собирается посетить это ничтожество, чтобы выслушать его упрёки и причитанья?.. Вот уж был бы прекрасный подарок для всех этих болтунов и лентяев, которые только и умеют, что надоедать Небесам своими жалобами и стонами!

Михаил (*не оборачиваясь*): А разве сам ты не извёл Крепкого придирками и своим вечным недовольством? Не завалил Его проектами и планами?.. Но, как видишь, Всемогущий терпелив. На мой взгляд, так даже слишком... (*Повернувшись к Ищущему*). Только, пожалуйста, не говори мне, что ты служишь Истине, потому что я слышал это уже много раз. Было бы лучше, если бы ты служил нашему Творцу. (*Усмехаясь*). Рассказывали мне, что у тебя дома стоит статуя молодой женщины, да к тому же в весьма вольном наряде, и

что статуя эта изображает Истину. (*Язвительно*). Боюсь, не идолопоклонством ли тут пахнет? Или, может, ещё кое-чем?

Ангел-секретарь смеется. Ищущий с ненавистью смотрит на него, затем вновь на Михаила. Короткая пауза.

Ищущий: А ведь это называется воровством, архистратиг... (*Бессильно смеется*). Нет, это даже хуже воровства. Это грабёж... Открытый, посреди дня, на глазах у всех!.. (*С ненавистью*). Только не делай вид, что ты не знаешь, что у меня украли, начальник парадов!.. Он украл у меня мою победу... словно мальчишка горсть орехов у зазевавшейся торговки!

Михаил (*холодно*): Боюсь, ты, как всегда, заблуждаешься, реформатор... Зачем красть Тому, Кому и так принадлежит всё? В том числе и твоя сомнительная победа. Я думаю, даже ты не станешь возражать, если я скажу, что Он волен распорядиться ею так, как это Ему заблагорассудится. (*Сделав знак Ангелу, отходит от камня*).

Ангел-секретарь следует за ним.

(*Полуобернувшись к Ищущему*). Надеюсь, у тебя найдется время, чтобы подумаешь над моими словами... (*Исчезает вместе с Ангелом*).

Пауза. Там, где только что стояли Архистратиг и Ангел меркнет красное сияние. Уза с сочувствием смотрит на оцепеневшего Ищущего, опасаясь подойти ближе.

Ищущий (*глухо, вслед исчезнувшему архистратигу*). Хам. Лизоблюд. Шулер. (*Кричит*). Шулер! (*Повернувшись к Узе, почти спокойно*). Видел? (*Смеется*). Меня обокрали. Увели из-под самого носа. Да ещё посоветовали принять это как должное... (*Медленно идёт по сцене, без выражения*). Какой сегодня выдался неаппетитный денёк...

Пауза.

(*Неожиданно обернувшись к Узе, резко*). Что?

Уза: Я молчу, хозяин.

Ищущий: И правильно делаешь, если не хочешь, чтобы я испортил тебе настроение на ближайшую тысячу лет... (*Идет по сцене, с тоской*). Ах, какой же неаппетитный, неаппетитный, неаппетитный, нелепый и отвратительный выдался сегодня день!..

Пауза.

(*Негромко*). Ну, ничего. Ничего... Никуда он не денется... Пока идёт пьеса, пока актёры стараются заслужить благосклонность зрителей, всегда есть надежда повернуть спек-

такль туда, где само действие потребует, чтобы занавес, наконец, опустился. (*Громким и страшным шепотом*). И он опустится! Уж будьте уверены! Рано или поздно! Когда этого уже никто не ждёт! И уже навсегда! (*Узе*). Ты слышал? (*Кричит*). На-все-гда!

Тьма заливают сцену.

Картина четвертая

Часть внутреннего двора перед домом Иова. Над ним – ветхий травяной навес от солнца. Сам дом смотрит на зрителя из глубины сцены. Ведущий во внутренние покои дверной проём ничем не занавешен; за ним – тревожный сумрак. Слева видна окружающая дом глинобитная стена; дальше, до самого горизонта тянется холмистая пустыня.

Возле дома – вкопанный в песок большой, треснувший сосуд для воды. Второй сосуд стоит в глубине двора. Справа возле входа – наполовину ушедшая в песок ручная мельница.

В центре двора лежит старый ковёр и несколько бесформенных подушек вокруг него – единственное напоминание о былом богатстве дома Иова.

Утро следующего дня.

Иов сидит на одной из подушек, опустив голову.

Из-за угла показывается Адаф. Его голова поворачивается из стороны в сторону, руки бьют по бёдрам. Обойдя двор, он останавливается рядом с Иовом.

Адаф (задрав голову): Кукареку! (Сильно бьёт себя руками по бокам и вертит головой).

В дверном проёме показывается Жена Иова. Останавли-

вается, слушая разговор Иова с Адафом.

(Нетерпеливо). Кукареку! Кукареку!

Иов *(поднимая голову)*: Ну, что тебе?

Адаф: Ничего такого, хозяин.

Иов: Тогда лучше помолчи.

Адаф: Думаешь, это так просто? Неужели хозяин видел где-нибудь немого петуха?

Иов *(сердито)*: Клянусь Его престолом!.. Ну, какой ты петух! Петухи не испытывают терпение людей пустой болтовней!

Адаф: Все, кроме меня, хозяин. Все кроме меня... *(С гордостью)*. Потому что только один выучился болтать на вашем языке. Конечно, это было нелегко, но я постарался, чтобы немножко быть похожим и на тебя, и на твою хозяйку... Ведь всегда стараешься походить на того, кого любишь. Верно, хозяин?

Иов *(смягчаясь)*: Да, Адаф. Верно.

Адаф *(приободрившись)*: И ведь я совсем неплохо служу тебе! А мог бы служить ещё лучше, если бы мои курочки и цыплята были со мною рядом... Эх, кабы злой ветер не разметал их по пустыне!.. *(Подходя к Иову, негромко)*. Хозяин!.. Когда мы пойдём искать их?

Иов: Скоро, Адаф.

Адаф: Вот уж представляю, как они обрадуются, когда мы их отыщем!

Иов молчит.

(Тревожно). Мне часто кажется, что они где-то совсем близко... Как ты думаешь, слышат они, когда я пою?

Иов: Кто знает, Адаф.

Адаф *(всхлипнув)*: Цыплятки-то, наверное, уже подросли...

Жена *(подходя и беря Адафа за руку)*: Иди-ка, поешь. Я приготовила немного риса.

Адаф: Спасибо, хозяйка... Лучше я пойду, да поклюю зёрнышки за домом. *(Уходя, Иову)*. И не говори мне больше, что я не похож на петуха, хозяин. Как же меня тогда узнают мои курочки и цыплятки? *(Уходит)*.

Короткая пауза.

Жена *(проводив взглядом Адафа и продолжая стоять возле Иова)*: Как тебе спалось, господин?

Иов *(глядя в сторону)*: Ночь была тёплой.

Жена, улыбаясь, молча смотрит на Иова. Короткая пауза.

(Взглянув на жену). Я сказал что-то смешное?

Жена: Когда я вчера спросила тебя, как ты провёл ночь,

ты ответил мне, что если рассказать кому-нибудь о твоих сновидениях, то он будет благодарить Творца, что не родился Иовом... Мне кажется, тебе сегодня лучше, господин.

Иов: А тебе? (*Внимательно смотрит на жену*).

Жена: Мне, господин?

Иов: Ты ведь кого-то ждёшь?

Жена (*поспешно*): Нет, господин. Ну, может быть, только соседку. Но она обещала зайти ближе к вечеру... Значит, тебе не снилось сегодня ничего?

Иов: Ничего?.. (*Помолчав, негромко*). А что бы ты сказала, если бы узнала, что мне, и в самом деле, не снилось сегодня ночью ничего, кроме самого этого «ничего»?.. Решила бы, наверное, что мой разум похитили демоны?

Жена (*неуверенно*): Ничего, господин?

Иов (*насмешливо*): О, да еще какое... Клянусь его подножьем, оно было хуже любого кошмара. (*Смолкает, вдруг на мгновение спрятав лицо в ладонях*).

На лице Жены появляется тревога. Короткая пауза.

(*Негромко*). Представь, – оно пришло и встало передо мной, наполнив и небо, и землю, так, словно сосуд мира вдруг до краев наполнился песком. Просто стояло и смотрело, хотя у него не было ни глаз, ни лица, – словом, ничего... Но хуже всего было то, что сам я тоже был всего лишь ничем, – даже не маленькой песчинкой, ни жалким жучком,

а совсем ничем, на которое смотрела эта великая и страшная Пустота... *(Издалека)*. Ты только представь себе, как мы смотрели друг на друга...

Жена: Тебе надо отдохнуть, господин.

Иов *(усмехаясь)*: Ну, это ты скажи не мне. Не мне...

Во дворе появляется Элифаз. При его появлении Жена Иова быстро кланяется и отходит к двери дома.

Элифаз: А-а!.. Мир дому твоему, Иов! Мир тебе, старый друг!

Иов: Смотрите-ка, кого нам посылает небо... Мир тебе, Элифаз... Давненько не слышали мы твоего голоса.

Элифаз *(подходя)*: А как бы ты мог его слышать, если он раздавался то в Дамаске, то в Емафе, а то ещё в добром десятке мест, куда занесла меня торговля! *(Садится на одну из подушек, которую показывает ему Иов, бодро)*. Ну, как ты поживаешь, Иов?

Иов *(передразнивая)*: А как ты поживаешь, Элифаз?

Элифаз *(удивлённо)*: Кто, я?.. *(Оглянувшись на стоящую у дома жену Иова)*. Мне кажется, я поживаю прекрасно.

Иов: Я почему-то так и подумал. Но ведь ты притащился в такую даль не для того, чтобы рассказать мне об этом? Ведь не для того, Элифаз?

Элифаз *(смущенно посмеиваясь)*: Ну, конечно, нет, дорогой мой. *(Стараясь скрыть замешательство)*. Я пору-

чил последить за моим верблюдом твоему полоумному слуге. Ему можно доверять?

Иов: Не беспокойся. Он справится.

Элифаз: Это необыкновенный верблюд, Иов. Когда он хочет есть, то говорит «мама». А когда хочет пить, говорит «вода». На то серебро, которое я за него отдал, можно было бы купить трёх прекрасных верблюдов!

Иов: А что он говорит, когда хочет скрыть своё смущение?

Элифаз: Что ты имеешь в виду, Иов?

Иов: Скажи-ка, Элифаз, ведь за тобой посылали?

Элифаз (*смущен, укоризненно*): Иов! (*Чуть повернув голову, смотрит на жену Иова, которая делает ему знак молчать*).

Иов: Ну, конечно посылали.

Элифаз (*помедлив*): Что ж, тень под солнцем не спрячешь, Иов. Действительно, твоя жена прислала сказать мне, что ты не совсем здоров. Вот поэтому я сегодня здесь.

Иов: Не совсем здоров, в смысле – помешался?..

Элифаз растеряно молчит. Короткая пауза.

(*Посмеиваясь*). Ах, Элифаз, Элифаз!.. Ты, случайно, не забыл, что женщинам свойственно преувеличивать?

Элифаз: Она была очень настойчива, Иов, и к тому же я не мог отказать ей, помня о нашей старой дружбе. (*Повер-*

нувшись к жене Иова, раздраженно). Ну, я же говорил тебе, что не сумею ничего скрыть!

Жена: Я только хотела, как лучше, господин.

Иов: И поэтому ты послала за Элифазом. Ну, конечно. Ведь лучшего лекаря, не сыскать. *(Насмешливо)*. Правда, мне кажется, что это будет не совсем справедливо по отношению к Цофару и Бильдаду. Они-то ведь лекари ничуть не хуже... *(Насмешливо глядя на Элифаза)*. Что ты скажешь об этом, Элифаз?

Элифаз *(хмуро)*: Сказать по правде, Иов, они уже едут сюда.

Иов: Уже едут?.. Да, за тобой не угонишься, Элифаз!.. Ах, как же ты правильно рассудил, друг мой. Ведь, если не справится один лекарь, то уж трое обязательно найдут причину недуга!.. Открой мне только, от чего вы собираетесь лечить меня, Элифаз? Ты, Цофар и Бильдад?

Элифаз мнется. Короткая пауза.

Что же ты молчишь, старый друг?

Элифаз: А что тут скажешь, Иов?

Иов: Вот ведь – что скажешь... Я думаю то, что лежит у тебя на сердце, что же еще?

Элифаз: Тогда послушай меня, Иов. Послушай внимательно... Ты ведь знаешь, что уже не первый раз я прихожу к тебе с тех пор, как беда обрушилась на твой дом. И всякий

раз твоё мужество восхищает и трогает меня. (*Громко, не давая Иову перебить себя*). Да, да, Иов!.. Восхищает и трогает! Так неужели ты думаешь, что я стану осуждать тебя за то, что оно ненадолго оставило тебя сегодня? Ведь человеческие силы не безграничны и Небеса не всегда приходит к нам на помощь сразу. (*Торопливо*). Но я уверен, что пройдёт время и мир вновь возвратится в твоё сердце!

Иов: Отлично сказано, Элифаз. А особенно, насчет человеческих сил. Знаешь, их и правда, не так уж и много. Всего лишь столько сколько требуется человеку, чтобы дойти до конца своего пути. Не больше и не меньше... (*Поманив к себе Элифаза, негромко*). А хочешь знать, что человек находит там, в самом конце? (*Громким шёпотом, наклонившись к Элифазу*). Страшно сказать, Элифаз. Самого себя... (*Посмеиваясь*). Можешь быть уверен: это совсем не та находка, которая может послужить причиной для зависти.

Короткая пауза.

Элифаз (*неуверенно*): И всё-таки, Иов, время лечит все раны.

Иов (*мягко*): Я думаю, что ты заблуждаешься, друг мой. Скорее, это раны лечат Время. Потому что без них оно застаивается и становится похоже на лужу крови, вроде той, что остаётся после жертвоприношения. Его лижут псы, над ним выются мухи. А главное, что сам ты барахтаешься в нём,

чувствуя, как тебя спеленали по рукам и ногам... Ты ведь знаешь, какой липкой бывает кровь?

Элифаз: Мне кажется, ты говоришь загадками.

Иов (*усмехаясь*): Ты заметил?.. А хочешь знать, почему? (*Наклонившись к Элифазу, негромко*). Да, потому что я давно уже сам стал загадкой, Элифаз.

Элифаз: Но, Иов! Я ведь не мастер отгадывать загадки.

Иов: Это умение зависит только от привычки. Ну-ка, скажи мне, что это такое: «У изголовья встал – все болезни прогнал»?

Элифаз: Не знаю.

Иов: А ведь это совсем просто. Это – Ангел Смерти. Встал у изголовья и болезней как не бывало.

Элифаз: Глупая загадка.

Иов: А мне так почему-то не кажется... А вот ещё одна, если хочешь: «Звали ягнёнка, а пришёл лев». Что бы это могло быть?

Элифаз: Не знаю.

Иов: И я не знаю. Но думаю, такое часто случается. Зовёшь ягнёнка, а вместо него приходит лев. (*Внезапно громко рычит*). Р-рр-рр-р! Р-рр-р!

Элифаз (*вздвинув от неожиданности*): Ты, верно, и в самом деле помешался!

Одновременно из-за угла дома появляется Адаф.

Адаф (*громко*): Кукареку!

Иов (*встав на четвереньки*): Р-рр-рр-р!

Адаф: Кукареку-у!

Иов: Р-р-р-р-р!

Элифаз: Ради святого имени!.. (*Машет руками*). Пере-
станьте оба!.. (*Иову*). Ты точно маленький ребёнок, которого
на минуту оставили одного! (*Понизив голос*). И какой пример
ты подаёшь... (*Кивает в сторону Адафа*).

Иов (*вполголоса*): Р-рр-р... (*Неожиданно мягко*). Ах, ес-
ли бы я действительно был маленьким ребёнком, Элифаз!
Какое это было бы счастье снова стать маленьким! Ни перед
кем не отчитываться, ни на что не оглядываться! Не бояться
ни ветра, ни палящего солнца. Не знать, ни что такое «зав-
тра», ни что такое «вчера»...

Элифаз: Конечно, у детского возраста есть свои преиму-
щества. Но их немного. (*Адафу*). Как там мой верблюд?

Адаф: Родная мать не смогла бы позаботиться о нём луч-
ше. Я почистил ему все пёрышки.

Элифаз: Все пёрышки, разбойник? Смотри у меня!

Адаф: По Новой дороге идёт в нашу сторону небольшой
караван, два или три верблюда. Скоро они будут здесь.

Элифаз (*оживившись*): Это Бильдад и Цофар! (*Иову*).
Ах, Иов! Ты ведь не станешь возражать, если мы немного по-
сидим со старыми друзьями, как это бывало прежде?.. Они
везут мясо и вино. Наполним чаши, вспомним молодость.
(*Смеётся*). Ты еще не забыл, как Бильдад купил увечного

верблюда, и мы полдня гонялись за торговцем, пока, наконец, не нагнали его и не заставили вернуть всё сполна?.. А помнишь, как мы едва ушли от засады возле Наамы? (*Понизив голос*). Как стрела попала Цофару в задницу, так что он потом целый месяц не мог присесть? (*Смеётся*). Хорошие были времена, Иов. (*Адафу, строго*). А ты что ждёшь? Иди и займись верблюдом, лентяй. Он не любит, когда его оставляют одного.

Недовольно кудахча, Адаф уходит.

(*Иову*). Так как, дорогой? Вспомним молодость?

Иов (*помедлив*): Не знаю, что тебе и сказать на это, Элифаз. Потому что вы поставили меня в очень затруднительное положение. Сначала вот ты, а теперь еще и Цофар с Бильдадом... Или тебе не сказали, что я хочу отметить сегодня своё новоселье?

Оглянувшись, Элифаз смотрит на Жену Иова. Та делает ему знаки, которые он не понимает. Короткая пауза.

Ну, конечно же, тебе сказали. Но тогда, может быть, тебе забыли сказать, какого гостя я жду к себе сегодня?

Элифаз молчит.

Такого, что одно только имя его наведёт на вас ужас. Одна только тень Его смешает все ваши мысли. Ох, и неуютно же вам будет рядом с Ним, если Он пожалует!

Элифаз: Признаться, если какие имена и наводят на меня ужас, так это только имена моих кредиторов. Да и то, когда приходит время платить проценты... Но ведь ты не о них говоришь, Иов?

Иов: Я говорю о Крепком, Элифаз.

Жена (*пронзительно*): Иов!

Иов (*твёрдо*): О Крепком, Элифаз.

Элифаз: Скажите, пожалуйста. А я и не знал, что Крепкий ходит по пирам и сидит с человеком за одним столом!.. (*Сердито*). Опомнись, Иов! Ну, какое там еще новоселье! Какие гости? Или ты купил себе новый дом? Тогда покажи мне его? Ты же не станешь таить от старого друга такое приобретение!

Жена: Элифаз!

Элифаз (*упрямо*): Нет уж, пусть расскажет, как справляют новоселье, не построив нового дома! (*Иову*). Уж окажи нам такую любезность, Иов, – разгадай нам свои глупые загадки, от которых голова гудит, как от плохого вина!

Иов: Боюсь, что твои уши не очень-то расположены меня слышать, Элифаз.

Элифаз: Если дело только за этим, то можешь не беспокоиться. (*Шутливо склонившись*). Вот, посмотри: они уже склонились навстречу твоим словам! Начинай!

Иов (*помедлив, глухо, издалека*): Тогда напряги свою память и вспомни, как несчастья, одно за другим, без стука входили в мой дом. Как ужасы обложили меня, словно зимние тучи – небо. (*Медленно поднимаясь на ноги*). Вспомни, как сброшен был Иов с высоты своей...

Элифаз: Ты можешь не сомневаться. Я помню все, как будто это было со мной.

Иов (*идет по сцене, вспоминая*): Сначала пришли савее-не и убили работников моих, а волов и ослиц моих угнали. Помнишь? Это было на исходе Хешвама.

Элифаз: Я был тогда рядом с тобой.

Иов: А затем упал небесный огонь и сжёг все мои запасы. А сразу вслед за этим халдеи спустились с гор и убили моих пастухов и забрали овец и верблюдов.

Элифаз: Я не забыл этого.

Иов (*помедлив, глухо*): И, наконец, наступил этот день, когда пришёл вестник и сказал: «Плохие новости, Иов»

Жена исчезает в доме.

А я спросил: «Неужели, они хуже прежних?» А он ответил: «Гораздо хуже, Иов»... Я помню, как у него дрожал голос, и пот стекал по грязному лбу. Тогда я сел вот здесь, на это самое место и приготовился слушать. (*Опускается на прежнее место*). И он сказал... (*Закрыв лицо руками, молкает*).

Элифаз: Не надо, Иов. Плохо, если наши воспоминания имеют над нами такую власть, что заставляют течь слёзы...

Иов (*глухо*): А разве я плачу? (*Поднимая голову, почти надменно*). Не утомлял я слезами слух Создателя и тогда.

Элифаз: И я тому свидетель, Иов. Мы все гордились твоим мужеством. И я, и Бильдад, и Цофар.

Иов: А хочешь знать, кто гордился им больше всех? (*С горькой усмешкой*). Я тебе скажу. Ведь это был я сам, Элифаз... (*Передразнивая*). «Смотри, как ты терпеливо переносишь несчастья, Иов!», «Другой на твоём месте давно бы уже наложил на себя руки!»... (*С отвращением*). «Бог дал, Бог взял», «Наг вышел, наг возвращусь!»... (*Негромко*). Да, только это было вовсе не мужество, Элифаз, нет. Это была обыкновенная трусость... (*Смолкает*).

Элифаз растерянно смотрит на Иова. Короткая пауза.

Ну, что ты смотришь на меня так, словно увидел у себя в тарелке скорпиона!.. (*Сердито*). А как же, по-твоему, еще мы назовем того, кто говорит: согласен я с унижением моим, и с болью моей, потому что прав враг мой, наступающий на горло моё и терзающий плоть мою? Да неужели же героем, Элифаз? (*Помедлив, с горечью*). Днём и ночью ползал я, словно червь, пресмыкаясь перед наступившей на меня пятой, повторяя, как заклинания: «Бог дал, Бог взял...», «Наг вышел, наг вернулся...» Разве не соглашался я с терзающим

и убивающим меня? Не принимал ли всё, что бы Он ни предлагал мне? Не изображал ли смирение там, где сердце моё было разбито и кровоточило?

Элифаз (*не понимая или делая вид*): Так ведь это мы и называем мужеством, Иов. Не впадать в отчаянье и прибегать к помощи Создателя.

Иов (*взорвавшись криком*): Прочисти свои уши!.. Он убил моих детей! Напал на меня! Пригнул меня к земле! И за что? (*Изумлен*). За что? Что я сделал Ему? И самого малого из того, за что полагается наказание, я не совершал!..

Элифаз: Ты меня оглушил!.. Незачем было так кричать.

Иов (*не слушая*): И после этого ты ещё спрашиваешь меня о моём доме?.. Лучше открой пошире свои глаза – вот он, прямо на тебя смотрит!

Элифаз непонимающе озирается.

(*Кричит*). Что? Не видишь?.. Да, вот же он, прямо перед тобой!.. (*Схватив Элифаз за шиворот, поднимает его и трясет*). Или ты ослеп, Элифаз?.. Да вот же он, вот! Вот! Вот!.. На костях детей моих построен, из бессонных ночей сложен, на отчаянье замешан! И боль моя, и тоска моя, и вздохи мои, и болезни мои – всё пошло в дело! Так отчего бы мне не сыграть, наконец, свое новоселье? Отчего не позвать в гости того, кто помогал мне построить его? Кто месил вместе со мной глину и подносил кирпич? Кто не уста-

вал понукать и подбадривать Иова своей плетью? (*Отпускает Элифаза, который валится на землю*).

Пауза. Иов и Элифаз молча смотрят друг на друга.

Элифаз (*без выражения*): Похоже, ты, и правда, спятил, Иов.

За сценой – петушиный крик. Затем из-за угла дома выходит сам Адаф. Одновременно в дверях появляется Жена Иова.

Адаф: Кукареку!.. Я слышал, ты опять кричал, хозяин? Разве же так встречают гостей?

Жена: Приехали Бильдад и Цофар.

Элифаз: (*поднявшись, направляется к двери*): Пойду-ка я, что ли, их встречу. (*Остановившись возле двери, неуверенно*). Иов...

Иов молчит. Подождав немного, Элифаз уходит. Жена остаётся стоять возле двери.

Адаф (*негромко*): Кукареку, хозяин.

Иов (*издалека*): Кукареку...

Адаф: Кукареку...

Тьма.

Картина пятая

Нагромождение скал. Они едва различимы на фоне звёздного неба. В центре – небольшая и сравнительно ровная каменная площадка, за которой угадывается головокружительный провал. Ее заливают лунный свет, но самой Луны не видно, она прячется за скалами.

На площадке появляется Уза. Он ступает медленно и неуверенно. Ему явно не по себе.

Уза (*тревожно*): Повелитель!.. Да, где же он?.. Повелитель!..

Ищущий (*появляясь на краю площадки, за спиной Узы*): Эй!.. Я здесь. Здесь... Может, соизволишь, наконец, оглянуться?..

Уза оглядывается.

Ну, наконец-то. (*Подходя*). И давно ты здесь?

Уза: Мне кажется, уже целую вечность. (*Озираясь*). Знаете, где мы?

Ищущий (*беспечно*): Конечно, нет. (*Оглядываясь*). Но можешь не сомневаться, что мы с тобой где-то. Потому что в противном случае мы были бы нигде, а это, как ты пони-

маешь, довольно сомнительно. (*Внимательно смотрит на Узу*). Похоже, ты совсем не в восторге от нашей милой прогулки?.. Или ты испугался этих гор?.. (*Осматриваясь, идет по площадке*). Гляди-ка, они, действительно, выглядят здесь так, словно земля восстала против своего Творца! (*Смеётся*). Видишь, какая ерунда лезет тут в голову. Наверное, это из-за воздуха.

Уза (*ворчливо*): Сказать, что мне понравились эти скачки, которые вы называете «милой прогулкой», значило бы сильно погрешить против истины, повелитель... Носимся, словно за нами гонится стадо разгневанных демонов... (*Поспешно*). Я не о себе беспокоюсь.

Ищущий: Еще бы ты заботился о себе, негодяй. Особенно после того, как на твоих глазах оскорбили твоего дорогого и горячо любимого хозяина!.. (*С изумлением*). Ах, как же он взбесил меня, этот жалкий канцелярский приживальщик! Мне до сих пор кажется, что слышу его самодовольный голос! (*Кричит*). Аввадон!

Из мрака немедленно вырастает закутанная в плащ фигура Аввадона. Кажется, что он висит в воздухе. Лицо скрыто под капюшоном.

(*Не глядя на появившегося*). Видишь ту двуглавую гору? Ту, что закрыла полнеба?.. Снеси её.

Аввадон: Слушаюсь, хозяин. (*Исчезает*).

Уза: Кажется, на её склонах пасутся чьи-то стада.

Ищущий: Тем лучше.

Откуда-то издалека доносится зловеющий гул. Он вырастает и затем также внезапно стихает. Ищущий с интересом смотрит вдаль. Пауза.

Уза: Повелителю стало легче?

Не отвечая, Ищущий всматривается в окружающий ландшафт.

Тогда, может быть, ещё вон ту?

Ищущий: Оставь свою иронию при себе, слуга. Подумай лучше, отчего он так взбесил меня? Этот шут, это самодовольное ничтожество, пусть не соберётся под его стяг ни один ангел!..

Уза (наивно): Повелитель, конечно, имеет в виду...
(*Неопределённый жест*).

Ищущий (сердито): Ты прекрасно знаешь, кого я имею в виду, негодяй! (*Внимательно глядя на Узу*). Или, может, у тебя есть какие-то другие соображения, пронизательный мой?

Уза отрицательно качает головой и разводит руками.

Что? Совсем никаких? (*Сквозь зубы*). Ах ты, хитрец... (*Некоторое время смотрит на Узу, затем не спеша отходит от него, заложив руки за спину, негромко*). А вот у меня, представь себе, время от времени возникают довольно странные фантазии. Ты слышишь?.. Странные, нелепые фантазии, от которых потом болит голова и хочется спрятать голову под подушку. (*Понизив голос*). Мне вдруг начинает казаться, что за той дверью, куда я уже давно пытаюсь попасть, – никого нет! Пусто. Пусто!.. Ветер гуляет по залам, метёт из угла в угол пыль, гонит обрывки бумаги – и больше ничего. Трон давно опустел, а его Хозяин так далеко, что невольно ловишь себя на мысли, что Его и вовсе никогда не было... (*В изумлении, громким шёпотом*). Он нас покинул. Ты слышишь? Покинул. Бросил. Бежал... Ты когда-нибудь видел полководца, бросившего свою армию и скрывшегося в неизвестном направлении?.. Однажды утром, когда все спали, Он просто ушёл через чёрный ход. И тогда наступила Великая Тишина, которую в состоянии слышать только очень чуткое ухо... (*Медленно возвращается*).

Уза: Вы ведь сказали, что это только фантазии, повелитель.

Ищущий (*обычным голосом, сухо*): И, к тому же, как видишь, вполне беспочвенные. (*Заложив руки за спину, вновь отходит от Узы, но почти сразу возвращается, тревожно*). И всё же я чувствую, что далеко не всё в порядке в этой великолепной машине, которую мы привыкли называть

«Творением». Словно Он, в самом деле, ушёл, оставив нам все эти чудесные декорации, которые больше тревожат, чем восхищают, и чаще задают загадки, чем радуют ответами.

Уза: Повелитель не доверяет мудрости нашего Творца?

Ищущий: Ах, как же ты всё-таки бываешь несносен!.. *(Кричит)*. Слава Всевышнему, я еще не совсем выжил из ума, чтобы не доверять Его мудрости! Но ведь приходится считаться и с собственными глазами, иначе, зачем они?.. *(Неожиданно схватив Узу за шиворот, тащит его к краю площадки)*. Иди-ка, посмотри!.. Сам взгляни на эти бесконечные отвратительные пространства! Разве не говорят они об Его уходе? *(Задрав голову, смотрит в небо вместе с Узой)*. Они похожи на место, оставшееся после Него. А эти миллиарды звёзд, – не напоминают ли они пыль, которая ещё долго кружит в воздухе, после того, как Убегающий захлопнул за собой дверь?.. *(Отпустив Узу, почти мечтательно)*. Когда-то давно, если помнишь, звёзды были похожи на серебряные колокольчики, которые Всеблагодой развесил невысоко над Землёй, чтобы они провожали своим звоном уходящий день и встречали день грядущий. А теперь они превратились в безобразные огненные шары, летящие из ниоткуда в никуда! Возможно, кому-то нравится видеть в этом признак величия и могущества. Но, клянусь Престолом, на меня эти пространства навевают только тоску!..

Пауза. С явным отвращением Ищущий рассматривает

звёздное небо.

(*С тоской*). Смотри. Вот Хима. Вот Медведица. А вот Кесиль... Пусть это только моя фантазия, но тогда, скажи на милость, отчего так пугает меня эта бездна над головой и под ногами, если не оттого, что сама она напугана исчезновением Того, Кто сотворил её?..

Уза молчит.

(Оторвавшись от неба). А эта болезнь, которая разъедает Творение и зовётся именем «человек»? Неужели ты думаешь, Он допустил бы её, если бы только был рядом? (*Смолкнув, медленно идет по площадке*).

Короткая пауза.

Уза: Повелителя так занимает этот несчастный человек, что я бы не удивился, если бы кому-нибудь из ваших недоброжелателей вдруг однажды пришло в голову, что вы... что вы просто... (*Смущенно посмеиваясь, смолкает*).

Ищущий: Боюсь его?.. Ты ведь это хотел сказать, паршивец? (*Возвращаясь, устало*). Ах, Уза, Уза... Разве ты до сих пор не знаешь, что страх сродни мудрости? Он держит на привязи самомнение, а ум делает зорким, но осторожным. Вот почему тот, кто боится, видит ясно и отчётливо, остав-

для прочих во мраке и заблуждении. (*С внезапной горечью*).
Может быть, хоть теперь ты поймёшь, отчего он так взбесил меня, этот самодовольный солдафон, возомнивший себя правой рукой Всемогущего!.. Всякий раз, когда я его вижу, меня мучает вопрос: почему величие господина всегда имеет своим прямым следствием ничтожность его слуги?!

Обиженный Уза демонстративно кланяется.

Только не надо, пожалуйста, делать вид, что ты слышишь об этом первый раз, болван... Лучше подойди сюда и взгляни, как хорошо видно отсюда всё, что обычно скрывают там внизу...

Уза подходит и останавливается рядом с Ищущим. Осторожно заглядывает в лежащую у его ног бездну.

Смотри. Вон дом Иова... А вон и сам он, в окружении своих друзей.

Оба смотрят вниз. Пауза.

Ну, разве не отвратительны они, собравшиеся, чтобы есть мясо и сплетничать о Боге?.. Теперь они будут рассуждать о божественном, одновременно радуя свои желудки и то, что они называют «совестью», пока не насытят и то, и другое!..

Удивительно, что они еще не додумались пригласить танцовщиц.

Уза: Этот рыжий мне совсем не нравится.

Ищущий: Его зовут Бильдад. Он знаменит тем, что может назвать все девять тысяч божественных имён. Не останавливаясь, одно за другим.

Уза (*поражён*): Девять тысяч имен?.. Да откуда ему их, интересно, знать?

Ищущий (*посмеиваясь*): А это ты пойди, спроси у него.

Уза: Так он обманщик?.. (*Неодобрительно качает головой*). А тот худой?

Ищущий: Это Цофар. В детстве его покусала собака, и он остался на всю жизнь хромым. Но сам он рассказывает, что это Ангел Господень отметил его, как своего избранника. (*Усмехаясь*). Ангел Господень, скажи, пожалуйста!.. А рядом с ним – Элифаз. Когда он открывает рот, мне кажется, что небо сейчас стошнит прямо ему на голову... Посмотри на них, и ты поймёшь, что я не преувеличиваю, когда говорю, что само присутствие человека оскорбительно и для этой земли, и для этого неба. А, может быть, даже опасно.

Уза: Мне кажется, что Иов не очень-то похож на них.

Ищущий: Не сомневайся. У него просто немного другая роль, вот и всё. Бьюсь об заклад, он будет сегодня жаловаться, искать сочувствия и лить слёзы. Или закатит истерику, хотя все это, конечно, одно только притворство. Ты сам мог убедиться в этом минувшей ночью... Его роль называется:

униженный и оскорблённый. Многие любят играть её. И я не сомневаюсь, что, рано или поздно, она заведёт его туда, откуда уже не возвращаются.

Уза (*с некоторой настойчивостью, которую от него трудно было ожидать*): И всё-таки, мне кажется, что он не очень похож на остальных.

Ищущий (*раздраженно*): А я говорю тебе, что он такой же лицемер и притворщик, как и все они! Исключения среди людей так редки, что их вообще можно не брать в расчёт!..

Уза упрямо молчит.

(*С презрительной улыбкой, глядя вниз*). Когда они лгут, глядя друг другу в глаза, или говорят правду, чтобы только причинить боль, я не могу понять, где они всему этому научились? Кто научил их никогда не довольствоваться настоящим и всегда быть беспокойными и суетливыми?.. Их мысли блуждают в будущем, а молитвы полны такой ненависти, что если бы Творцу пришло в голову исполнить их, на земле не осталось бы ни одного человека. Они чудовища, которые придумали множество слов, все эти «любовь», «мужество», «честь», «благородство», «свобода» – и всё это только затем, чтобы удобнее было скрывать, что они трусливы, алчны, тщеславны, равнодушны, жестоки и глупы... Ах, как же они глупы, если бы ты только знал!.. (*Негромко*). Но самое страшное не это, нет, нет, самое страшное, это то, что у них

внутри... Знаешь, что там?.. Ни-че-го! Пусто!.. Они пусты, словно выброшенные на берег моря раковины или сброшенная змеиная кожа, и в этой-то ужасной пустоте рождается порок и живут болезни... (*Задумываясь, сам с собой*). Или, может, лучше сказать, что эта пустота сама есть болезнь и порок?.. Вот уж воистину поучительное зрелище: пустота, облучённая в плоть и угрожающая божественному Творению! Они называют её то «дыханием», то «жизнью», то «душой», но мне часто кажется, что именно благодаря ей наш мир теряет свою прочность и устойчивость. (*С усилием*). Так, словно она подмывает его основания и обращает творение в призрак. (*Сонно*). Хотелось бы мне знать, как это у них получается? Как им удаётся превратить весь мир в ничто? В пустоту? В сон?.. Как? Как? Как?.. (*Бредёт по площадке, как сомнамбула*).

Короткая пауза.

(*Бормочет*). А разве ты сам не боишься призраков, Уза?.. Их нельзя схватить, с ними невозможно найти общий язык, сквозь них проступает свет... Свет, сон... (*Продолжая бормотать, бредёт к краю площадки*). Эти миллиарды летящих в пустоте солнц, эти туманности, закрученные в спирали и сотканые в шары, – оказывается всё это только иллюзия, мираж, сон об ушедшем и не вернувшемся... (*Почти засыпая*). Свет, сон, смерть... Пустота, порождающая пустоту...

Я чувствую, как она смотрит на меня... *(С трудом балансирует на самом краю пропасти, чудом удерживаясь от того, чтобы не свалиться вниз)*.

Уза проворно хватает его за руку и оттаскивает прочь.

(Приходя в себя). А?.. Что?.. Ты меня звал?

Уза: Мне почему-то показалось, что повелитель выбрал не самое удачное место для сна.

Ищущий *(заглянув в бездну):* Неужели?.. *(Отходя от края).* Пожалуй, ты прав... *(С весёлым недоумением).* Знаешь, мне привиделась какая-то совершенная чепуха. *(Смеется).* Призрак мира... Он был похож на брошенное гнездо, которое покинули, научившись летать птенцы... Воздух здесь, что ли, такой?

Уза: Воздух, повелитель.

Ищущий *(зевая):* А как там наши друзья? *(Заглядывая в бездну).* А, ну, конечно... Нет, ты только погляди! Пир в разгаре!.. А какие сосредоточенные лица, Боже сохрани!.. Мне почему-то кажется, что они уже набили свои желудки, и теперь готовятся продемонстрировать друг другу свою мудрость и богобоязненность. *(Несколько меланхолично).* И знаешь что? Я почему-то почти уверен, что рано или поздно найдётся какой-нибудь недоучившийся грамотей, какой-нибудь убогий моралист, который сочинит об этой компании целую кучу небылиц, – этакую поучительную стряпню, в ко-

торой добро побеждает зло, и Крепкий, в конце концов, приходит на помощь страдальцу, чтобы сделать его счастливым. (*Резко*). Ты видел когда-нибудь, чтобы Крепкий сделал кого-нибудь счастливым?

Уза (*в замешательстве*): Я повелитель?..

Ищущий: Видел или нет?

Уза (*печально*): Если говорить обо мне, то лично я что-то такого не припоминаю.

Ищущий: Вот именно. А знаешь, почему? Да, потому что Крепкий не заведует счастьем, вот и вся разгадка. Он заведует справедливостью, а это, представь себе, совсем разные вещи. Совсем разные, Уза... Надеюсь, что теперь-то ты это понял?

Уза: Да, повелитель. (*Помолчав, робко*). И значит эти разные вещи никогда? Никогда не?.. Не?.. Неужели же совсем никогда, повелитель?

Ищущий (*кричит внезапно и страшно*): Ни-ког-да!

*Пауза. Уза и Ищущий молча смотрят друг на друга.
Тьма.*

Картина шестая

Декорации четвёртой картины: двор перед домом Иова. Вокруг лежащего в центре ковра, сидят Элифаз, Бильдад и Цофар. Иов сидит в некотором отдалении; его лицо задумчиво, взгляд опущен к земле. Он словно прислушивается к чему-то.

Трапеза уже закончилась, и грязная посуда унесена; перед сидящими – только чаши и несколько кувшинов с вином.

Во всём чувствуется вот-вот готовое взорваться напряжение.

Бильдад (поднимая чашу): Ах, какое доброе вино, Цофар. (Пьёт).

Элифаз (поднимая чашу): Да, Цофар. В другом месте ты мог бы выручить за него целое состояние. (Пьёт).

Цофар: Тут всё дело в уходе. Если верно выбрать для виноградника место и не лениться следить за водой, результат не заставит себя долго ждать. Воды должно быть в самый раз, не слишком много, но и не слишком мало... А главное, ни в коем случае нельзя шуметь возле бродильных чанов, иначе духи вина могут испугаться и улететь. Никакого шума! (Наливает себе вина). Есть еще и другие хитрости. Например, перед тем, как разливать вино, неплохо выдержать его

на солнце дня два или три. Этому меня научил один финикийец. (*Пьёт*).

Элифаз: Финикийцы знают в этом толк... (*Протягивая чашу Иову, немного укоризненно*). Выпей и ты с нами, Иов.

Бильдад: Выпей, Иов. Раз уж ты не прикоснулся к мясу, так хоть попробуй это чудесное вино.

Цофар: Выпей, Иов. (*Посмеиваясь*). А то говорят, муж, избегающий вина, в один прекрасный день проснётся в женском платье. (*Смеется*).

Элифаз и Бильдад смеются.

Иов (*негромко*): А ещё говорят, Цофар, смейся, пока смешно, и плачь, когда есть причина для слёз.

Цофар: И правильно говорят, Иов. Но только мне кажется, что лучше все-таки говорить, как говорят в тех местах, откуда я родом: спрячь свои слёзы, чтобы не подумали, что ты баба!.. Вот это будет правильно.

Бильдад: А у нас говорят: потерянного верблюда не вернешь слезами!

Элифаз: Или ещё так: слезами жажду не утолишь!

Элифаз, Бильдад и Цофар смеются.

Иов: Ну, вот, наконец, вы добрались и до меня, старые друзья! А то я уже начал думать, что не дождусь вашего ле-

чения. Так и пропаду, не попробовав ваших лекарств.

Элифаз (*осторожно*): А для чего же существуют друзья, Иов, как не за тем, чтобы поддерживать друг друга в трудный час?.. Хочешь, зови это лечением. Ведь лучшего врача, чем преданный друг, всё равно нигде не найдешь!.. Верно, друзья?

Бильдад (*надеясь сменить тему*): Что касается лечения, друзья мои, то нет лучшего средства от всех недугов, чем вымоченные в вине листья руты. Они целят и человека, и верблюда, и даже овцу. Уж поверьте!

Цофар: А я скажу, что лучше всего лечит виноград. Корень. Листья. Ягоды. Всё! Ещё Адам лечился им. Он был первым виноградарем и совсем неплохо в этом разбирался.

Элифаз: Первый виноградарем был Енох.

Цофар: Нет, Адам.

Элифаз: А я говорю тебе, что это был Енох. Ещё отец рассказывал мне об этом. Это был Енох, а не Адам.

Цофар: И всё-таки тебе придется согласиться, что это был Адам.

Иов: Послушайте, лекари мои! Чтобы решить этот важный вопрос, вам совсем не обязательно было собираться в доме, где ещё вчера голосили плакальщицы и не выветрился запах поминальной трапезы! Для этого есть другие места.

Бильдад, Цофар и Элифаз быстро переглядываются. Небольшая пауза. Никто из них не решается заговорить

первым, пока, наконец, Цофар не толкает в бок Бильдада, как, возможно, самого красноречивого из присутствующих.

Бильдад (*осторожно*): А разве это было вчера, Иов?.. Вот уже год минул с тех пор, как беда постучала в твою дверь. (*Поспешно*). И пусть поскорее ей на смену придёт радость и достаток!

Иов (*с наигранным изумлением*): Ты сказал «год»? Неужели, целый год, Бильдад? А я и не заметил. (*Обернувшись к дому, жене*). Ты слышала?.. Оказывается уже год прошёл, как наши дети успокоились в земле, а мы почему-то все ещё помним их и льём по ним слёзы... (*Друзьям*). Что ж, тогда совсем другое дело. Станем есть, пить и веселиться. Ведь целый год – это, пожалуй, почти Вечность, как ты думаешь, Элифаз? А ты, Бильдад? Разве можно тратить Вечность на такие пустяки, как память об умерших? Да, кто они такие, чтобы отнимать у нас время? Целый год!.. (*Внезапно тихим голосом, без выражения*). Вот только почему-то мне кажется, что это было все-таки вчера... (*Сникает*).

Элифаз и Бильдад смотрят на Цофара, возможно, ожидая, что он ответит, как самый старший из присутствующих. Короткая пауза.

Цофар (*негромко*): Твои слова больно колют и царапают нас, Иов. Они заставляют думать, что мы в чём-то провини-

лись перед тобой. А ведь это не так.

Иов молчит.

Не сердись, Иов, но ты напоминаешь мне мальчика, который гордится полученными царапинами и спешит поскорее похвастаться ими перед приятелями.

Иов: Ты сказал, царапинами, Цофар? Какими царапинами я мог бы похвастаться, это ты знаешь не хуже меня.

Цофар: Чтобы унять боль, не следует раздирать раны. А ты сначала посыпаешь их солью, а потом с удовольствием пустословишь над ними, как будто это доставляет тебе радость... Будь же благоразумен, Иов. Живи в ладу с Истиной и позволь времени смягчить твою боль!

Бильдад и Элифаз согласно кивают.

Иов (*недобро усмехаясь*): Раз уж ты заговорил об Истине, Цофар, то разве стану я скрывать от тебя, что как раз недавно она приходила ко мне во сне?... Жаль, вот только тебя не было рядом.

Элифаз: Тебе снилась Истина?

Иов: Да, еще какая! В виде огромной рыбы, закованной в медную чешую... Знали бы вы, как от неё воняло!

Бильдад (*брезгливо*): Иов!..

Иов: Нет уж, послушайте, лекари мои! (*Поднявшись на*

ноги, идет по сцене вокруг сидящих). Сначала она сожрала всё, что было на её пути. А когда дошла очередь до меня, то она открыла свою пасть и спросила: «Отчего это ты не благодаришь меня, Иов? Отчего не кланяешься, отчего не возносишь мне хвалу?..» У неё были человеческие глаза, такие пустые, какие можно встретить только у людей.

Цофар: Не погрешу против истины, если скажу, что твои речи весьма двусмысленны, Иов.

Иов (*остановившись за спиной Элифаза*): Ты, верно, хотел сказать «сны», старый друг?.. Ночью мне снятся двусмысленные сны, а днём они порождают двусмысленные речи, ну, а всё вместе, это, наверное, свидетельствует о двусмысленности моей жизни... Ты ведь это имел в виду?

Цофар: Вот опять ты колешь и царапаешь.

Иов: А ты ждал, что я буду ворковать, как мартовский голубь?

Элифаз (*примирительно поднимая руки*): Друзья мои, друзья!.. (*Иову*). Послушай нас, Иов, ну разве же сегодня ты не среди друзей? Друзей сострадающих и не мешкающих в помощи? Разве это не мы сидели здесь год назад, разодрав наши одежды и посыпав пеплом головы, вознося к Престолу наши слабые молитвы?.. Заклинаю тебя нашей дружбой – растопи, наконец, своё сердце и доверься нам, как доверялся прежде, чтобы мы снова понесли твои печали и стали твоей опорой!

Бильдад и Цофар согласно кивают. Короткая пауза.

Иов (*остановившись, и глядя то на одного, то на другого, то на третьего, желчно*): Как же не терпится вам поскорее избавиться от старого Иова! Словно от паршивого кота, который мозолит вам глаза своими болячками! Как же он стал вам неудобен, – словно ненужная поклажи, которая оттягивает руки, словно сандалии, которые стали натирать! Отчего бы вам немного не потерпеть меня – ну, хотя бы, ради той же старой дружбы?.. Так нет! Вы торопитесь поскорее получить проценты за тот медный грошик, который когда-то швырнули нищему Иову! Вы так спешите, как будто боитесь, что ваше сочувствие останется без награды!.. (*С горькой усмешкой*). Да разве забудешь, как вы утешали меня? Так мясник утешает овцу, которую ведёт на заклание. Так утешает свою жертву убийца, готовя нож. (*Передразнивая*). «Потерпи, Иов. Доверься времени, Иов. Собери своё мужество, Иов. Пусть твоим оружием будет смирение, Иов...» Да, разве это мне было нужно от вас?! (*Отойдя к дому, садится за спинами друзей на каменную мельницу возле порога*).

Лица друзей мрачны. Небольшая пауза.

Бильдад: Помнится, прежде ты говорил совсем другое.

Иов: Я обманывал!.. Обманывал и притворялся!

Цофар: Целый год?.. Да, ты оказывается умелый при-

творщик!

Иов: Чему только не научишься в окружении профессиональных притворщиков, Цофар!

Элифаз: Ты несправедлив.

Иов: А ты это только сейчас заметил, Элифаз?

Цофар: Несправедлив, Иов.

Иов: А хоть бы и так! Кто теперь остановит меня? Кто заставит замолчать? Уж не вы ли, лекари мои?

Бильдад: Несправедлив.

Иов: Есть чему удивляться! Или вы уже забыли, что у меня был неплохой Учитель?.. Посмотрите-ка, как Он расплатился с невиновным за его верность! Не всякому преступнику выпадет столько, сколько выпало Иову!

Цофар: Ну, вот опять ты хвастаешь своими страданиями, как будто это такая уж исключительная редкость!.. Ты бы еще потребовал, чтобы звёзды небесные лили над тобой слёзы... Или может Солнцу не подниматься над землёй и небесам одеться по тебе в траур?

Иов (*кричит*): И то, и другое, и третье!..

Цофар закрывает руками уши. Короткая пауза.

(*Глухо*). Да, только и этого, видно, будет мне мало... Так велика боль моя. Посмотрите, если увидите... Потяжелее она, чем песок морей!..

Короткая пауза.

Да и не звёзды, Цофар, звал я сегодня на новоселье. Всемогущего приглашал войти в дом мой. А Он что-то не торопится. Вас послал. Боюсь, не вместо ли Себя?

Друзья молчат.

Или Он послал вас перед Собой?.. Знаете, как это делают богатые горожане, которые шлют вперёд своих шутов, чтобы те болтали глупости, веселя всех до их прихода?.. *(Резко)*. Что молчишь, Цофар?

Цофар хранит презрительное молчание.

Или ты, и правда, знаешь вину, за которую я наказан? Ну, так скажи! Заткни рот Иову, чтобы он не смел впредь говорить: чист я, далеко моё сердце от неправды!.. Давай! Не скрывай ничего!

Цофар молчит.

Элифаз: Позволь сказать мне, Иов. *(Наливает себе вина и медленно пьёт)*.

Цофар и Бильдад следуют его примеру. Пауза.

(Поставив чашу на ковёр). А теперь вспомни-ка. Было ли когда, чтобы справедливый был наказан, а невинный погибал?.. Не от отцов ли наших получили мы в наследство эту твёрдую уверенность в том, что если нет вины, тот нет и наказания? Разве в первый раз ты слышишь, что не преследует Бог невинного и не гневается на непорочного? Лишь сеющему зло нет спасения, потому что нигде не укрыться ему от Божьего гнева! От врага побежит, но настигнет его стрела. Спрячется в воде – там встретит его крокодил. Захочет укрыться во тьме, – но и там ждут его змея и скорпион... Не долгим бывает ликование злых, Иов!.. Праведник же потерял счёт дням своим, и старость его напоена покоем... *(После короткой паузы, негромко)*. Обратись к Крепкому, Иов. И если ты чист и не согрешил, то Он сегодня же ответит тебе.

Цофар и Бильдад, обернувшись, смотрят на Иова. Короткая пауза.

Иов *(негромко)*: Я не ослышался, Элифаз? Ты, кажется, сказал «сегодня же»?

Элифаз *(твёрдо)*: Сегодня же, Иов.

Иов: И ты в это веришь?

Элифаз: Всем сердцем, Иов.

Иов: А ты, Бильдад? Ты, Цофар?

Тот и другой сдержанно кивают. Короткая пауза.

(Поднимаясь со своего места, негромко). Как же ты прекрасно всё объяснил, друг мой. «Виновен Иов, раз наказывает его Крепкий! По заслугам всё, что он получил! Велики должно быть его грехи, и провинностям его нет числа!..» Я ведь тебя правильно понял, Элифаз? *(Останавливается позади сидящих друзей).*

Короткая пауза.

(Цофару и Бильдаду). А что же вы замолчали, друзья мои? Почему бы и вам не сказать это мне прямо в глаза, не таясь, как полагается между друзьями?.. Ну же, Цофар, скажи: «Великий грешник этот Иов. Поделом ему!» А то всё ходишь вокруг да около!

Цофар презрительно молчит.

(Остановившись за спиной Бильдада). А ты, Бильдад, почему не скажешь: «Заслужил злодей всё, что ему выпало!»

Бильдад молчит.

Ну, давай же. Скажи: «Как ещё земля носит этого Иова!»

Бильдад продолжает хранить молчание. Не дождавись ответа, Иов медленно отступает к порогу дома и вновь опускается на мельницу.

(*Устало усмехаясь*). Видели бы вы ваши спины. Они говорят не менее красноречиво, чем ваше молчание.

Бильдад (*не оборачиваясь*): Напрасно ты напал на нас, Иов. Возможно, Элифаз, действительно, был не совсем точен. Но это все-таки ещё не повод для оскорблений.

Иов: А я и не знал, Бильдад, что это дело такого рода, что можно себе позволить быть не совсем точным.

Бильдад: Давай, ты сначала выслушаешь меня, Иов... Выслушай, а уж потом нападай на Элифаза или на кого хочешь... (*Медленно поднявшись со своего места и встав лицом к Иову*). Но сначала представь себе ночь, когда сон глубокий, а луна царствует на небесах с такой силой, что кажется, день уже никогда не наступит. Вот в такую-то ночь я и услышал голос, и говорящий эти слова встал передо мною. И вот, что он сказал, Иов. «Неужели прав человек перед Богом? А муж чист перед Творцом? Вот, посмотри, и в ангелах своих Он обличает порок, и небеса в его глазах не чисты, что же говорить о человеке, чей дом слеplен из глины и поставлен на песке? Кто он, чтобы судить о Боге и Его делах? Ничтожество – имя его» (*Просто*). Вот и получается, Иов, что прав Элифаз. Не тащат чистого на расправу, а праведного в суд. Потому что перед лицом Крепкого нет ни праведного,

ни чистого, ни справедливого, ни милостивого. Все ничтожны в Его глазах. Все достойны наказания. Лишь в наших собственных глазах, мы праведны и чисты. Да, только, не далеко они видят, Иов. (*Возвращается на своё место*).

Цофар и Элифаз, не оборачиваясь, негромко аплодируют.

Иов (*поднимаясь со своего места*): Да, погодите вы!... (*Встав позади Бильдада*). Как это прикажешь понимать, Бильдад? Ночным голосам ты веришь, а Иову нет?.. Да мало ли что навеет человеку долгий день! Или ты никогда не видел снов, которые хотелось как можно скорее забыть? От которых щёки пылали стыдом?

Бильдад: Ну, вот опять ты чем-то недоволен, Иов.

Иов: Недоволен? Да, я в ярости!.. (*Кричит*). Пусть днём приходит! Днём! Когда светит солнце и не укрыться в тени! Нечего прятаться в сновидениях и посылать двусмысленные знаки! Я не гадалка, чтобы отгадывать знамения и толковать сны! Не-ет! Пусть встанет со мной рядом, лицом к лицу, пусть скажет: «Вот он Я, Иов. Выслушай меня». (*Безнадёжно махнув рукой*). Э-э... Да разве вам это растолкуешь? (*Вновь садится у порога*).

Цофар (*не оборачиваясь*): Ты ведь не думаешь, в самом деле, что Он, как мальчишка, припустится к тебе только потому, что тебе вдруг приспичило Его позвать? Словно собачку, которая бежит на голос хозяина?.. (*Друзьям*). Хорошего

же он о Нём мнения!

Иов: Не я... Не я, Цофар. Дело моё вопиет к небу.

Цофар (*друзьям*): Смотрите-ка, какое у него беспокойное дело!

Элифаз: И редкое, Цофар. Не легко найти на земле человека, который не мог бы обратиться к Крепкому с чем-нибудь похожим! (*Иову*). Послушай лучше меня, Иов. Блажен тот, кого обличает Бог и кто наказания от Милосердного не отвергает... Он уязвит, но Он же и исцелит. Он бьёт, но Он же и врачует. Страданием спасает он страдальца, и терпеливо ждёт, пока не исправится сердце человеческое... Не всё на этом свете открыто нам, Иов. Поэтому следует со смирением принимать то, что с нами происходит, а не раздражать Создателя ропотом... Верно, сказал тебе Бильдад: не далеко видят глаза наши!

Иов (*поднимаясь со своего места, изумленно*): Да, вы, как будто, сговорились перед тем, как идти сюда! (*Сделав несколько шагов, насмешливо*). Ну, конечно, исправлюсь я, Элифаз! Как увидите, что вышло дыхание из моих ноздрей, так знайте – исправился Иов! Уже не крикнет он тогда: «Зачем истомил меня! Зачем поставил меня словно мишень для стрел твоих!» (*Горько*). Тих и молчалив стану я – тише вдавленной в землю финиковой косточки!..

Короткая пауза.

(Идет по сцене, негромко). Что же делать мне, если не слышат меня Небеса? Ни в смирении, ни в отчаянье моем не слышат меня... (*Негромко, словно, сам с собой*). Или они не понимают речей моих? Не различают слов моих?.. (*Выходит на авансцену и здесь останавливается*). Что, если надо звать их как-нибудь иначе? Как зовёт жена моя, в молчании взывающая к небу, или вон как зовёт Адаф?.. (*Пробует, негромко*). Кукареку, услышьте меня небеса... Услышьте меня! (*Бьёт себя по бокам и с каждым разом кричит всё громче*). Кукареку! Кукареку! Ку-ка-ре-ку-у-у-у!..

Цофар (*не оборачиваясь*): Зря стараешься, Иов. Сколько ни кричи, не услышит небо твои безобразные вопли.

Элифаз: Только кротким оно отвечает, Иов.

Бильдад: Болтунам же противится.

Из-за угла дома появляется встревоженный Адаф.

Адаф: Звал, хозяин?

Иов: А ну-ка, иди сюда, петушок!.. Давай-ка покричим вместе!.. Ну? Давай. (*Кричит*). Кукареку!

Адаф: (*изумлён, негромко*): Кукареку.

Иов: Я ведь сказал «покричим»!.. Разве так ты кричишь, когда зовёшь своих цыплят? А ну-ка, начинай! Да погромче, погромче! (*Кричит*). Кукареку!

Адаф: Кукареку!

Иов и **Адаф**: Кукареку!.. Кукареку!..

Иов (*подняв к небу голову*): Вот дом мой, который я построил на бедах моих! Боль моя – богатство моё, и потери мои – сокровища мои! Всё, что я имел, всё вложил в его стены! Ковром легла на пол его печаль моя!.. Кукареку-у!

Иов и Адаф: Кукареку-у!

Иов: Мрак обитает под кровлей его, и ужасы таятся по углам его. Стороной обходят его друзья мои!.. Кукареку!

Иов и Адаф: Кукареку-у!

Иов: Смертная тень накрыла его, и память о преисподней сопровождает здесь каждый шаг!.. Не больше ли он мира – дом мой? Так отчего же один брожу я под сводами его? Кукареку-у!

Иов и Адаф.. Кукареку-у! Кукареку! Кукареку-у!..

Короткая пауза.

Иов (*негромко, в пустоту*): Где же ты, утвердивший устои Земли и выводящий в срок зверей Зодиака? Или Ты не знаешь, что ответить на жалобы Иова?.. (*Тихо*). Кукареку, Всемогущий...

Адаф: Кукареку-у!..

Элифаз (*вскочив со своего места*): Довольно!..

Адаф медленно отступает и останавливается у стены. Пока Элифаз говорит, Иов вновь садится спиной к друзьям.

(Подходя). А может, хватит, Иов! Кошунство на кошунстве ты громоздишь, позабыв страх и похваляясь своим бесстыдством! Сколько же ещё ты будешь испытывать терпение наше?.. *(Оглядываясь)*. Вот он настоящий дом, посмотри! Не чета твоему. *(Подняв к небу руки)*. Вот крыша его – голубые небеса. Вот основания его – краеугольный камень, на котором утверждена Земля! Два светильника освещают его. Радуга подпирает кровлю его. Жизни не хватает, чтобы перечислить все его чудеса! Счастлив здесь человек, потому что позаботился о нём Творец. Ради человека повелел Он рожать земле и плодоносить деревьям, дал корове молоко, овцам – шерсть, и пух – птице... Открой глаза, слепец, и увидишь, что это и твой дом! *(Возвращается на свое место)*.

Иов *(не оборачиваясь, негромко)*: Я сам так думал, Элифаз, пока не вышвырнули меня из этого дома, как ненужную ветошь. Так и тебя вышвырнут, дай только время. Будешь жаловаться, а он и не услышит. В преисподнюю сойдёшь, а он даже не заметит... Нет, не такой дом нужен тому, кто теряет родных и в поте лица добывает свой хлеб!.. Не человеку – Богу годится обитать в нем. Пусть радуется своим чудесам, пусть забавляется ими, как ребёнок своими игрушками! Пусть пускает Луну наперегонки с Солнцем, а лето заставляет догонять зиму. А человеку следует самому строить свой дом, не рассчитывая ни на кого. Потому что бездомным приходит он в этот мир, и некому позаботиться о нём, кроме него самого...

Вместе с последними словами Иова, Цофар начинает медленно подниматься со своего места. На его лице – гнев. По мере того, как он говорит, дневной цвет теряет яркость и начинает меркнуть. Похоже, что небо обложили грозовые тучи, которые быстро приближаются.

Цофар (*стоя сзади сидящего Иова*): Я все ждал, когда же, наконец, отсохнет язык твой и пустые слова твои забьют гор-тань твою? (*С изумлением*). Да кто ты такой, чтобы попрекать Творца твоего и похвалиться своим недовольством!.. Где ты был, когда Он утверждал Землю и натягивал над ней небесный шатёр? Где стоял, когда Он положил предел морю и как одеждою одел его облаками? Или ты знаешь устройство небес? Или властвуешь над молниями? Скажи тогда: кто даровал силу коню? Кто вложил мудрость в ибиса? Кто ястреба отпустил парить в небесах, – наверное, всё это ты, Иов? Ведь ты так смел, что даже Всевышнему перечишь и не боишься его гнева! Или ты серьёзно думаешь, что Он всё бросит, чтобы затеять с тобой тяжбу?.. (*С презрительной усмешкой*). Хотел бы я посмотреть, что ты ответишь Ему, если Он захочет встать перед тобой? Если скажет: «Эй, ты, червь земной! Уж если ты осмелился судиться со Мною, так может, сумеешь для начала усмирить Моего Левиафана?

Неожиданно совсем близко гремит первый удар грома.

Бильдад и Элифаз озираются.

Взгляни, горлопан! Не падёшь ли ты замертво от одного вида его? В двойную броню он одет, ужасом дышат врата его пасти, круг его зубов – словно частокол! Нет равных ему, играющему над бездной морской!

Блеск молнии и почти сразу за ним – удар грома.

(Вдохновенно). Пар валит из ноздрей его, и огонь – из гортани его! Он, как кипящий котёл: обожжёт любого, кто осмелится прикоснуться к нему! Костяные наросты на нём – словно щиты! Как жернов твёрдо сердце его, и плоть его не знает, что такое дрожь!

Вспышка молнии и оглушительный удар грома. Кажется, гроза бушует прямо над головой. Вой ветра и далёкий шум дождя. Элифаз и Бильдад, закрыв голову руками, в страхе припадают к земле.

(Кричит). Смотри! Яростью горят глаза его! Гнётся меч и разлетается копьё, коснувшись его брони! Железо для него, как солома, а медь – словно гнилое дерево! Рёв его вселяет ужас, но сам он не ведает страха! Усмири его, если сможешь, хвостун!..»

Удар грома так силён, что Цофар приседает, закрывая голову руками. Становится почти темно. Всеобщее оцепенение, во время которого на авансцене возникают фигуры Ищущего и Узы.

Уза: Сказать по правде, повелитель, их аргументы показали мне немного знакомыми. Я думаю, вы могли бы найти с ними общий язык.

Ищущий (*вяло*): Исчезни, шут.

Уза: Сию минуту. (*Исчезает вместе с Ищущим*).

Вспышка молнии и удар грома. Он уже значительно тише, чем предыдущий. На сцене светлеет.

Адаф (*громким шёпотом*): Кукареку, хозяин.

Иов (*негромко*): Кукареку, Адаф.

Элифаз, Бильдад и Цофар со вздохами поднимают головы. Короткая пауза.

Кукареку, Цофар! Ну, и где же твой Левиафан?

Цофар молчит, счищая с одежды песок. Короткая пауза.

А я ведь и сам было подумал: а не Его ли это поступь? Разве это не Ему пристало приходить в громе и блеске мол-

ний? Думал: сейчас услышу голос Его...

Далёкий раскат грома. Иов прислушивается.

Да, нет. Далеко Он. Не об Иове Его мысли.

Бильдад (*счищая песок*): Знаком это было тебе, Иов.

Иов: А разве я о знаке просил? Уж чем-чем, а знаками-то я не обижен. (*Поднявшись на ноги, не спеша идет по сцене*). Ах, бедные друзья мои! Вижу, как устали вы от вашего Иова! Думаете, наверное, что из-за одного только упрямства перечит он вам, словно капризный ребенок? А ведь он согласен со всем, о чём вы здесь говорили. Потому что ни в чём не погрешили вы против правды. И я, вместе с вами, знаю, что неисповедимыми путями ходит Всемогущий. Кто отменит, если Он решил? Кто устоит, если Он нападёт? А человек? Ничтожен. Грешен. Далёк от мудрости. Как ему спорить с Крепким? Он как пар над утренней водой: выглянет солнце – и нет его... Со всем согласен я, друзья мои.

Короткая пауза. Элифаз, Цофар и Бильдад настороженно поворачивают головы к Иову.

Вот только в одном буду противоречить вам, пока держится во мне это дыхание. Не стану благословлять ни мир ваш, ни правду вашу, как благословляете их вы. Потому что, что мне за дело до правоты вашей? Разве не она разбила Иова

на тысячу осколков и посмеялась над ним, как смеются над теми, кого покинул разум?.. Впрочем, не беспокойтесь. Ведь не Иов уже, – какое там! – а только тень его еще бродит здесь, смущая родных и близких, – всех, кто когда-то знал его. Придёт её час и тогда уже некому будет усомниться в правоте вашей...

Элифаз, Бильдад и Цофар разочарованно отворачиваются.

Бильдад (*поднимая свою чашу, сердито*): Как же он любит всё запутать!.. Самые простые вещи становятся темнее ночи, стоит им побывать у него на языке! Боюсь, не расшибить бы себе в этой темноте лоб... (*Пьёт*).

Элифаз: Есть вещи и пострашнее расшибленного лба, Бильдад. Что скажешь, например, о демонах, которые страсть как обожают прятаться в таком мраке?.. Не позавидуешь тому, кто встретит их, блуждая в этой темноте!

Бильдад в испуге чертит вокруг себя круг и бормочет магические заклинания.

Иов (*мягко*): Ты, наверное, забыл, Элифаз, что там, где живут петухи, демонов можно уже не бояться... (*Посмеиваясь*). Разве не для того мы здесь – и я, и Адаф, – чтобы отпугивать всякую нечисть и торопить зарю? (*Громко кричит*,

хотя Адаф находится рядом). Кукареку, Адаф!

Адаф: Кукареку, хозяин!

Иов (*кричит*): Близка ли заря, Адаф?

Адаф (*оглядывается вокруг, немного растерянно*): Не знаю, что тебе и сказать, хозяин.

Иов: Когда не знаешь, что сказать – пойд! Нет лучшего средства заставить зарю поторопиться!

Адаф: Слушаюсь, хозяин. (*Кричит*). Кукареку-у!

Иов (*подхватывает*): Кукареку!

Иов и Адаф: Кукареку-у! Кукареку-у!

Цофар (*не оборачиваясь*): Меня сейчас от них стошнит... Вы только посмотрите на этих дураков, которые ищут зарю прямо посередине дня!

Иов: И вот эту-то беспросветную ночь ты почему-то называешь «днём», Цофар?.. Выходит, ты никогда не видел дневного света? Того, который мы торопим – Адаф и я?.. Неужели даже во сне, Цофар? (*Укоризненно*). Кукареку, кукареку, старый друг. Если хочешь когда-нибудь его увидеть, то присоединяйся поскорее к нам. Ведь это совсем нетрудно, верно, Адаф? Открываешь клюв и кричишь что есть силы. (*Кричит*). Кукареку!.. Кукареку-у!.. Кукареку-у!..

Адаф (*подхватывает*): Кукареку-у!

Иов и Адаф: Кукареку! Кукареку! Кукареку-у-у!..

Откуда-то из пустыни доносится не то эхо, не то, в самом деле, чей-то голос, подхвативший их пенье: «Ку-ка-ре-

ку-у!...» Элифаз, Бильдад и Цофар с отвращением закрывают уши.

Иов и Адаф (с удвоенным рвением): Кукареку-у! Кукареку-у! Кукареку-у-у!..

Тьма.

Картина седьмая

Декорации первой картины – покои Ищущего. Только теперь они ярко освещены двумя или тремя горящими многосвечниками, чей свет, впрочем, не в силах прогнать притаившийся по углам сумрак. Мерцает позолота книжных корешков, вспыхивают доспехи и оружие.

Сам Ищущий полулежит на диване, утопая в подушках. Перед ним – раскрытая книга, которую он читал в начале пьесы. Как и тогда, он одет в халат, из-под которого выбиваются воротник и манжеты белоснежной рубахи.

Уза неторопливо и тщательно протирает стёкла книжных шкафов. Он задумчив и меланхоличен.

Пауза.

Уза (*вытирая стекла*): И всё-таки я бы настоятельно рекомендовал вам не читать лёжа, хозяин. Помнёте халат или протрёте локти. А где теперь найдёшь такую ткань? (*Продолжает заниматься уборкой, меланхолично*). Такой ткани теперь не найдешь нигде.

Ищущий (*оторвавшись от книги*): Что такое? (*Подозрительно*). Неужели в тебе, наконец, проснулось хозяйственное рвение?.. Послушай, это было бы просто ужасно. И без того в доме невозможно найти ни одной вещи.

Уза молча продолжает заниматься своим делом. Короткая пауза.

К тому же, если уж ты завел эту тему, позволь мне довести до твоего сведения, что как раз читать всегда следует только лёжа. (*Зекает*). Возьми любую книгу и убедишься в этом сам. (*Потягиваясь, откладывает в сторонку книгу, мечтательно*). Когда читаешь лёжа, происходят удивительные вещи! Стирается грань между прочитанным и действительностью. Между сном и явью. Между фантазией и правдой. Из горизонтального положения жизнь уже не кажется такой сомнительной, а надежда не выглядит так безнадежно. (*Долго и с удовольствием зекает*).

Воспользовавшись этим, Уза незаметно исчезает.

(*Сонно*). Вот если бы ты не ушёл, то мог бы заодно узнать, что точно также обстоит дело и с самими книгами. (*Зекает*). Те из них, которые пишутся лёжа, чаще всего достойны, чтобы их прочитали небожители... (*Бормочет*). Они рассказывают, что всё прекрасное хотя и трудно, но, в конечном счёте, достижимо... (*Зекает*). А прочие, пожалуй, и вовсе не стоит брать в руки... (*Засыпает*).

И почти сразу на сцене возникает фигура молодой жен-

щины, которая словно соткалась из клубящегося по углам сумрака. На ней длинное платье с разрезом до бедра, чёрные чулки, широкополая шляпа, перчатки. Плечи – обнажены. В руках – маленькая сумочка. Её наряд кажется одновременно и вызывающим, и скромным. Это – Истина, – не то плод сонного воображения Ищущего, не то, в самом деле, ставший реальностью персонифицированный образ последнего знания.

Танцующей походкой Истина проходит мимо спящего Ищущего, мимоходом заглядывает в лежащую рядом с ним раскрытую книгу, останавливается возле книжных шкафов, недолго разглядывая корешки книг, после чего возвращается и садится в кресло напротив спящего. Закинув ногу на ногу, достаёт из сумочки сигарету и закуривает.

Истина (пуская дым): Э-эй... Ты еще не забыл меня, дружок?

Ищущий спит.

(Нетерпеливо стучит каблучком по полу, капризно). Просыпайся!..

Ищущий (сквозь сон): Кто это? Кто это? Кто? Кто?..

Истина: Очень мило. Ну, а если я скажу тебе, что это я, – надеюсь, ты найдёшь мне местечко в ряду своих подружек?

Ищущий (пытаясь проснуться): Кто это? Кто? Кто?..

(Открывает глаза и почти сразу садится среди подушек, ошарашено). Богиня!.. Это сон?

Истина: Разве?

Ищущий *(окончательно просыпаясь):* Божественная!.. *(Не отводя от Истины восхищенного взгляда, пытается запахнуть халат).* Здесь?.. Рядом? *(Окончательно просыпаясь).* Боюсь, что это все-таки сон.

Истина: Вижу, меня здесь еще не совсем забыли.

Ищущий: Как можно... *(Пытаясь привести себя в порядок).* О ком же нам еще нам помнить, как не о тебе? *(Справившись, наконец, с халатом).* Надеюсь, этот визит не будет столь же краток, что и предыдущий?

Истина: Ты ведь знаешь, что я никогда, ничего не планирую заранее, дорогой. Может «да», а может «нет»... У тебя есть пепельница?

Ищущий: Что?.. Нет. К сожалению, я не курю.

Истина *(стряхивая пепел на пол):* Боишься испортить цвет лица?

Ищущий *(спуская ноги с дивана и надевая тапочки):* Нет, просто стараюсь избегать этих экзотических пороков... Знаешь, если у меня изо рта будет валить дым, то боюсь, мои недоброжелатели рано или поздно с удовольствием приделают мне заодно рога, хвост или копыта.

Истина: А тебе и так их скоро приделают, милый. Можешь даже не сомневаться. И рога, и хвост, и копыта. Это ведь только мне всё сходит с рук. Да и то только потому, что

меня зовут Истиной. (*Смеется*).

Короткая пауза.

(*Оборвав смех, с презрительной усмешкой*). Вот только почему-то при этом никогда никому не приходит в голову, что кроме всего прочего, это значит ещё то, что я страдаю всеми пороками, которые были, есть или ещё только будут!

Ищущий: Божественная... (*Льстиво*). Зато стоит тебе прикоснуться к любому пороку, как его уже никто не отличит от добродетели!

Истина (*грозя Ищущему пальцем*): Неплохо, дружок. Можно подумать, что ты только тем и занят, что оттачиваешь свой язык, чтобы соблазнять им бедных простушек! (*Дружески*). Скажи: это правда, что ты всё ещё доискиваешься до причин и оснований? (*Внимательно и, похоже, с жалостью смотрит на Ищущего*). Бедняжка! Какой это, наверное, тяжёлый труд... Конечно, как и всякая женщина, я люблю, когда в мою честь совершают всякого рода подвиги, но я бы ни за что не стала искать что-нибудь сама! Должно быть, это так скучно!..

Ищущий (*несколько напыщенно*): Клянусь престолом!.. Что до меня, то я готов нести бремя этой скуки всю Вечность, только бы освободить от него твои хрупкие плечи!

Истина (*поводя плечами*): Ну, плечи у меня, положим, не такие уж и хрупкие... Но, что меня всегда удивляло, дружок,

так это то, что как бы легкомысленно я себя ни вела, все почему-то всё равно считают меня крайне серьёзной. Как будто женщина больше ни на что не способна, как только морщить лоб и изрекать мудрые сентенции! (*Фыркнув*). Дурачьё! (*Внезапно быстро вскочив, забирается на кресло и, встав на нём в полный рост, распахивает платье*).

Ищущий ошарашен.

Посмотри... Разве с такими ногами обязательно быть серьёзной?

Ищущий не в состоянии сказать ни слова.

А фигура? (*Поворачивается, подняв руки*). Мне кажется, было бы преступлением, если бы такую фигуру иссушили какие-нибудь *важные проблемы!*

Ищущий поднимается с дивана. Его взгляд с восхищением пожирает прелестную гостью.

А грудь?.. Тому, кто ещё не совсем ослеп, не придёт в голову спрашивать меня, что мне известно о законе Бойля-Мариотта! (*Спускаясь с кресла*). Да, дружок. Может быть я и дура, но сложена хоть куда.

Ищущий (*восторженным шепотом*): Мера! Число! По-

рядок! Мать же их – Гармония! (*Опустившись на колени, протягивая к Истине руки*).

Приблизившись танцующей походкой к стоящему на коленях Ищущему, Истина берет его за руку и, держась за нее, обходит вокруг Ищущего.

Истина (*наивна и чиста*): Ну, что дурного в том, что я предпочитаю не думать о серьёзных вещах, от которых у меня болит голова? Мне нравится другое. Например, танцевать... (*Неожиданно остановившись перед Ищущим и сложив на груди руки, с мольбой*). Миленький! Ты ведь не откажешь мне?.. Всего только один танец... В конце концов, что тебе стоит?.. Знаешь, как трудно найти партнёра, с которым можно не опасаться за свои ноги!.. (*Нетерпеливо*). Ну, вставай же, вставай!..

Ищущий поднимается с колен.

(*Протягивая к нему руки, мурлычет*). Только ты и я... Станем кружиться среди звёзд. Завернувшись в Млечный Путь и поставив Луну освещать наш праздник... Ты готов?

Ищущий (*протянув к Истине руки, заворуженно*): Мера, число, порядок...

Истина и Ищущий приближаются друг к другу, пока Ис-

тина ни оказывается в объятиях Ищущего. Несколько мгновений они стоят безмолвно и неподвижно.

Истина (*томно*): Музыка...

Ищущий (*хрипло*): Музыка... (*Кричит*). Музыка!

Сначала тихо, потом всё громче звучит музыка. Ищущий и Истина кружатся в танце.

Ищущий: Ах, как бы мне хотелось вдыхать твой аромат всю оставшуюся Вечность!..

Истина: А как бы я хотела благоухать для тебя всю Вечность, господин!..

Танцуют.

Ищущий: Обнимать такую женщину!..

Истина: Я всего только слабая и доверчивая Истина...

Танцуют.

Ищущий: Пусть же моё блаженство будет полным! (*Страстно обнимает Истину*). Ну, не упрямься же!.. Не упрямься!

Истина: Твои желания смущают меня. Я ведь так неопытна.

Движения Ищущего становятся всё более откровенными. Шаг за шагом он подталкивает Истину к дивану. Танец постепенно перерастает в борьбу.

Ищущий (*держит Истину так, что она не в состоянии пошевелиться, восторженно*): Послушай! Послушай! Послушай!.. В книге, которую я сегодня читал, говорится про нас с тобой. Теорема шестьдесят первая. «Желание, возникающее из разума, не может быть чрезмерным».

Истина (*просто*): Пусти. Скотина.

Музыка обрывается. Ищущий выпускает Истину из рук.

(Поправляя платье). Скотина. Дурак. Ну, почему ты такой дурак! *(Сердито)*. Если хочешь залезть на даму, не забудь сначала почистить зубы!.. *(Оглядывая себя, жалобно)*. Идиот! Помял всё платье.

Ищущий (*подавлен*): Виноват. Виноват. *(Делает попытку расправить помятое платье)*.

Истина (*кричит*): Убери руки! *(С горечью)*. Испортил танец!.. Ну, не скотина ли ты, миленький?

Ищущий (*удручён, искренне*): С-с-скотина.

Истина: Да ещё какая! *(Садится в кресло)*. Сядь.

Ищущий осторожно садится на край дивана. Небольшая

пауза.

(Спокойно). Меня унизили и оскорбили.

Ищущий немедленно вскакивает. На его лице раскаянье.

Я говорю не о тебе, дружок. Не о тебе. *(Достает из сумочки зеркальце и пудреницу).*

Ищущий садится. Удивлён.

Но ты хорошо знаешь того, о ком я говорю.

Ищущий непонимающе смотрит на Истину.

Его зовут Иов. Соседи называют его праведником. Кажется у тебя с ним какие-то дела, если я не ошибаюсь. *(Пудрится, глядя в зеркальце).*

Ищущий *(изумлён):* Иов!.. *(Смеётся).* Иов?.. Не может быть!

Истина молчит.

Чем же он мог оскорбить тебя?.. Он – ничто. Плесень. Прах. Пустое место...

Истина: Правда? *(Продолжая пудриться).* Тогда почему

же он ушёл из твоих рук целым и невредимым? Почему ты не свернул ему шею? Не разбил гортань? Не вынул из его ноздрей дыхание?.. Или, может, я ошибаюсь?

Ищущий: Ты, наверное, знаешь. Мне было запрещено убивать его.

Истина: Допустим. Но почему тогда ты не превратил его в послушное животное? Не сломал его волю, не затопил его душу ужасом?.. Есть много способов, благодаря которым человек становится послушным.

Ищущий: Богиня! Я сделал всё, что мог. Взгляни сама. Его дети мертвы. Стада угнаны. Он ограблен, раздавлен и разорён. Его мучают болезни, а уста не перестают кощунствовать. Что же ещё?

Истина *(безмятежна):* Всё это мне известно. *(Улыбаясь, смотрит на Ищущего. Её улыбка так зловеща, что он начинает чувствовать себя не в своей тарелке).*

Короткая пауза.

Ищущий *(негромко):* Но зачем он тебе?

Истина *(мягко):* Зачем?.. *(Убирает пудреницу).* А разве ты, миленький, откажешься отхлестать по щекам своего слугу, которому вдумалось забраться в твой винный погреб или вдруг пришла фантазия украсить себя одеждой из твоего гардероба?.. *(Смеётся).* Ты же знаешь: я мотовка и транжирка. Трачу столько, сколько мне придёт в голову. Нико-

гда толком не знаю, что и сколько лежит в моих кладовых... Но вот, что я знаю точно, так это то, что всё, что там лежит, принадлежит только мне! (*Кричит*). И если кто-то осмелится запустить туда свою поганую руку, то я готова... готова... (*В ярости*). Я даже не знаю, что!.. (*На несколько мгновений становится похожа на базарную торговку, у которой пробегающий мальчишка стащил горсть семечек*).

Ищущий (*который уже пришёл в себя, галантно*): Клянись утренней звездой, что ни в коем случае мне не хотелось бы тогда оказаться на его месте!

Короткая пауза.

Истина (*слегка смущена, мурлычет*): О, дорогой! Наверное, я выгляжу такой жадной, такой неаппетитной!.. Но что же мне делать? В конце концов, никто не скажет мне спасибо, если я позволю растащить всё то, что мне доверено хранить и оберегать!.. Я не бессердечна, не жестока. И меня охватывает порой это восхитительное чувство, – кажется, его называют «жертвенная любовь»? Да? (*Встав, медленно идёт, сцепив на груди руки; становится похожа на плохую актрису, повторяющую свою роль*). Когда хочется отдать всё, что имеешь. Накормить голодных. Одеть раздетых. Утешить всех плачущих. Исцелить больных. Приютить бездомных. Успокоить отчаявшихся. (*Обрывает себя*). Но это было бы, ну, по крайней мере, глупо. Царство Истины –

не благотворительное заведение и не фонд помощи неудачникам. Здесь нет ничего ни «доброе», ни «злого», а только истинное. Ты ведь знаешь, что это значит, миленький? (*Не дожидаясь, пока Ищущий ответит*). Это значит, что болезнь ничуть не хуже здоровья, богатство – нищеты, а порок несколько не порочнее добродетели!

Ищущий театрально аплодирует. Короткая пауза.

(*Остановившаяся позади дивана, на котором сидит Ищущий, наклонившись к нему, вкрадчиво*). Ты ведь не откажешься помочь своей маленькой подружке? Ведь нет?.. В конце концов, помогать мне, это всё равно, что помогать самому себе. Ты ведь не забыл?

Ищущий: Но чем же он так досадил тебе?.. Этот червяк? Ничтожество? Жалкий человечешко?

Истина (*неопределённо*): Он чудовище, дорогой. Стоит мне вспомнить о нём, и я сразу чувствую себя оплётанной с ног до головы. (*Капризно*). В конце концов, я просто хочу, чтобы он был наказан.

Ищущий: Так зачем же дело? (*Улыбаясь, шутливо*). Надеюсь, у тебя хватит на это сил?

Обойдя диван, Истина молча садится рядом с Ищущим. Короткая пауза.

(Удивленно). Что такое?

Истина молча смотрит мимо Ищущего.

(Осторожно). Что-то я не припомню, чтобы когда-нибудь прежде ты сомневалась, когда кому-нибудь надо было надавать по рукам или свернуть шею.

Истина (*глухо*): Потому что это было прежде, миленький... Прежде, а не теперь, когда он выстроил на моей земле свой проклятый, проклятый, проклятый Дом...

Ищущий заинтригован. Небольшая пауза.

(С тихой яростью). Представь себе, дом, над которым я не имею никакой власти. Чей порог я не могу переступить. Чьи стены смеются надо мною... Дом, в котором он царствует, словно царь над своим царством!..

Ищущий (*все еще не понимая*): Так поймай его!.. Схвати! Пытай, до тех пор, пока он не позабудет различие между жизнью и смертью! Тебе-то ведь, надеюсь, никто не запрещал убивать его.

Истина (*язвительно*): Какой прекрасный совет! (С отчаяньем, почти кричит). Да, если бы я только могла его увидеть!

Ищущий изумлён. Молча смотрит на Истину.

Ах, если бы я только могла!.. Но скажи, как можно увидеть того, кто не существует? Кто прячется в своей норе, словно трусливый заяц? Кто боится выйти из дома, чтобы встретить свою судьбу лицом к лицу?.. О, ты можешь не сомневаться: у меня хватит сил на то, чтобы поменять местами Плеяды и Медведицу! Но где взять силы способные поймать тень или связать руки призраку?

Ищущий (*начиная понимать, негромко*): Ах, вот оно что... (*Испугано*). Но этого не может быть!.. Ай, да Иов... Выходит, что он вроде как ускользнул от тебя?..

Истина: (*задета*): Ты, кажется, даже рад?

Ищущий: Богиня... (*Протягивает к ней руки*).

Истина: Ах, оставь!.. Ты хоть понимаешь, что это такое – ускользнуть от Истины?.. Кто теперь остановит его, если он начнёт сомневаться в моей истинности? Кто схватит его за руку и назовёт вором, когда он станет хвастать своей ничтожной жизнью и противопоставлять её извечно установленному порядку? (*Сужасом*). А кто помешает ему, когда он захочет присвоить себе моё имя? (*Едва слышно*). Мое имя...

Ищущий: Да, что он может? Один? Один!.. Кто его услышит?

Истина: А ты думаешь, так трудно найти себе подражателей? Тех, кто побежит за тобой, словно стадо баранов?.. Да я уже сейчас вижу всех этих жалких выродков, которые никогда не осмелятся открыть рот, но в сердцах будут копить

яд и тешить себя своими безумными фантазиями! Они будут рассуждать об Истине, но думать об Иове. Поклоняться порядку, но в душе славить непослушание. Я уже сейчас слышу, как они станут шептать друг другу: «Истина Истиной, но ведь есть еще этот Иов, который выстроил свой Дом, ни у кого не спросив благословения...» (*Кричит*). Но даже, если он будет один! Один во всей Вселенной!.. (*Закрывает лицо руками*).

Ищущий (*в смятении*): Что? Что?.. Что?

Истина (*глухо*): Ах, какой же ты всё-таки тупой, миленький... Разве ты еще не понял? А ведь это тот самый случай, когда одно единственное исключение ставит под сомнение всё правило. (*Совсем тихо*). Нет. Давай уж скажем все, как есть. Оно его просто отменяет.

Короткая пауза.

(*Подняв голову, просто*). Ты мне поможешь?

Ищущий: Я?.. Но что же я еще могу сделать, госпожа?.. Уже больше года я пытаюсь сломить его упорство. Но он упрям. Упрям и бессердечен... Ах, как же он бессердечен... Бесчувственный камень и тот, мне кажется, проявил бы больше чувств, чем этот праведник!

Истина (*нервно*): Тогда придумай что-нибудь еще. Предложи ему всё, что сможет изобрести твоё воображение. Ведь он всего только человек. Горстка праха. Ничтожество... Дай

ему чуть-чуть, и он сразу захочет больше. Дай ему одно, и он потребует другое. А когда ты дашь ему всё, он заболит от скуки и, в конце концов, расшибет себе лоб, потому что ему уже нечего будет хотеть... В конце концов, дорогой мой, человек это всего лишь существо, не умеющее вовремя остановиться.

Ищущий (*негромко*): И все-таки я хочу сказать тебе одну вещь, госпожа... (*Помедлив, серьезно*). Он очень упрям.

Истина: Так напугай его! Не испугается – унизь, так чтобы он возненавидел самого себя! Соблазни его молодостью, умом, славой! Наконец, скажи ему правду, которая убьёт его!.. Я не знаю, что ты будешь делать, но только вымани его из этого проклятого Дома, заклинаю тебя! Пусть только высунет оттуда кончик носа, – да что там нос! Мне хватит кусочка его ногтя, волоса, за который я могла бы уцепиться, чтобы вытащить его оттуда! Пусть покажется хотя бы на одно мгновенье. А уж потом я знаю, что мне делать!.. (*Жмурится и становится похожей на большую сытую кошку, потрепанную Ищущего по колену*). Тогда, возможно, я разрешу тебе немного покопаться у меня под юбкой. (*Тихо смеётся*).

Ищущий смущён или только делает вид. Короткая пауза.

Истина: Миленьки-и-ий!..

Ищущий: Я постараюсь, госпожа... (*С неожиданной тревогой*). Только скажи мне, ради подножья Его престола, что

ты думаешь о том, что сам Крепкий не захотел признать его виновным?.. Словно издеваясь над своим собственным порядком? Несмотря ни на что? Как будто для него не писаны никакие законы?.. (*Тоскуя*). Мне кажется, тут что-то не так, что-то не так...

Истина (*мгновенно собравшись*): Ах, вот что тебя беспокоит... (*Холодно*). Тогда слушай меня внимательно, миленький. Надеюсь, ты не забыл, что есть только одна Истина и только один Творец? Тогда, может быть, ты скажешь, откуда взяться между ними разногласиям? Или ты думаешь, у Него может быть другое мнение? Ведь ты же не станешь повторять вместе с другими глупцами, что Он капризен или что в Нём нет постоянства, так что сегодня Он гневается, а завтра вновь станет милосерден?..

Ищущий прячет лицо в ладонях.

Да что это с тобой, наконец?

Ищущий (*подавленно*): Я не знаю, госпожа...

Истина (*строго*): Миленьки-и-ий.

Ищущий: Видишь ли... Иногда... (*Шепотом*). Особенно, в последнее время... (*Озираясь по сторонам*). Мне стало казаться, что Он просто ушёл от нас... Убежал. Исчез. Испарился... (*Без выражения*). И когда я думаю об этом, мне самому хочется немедленно бежать отсюда прочь. Броситься со всех ног не разбирая дороги... Вот только куда? Куда?..

Истина (*негромко*): Так, так, так. (*Мягко, почти по матерински*). А ну-ка, быстрее гони эти глупые мысли прочь, дружок. Ну, где это ты видел место, куда бы Он мог уйти, оставив Своё Творение? Посмотри, разве это не Его миллионы глаз смотрят на тебя со звёздного неба? Или это не Он разговаривает с тобой в шуме морского прибоя или в пении жаворонка?.. Смотри, всё идёт как надо, как шло от века, и как будет идти всегда. Звёзды совершают свой путь и вовремя зеленеют склоны гор. (*Внезапно застывает, лицо ее каменеет*).

Короткая пауза.

(*Неожиданно хриплым голосом*). Но даже если бы Он ушёл – что ж! Всё равно всё останется по-прежнему, как и было. Огонь будет жечь, камень – тонуть. Женщины – лгать, а мужчины – говорить глупости. (*С жалкой улыбкой*). Ничего не поделаешь. В конце концов, мы все привыкнем и станем обходиться без Него. Жаль. Ну, да что же делать? (*Какое-то время молчит, затем говорит негромко и просто*). Как же я все-таки устаю от этих серьёзных разговоров. После них в голове становится пусто и душно... Ты ведь не забудешь об Иове? (*Заглядывая Ииццему в лицо*). Какой же ты у нас все-таки впечатлительный! (*Берёт его за руку*). Ну, прости меня. Прости и забудь всё, что я здесь наговорила. И я забуду вместе с тобой. (*Придвигаясь к нему*). Давай забудь-

дем вместе... (*Внезапно заходится приступом смеха, сквозь смех*). Ох, если бы ты только видел, какая серьёзная физиономия была у тебя, когда ты тащил меня в постель!.. (*Хохочет*).

Ищущий обижен. Пытается отодвинуться.

Ах, только, пожалуйста, не дуйся!.. Давай-ка лучше потанцуем!... (*Мурлычет*). Только ты и я.

Ищущий (*обиженно*): Завернувшись в Млечный Путь?

Истина: Да! Да!

Ищущий: Одни среди звёзд?

Истина: Не считая, конечно, наших теней! (*Встаёт и тянет за собою Ищущего*).

Какое-то время Истина и Ищущий стоят друг против друга, затем берутся за руки.

Ищущий (*привлекая Истину к себе*): Интересно знать, что ты скажешь тогда о Луне?

Истина: Пусть эта паршивка завидует нашим танцам!

Ищущий: А о Солнце?

Истина: Пусть оно не смеет показываться до тех пор, пока играет наша музыка!

Ищущий (*тихо*): Музыка!

Истина (*кричит*): Музыка!

Истина и Ищущий: Музыка!..

Начинает играть музыка. Истина и Ищущий кружатся в танце.

Тьма заволакивает сцену.

Картина восьмая

Декорации третьей картины: внешняя сторона стены, окружающей дом Иова.

Ночь. Лунный свет заливает сцену.

Иов сидит на камне, глядя на растилающуюся перед ним пустыню. Рядом с ним стоит Ищущий. На его лице – растерянность и раздражение. Пауза.

Ищущий: Выходит, ничего из того, что я перечислил?

Иов молчит.

Может быть, я что-то упустил? Не учёл? Так ты не стесняйся, скажи.

Иов молчит.

Ни славы, ни богатства, ни власти, ни мудрости, – ничего из того, чем дорожат все без исключения?.. (*Взрывается*). Да, ты чудовище, Иов! Тебе, похоже, не надо заботиться ни о пище, ни о питье, ни об одежде – всё это заменит тебе твоя гордость! Наверное, ты её ешь, и пьёшь, и заворачиваешься в неё в холод, да ещё кладёшь её себе под голову вместо по-

душки!

Иов (*равнодушно*): Ты забыл добавить, что ещё она слухит мне вместо посоха. (*Без выражения*). А, в общем, ты недалёк от истины, демон.

Ищущий: Я же просил: не называй меня демоном, человек! Ну, какой я тебе демон! Демоны безобразны, волосаты и дурно пахнут. Если бы ты повстречал демона, эта встреча отбила бы у тебя аппетит на целую неделю... Если хочешь, можешь называть меня... Жажущим. И это будет правильно, потому что я жажду добра и ищу справедливости. Возможно, это немного старомодно, но, тем не менее, это истинная правда... (*Быстро*). Хочешь что-то сказать?

Иов молчит.

(*Со вздохом, присаживается рядом с Иовом, просто*). Знаешь, я устал, Иов... Сдайся, и я обещаю тебе, что твоё поражение будет больше походить на победу.

Иов молчит. Короткая пауза.

Или ты, действительно, думаешь, что твоё упрямство тебе поможет? (*Сердито*). Ну, тогда скажи мне, что же, в таком случае, ты прикажешь делать с твоим сердцем и с теми желаниями, которые все равно живут в нем?.. Не поленись заглянуть в него, Иов!.. Вон они, все вместе – жажда славы, и

жажда богатства, жажда мудрости, и жажда власти, – да мало ли, что ещё там можно найти, если покопаться!.. Вот и посуды теперь: так ли это важно, что у тебя нет ни золота, ни власти, раз твоё сердце изъедено этими червями!.. Ты же не думаешь, что Всемогущий станет делать различия между тем и этим?.. (*Снисходительно*). Ну, не упрямясь. Не упрямясь. Проигравший должен признать своё поражение.

Иов равнодушно молчит.

(*Сердито*). Или ты всерьёз полагаешь, что отказываясь от моих даров, ты что-то выиграешь?.. Полно, Иов! Разве ты отворачиваешься от них не ради своей чудовищной гордыни? А это значит, что ты всё равно проиграл! Ты ведь знаешь – нет греха хуже, чем гордость!

Иов: И при этом, заметь, нет и более удобного, демон. Разве это не ты сказал, что она может заменить даже подушку?

Какое-то время Ищущий молча тоскует. Иов молчит.

Ищущий (*примирительно*): Послушай меня, Иов!..

Иов (*равнодушно*): Что тебе, демон?

Ищущий: Я же просил! Не называй меня демоном, упрямый ты человек! Демоны глупы и кровожадны!.. (*Мягко*). Ну, возьми хотя бы мудрость. Это ведь не такая вещь, кото-

рую стыдишься, как, например, несправедливо нажитого богатства... Я согласен: власть – постыдна, слава – преходяща, но на мудрость никто не осмелится посмотреть косо... Возьми, Иов!

Иов: А на что она мне, демон? Эта беззубая, трусливая, вечно болтающая, да, к тому же, всегда пялящая назад, словно у неё глаза на затылке?.. Нет, демон. Оставь ее себе.

Ищущий разочарован. Пауза.

(Тихо). Есть, пожалуй, только один дар, от которого я не смог бы отказаться.

Ищущий медленно поднимается, пожирая Иова глазами.

От моих детей, демон.

Ищущий разочаровано садится.

Если бы я вновь мог услышать их голоса, чтобы они встали передо мною, говоря: «Вернулись мы и уже больше не уйдём».

Ищущий (сердито): Глупости!.. Глупости, Иов!.. Ты не хуже меня знаешь: никто не вернёт тебе детей. Бери уж лучше, что есть.

Иов (повернувшись к Ищущему, напряженно): А что ты

скажешь тогда насчёт Крепкого?

Ищущий: Насчет Крепкого, Иов? (*Насмешливо*). А разве Крепкий создал наш мир, чтобы нарушать его законы? Или ты не знаешь, что то, что случается – случается раз и навсегда?.. (*С кривой улыбкой*). Вечно одна и та же история! Стоит разуму сказать «нет», как на помощь немедленно зовут небеса! (*Жёстко*). Не волнуйся, Иов. Ему это тоже не по силам.

Иов (*отворачиваясь, тихо*): Да, да, да... (*Не сразу, задумчиво*). А ведь когда-то всё было иначе, демон. Тот Бог, о котором мне рассказывали мой отец и моя мать, когда я только-только начинал ходить и думал, что мир кончается за ближайшими холмами, – тот Бог, представь себе, умёл всё. Он двигал горами и спасал праведника из рук разбойников. Он не брезговал черновой работой и шёл впереди войска или наполнял паруса судов свежим ветром. Он приносил мне сласти, которые я находил утром под подушкой. И уж, конечно, Ему бы не составило труда вернуть к жизни мёртвого.

Ищущий: Ах, оставь, Иов. Просить следует возможного, и тогда пошлётся вам. Вот заповедь, о которой не должен забывать мудрец... Мудрец, Иов!

Иов: Но я-то не мудрец, демон. (*Повысив голос, почти раздраженно*). И если бы Ему вдруг вздумалось послать мне сегодня что-нибудь из того, что ты называешь «возможным», то я бы подумал, что Он просто хочет откупиться от меня... Пожалуй, я бы даже решил тогда, что Он испытывает чувство вины и Ему не совсем удобно перед старым Иовом. А

может, даже перед всем миром, демон? Где Он уже не может изменить ничего и только бахвалится по привычке своим никому не нужным могуществом? (*Смолкает, продолжая смотреть в расстилающуюся перед ним пустыню*).

Ищущий беззвучно смеется.

Ищущий (*сквозь смех, негромко*): Ай, да Иов... Ай, да праведник!.. (*С недоумением*). Ну, почему? Почему каждый из вас так уверен, что Всемогущему прямо-таки нечем заниматься, кроме ваших дел?.. (*Смеется*). Да, с какой это стати, Иов? Он что, человек?.. (*Вдруг просветлев, мягко*). А хочешь послушать, что сказано об этом в одной прекрасной книге?.. Правда, она ещё не написана, но, так и быть, я прочту тебе из неё кое-что, из того что помню наизусть. (*Вспоминает*). Между прочим, в ней говорится, что «если Богу свойственны разум и воля, то они должны быть совершенно не похожи на человеческий разум и человеческую волю и иметь с ними сходство только в названии, подобно тому, как сходны в названии созвездие Пса и пёс – лающее животное» (*Некоторое время молчит, наслаждаясь сказанным*).

Пауза.

(*Снисходительно*). Ну, что? Возьмёшь что-нибудь?

Иов не отвечает. Похоже, он к чему-то прислушивается, наклонив голову и закрыв глаза. Небольшая пауза.

(Поднимаясь; сквозь зубы, скрывая раздражение). Что ж, надо признаться, что ты неплохо держишься, старик. Возможно, ты просто набиваешь себе цену, а может быть, и в самом деле считаешь себя неуязвимым. В любом случае – берегись. Потому что я нападу на тебя, откуда ты меня не ждёшь, и заставлю тебя признать своё поражение. (Обогнув камень, останавливается за спиной Иова. Готовясь нанести удар, буднично). Вот ты считаешь себя без вины пострадавшим, а, значит, и правым. Да еще до такой степени, что даже Крепкого зовёшь на суд и требуешь от него отчёта. (Наклонившись к Иову, вкрадчиво). Но в чём же твоя правота, Иов?

Иов молчит. Короткая пауза.

Или ты думаешь, я не знаю, о чем твои мысли? (Передразнивая). «Вдовицу не обижал, нищему подавал, голодного кормил, страннику не отказывал...» Ах, какой ты, в самом деле, великий праведник, Иов! (С кривой усмешкой, вновь наклоняясь к сидящему). А хочешь, я напомню тебе, какие черви шевелились в твоём сердце, когда ты кормил этого голодного, и не оставлял своей заботой нищего? Да, ты просто раздувался от сознания своей праведности, так что на

твоём лице можно было прочесть только одно: смотрите, как милосерден, как сострадателен, как чист сердцем праведный Иов!.. Ты лоснился от своей добродетели, как лоснится на огне жирный кусок баранины!

Иов улыбается, но в этой улыбке есть что-то жалкое. Обогнув камень, Ищущий, между тем, оказывается перед сидящим. Короткая пауза.

Вспомни-ка, как однажды, когда безногий калека подполз к тебе за подаванием, ты стал наставлять его по части гигиены и поведения, а у него дрожали руки, и текла слюна, потому что он не ел три или четыре дня! Но это не остановило тебя, Иов. Нет. Ты прочёл ему свою проповедь до конца, и только после этого отдал предназначавшееся ему... Мало того, что ты был чудовищно богат своей праведностью, ты ещё спешил поскорее поделиться ею с каждым встречным! А это, конечно, делало тебя ещё богаче!

Иов (*устало*): Догадываюсь, куда ты клонишь, демон.

Ищущий: Не так уж это и трудно, идолопоклонник! Ведь ты поклонялся своей праведности, как поклоняются купленному на базаре глиняному божку! Как поклоняются отлитому из меди идолу! Напомнить тебе, что ты при этом думал? (*Почти с отвращением*). Ах, Иов, Иов!... (*Перечисляет, загибая пальцы*). Ты думал: я праведен и богобоязнен, а значит, Всевышний не может не любить меня. Он любит меня,

а, следовательно, оберегает и приумножает мои богатства, – все эти стада, и земли, шерсть и одежду. Так отчего бы мне не считать, что всё это я добыл сам, своими собственными силами, с помощью одной только своей праведности, которой я теперь и поклонюсь! (*Кланяется по-шутовски нелепо*).

Иов (*тихо*): Неправда, демон.

Ищущий: Возможно, я немного сгустил краски. Но лишь немного, самую малость. Тем более, что это еще не все, Иов... Скажи-ка, ты ведь еще не забыл, что думал тогда в своём сердце о Крепком?

Иов молчит.

Если и забыл, то ничего страшного. Я с удовольствием напомню тебе, Иов... Ты думал: далеко Он. Ах, как же Он далеко этот Крепкий! Да и зачем Ему быть близко, когда сам я и милосерден, и справедлив, и исполняю всё, что Он заповедовал, – кому придёт в голову требовать от меня больше? (*Смеётся почти беззвучно, грозя Иову пальцем*). Ах ты, хитрец! словно сторожа поставил ты Крепкого охранять твои богатства, а чтобы Он не убежал ещё и стреножил Его своей праведностью! Но стоило Ему позабыть о тебе, как ты кричишь: «Караул! Разбой! Несправедливость! Без вины я страдаю, потому что ни в чём не погрешил ни против Бога, ни против заповедей Его! Пусть придёт, пусть встанет предо мной, а уж я тогда решу, как мне поступить с Ним!..» (*Про-*

сто). Вот так она выглядит, твоя правота, Иов. (*Сердито*). Только не думай, пожалуйста, что я ополчился на праведность или усомнился в добродетели. Великая вещь – добродетель, человек! Вот только у вас, у людей, она почему-то превращается в червей, которые живут в ваших душах, наполняя их гордостью и тщеславием! (*Брезгливо*). Иногда они так воняют, что я не понимаю, как их ещё терпят небеса... (*Жёстко*). И прошу тебя: не надо больше называть меня демоном.

Иов (*не сразу, со вздохом*): А ты оказывается хитёр, демон... Хитер.

Ищущий самодовольно разводит руками.

Хитер, но не умен... Ведь если бы ты был умен, то давно бы уже догадался, что твоя хитрость здесь не нужна, потому что я согласен с каждым твоим словом.

Ищущий озадачен.

Вот только одного ты не учёл. Того, что у тени нет никакой «души», где могли бы завестись черви, демон. Она даже не может заглянуть в себя, потому что ей просто некуда заглядывать. Ты, наверное, забыл, что она всего-навсего тень? Прозрачная и ничего не скрывающая, изгнанная из себя и позабывшая, что такое стыд... Я говорю это о себе, демон.

Об Иове, потерявшем то, что называют «душой» и получившим взамен способность быть невидимым и неуязвимым... Знаешь, как сверкает на воде лунная дорожка? И это ее-то ты решил уловить в свои силки? Это вечно ускользающее и не терпящее ничьей опеки? (*Тихо смеется*). Ах, хитрец, хитрец...

Короткая пауза.

(*Негромко*). А хочешь, я открою тебе самую главную тайну тени? (*Манит к себе Ищущего*).

Ищущий невольно делает шаг к Иову.

(*Громким шёпотом*). Она безгрешна.

Ищущий подавлен.

(*Шёпотом*). Безгрешна, демон!.. Вот почему она не нуждается даже в праведности. (*Усмехаясь*). До такой степени, что даже позабыла, как выглядит её лицо.

Ищущий: И вот это-то ты называешь смирением, Иов? Не много же его у тебя.

Иов: А на что оно мне, демон?

Ищущий (*холодно*): Обычно на него можно что-нибудь приобрести, болтун. Например, расположение небес.

Иов: Какое нужное приобретение!.. Боюсь, только, что тебе надо обращаться с этим не ко мне, а к тому Иову, которого уже давно нет... Пойди, поищи его. Может он еще где-то бродит, раздуваясь от своей праведности и веселя небеса пустой болтовней. (*Сердито*). Или я действительно всё ещё похож на человека, который, просыпаясь каждое утро, начинает считать и пересчитывать свои богатства, называя их по именам?.. Вот смирение, вот мудрость, вот рассудительность, надежда, справедливость, знание, мужество? Не беднее ли я сегодня последнего нищего? Ведь и нищий, встав утром и запив глотком воды корку хлеба, начинает считать свои сбережения и рассуждать о смирении или мужестве, — и уж тут-то он ничем не отличается от богача!

Ищущий (*с отвращением*): Как же ты все-таки многословен, праведник!.. Не боишься, что не простит тебе Всемогущий твою болтовню?

Иов: Не простит кого, демон? (*Оглядываясь вокруг*). Тень? Или лунный отблеск? Воспоминание о том, кого когда-то звали Иовом? Или отражение облака в колодце?.. (*С тихим смехом*). А я и не знал, что можно сердиться на отражение. Или воспоминанию приказать: «будь другим»...

Голос Жены Иова за сценой: «Господин... Господин!..»

Ищущий (*пятясь в темноту*): Только не думай, что тебе удастся улизнуть от меня, Иов.

Голос Жены: «Господин!..»

(Исчезая). Мы еще увидимся, праведник!

Жена *(появляясь в проёме стены и ещё не видя Иова).*

Господин!.. (Прежде, чем подойти, на мгновение задерживается, затем подходит и останавливается позади Иова, положив ему руки на плечи. Мягко). Ты встал так тихо, что я опять ничего не заметила...

Иов: Хочешь позвать меня домой?

Жена: Уже поздно, господин.

Иов: А может быть, хочешь немного посидеть со мной?

Жена: Да, господин. *(Садится рядом).*

Пауза.

Иов *(прислушиваясь, негромко):* Что-нибудь слышишь?

Жена: Нет, господин.

Пауза.

Иов *(продолжая прислушиваться):* А сейчас?

Жена *(виновато улыбаясь):* Ничего, господин... *(Осторожно).* Наверное, ты спрашиваешь меня о своей свирели?

Иов: Надеюсь, ты не станешь опять убеждать меня, что это звенит у меня в ушах?

Жена (*прижимаясь к Иову*): Нет, господин.

Иов прислушивается. Пауза.

Иов (*негромко*): Иногда её мелодия становится похожа на еле слышный ручеек. А иногда кажется, что она сейчас оглушит тебя и собьёт с ног, хотя её по-прежнему едва слышно... Нет? Ничего?

Жена: Нет, Иов. (*Негромко*). Но я так верю тебе, что, кажется, уже начинаю её слышать. (*Прислушивается, подняв голову, потом напевает*). Ла-ла-ла...

Иов: Нет, нет. (*Напевает*). Та-та-та-та.

Жена (*напевает*): Ла-ла-ла-ла...

Иов (*напевает*): Та-та-та-ра-ра-ра... Мне кажется, что сегодня она звучит как-то по-особому. (*Напевает*). Та-ра-ра-ра-ля... Так, словно после долгого пути странник подошёл, наконец, к родному дому. Словно, оставив позади водную пустыню, команда корабля видит перед собой полоску долгожданной земли... Вот так: та-та-та-та-та-та...

Жена: Небеса послали её тебе.

Иов (*с подозрением*): Небеса?.. Уж не хочешь ли ты сказать, что сам Крепкий решил поиграть на свирели, чтобы укрепить в сердце Иова надежду? (*Усмехаясь*). Хотел бы я посмотреть на это.

Жена (*тихо*): Но кто же ещё, Иов? Кто же, кроме Него?

Иов: Когда-то, признаться, я и сам так думал. Но теперь

мне хочется думать по-другому. (*Негромко*). Недаром мне часто кажется, что это я сам играю где-то очень далеко, может быть на другом конце света, для себя, сидящего сегодня здесь, под этим звёздным небом. Играю, уже пройдя до конца весь путь унижений, для того чтобы помочь нам, ещё бредущим сегодня по этому пути... (*Вздыхнув, капризно*). Впрочем, не стану спорить: Крепкий тоже не оставил меня без утешения! Утешил меня и своим молчанием, и своим отсутствием!

Жена с тихим смехом опускается возле Иова на землю и кладёт ему голову на колени.

До последнего часа будет помнить Иов Его заботу!

Жена: Ах, господин! Если бы кто-нибудь другой услышал тебя, не зная, о чём идёт речь, то он, наверное, подумал бы, что ты ведёшь себя, как влюблённый, чей разум помутился от любви и разлуки! (*Поспешно*). Ведь так и бывает с влюблёнными, которые то обижаются, то клянут, то плачут, то выдумывают небылицы, то зовут, то прогоняют, то прячутся, то ищут, то сердятся, и при этом всегда говорят так путано, что уже никто не понимает о чём идёт речь!.. Какой ты смешной, Иов!.. (*Тихо смеётся, уткнувшись лицом в его колени*).

Иов: Что это вдруг пришло тебе в голову?.. Разве Крепкий похож на юную девушку, которой пришло время выслушивать признания и принимать подарки? Или Он напоми-

нает молодую вдову, от чьей красоты захватывает дух у того, кто случайно заглянул ей в лицо? (*Жёстко*). Его дыхание ломает столетние кедры. А от Его шагов колеблется основание Земли. Какая уж тут любовь!

Жена (*робко*): Но я говорю не о такой любви, господин.

Иов: Не о такой? Выходит, есть ещё какая-то?.. Случайно, не такая, когда один прячется, а другой ищет? Один зовёт, а другой не отвечает?

Жена: Да, господин.

Иов: А может, такая, которая одного превращает в беглеца, а другого в тень? Когда одного следовало бы называть Отсутствующим, а другого – Ожидающим?

Жена (*тихо*): Да, господин.

Кажется, что Иов погрузился в глубокую задумчивость. Его глаза закрыты, лицо спокойно. Небольшая пауза.

Иов (*спокойно*): Конечно, ты можешь называть это как хочешь. Но только как это не назови, я всё равно буду преследовать Его своим ожиданием и досаждать вопросами, а Он терзать меня Своим отсутствием и пугать молчанием. (*Резко*). Разве это любовь?

Жена: Да, господин. Уж такие у неё привычки, – досаждать и пугать, терзать и надоедать.

Иов: Ну, а когда я зову Его, и Он приходит, облачённый в Своё отсутствие, так, что я узнаю, что Он здесь только по-

тому, что Его здесь нет – по твоему это тоже любовь?

Жена: Да, господин. Когда любимый рядом, всегда кажется, что его нет. И тот, кто хочет поймать его, только обнимает руками пустоту.

Иов: А когда я встречаю Его, исчезнув в своём ожидании, – потому что ожидающий всегда живёт не здесь, а там, где пришёл конец его ожиданию, – ты и это назовешь любовью?

Жена: Да, господин. Ведь тот, кто любит, никогда не замечает, как далеко он находится от своего любимого.

Иов: Ну, а когда, помня наперечёт все нанесённые мне обиды, я требую, чтобы мне вернули утраченное, – что ж, по твоему, и это любовь?

Жена: Конечно, господин. Только одна она на всей земле надеется на чудо и требует справедливости.

Иов (*с усмешкой, ласково*): А может, всё дело в том, что вам, женщинам, всегда хочется сохранить мир даже там, где уже не осталось камня на камне?.. Или, как и все люди, ты больше всего на свете боишься неизвестности, от которой, обыкновенно, спасаются тем, что называют её каким-нибудь знакомым именем, отчего она уже не кажется такой страшной?.. Говорят, впервые так поступил Адам, дав имена всему, с чем нам приходится сталкиваться. Он первый назвал льва «львом», а ветер «ветром», так что теперь любой из нас может сказать: «Ну, это всего только ветер!», как будто, в самом деле, он сумел этим что-то объяснить... Не так ли об-

стоит дело и с тем, что ты зовёшь «любовью», госпожа?

Жена: Господин знает что-нибудь более непонятное, чем то, что обыкновенно называют этим словом? Никакое имя не в состоянии скрыть это.

Иов (*посмеиваясь, поднимается и помогает подняться жене*): А ты неплохо защищаешься, женщина. Если мне вдруг понадобится защитник, пожалуй, я остановлю свой выбор на тебе. (*Прислушиваясь*).

Короткая пауза.

А вот моей свирели уже не слышно. Значит, пора домой. (*Идёт, опираясь на руку жены. Задумчиво*). Как она странно пела сегодня. (*Напевает*). Та-ра-ра-ра... Как будто хотела сказать мне что-то важное и никак не могла отыскать нужные слова. (*Напевает*). Та-ра-ра-ра-ра-ра...

Жена: Ла-ла-ла-ла-ла?..

Иов: Нет, нет. Вот так. Та-ра-ра-ра-ра...

Напевая, медленно уходят. Какое-то время ещё слышны их голоса. Затем из темноты выступает Ищущий. Его лицо бледно и искажено яростью. Несколько мгновений он стоит молча, не в силах произнести ни слова.

Ищущий (*хрипло*): Аввадон!

Аввадон тотчас бесшумно возникает рядом, но Ищущий не видит его.

(Кричит). Аввадон!

АВВАДОН *(бесстрастно):* Я здесь, хозяин.

ИЩУЩИЙ *(показывая рукой в сторону дома, куда ушли Иов и его жена):* Ты видел... Знаешь... Иди, убей её!

Кажется, что Аввадон медлит.

(Кричит в бешенстве). Ты слышал?.. Иди и убей её!

АВВАДОН *(бесстрастно):* Слушаюсь, хозяин. *(Повернувшись, исчезает).*

ИЩУЩИЙ: Убей её! Убей! Убей! Убей!.. *(Замирает, полный бессильной ярости и боли).*

Тьма.

Картина девятая

Декорации третьей и восьмой картин: внешняя сторона стены, окружающей дом Иова. Впрочем, теперь здесь всё изменилось. Стена рухнула, открыв вид на расстилающуюся до самого горизонта пустыню. Одни развалины остались и от дома. Лишь возле обломков стены стоит чудом уцелевший сосуд для воды. На всём лежит печать разрушительной работы времени. И всё же, несмотря на это, что-то наводит на мысль о какой-то царящей здесь таинственной вне-временности, так, словно это место, каким-то чудом выпав из понятного хода Истории, теперь существует в своём собственном измерении, по своим собственным правилам и законам. Мягкий, льющийся с неба, свет, словно отгораживает это место от остального мира. В центре его – сам Иов, застывший на ушедшем в песок камне. Он неподвижно сидит, обвив руками посох и подняв к небу лицо. Его глаза закрыты. Кажется, что он опять слушает одному ему слышимую мелодию. Так он будет сидеть до конца пьесы.

Пауза. Со стороны развалин появляется Ищущий.

Ищущий (ворчливо, сам себе): А на что ты рассчитывал, когда ввязался в эту дурацкую историю? (Оглядываясь, с отращением). Всё, как и прежде. Те же камни, и тот же песок.

(Тихо). И та же тоска, которая всегда гонит меня в этот день сюда, как будто я надеюсь, что произойдёт чудо... (Сквозь зубы). Он всё знал наперёд... Ах, Иов, Иов! Крепка твоя сеть!

Появляется Уза

(Узе). Ну, что я тебе говорил?.. Полюбуйся. Сидит, как ни в чём не бывало!.. Словно нищий, который с раннего утра занял место у базарных ворот, чтобы кланчить подавание, вместо того, чтобы пойти и наняться на работу! (После короткой паузы, Иову). Сказать по правде, твоё ожидание что-то уж больно сильно затянулось, Иов... Ну? Сколько ещё ты намерен испытывать наше терпение? Или на тебя произвёл впечатление твой сумасшедший слуга, и ты тоже вообразил себя наседкой, которой под силу высидеть что-нибудь стоящее?.. Напрасный труд, Иов. Из ничего может вылупиться только ничего. (Узе). Запиши... Из ничего может вылупиться только ничего...

В то время как Уза достаёт тетрадь и записывает, в глубине сцены появляется Адаф. Он быстро идёт, поднимая по-петушиному ноги и размахивая руками-крыльями.

(Негромко, со вздохом). Ни-че-го! (Заметив Адафа, отходит в сторону).

Адаф (подходя): Кукареку, хозяин!.. Я знаю, что ты, ко-

нечно, не станешь слушать этого клеветника, потому что Сам Творец высидел из ничего этот мир вместе со всеми его чудесами! Он подал нам неплохой пример, так что теперь мы сами можем подражать Ему в этом трудном деле, – конечно, каждый в меру своих сил, хозяин. (*Кричит*). Кукареку-у, хозяин! Не такая уж это доблесть – высидеть что-нибудь заранее известное! На это способны даже навозные мухи! (*Повернувшись к Ищущему*). А вот тебе следовало бы выклевать глаза, чтобы ты думал прежде, чем бросаться такими пустыми словами!

Ищущий (*отступая, но, тем не менее, надменно*): Но, но... Хотелось бы мне посмотреть, как это у тебя получится.

Уза (*подходя*): Помочь, повелитель?

Ищущий: Справлюсь. (*Адафу*). Ты не забыл, случайно, что ты всего только призрак? Тень? Ничто? Тебя не существует. И если ты и можешь ещё что-то здесь прокудахтать, так это исключительно благодаря тому нелепому стечению обстоятельств, которое носит имя «Иов»...

Склонив голову, Адаф делает несколько шагов в сторону Ищущего. Тот пятится

(*Узе*). Нет, ты только посмотри. Даю голову на отсечение, что он собирается вступить со мной в дискуссию.

Адаф: Кто я такой, болтун, об этом известно одному только Всевышнему. Но пока я бегаю по пустыне, от расщелины

к расщелине, разыскивая своих цыпляток, мне не нужны никакие доказательства, которые убеждали бы меня, что я не призрак, потому что об этом лучше всего говорят мои сбитые в кровь ноги и надсаженное горло. (*Медленно обходит вокруг Ищущего, разглядывая его*). А вот ты, похоже, нуждаешься в таких доказательствах гораздо больше моего, демон. Гораздо больше моего. (*Вновь возвращается к Иову*).

Ищущий (*Узе*): Ты слышал? Слышал?.. А теперь скажи мне, что будет с этим бедным миром, где философствует даже призрак петуха?

Адаф (*не обращая больше внимания на Ищущего*): Кукареку, хозяин! Поверь, я бы охотно посидел с тобой, чтобы хоть немного скрасить твоё ожидание. Ведь когда ждут двое, время бежит гораздо проворнее. Но ведь ты знаешь: мне надо искать своих цыпляток. В целом мире никому нет до них дела. Все уже думать о них забыли. Один только я еще и помню. Бегаю туда-сюда... (*Уходя*). Прощай, хозяин. Прощай, до следующего раза. Уж, наверное, он окажется посчастливей этого. (*Уходит*).

Короткая пауза.

Ищущий (*подходя ближе, Иову*): Ну, теперь-то ты видишь, к чему приводит твоё нелепое ожидание?.. Хорошо же ты относишься к тем, кто когда-то любил тебя... (*Помолчав*). Конечно, если рассудить здраво, они всего лишь тени. Сон.

Ничто. Но можешь мне поверить: боль, которая их терзает, ничем не отличается от настоящей. (*Неожиданно сердито*). Только не убеждай меня вместе с твоим глупым слугой, что эта боль лучше всего свидетельствует о том, что они живы!.. Жить – значит мыслить! Или ты никогда не слышал об этом? Живёт тот, кто мыслит, а не тот, кто носится по пустыне, отыскивая мёртвых детей или сидит, словно навозная куча, в ожидании, когда Творец обратит внимание на его хвалёное долготерпение! (*Сквозь зубы*). Плевать Он хотел... (*Громко, Узе*). Запиши, друг мой... Живёт лишь тот, кто мыслит. Все прочие только делают вид.

Уза вновь достаёт тетрадь и записывает. На сцене, между тем, появляются соседи Иова – Первый и Второй. Они громко спорят, размахивая руками и перебивая друг друга.

А вот и ещё гости... Может, хоть эти тебя образумят. (*Отходит в сторону*).

Первый сосед (*подходя*): Что же тут сомневаться? Уж, наверное, не случайно он сказал мне однажды: «Послушай меня, дорогой мой...» (*Ехидно*). Между прочим, – «дорогой мой...»!

Второй сосед: Он говорил мне это тысячу раз.

Первый сосед: Зато он никогда не говорил тебе: «Я глубоко признателен тебе за помощь, сосед». Он сказал это, ко-

гда я помог ему донести до дома мешок с финиками.

Второй сосед (*снисходительно*): А ты не забыл, как он обнимал меня на свадьбе моей дочери? Его руки касались моих плеч, а дыхание смешалось с моим. (*Всклипнув, вытирает рукой глаза*). Он словно благословил меня продолжать его подвиг.

Первый сосед: Тогда, может, ты скажешь, кому он являлся во сне?

Второй сосед: Уж во всяком случае, не тебе!

Первый сосед: Ну, конечно же, мне. Он явился, чтобы сказать: «Одному тебе могу я поручить нести нелегкое бремя моей славы». Если не веришь, спроси у него сам...

Короткая пауза. Соседи смотрят на Иова.

Вот видишь, он молчит. (*Укоризненно*). Ну, неужели ты думаешь, что Праведник потерпел бы ложь?

Второй сосед (*кричит*): Иов! Иов! Укажи на достойнейшего!

Первый сосед: Конечно, укажи, Иов. Но только, пожалуйста, не на этого крикуна.

Второй сосед с ненавистью замахивается на Первого. Тот отвечает ему тем же.

Ищущий (*появляясь, с постным лицом*): Позвольте, поз-

вольте... Кому это, интересно, пришло в голову сориться здесь, в этом святом месте, как будто это какой-то базар, а не святая обитель, где мы черпаем силу и надежду?.. (*Подходя, мягко*). Если уж дело зашло так далеко, то самое лучшее, что вы можете сделать, так это доверить мне причину вашего спора, чтобы я разрешил его к вашему обоюдному и полному удовольствию.

Короткая пауза. Первый и Второй сосед и сердито переглядываются.

Второй сосед (*поправляя одежду, сердито*): Хорошо. Я согласен. (*Первому*). Пусть, в самом деле, этот добрый человек решит, кто из нас достоин.

Первый сосед (*в сторону*): Только слепой может сомневаться. (*Ищущему*). Дело-то ведь не стоит и выеденного яйца. Суди сам. (*Кивая в сторону сидящего Иова*). Иов, чья святость хорошо известна во всех уголках Вселенной, долгие годы был нашим соседом, а мой дом стоял неподалёку от его дома...

Второй сосед (*перебивая*): А мой так ещё ближе!

Первый сосед (*холодно*): Но не намного. (*Продолжает рассказ*). Вот почему его святость, в конце концов, преобразила нас – меня и вот этого горлопана. Ведь мы жили с Иовом бок о бок, и его святость изливалась на нас словно лунный свет в полнолуние. Так что, нет ничего удивительного, что,

в конце концов, мы тоже стали святы и непорочны

Второй сосед: Я это заметил первый!

Первый сосед (*бросив на Второго презрительный взгляд*): А теперь скажи, добрый человек: можно ли допустить, чтобы эта святость не стала достоянием всех тех, кто стремится к праведной жизни? Чтобы она испарилась без пользы, словно вода из какого-нибудь открытого сосуда?

Второй сосед: Ведь другие-то не виноваты в том, что им не выпало такого счастья!

Первый сосед: Вот поэтому мы и решили основать Общество праведного Иова, чтобы всякий вступивший в него, мог без труда приобщиться через нашу святость к святости этого величайшего праведника.

Второй сосед: И тоже стать святым!

Первый сосед (*кричит, с отвращением глядя на соседа*): Я как раз об этом и говорю! (*Ищущему*). И тоже стать святым! (*Сердито смолкает*).

Короткая пауза. Соседи выжидаяще смотрят на Ищущего.

Ищущий (*с умилением глядя на соседей*) Ах, друзья мои!.. Мне кажется, что ваш рассказ заставил биться мое сердце еще сильнее... Вот, послушайте. (*Схватив руку одного из соседей, прижимает ее к своей груди*).

Короткая пауза.

(Не отпуская руку соседа, повернувшись к Иову). Ты слышал, Иов!.. Да я уже вижу, как сотни и тысячи страждущих станут стекаться сюда только за тем, чтобы, пожертвовав немного денег, приобщиться к твоей праведности! Какая же это завидная участь – стать основоположником такого великого дела! Пожалуй, можно надеется, что твоим именем назовут горы и города, а храмы, которые возведут в память о тебе, затмят всё, что построили до сих пор человеческие руки! *(В сторону).* Ну, а скольким перережут в твою честь глотки, – этого не сумеет подсчитать ни один, даже самый дотошный историк! *(Повернувшись к соседям, тревожно).* Позвольте! Но ведь нельзя же оставлять такое великое дело на самотёк! Успокойте меня! Скажите – кто из вас чувствует в себе силы стать приемником нашего уважаемого святого?

Какое-то время соседи смотрят на Ищущего, затем переводят взгляд друг на друга. Короткая пауза.

Второй сосед: Кто угодно, но только не этот! *(Замахивается на Первого).*

Первый сосед: И не это! *(Замахивается на Второго).*

Размахивая руками, насканивают друг на друга на глазах у довольного Ищущего. Короткая пауза.

Ищущий (*повернувшись к Иову*): Ну? Что скажешь, Иов? Не хочешь сам ответить, кто из них станет твоим наследником?

Соседи поворачиваются к сидящему Иову. Недолгое, но напряжённое ожидание.

(Задумчиво, сам с собой). Вот так всегда. Стоит коснуться вещей практических, как святость отчего-то умолкает или спешит заявить, что это её не касается. Она предпочитает парить в небесах, а не ходить по земле, там, где ее больше всего ждут. Пожалуй, в ней есть даже что-то от белоручки, не желающей работать, или от страуса, подобно которому она прячет голову в песок всякий раз, когда время торопит её засучить рукава и взяться за работу... *(Соседям)*. И вот, что я вам скажу, друзья мои. Во-первых, немедленно оставьте все раздоры. Будьте кротки, как овцы и незлобивы, словно голуби... Ну, а во-вторых... Во-вторых... *(Быстро подхватив под руку Первого соседа, идёт с ним по сцене, что-то быстро нашёптывая ему на ходу)*.

Второй сосед с подозрением смотрит им вслед. Сделав круг, Ищущий оставляет Первого и, подхватив под руки Второго, идёт с ним, что-то нашёптывая ему на ходу. Сделав круг, возвращается на прежнее место.

(Одновременно, обоим). И ещё раз заклинаю вас всеми святыми – оставьте раздоры и вражду. Живите в мире, любви и согласии, как голуби.

Не глядя друг на друга, Соседи пялятся, явно намереваясь поскорее улизнуть.

Первый сосед *(бормочет)*: Прощай, добрый человек.

Второй сосед: Прощай, благодетель... Вот уж утешил, так утешил!

Быстро исчезают.

Ищущий *(кричит им вслед)*: И не забывайте почаще любить друг друга, как самих себя! *(Узе)*. Видал? *(Смеется)*.

Уза: Мне показалось, что они оба остались довольны.

Ищущий: Ещё бы! Ведь каждого из них я убедил в том, что он-то и есть самый достойный. А главное, я объяснил и тому, и другому, что когда дело идёт о том, чтобы на земле восторжествовала добродетель, хороши все средства. *(Добродушно посмеиваясь)*. Они бы и сами рано или поздно догадались, но я решил поторопить события.

Уза: Значит впереди опять смута и вражда?

Ищущий: Ты бываешь необыкновенно проницателен, мой друг. Не забудь только добавить сюда ещё подкуп, убий-

ства, обман, предательства, вероломство, насилие, жадность, клевету, низость и многое другое, без чего не обходится на земле ни одно доброе дело... (*Узе, холодно*). Я ведь сказал тебе, кажется: они бы обо всем догадались сами... (*Повернувшись к Иову*). Ах, Иов, Иов... Ну, теперь-то ты видишь, что было бы гораздо лучше для всех, если бы тени, которые ты привёл с собой, покоились на дне своих могил, оплаканные родными и придавленные могильными камнями?

В глубине сцены, один за другим, появляются Элифаз, Бильдад и Цофар.

Да, у нас сегодня просто приёмный день! (*Отходит в сторону*). Ну, эти-то здесь долго не задержатся. (*С неожиданной злобой*). Знаешь, Иов, будь я на твоём месте, непременно нашёл бы применение тому посоху, который отдыхает у тебя в руках! (*Отходит*).

Элифаз, Бильдад и Цофар, остановившись неподалёку от сидящего Иова, жмутся друг к другу. Им явно не по себе.

Цофар, Бильдад и Элифаз (*все вместе*): Здравствуй, Иов. Здравствуй. Здравствуй.

Цофар (*после короткого молчания*): Видишь, вон, как всё обернулось.

Бильдад: А ведь мы предупреждали.

Элифаз: Помнишь, что я тебе говорил: будь благоразумен. Сто раз подумай, прежде чем открыть рот.

Бильдад: Потому что нельзя же, в самом деле, шутить с такими вещами, как Небо и Вечность.

Цофар: А сколько раз я просил тебя, чтобы ты оставил свои нелепые фантазии и поучился жить у таких, как Элифаз или Бильдад? Но ты всегда считал себя умнее других, Иов.

Бильдад: Вот тебе и результат.

Цофар (*друзьям*): Ну, довольно. Довольно. Давайте-ка о деле.

Бильдад: Можно, конечно, и о деле... (*Осёкшись, в растерянности оглядывается на Цофара*).

Цофар: Не тяни. Говори всё, как есть.

Бильдад: Может лучше ты, Элифаз?

Элифаз отрицательно качает головой.

Цофар: Ладно. Давайте я скажу. (*Выходит вперёд. Иову*). Вот какое дело, Иов. (*Решительно*). Многие болтают, что мы живём только благодаря одному тебе. И я, и Элифаз, и вот Бильдад. Говорят, что пока ты сидишь здесь, бьются и наши сердца. Другие рассказывают, что мы только снимся тебе. Говорят, будто стоит тебе проснуться и нам конец. (*Сердито*). Всё это, конечно, глупые выдумки. Кто ты, в самом деле, такой, чтобы от тебя зависели наши жизни!.. (*Вздыхнув, мрачно*). И всё-таки мы решили не рисковать. Сам знаешь,

каких только чудес не бывает на белом свете.

Бильдад: У моих соседей, к примеру, тёлка принесла двухголового телёнка. Я сам видел.

Цофар: Вот, вот. Случается всякое. Поэтому мы решили заключить с тобой что-то вроде договора. Сделаем так, Иов. Ты как сидел, так и сиди себе на здоровье, если тебе нравится. Просиди здесь хоть ещё триста лет, никто из нас не станет возражать. Ну, а мы дадим тебе за это тысячу овец, сто верблюдов и пятьсот мер ячменя... Не знаю, конечно, что ты думаешь, но мне кажется, это совсем неплохой обмен.

Бильдад: Особенно, если учесть нынешнюю дороговизну.

Элифаз (*немного раздражённо*): Да и не мешало бы тебе вспомнить, что мы все ещё остаёмся твоими друзьями!

Цофар: Подумай над моими словами, Иов.

Бильдад: Тысяча овец!

Элифаз: Да и труд невелик! Сиди себе, не зная хлопот. Я бы сам не отказался!

Бильдад (*усмехаясь*): За сто-то верблюдов!

Пауза. Все замирают, напряжённо всматриваясь в лицо Иова, словно ожидая от него ответа.

Цофар: Так будем считать, что мы договорились.

По-прежнему все смотрят на Иова. Короткая пауза.

Элифаз: Ну, пойдёмте что ли?.. (*Иову*). Прощай, Иов. Надеюсь, в следующий раз ты удостоишь нас приятной и мудрой беседой. (*Отходит*).

Цофар: Прощай, Иов. Если верно то, о чём болтают, то пусть тебя поддержит мысль, что твои страдания не напрасны. Главное, что они приносят пользу твоим друзьям. Пусть это будет тебе утешением, старый друг. (*Спешит вслед за Элифазом*).

Бильдад (*торопясь за друзьями*): Прощай, Иов. Смотри-ка, как быстро всё меняется! Утром ты был беднее последнего нищего, а теперь? Ого-го! (*Убегая, издали*). Пятисот мер ячменя!..

Исчезают. Короткая пауза.

Ищущий (*выходя вперёд, насмешливо*): Ну, вот ты и разбогател... Поздравляю. Теперь ты можешь позволить себе сшить из овечьих шкур навес, а под задницу положить набитую верблюжьей шерстью подушку. Коротать Вечность всё же лучше в тепле. Это тебе подтвердит самый захудалый ангел.

Уза (*заметив кого-то, негромко*): Повелитель...

Ищущий: Да? (*Оглянувшись, смотрит туда, куда показывает Уза и сразу, не говоря ни слова, медленно отступает в сторону*).

В глубине сцены появляется Жена Иова. Её глаза широко открыты, но она ступает не слишком уверенно; кажется, что она идёт почти наощупь. Дойдя до развалин стены, останавливается и прислушивается.

Жена (*тихо*): Вот и я, господин. Я плохо вижу, но чувствую, что ты где-то рядом. (*Повернувшись, наконец, замечает Иова*). Ах, вот ты где! (*Подойдя ближе, опускается на колени, потом садится на песок. Негромко*). Здравствуй, Иов. Ветер и солнце так иссушили мои глаза, что я почти ничего не вижу. Но это не страшно, господин. (*Не без кокетства*). Зато мне кажется, что ты по-прежнему молод и красив. Как тогда, когда я в первый раз увидела тебя во время сбора винограда. Помнишь? (*Задумчиво*). Интересно, сколько минуло с того дня? Пожалуй, не намного больше, чем я скитаюсь по пустыне. (*Тихо смеётся*). Видишь, как странно всё устроено, дорогой. Пока мы живём, нам кажется, что жизнь и бесконечна, и глубока, так что только в ней одной скрыто то счастье, которое надо суметь отыскать. Но вот она кончилась, и оказалось, что она была не больше маленького зёрнышка, которое теперь проросло в пустыне ночным холодом и воем ветра, заметающего твои следы... Только пустыня и ветер, — и ничего больше. (*Спохватившись, с тихим извиняющимся смехом*). Конечно, я всегда помню, что есть ещё ты, Иов. Но тут от меня мало что зависит. Ветер гонит меня куда хо-

чет, словно клок овечьей шерсти. Сегодня он показал дорогу к тебе, а завтра погонит меня до самого моря, до пределов Мицраима или заставит кружить по пескам Негева... Это ветер, господин. Одни называют его «судьбой», другие – «случайностью», а третьи зовут «небесной волей». Но я-то знаю, что это всего только ветер и ничего больше. (*Смущённо*). Когда-то он бросил нас в объятия друг другу. А теперь занёс сюда, где «сегодня» никогда не кончается, а «завтра» никогда не наступит. (*Помолчав, спокойно*). Ты, наверное, решил, что теперь-то я избавилась от всех забот? Просто иду себе, куда дует ветер, ни о чём не думая и не беспокоясь? Ах, Иов! Если бы ты только знал, как мучают меня здесь сомнения, как они жужжат в ушах, заставляя усомниться во всём, даже самом несомненном! Да, господин мой. Стоит мне только о чём-то подумать или что-то вспомнить, как сомнения уже тут как тут. (*Улыбаясь*). Иногда я сомневаюсь даже в том, действительно ли это я иду, пряча от ветра лицо, или это какая-то совсем другая женщина, о которой я толком не знаю ничего, – даже её имени... А прошлое, Иов? Часто я даже не могу ответить, было ли оно на самом деле или только привиделось, как странный сон, который потом долго помнишь. (*Твёрдо*). Только одно я знаю, господин мой. Не вечно будут терзать меня эти сомнения. (*Смолкнув, долго вглядывается в лицо Иова*).

Пауза.

(Просто). А ведь ты ничего не слышишь. Мне надо было сразу догадаться... Ты бродишь где-то там, в своём ожидании, а я здесь, – видишь, что выросло из нашего маленького зёрнышка? Пустыня и Разлука. (Посмеиваясь). Видишь, как нам повезло, дорогой! Кто знает, может быть, только нам одним. Ведь множество таких же зёрнышек как наше, так и умирают, не пустив в Вечности ни одного ростка, и Ангел Смерти уносит их, чтобы сжечь в самом глухом углу пустыни. Я сама видела однажды, как они горят там и демоны собираются вокруг огня, надеясь согреться. Какое счастье, что нам удалось избежать этого, Иов! Какое чудо, что наши побеги сумели прорасти вдали от нашей прежней жизни! Что из того, что ты заперт здесь, в своём одиноком Доме, а я бреду, подгоняемая ветром, от одного сомнения к другому! Никто ведь не обещал нам, что Вечность будет похожа на ухоженный сад, где мы будем собирать цветы и слушать пение птиц...

Пауза.

Ах, Иов! Ты, наверное, знаешь всё, что я могла бы тебе сказать. Даже то, о чём я не осмеливаюсь признаться даже себе. То, что лежит на самом дне моих снов. (Шёпотом). Ты ведь знаешь, что эта Вечность когда-нибудь пройдёт? Да? Знаешь? (Уверенно). Она кончится, господин мой. Как кон-

чается долгая ненастная ночь. Как в доме бедняка кончается последний кусок хлеба. Как кончается под утро застольная беседа. А вместе с ней кончится твоё ожидание, и развеются мои сомнения. *(Тихо смеётся)*. А наше зёрнышко так и будет расти и расти... *(Внезапно застыв, прислушивается; подняв лицо к небу, становится на мгновение похожа на Иова. Тревожно)*. Ты слышал? Это ветер, господин. Он уже торопит меня. Знаешь, он не любит, когда ему перечат или не слишком торопятся на его зов. Тогда он злится и готов смешать в одно небо и землю. *(Быстро поднявшись)*. Вот опять он гонит меня прочь! *(Продолжая говорить, медленно, а затем всё быстрее удаляется прочь, словно действительно гонимая порывами ветра)*. Опять он станет напевать мне песню о белоснежных одеяниях Вечности, о её милосердии, приютившем нас под её кровом, как будто её, в самом деле, заботит наше существование!.. Как же я устала, Иов!.. Он хочет заставить меня поверить, что Вечность на самом деле вечна, и что у нас с тобой нет ни одного шанса дойти до её границы! *(Раскинув руки, кружится в глубине сцены)*. Но она пройдёт, Иов! Пройдёт, как проходят сновидения! Как проходит болезнь!.. *(Издали, глухо)*. Она пройдёт, любимый!.. *(Исчезает)*.

Пауза.

Ищущий *(со своего места, равнодушно)*: Как это трога-

тельно. У меня даже зачесались глаза. (*Подходит ближе*). К счастью, на сегодня, кажется всё. Спектакль окончен. Так было в прошлый раз и, подозреваю, то же будет и в следующий... Ах, Уза, Уза! Как же я устал от этого оскорбительного и бессмысленного ожидания! У меня такое чувство, словно меня связали по рукам и ногам, и оставили ждать неизвестно что, и неизвестно сколько... (*Тоскуя*). Как же я попал в эту скверную историю? Где оступился? Где допустил оплошность?.. (*Невесело улыбаясь*). Иногда мне кажется, что я стал похож на рыбу, которая проглотила крючок и теперь гадает – бросят ли её на сковородку сразу или отнесут на базар! (*Почти жалобно*). Ну, почему ты всегда молчишь? Вон сидит этот крючок, на который поймали твоего хозяина, а ты молчишь, словно тебе это доставляет удовольствие!

Уза (*философски*): На всё воля Божья, хозяин.

Ищущий (*сердито*): Оставь в покое Божью волю, софист! Или ты думаешь, что Он играет со своим творением без всяких правил, словно какой-то жалкий фокусник?.. (*Мрачней*). Нет, дело обстоит гораздо хуже. Он просто ушёл от нас. Ушёл и даже не пообещал вернуться. (*Внезапно резко поворачивается к сидящему Иову. Сделав знак Узе, некоторое время прислушивается*).

Короткая пауза.

Ты слышал? Бедный страдалец, кажется, вздумал немного

посмеяться над нами!

Уза: Я ничего не заметил.

Ищущий: Он скривился так, словно хотел дать нам понять, что ему известно нечто такое, о чём мы даже не подозреваем. (*Кричит*). Эй, Иов! Если тебе снова вздумалось дурачить нас своими глупыми шутками, то, сделай милость, придумай что-нибудь поновее! Хотя, конечно, трудно придумать шутку лучше той, которая привела тебя сюда!.. Ты меня слышишь, праведник! Скажи-ка, тебе не скучно? Ты, наверное, думал, что тебя засыплют аплодисментами и закидывают цветами, как цирковую лошадь, которая бежит круг за кругом, вызывая восхищение зрителей? Думал, что твой триумф будет длиться вечно? Но ты просчитался, друг мой. Вы, люди, никогда не умеете предвидеть последствия ваших нелепых поступков. (*Достав из кармана небольшую книжку*). Знаешь, что это такое? Эта книга с недавних пор стала пользоваться большим успехом у твоих соплеменников, и даже у чужеземцев. Вымысел соседствует в ней с заблуждением, а глупость с ложью. Знаешь, как она называется? (*Открывая книгу*). «Подлинная история праведного Иова»... Хе... Подлинная. Это значит, что существуют ещё другие истории, и каждая выдаёт себя за единственно правдивую. Но ты не огорчайся. Все они стоят друг друга... Вот послушай, что здесь говорится, и, боюсь, тебе сразу станет не до смеха. (*Читает*). «И возвратил Господь все потери Иова и дал ему вдвое больше того, что он имел прежде. И пришли

к нему все братья его и все сёстры его, и все друзья его, и ели с ним хлеб в доме его и утешали его за всё то зло, которому Всемогущий попустил свершиться. И дали ему каждый по кесите золота и по золотому кольцу. И благословил Бог последние дни Иова больше, чем первые. И дал ему четырнадцать тысяч овец, и шесть тысяч верблюдов, тысячи пар волов, и тысячи ослиц...» Ты слышал? Четырнадцать тысяч овец! Это тебе не жалкие подачки твоих друзей. (*Читает*). «И стало у него семь сыновей и три дочери. Имя первой – Горлица, имя второй – Корица, или же третьей – Румяна. И не было во Вселенной никого, кто был бы прекраснее их. После этого жил Иов ещё сто сорок лет и видел сыновей своих, и сыновей сыновей своих до четвёртого рода. И умер он в старости, насыщенный днями». (*Захлопнув книгу, прячет её в карман, Узе*). Четырнадцать тысяч овец!

Короткая пауза.

(*Иову*). Ты слышал, насыщенный днями? Надеюсь, до тебя дошло, что весь мир уже давно отрыдал над твоей историей и теперь изо всех сил делает вид, что верит в то, что она закончилось благополучно? Все довольны, Иов! Не надо ломать голову над тем, на чью сторону встать или решать, на чьей стороне правда. А потом о тебе и вовсе забудут! Никому и в голову не придёт, что ты по-прежнему сидишь здесь в своём ледяном Доме, год за годом, столетие за столетием,

вместе со своей непреходящей обидой и чудовищной гордостью. Никто никогда не узнает твою настоящую историю, Иов. Да, она, по правде сказать, никому и не нужна! Люди хотят, чтобы финал пьесы был счастливым. Ты слышишь? Счастливым! Но ещё больше они хотят, чтобы у пьесы вообще был хоть какой-то финал. Пусть даже самый плохонький. Ведь неизвестность пугает их больше всего на свете. Вот почему чаще всего они предпочитают лгать и выдумывать, а не искать правду. Ты слышишь меня, Иов? Лгать и выдумывать! *(Неожиданно подняв лицо к небу, с обидой)*. Они насочиняют и о Тебе, Всемогущий! Много насочиняют. Целые библиотеки лжи. Лишь бы заполнить чем-нибудь пустоту, которая осталась после Твоего ухода. *(Горько усмехаясь)*. Я думаю о том времени, когда Ты захочешь вернуться, да только Твоё место уже будет занято ложью, которую сочинит о Тебе Твоё собственное творение! *(Внезапно пошатнувшись, хватается за горло, так, словно ему недостаёт воздуха. На лице – испуг)*.

Уза *(бросаясь к Ищущему)*: Что это с вами, хозяин?

Ищущий *(хрипло, после небольшой паузы)*: У меня что-то перехватило горло... Уже прошло.

Короткая пауза.

(Негромко). Как же много они лгут, эти люди... Не прерываясь ни на один день. С рождения и до смерти. *(Тревожно)*.

Мне кажется, это от того, что в глубине души, они одержимы чудовищной надеждой, что чем нелепее, чем невероятнее ложь, тем больше у неё шансов в одно прекрасное утро вдруг оказаться правдой. (*Почти шёпотом*). Но самое смешное... (*Не может решиться*).

Короткая пауза.

(*Неожиданно рассмеявшись*). Самое смешное, что иногда я начинаю думать, что они всё-таки правы! (*Держась за горло, хрипло*). Ну, подумай сам. Ведь если не осталось никакой другой надежды, то почему бы не воспользоваться этой, последней? Конечно, она бессмысленна и безумна, но ведь никакой другой-то нет!.. Если все пути пройдены, отчего бы не пойти по этому, самому нелепому? (*На мгновение зажимает себе рот. Узе, с ужасом*). Почему ты не остановишь меня, негодяй? Почему не утетишь какой-нибудь годной на все времена мудростью? Ну, что тебе стоит сказать: «ложь в состоянии родить только ложь», или «в молекуле воды на один атом кислорода приходится два атома водорода»?

Уза (*тревожно*): Я как раз собирался это сделать, повелитель. Мне вдруг показалось, что вам станет легче, если вы вспомните, что на тело, погружённое в воду...

Ищущий (*кричит*): *Замолчи!*... (*Медленно идет по сцене*).

Короткая пауза

(*Негромко*). Как же нам докричаться до Тебя?.. Или нам следует поучиться у волков, когда в лунную ночь от их воя замирает всё живое? Или у журавлей, когда они, курлыча, возвращаются в родные места? Или у морских волн, которые точат береговой камень, не зная ни минуты покоя? Ах, если бы в этом был хоть какой-нибудь смысл! (*Повернувшись к Узе, с кривой улыбкой*). А, может, нам стоит попробовать подражать Иову и его сумасшедшему слуге? (*Молча идёт по сцене, изображая петуха*). Что скажешь?

Уза: Выглядит немного экстравагантно. Но отчего бы и нет?

Ищущий (*с изумлением*): Что, вот так вот? (*Идет, высоко поднимая ноги*). Вот так?.. Нет, это было бы уже чересчур.

Уза (*тонко*): Мне кажется, в таких делах трудно быть в чём-то уверенным заранее.

Ищущий: Но не до такой же степени, мошенник!.. Можешь не сомневаться: после этого мне уже никто не подаст руки.

Уза (*легкомысленно*): И вы не подавайте! Пускай потом гадают, кто кому не подал первым!

Ищущий: Ангелы станут показывать на меня пальцами, а господин архистратиг разродится в мою честь целым набором первоклассных армейских острог.

Уза: В конце концов, повелитель, всё это только оборот-

ная сторона славы.

Внезапно Ищущий вновь хватается за горло. Лицо его бледно, в глазах – страх. Шатаясь, он делает несколько шагов.

(Испуган). Да что же это с вами такое! *(Бросается к Ищущему, чтобы поддержать его).* Ваше высокопревосходительство!..

Короткая пауза.

Ищущий *(медленно приходя в себя, хрипло):* Теперь видишь?.. Это совсем не так просто, как кажется на словах. И совсем не так смешно... *(С усилием, задыхаясь).* Подумай сам. Вопить, словно сумасшедший? Звать Того, Кто дальше самых далёких звёзд? У кого найдётся такая смелость? И кто настолько безумен, чтобы кричать в никуда? В конце концов, это просто смешно... *(Трясёт головой, словно пытаясь освободиться от мучающих его видений).* Ты, наверное, будешь смеяться, но этот крик сам приходит к тебе, не спрашивая твоего согласия, когда пожелает, когда ему только заблагорассудится... Он приходит, чтобы посмеяться над твоей слабостью, над тем, что у тебя не хватает мужества покричать его так громко, как только можешь. Плюнуть в эту звёздную пыль над головой! *(Тяжело дыша и держась за горло, опус-*

кается на колени. Тревожно). Он здесь, Уза. Здесь. Внутри моих лёгких, невидимый и всемогущий. Я чувствую, как он теснит моё дыхание и разрывает грудь. (Жалобно). Мне кажется, что если он захочет, то сможет легко убить меня.

Уза (решиительно): Вам надо крикнуть, хозяин. Покричите – и сразу станет легче.

Ищущий (с трудом): Не могу.

Уза: Глупости! Всего лишь крикнуть!

Ищущий отрицательно качает головой.

Вспомните, как вы это делали прежде! Кричите, как будто у вас украли кошелёк или так, словно вас бросила любовница!

Ищущий (по-прежнему хрипло): Это не повод для крика, болван.

Уза: Тогда кричите, словно вас режут, жгут или пытаются!

Ищущий (с отчаяньем): Зачем? Зачем? Зачем?.. В конце концов, можно жить и с этим. Делать вид, что никакого крика не существует. Что он только следствие расстроенного воображения. (Хрипит и задыхается). Только вымысел. Фантазия. Сон. (Задыхается).

Уза: Да крикните же! Выпустите его! Дайте ему уйти! Пусть убирается, откуда пришёл!

Ищущий: Не могу... Нет. Не могу... Зачем? Разве кто-нибудь услышит?

Уза: Откуда нам знать? Зато вы будете уверены, что сделали всё, что в ваших силах. (*Умоляюще, словно ребёнка*). Ну, не упрямитесь, хозяин. Чем вы, в конце концов, хуже этого сумасшедшего? Увидите, мы крикнем не хуже! Что может быть проще? (*Трясёт Ищущего*). Да кричите же! Кричите!.. Ну? Кукареку!

Ищущий (*с трудом*): Кукареку.

Уза: А теперь ещё раз!

Ищущий (*громче*): Кукареку.

Уза (*весело*): Кукареку, повелитель! Кукареку! (*Кричит*). Кукарек-у-у-у!.. Кукареку-у!... Да не останавливайтесь же!

Ищущий: Кукареку. (*Поднимаясь с земли. Хрипло, но твёрдо*). Кукареку! Кукареку! Кукареку!

Уза: Так, повелитель! Так!.. Ах, как мы сейчас крикнем! Как закричим!

Ищущий: Кукареку! Кукареку! Кукареку, Всемогущий!.. Ты этого хотел? (*Неожиданно злобно и громко*). Кукареку! Кукареку-у-у! Кукареку-у-у! (*Подпрыгивая, бьёт себя по бокам и идёт по сцене, высоко поднимая ноги, вызываяюще*). Кукареку-у-у!..

Уза (*в восторге*): Кукареку-у!

Ищущий: Кукареку! Кукареку-у-у!

Подпрыгивая и махая руками, Уза бежит вслед за Ищущим, нелепо подражая его движениям.

Ищущий: Кукареку-у!

Уза: Кукареку-у!

Уза и Ищущий: Кукареку-у! Кукареку-у! Кукареку-у-у!..

Занавес

Небеса смеются или Флейта Машиаха

Пьеса в 30 эпизодах

Действующие лица:

Осип – молодой человек, сын рыбака, недавно убитого в драке

Брут – хозяин кафе

Тереза – его дочь

Следователь

Пастор

Александра – приживалка в доме Брута

Вербицкий – посетитель кафе

Розенберг – посетитель кафе

Бандерес – игрок в бильярд

Николсен – корреспондент столичной газеты

Гонзалес – глухонемой

Мальчик – посыльный

Но каждая могила – край земли.

И. Бродский.

Действие пьесы происходит в помещении небольшого кафе, расположенного на набережной маленького, забытого Богом и людьми южного городка.

В глубине сцены – большое окно, за которым виднеется небольшая часть пустой набережной с фонарем и кусочек моря. Возле окна, почти спиной к зрительному залу, на низком подоконнике сидит Гонзалес.

Возле левой кулисы – стойка бара, заставленная картонными коробками и приготовленной для упаковки посудой. Чуть дальше, в глубине сцены – дверь на кухню и винтовая лестница, ведущая на второй этаж.

На противоположной стороне сцены, возле правой кулисы, почти на авансцене – входная дверь с колокольчиком, который звенит всякий раз, когда кто-то входит или выходит из кафе. Рядом – занавешенный бархатным занавесом дверной проем, ведущий в бильярдную. Оттуда доносятся шум сталкивающихся шаров и приглушенные голоса игроков.

Центральное пространство сцены занимают три или четыре столика с дешевыми пластмассовыми стульями. Один столик выдвинут почти на авансцену. Несколько аляповатых картинок на стенах только подчеркивают неприязнительность интерьера кафе. Немного странным кажется, пожалуй, только висящая на стене возле окна шарманка.

Вечер. Свет заходящего солнца заливает набережную и часть помещения кафе.

За ближним к окну столиком с открытой шахматной доской и расставленными фигурами, сидит Розенберг. Он играет в шахматы сам с собой, поэтому время от времени пересаживается, занимая место несуществующего партнера.

Центральный столик занимает Вербицкий. Он сидит, развернув перед собой газету и углубившись в чтение. Еще несколько газет дожидаются своей очереди на столе.

За стойкой бара – хозяин кафе – Брут. Его почти не видно за горой картонных коробок, громоздящихся на стойке и рядом с ней. Негромко насвистывая, он осторожно протирает стоящую на стойке посуду и аккуратно пакует ее в коробки.

Долгая пауза, время от времени прерываемая звоном посуды, ударами бильярдных шаров и доносящимися из бильярдной голосами играющих.

Эпизод 1

Закончив паковать очередную коробку, Брут выходит из-за стойки бара и останавливается возле столика, на котором лежит шахматная доска с фигурами. Какое-то время смотрит на доску. Небольшая пауза.

Брут: На твоём месте, я бы пошел пешкой на эф три...

Розенберг *(не отрываясь от доски):* Это с какой стати?

Брут: Не знаю. *(Возвращается за стойку).*

Розенберг *(бормочет):* Пешкой на эф три... Все почему-то думают, что умеют играть в шахматы и могут давать советы, когда их никто не спрашивает... *(Пересаживаясь на другую сторону стола).* Эф три, эф три... Наверняка, какая-нибудь глупость.

Брут: Не нравится, не ходи.

Розенберг: Отстань.

Вербицкий *(отрываясь от газеты, ни к кому в особенности не обращаясь):* Послушайте, что я вам скажу. Это просто черт знает что... Два миллиона человек умерли на границе с Эфиопией от голода и никому во всем мире нет до этого никакого дела... Подумать страшно. Два миллиона человек!.. Дети. Женщины. Старики...

Розенберг *(негромко, не отрываясь от шахматной дос-*

ки): Кошки, лошади, собаки... (*Бруту*). Знаешь что?

Вербицкий: Что?

Розенберг: Я не тебе. (*Бруту*). Оказывается, ты был прав. Надо было взять и пойти пешкой на эф три.

Брут: А я тебе что сказал?

Розенберг: Ценю.

Вербицкий: Вы что, оглохли?.. Два миллиона человек умерло от голода, а вы не можете хотя бы на две минуты оставить ваши дурацкие шахматы!

Розенберг (*глядя на доску, негромко*): Шахматы не дурацкие.

Вербицкий: А какие же?

Розенберг: Такие. (*Отрываясь, наконец, от шахматной доски*). Успокойся, ради Бога, Вербицкий, мы все прекрасно слышали. Спроси вон у Брута.

Брут: Спроси у меня, Вербицкий, и я скажу тебе, что газета, которую ты держишь в руках – за прошлый месяц.

Вербицкий: Ну и что?

Брут: А то, что всех твоих голодных уже давно похоронили и забыли... И детей. И женщин. И стариков. Так что, боюсь, ты немного опоздал со своими причитаниями.

Вербицкий: Ты все-таки ужасный циник, Брут... Тебе никто не говорил, что ты ужасный циник?

Брут: И довольно часто.

Вербицкий: Нельзя быть таким жестокосердым к чужому страданию только потому, что лично тебя это не касается.

Розенберг (*не отрываясь от шахмат*): По-моему, я это уже где-то слышал.

Брут: И я тоже. (*Выходя из-за стойки*). Станешь тут циником, когда налоги растут так быстро, что не успеваешь придумать, как их обойти, а чиновники уже не знают к чему придраться, чтобы отнять у тебя последнее... Тебе хорошо рассуждать, Вербицкий. Ты получаешь пенсию и живешь себе на ренту, не особенно беспокоясь о завтрашнем дне. А ты поживи немного в моей шкуре, тогда я посмотрю, как ты будешь забивать свою голову какими-то африканскими голодранцами, которые только вчера слезли с дерева и еще не совсем уверенно знают, сколько у них пальцев на руке. (*Идет по сцене*). А ты как думал?.. Кофе вырос на двадцать процентов, сахар – на пятнадцать, мука – почти на тридцать. А аренда? Налоги? Инфляция? Взятки?.. (*Останавливается за спиной сидящего Гонзалеса*). Не так это все просто, как кажется.

Вербицкий (*вновь уткнувшись в газету*): Я сказал только, что следует быть немного более внимательным к чужим страданиям.

Брут (*не оборачиваясь, глядя за окно*): А разве я спорю?.. Не забывай только, что человеку все же свойственно сначала позаботиться о себе, а уж потом обо всех остальных. И ничего ты с этим не поделаешь, хоть сдохни.

Пауза. Подвинув фигуру, Розенберг пересаживается на

противоположный стул.

Вон, посмотрите-ка, Зибельманы уезжают за границу...
Господи, сколько вещей! Просто целый супермаркет.

Розенберг: Я уже попрощался.

Брут: И я тоже.

Короткая пауза.

Нет, ты только посмотри... Ковры, швейная машинка, книги. Картины, зеркало, два велосипеда... Интересно, зачем им в Иерусалиме два велосипеда?

Розенберг: Чтобы ездить.

Брут: А швейная машинка?

Розенберг: Чтобы шить

Брут: Ты думаешь, в Иерусалиме много шьют?

Розенберг: А ты думаешь, нет?

Брут: Я думал, там молятся.

Розенберг: Одно другому не мешает.

Брут (*по-прежнему глядя в окно*): Не уверен.

Короткая пауза.

(*Вполголоса*). Чертов Зибельман!..

Розенберг: Что?

Брут: Я говорю – чертов Зибельман! Едет себе на другой

край земли, меняет обстановку, везет с собой багаж на сто тысяч и даже не подозревают, что на свете есть такая вещь, как налог на добавленную стоимость.

Розенберг (*рассматривая доску*): Брут...

Брут: Что?

Розенберг: Мне кажется, ты завидуешь.

Брут: Если честно, то не то слово. Кажется, все бы отдал, чтобы только оказаться на его месте. (*Отходя от окна, глухо*). Ты только представь себе. Сесть на пароход. Смотреть, как пропадает за кормой берег. Как ветер уносит соленые брызги. Надеть белый костюм и пойти прогуляться по палубе первого класса. А вечером познакомиться с какой-нибудь намазанной шлюхой и пригласить ее к себе в каюту на чашку шоколада... Ты ведь, наверное, тоже завидуешь, Розенберг?

Розенберг: Лично мне завидовать, пожалуй, уже поздно.

Брут: Ерунда! Завидовать никогда не поздно... Возьми, вон хотя бы, нашего друга Вербицкого. Знаешь, зачем он с утра до вечера читает эти чертовы газеты?.. А я могу тебе сказать. Потому что в глубине души он страшно завидует тем, о ком эти газеты пишут. Всем этим разбогатевшим столичным проституткам и дуракам с выпученными глазами, которые к сорока годам научились членораздельно выговаривать слово «демифологизация» и без запинки произносить написанные для них речи... (*Громким шепотом*). Знаешь, Розенберг, мне даже кажется, что он согласился бы да-

же стать известным мошенником, только бы про него напечатали в газетах.

Короткая пауза.

Видишь?.. Он не отрицает.

Розенберг негромко хихикает.

Вербицкий: Похоже, вы все-таки решили испортить мне сегодня настроение. (*Развернувшись вместе со стулом спиной к Розенбергу и Бруту, скрывается под раскрытой газетой*).

Брут: Скажите, пожалуйста, какие мы нежные. Испортить ему настроение. Да разве можно испортить настроение человеку, который не хочет смотреть на мир своими собственными глазами, а предпочитает знать о нем только то, что печатают в этой грязной макулатуре?.. (*Возвращаясь к своей посуде, ворчливо*). Ты маньяк печатного слова, Вербицкий. Когда ты набрасываешься на эти чертовы газеты, у тебя, ей-богу, бывает такое лицо, как будто ты сейчас кончишь... На твоём месте, я бы давно уже сходил к психоаналитику.

Розенберг хихикает.

Брут (*озираясь*): Тихо!..

Кажется, что где-то совсем близко воет собака.

(Негромко). Тихо... (Прислушиваясь). Слышите?

Розенберг: Что?

Брут: Это собака. *(Прислушивается)*. Она воет и, похоже, где-то совсем рядом.

Розенберг: Скорее – скулит.

Брут: Воет и довольно громко.

Розенберг: Скулит и при этом довольно мило.

Вербицкий: Если бы вы читали газеты, то знали бы, что собака всегда воет к покойнику.

Брут: Не говори ерунду, Вербицкий. Собака воет, потому что хочет кушать. *(Розенбергу)*. Это твоя собака?

Розенберг делает вид, что занят шахматами.

Розенберг!

Розенберг: Что?

Брут: Мне кажется, я тебя о чем-то спросил.

Розенберг: Не понимаю, зачем спрашивать о том, о чем ты прекрасно знаешь и без меня?

Брут молча продолжает смотреть на Розенберга.

Господи, Брут... У нас тут одна собака на весь город, а ты

спрашиваешь меня, моя ли это собака или нет. Ей-богу, это смешно.

Брут: И ты опять привязал ее возле двери?

Розенберг: Ты прекрасно знаешь, что Молли не выносит, когда ее оставляют одну, поэтому, когда я ухожу, мне волей-неволей приходится брать ее с собой. И я делаю это исключительно из человеколюбия, потому что я не такой живодёр, как некоторые мои друзья, готовые убить собаку или кошку только потому, что они не умеют ходить на двух ногах... Скажи спасибо, что я не привел ее сюда, а только привязал рядом с вашей дверью.

Брут: Огромное спасибо.

Розенберг: Пожалуйста.

Брут: И все-таки, если в следующий раз ты привяжешь ее где-нибудь в другом месте, я буду тебе крайне признателен. Потому что если она опять вздумает выть, то распугает всех моих посетителей, а этого я себе позволить не могу.

Розенберг: Господи, Брут! Оглянись вокруг. Каких еще посетителей? На дворе осень. Все давно разъехались. Сезон кончился. И если ты не сидишь тут один как старая колода, то это только благодаря мне и вон господину Вербицкому, которые, как умеют, скрашивают твое одиночество и притом, заметь, из одного только доброго к тебе отношения... Только не говори мне, пожалуйста, что я неблагодарная скотина, потому что это не так.

Брут (*задумчиво*): Ты исключительно неблагодарная ско-

тина, Розенберг.

Звонит колокольчик входной двери.

Розенберг (*глядя на дверь, негромко, Вербицкому*): Ты слышал?.. Он обозвал нас скотиной.

Вербицкий (*появляясь из-за газеты*): Вы оставите меня, наконец, в покое?

В кафе появляется дочь Брута – Тереза.

Эпизод 2

(Привстав). Мое почтение, мадемуазель.

Тереза: Кажется, вы опять что-то не поделили, господа?..
Здравствуйтесь, господин Вербицкий.

Розенберг *(привстав)*: Здравствуйтесь, мадемуазель Тереза.

Тереза: Мы с вами уже сегодня здоровались, господин Розенберг. Вы сидите здесь с обеда и успели поздороваться со мной уже три раза... Это ведь ваша собака там привязана?.. Такая милая дворняжка. Не боитесь, что она будет скучать там под дверью? Наверное, лучше было бы оставить ее дома?

Розенберг: Ей абсолютно все равно, где скучать, мадемуазель. Тем более что здесь, по крайней мере, она может рассчитывать на какую-нибудь косточку от щедрот вашего человеколюбивого отца.

Брут: Ты же только что говорил, что притащил ее, потому что она не любит оставаться одна, негодяй!

Розенберг: А никто и не говорит, что она любит, Брут. Но обладая, в отличие от тебя, аналитическим складом ума, она хорошо понимает, что ей будет гораздо лучше, если она пойдет с хозяином, чем останется скучать одна в запертой квартире... Скажите ему, мадемуазель Тереза, если он сам

не понимает таких простых вещей.

Тереза: Господи, ну, какие вы сегодня все нервные, просто ужас. Надеюсь, у вас ничего не случилось?.. Папа?

Брут: А что, по-твоему, может случиться со старым, большим и замученным жизнью человеком, живущим в стране, где уровень инфляции никогда не опускается ниже пятнадцати процентов, а единственная в городе собака обладает аналитическим складом ума?.. Ни-че-го.

Розенберг (*негромко*): Только не надо завидовать собачке...

Брут (*так же негромко*): Исчезни.

Тереза: (*в сторону бильярдной, откуда доносится шум ударов*): А кто там?

Брут: Бандерес и этот приезжий корреспондент... Как его?.. Николсен, кажется.

Тереза: А Осип?

Брут: Не приходил.

Тереза: А обещал принести мне книжки... (*Подозрительно*). Послушай, у вас, правда, все в порядке?.. Когда я вошла у вас были такие постные лица, как будто вы узнали, что к нам опять едет налоговая инспекция.

Вербицкий: Гораздо хуже, мадемуазель... Боюсь, вы забыли, но сегодня у нас сороковой день нашему бедному Дональду.

Тереза: Господи, Боже мой! (*Закрывает ладонью рот*). Ну, конечно, я забыла... Помнила, и вдруг взяла и забыла...

Бедный дядя Дональд. (*Отходит в сторону, затем вдруг начинает негромко смеяться*). О, Господи... Простите...

Брут: Что с тобой, дочка?

Тереза: Не знаю... Вдруг стало смешно... Нет, правда, почему-то когда дело касается смерти, то все становятся такими религиозными, что просто ужас. Ходят с постными лицами, говорят шепотом и вообще ведут себя так, как будто покойник может обидеться на то, что ему не оказывают того почтения, на которое он рассчитывал... Ну, разве это не смешно?

Вербицкий (*оторвавшись от газеты*): То, о чем вы говорите, мадемуазель Тереза, легко объясняется тем, что человек унаследовал страх перед мертвыми еще от своих древних предков, которые боялись, что мертвые могут вернуться и поэтому шли на различного рода уловки, чтобы этого не допустить... Например, в Австралии аборигены проводят на могиле умершего весь день и всю ночь в течение целого месяца, уговаривая его не возвращаться назад. Впрочем, зачем ходить далеко за примерами? В сущности, все наши надгробия, которые мы ставим сегодня на могилах наших близких – это только отголосок тех камней, которые наши предки вкатывали на могилы для того, чтобы покойник не смог вернуться назад.

Брут: И все это ты, конечно, вычитал в своих газетах?

Вербицкий: Все это, Брут, я прочитал в разных книгах, когда учился в Йельском университете.

Брут: Скажите, пожалуйста. (*Розенбергу*). Ты слышал, Розенберг?.. Помнишь, когда мы сидели с ним за одной партой, наш классный говорил про него, что если он доучится до четвертого класса, это будет настоящее чудо. А теперь выясняется, что он учился в Йельском университете и в придачу еще в десяти других местах, которые и не выговоришь без стакана красного... (*Вербицкому*). Интересно, есть такое место, где бы ты ни учился, Вербицкий?.. И зачем ты вообще сюда вернулся, черт бы тебя побрал, после всех твоих университетов и курсов? Читать вчерашние газеты? Неужели на свете не нашлось более привлекательного местечка?

Тереза: Ну, что ты пристал к человеку, папа?

Вербицкий: Не беспокойтесь, мадемуазель Тереза... (*Бруту*). Я вернулся, потому что здесь моя родина, господин Брут. Может быть, для тебя это звучит странно, но для некоторых людей это слово почему-то еще не потеряло своего смысла.

Брут: Для дураков, у которых не сложилась личная жизнь и которые поэтому называют Президента "папой".

Тереза: Папа!

Брут (*с неожиданной страстью*): Господи!.. Да если бы только была моя воля, я бы ни одной минуты не остался бы здесь, на этой вашей чертовой родине, от которой за три мили разит дешевыми духами и немытыми прелестями!.. Продай бы все и уехал бы, куда глаза глядят, подальше от этой набережной и этих ежедневных закатов, которые как будто

рисует одна и та же бездарная рука!.. К чертовой матери!

Розенберг (*Терезе*): Не расстраивайтесь, мадемуазель. Если мне не изменяет память, то ваш батюшка говорил все это, еще когда мы учились в школе.

Брут: К черту школу, болван!.. Если бы это имело хоть какой-нибудь смысл, я бы повторял это каждые два часа, как молитву... (*Сложив руки перед грудью и подняв лицо в потолок*). Господи, забери меня отсюда куда-нибудь подальше... В Грецию. В Китай. На Аляску... Куда хочешь, Господи, но только отсюда!..

Пауза. Подняв головы, Розенберг, Вербицкий и Тереза смотрят вместе с Брутом на потолок, словно ожидая ответа, затем вновь смотрят на Брута.

(*С горечью*). Не слышит.

Тереза: Еще бы Он тебя слышал, папа!

Брут: А почему бы и нет? В конце концов, это Его работа.

Фыркнув, Вербицкий вновь скрывается за газетой.

Тереза (*сердито*): Знаешь, папа? Если ты решил, наконец, испортить мне настроение, то я скажу тебе, что ты выбрал для этого не самое подходящее время, особенно если ты вспомнишь, что в понедельник у нас последний день для сдачи отчета... Ты, забыл?

Небольшая пауза. Какое-то время Брут и Тереза смотрят друг на друга.

Забыл?

Брут (*глухо*): Нет, дочка. Я помню... Можешь приготовить мне счета за керосин, электричество и телефон.

Тереза: Хорошо, папа.

Брут: И пора, наконец, заняться этим чертовым подвалом. Ты говорила с рабочими?

Тереза: Да, папа. Они могут начать в конце недели.

Брут: Лучше, если в начале...

Тереза: Да, папа. Я скажу им.

Брут: Чертова жизнь.

Тереза: Да, папа. (*Остановившись на первой ступеньке винтовой лестницы*). Гонзалес! Я приготовила тебе несколько теплых вещей. Выберешь потом, что тебе понравится.

Гонзалес молчит.

Розенберг: Чтобы он услышал, ему надо кричать прямо в ухо, мадемуазель.

Тереза: Тогда скажите ему, чтобы он поднялся ко мне, когда сможет.

Брут: Боюсь, что сегодня он уже никуда не поднимется. (*Розенбергу*). Скажи ей, Розенберг.

Розенберг (*понижая голос*): Дело в том, мадемуазель, что господин Осип посадил Гонзалеса у окна, чтобы он караулил сегодня призрак нашего старого Дональда и в случае чего мог бы поднять тревогу... Я сам слышал, как он взял с него слово, что он не будет отлучаться сегодня ни на одну минуту.

Вербицкий (*из-за раскрытой газеты*): Я тоже это слышал, мадемуазель Тереза.

Розенберг (*негромко*): А тебя никто не спрашивает.

Тереза: Господи, но не может же он из-за такой глупости сидеть на одном месте целый день, да еще до позднего вечера?

Розенберг разводит руками.

Ладно, я принесу все потом сама. (*Начинает подниматься по винтовой лестнице, но почти сразу останавливается*). Неужели он, правда, думает, что ему удастся поговорить с этим ужасным призраком, которого на самом деле никто толком даже не видел?..

Розенберг: Боюсь, что ответ на вопрос, какие ветры дуют в голове господина Осипа, не знает ни один, даже самый сведущий, синоптик, мадемуазель.

Тереза: Похоже, вы правы, господин Розенберг. (*Поднимается по лестнице и исчезает*).

Эпизод 3

Пауза. Брут вновь занят посудой, Розенберг шахматами.

Вербицкий (*откладывая газету*): А кстати, насчет ветров... Я ведь знаю, зачем ты притащил сегодня сюда свою собаку, Розенберг. Не отпирайся. Надеешься, наверное, что она может кой-кого напугать, да?

Розенберг: Только не говори, пожалуйста, глупости, Вербицкий. Я взял ее в надежде, что наш друг Брут, наконец, исполнит свой христианский долг и подарит моей крошке хотя бы небольшую миску объедков. (*Бруту, которого в этот момент не видно из-за коробок*). Эй, ты ведь не станешь, в самом деле, держать собачку голодной только потому, что время от времени ей приходит в голову немного поскулить?.. Мне кажется, это было бы не совсем по-христиански.

Появляясь из-за стойки, Брут несколько мгновений в упор мрачно смотрит на Розенберга. Короткая пауза.

Впрочем, если ты считаешь миску объедков слишком большой жертвой, Брут, то я немедленно забираю свои слова назад.

Брут (*в сторону приоткрытой кухонной двери, негромко*):

Александра!

Короткая пауза.

(Громко). Александра!

Александра (*появляясь на пороге двери ведущей на кухню, вытирая руки о фартук*): Да, господин Брут?

Брут: За счет заведения. Покорми эту чертову собаку, которую Розенберг привязал возле нашей двери... Только смотри, не переусердствуй.

Александра: Хорошо, господин Брут. (*Исчезает*).

Розенберг (*Вербицкому*): Ты слышал? (*Прижимая ладонь к сердцу, с чувством*). Брут!..

Вербицкий: Брут!..

Брут (*вновь скрываясь за коробками и стопками тарелок*): Идите к черту!

Розенберг и Вербицкий, перемигнувшись, негромко хихикают. Из кухонной двери появляется Александра с миской для собаки.

Розенберг: Спасибо, Александра.

Александра: Не за что, господин Розенберг. (*Проходит через всю сцену, исчезает за входной дверью и почти сразу же возвращается и исчезает на кухне*).

Розенберг: Мне кажется, размах акции поверг в изумле-

ние всех присутствующих. (*Возвращаясь к шахматам*). Ты ангел, Брут. Собачка будет молиться за тебя всю ночь.

Брут (*звеня посудой*): Я сказал – идите к черту.

Вербицкий (*откладывая газету и поднимаясь со своего места*): Ты совершенно напрасно стесняешься своего доброго порыва, Брут. (*Делая несколько шагов по сцене*). В мире, где все уже давно забыли, что такое истинное сострадание, твой поступок заслуживает, по крайней мере, высочайшей похвалы. (*Останавливаясь у окна и глядя на набережную*). И знаешь?.. Когда я сталкиваюсь с подобными вещами, мне начинает казаться, что несмотря ни на что в мире все-таки все устроено относительно правильно... Да, да!.. Сегодня мы живем лучше, чем вчера, а завтра наши дети и внуки будут жить лучше нас, и это будет совершенно справедливо, потому что новое, согласись, всегда должно быть гораздо лучше старого... А если это так, то подумать только, какая, должно быть, чудесная жизнь начнется здесь через двести – триста лет!.. Не жизнь, а просто какая-то... сказка.

Брут (*появляясь из-за коробок с полотенцем в руке, протирая тарелку*): Ты что, спятил?

Вербицкий: По-твоему, надеяться на лучшее, это значит спятить?

Брут: А по-твоему, нет?.. Или ты действительно думаешь, что после всего, что случилось с нами за последние сто лет, мы все еще можем надеяться на лучшее?.. Ну, тогда, Вербицкий, ты просто идиот. (*Вновь исчезая за коробками*).

Вербицкий: Знаешь, что бы ты там не говорил, но я уверен, что человечество все же движется в правильном направлении... Помяни мое слово, Брут. Еще пять-шесть лет и эти столичные дураки вспомнят о нас и начнут вкладывать в нас деньги, потому что это окажется выгодно всем... Построят здесь гостиницы, подведут дороги, и туристы попрут сюда косяками, только успевай водить их на экскурсии и менять постельное белье.

Брут (*из-за коробок*): Черта с два.

Вербицкий: А я говорю тебе, что так оно и будет! (*Садясь за свой стол*). Интересно, почему вы с Розенбергом никогда не хотите видеть ни в чем светлую сторону?.. Конечно, мы живем далековато, тут я не спорю. Но при нынешнем развитии техники никто ведь не запрещает нам построить аэродром или небольшой порт, чтобы раз и навсегда решить эту проблему... А через двести лет возможности человека станут еще больше, и отрицать это не могут даже такие ретрограды, как вы с Розенбергом.

Розенберг: Вербицкий!

Вербицкий: Что?

Розенберг: Ты что, правда, до сих пор ничего не знаешь?

Вербицкий: Это ты о чем?

Розенберг: О том, что наш город со всем побережьем очень быстро погружается в океан?.. Так быстро, что не понадобятся и твои двести лет, чтобы вода смыла все, что мы видим сегодня за окном?.. Ты что, никогда про это не слы-

шал?

Брут: У них в Йельском университете такими пустяками не интересуются.

Вербицкий растерянно пожимает плечами.

Розенберг: Мы опускаемся что-то около пяти сантиметров в год, а это значит, что через сто лет на этом месте будут гулять волны и кричать морские чайки, а твоим туристам придется ехать не к нам, а как всегда в Турцию или Египет.

Вербицкий (*подавлен*): Я ничего такого не слышал.

Розенберг: Вот что значит отсутствовать двадцать лет неизвестно где... Через сто лет на этом месте будут плавать только рыбы и шуметь ветер, а последним, что от нас останется, будет церковная колокольня, на которую мы с тобой лазили, когда были мальчишками.

Вербицкий: Господи, помилуй... У тебя просто какой-то дар, портить окружающим аппетит... Неужели это правда?.. Брут?

Брут (*появляясь из-за коробок, ворчливо*): Успокойся, Вербицкий, успокойся... Это будет через сто лет, так что пока ты можешь сидеть и пить, ни о чем не беспокоясь, свой апельсиновый сок и читать свои заплесневевшие газеты... В конце концов, не все ли тебе равно, что тут будет через сто лет?

Вербицкий (*вытирая взмокиший лоб*): Это ужасно!..

Розенберг: Между прочим, я читал об этом еще, когда учился в школе.

Брут: А мне отец рассказывал, что когда он купил это кафе, то море было отсюда так далеко, что приходилось нанимать извозчика, чтобы добраться до рыбацкой дереvушки и купить рыбы. А теперь, сами видите. Вода подошло к самому городу. А ведь прошло всего каких-нибудь пятьдесят лет.

Розенберг: Да. Всего каких-нибудь пятьдесят лет. А возьми нашу набережную. Я помню, что когда ее строили, она была довольно высоко над водой. А посмотрите что теперь? Даже при небольшой непогоде, волны перекатываются через нее, ну, а уж если ветер становится чуть сильнее, то вода добегает до прилегающих улочек и, случается, даже заливает подвалы.

Брут: А помните нашу железную дорогу?.. Как поезд приходил раз в сутки, часов в семь вечера и мы бегали на станцию и смотрели, как паровоз заправляют водой?.. Помнишь, Розенберг, как мы играли, кто первый увидит приближающийся паровоз, который видно было издалека по белому дыму? А когда он подъезжал то ревел так, что звенели стекла и гудел церковный колокол... Куда только все делось, скажи на милость?

Розенберг: Ничего не поделаешь. Время идет.

Вербицкий: Скорее уж бежит.

Брут: Летит, сволочь.

Вербицкий (*не желая сдаваться*): И все равно. Все рав-

но через двести лет на земле начнется такая чудесная жизнь, что если бы мы знали о ней совсем немного, то рвали бы на себе волосы от досады, что не родились позже... (*С надеждой*). Ты согласен, Брут?

Брут (*исчезая за коробками*): Нет.

Розенберг: И я тоже.

Вербицкий: Ну и черт с вами. (*С шумом раскрывает газету*).

Розенберг (*негромко*): Е пять – эф четыре

Брут (*из-за коробок, звеня стеклом, негромко напевает*): Тарим-пам-пам, та-ра-ра.. Я взял ее за жопу, она как завизжит... Я взял ее за жопу, она как завизжит... Та-рам-пам-пам... Та-ра-ра-ра-ра-пам... (*Появляясь*). Никто не помнит, как там дальше?.. Между прочим, мы пели эту песенку во втором классе. И ты, Вербицкий, тоже.

Розенберг: Шах! (*Переставляет фигуры*).

Брут: Директриса однажды услышала, как я ее пел, и вызвала родителей. Дома был страшный скандал. Отец отхлестал меня по первое число. И все из-за такой ерунды... (*Напевает*). Я взял ее за жопу, она как завизжит... Я взял ее за жопу, она как завизжит... Как же там дальше-то?.. Та-ра-ра-ра-ра-пам... (*Смолкает, вспоминая*).

Небольшая пауза.

Розенберг (*негромко напевая*): Я взял ее за... Тьфу ты,

Брут. Не мог бы ты петь что-нибудь другое?

Брут: Я вот стою сейчас и думаю – сколько же это времени-то прошло, Господи?.. (*Выходит из-за стойки*). А помните, эту дылду, которая училась с нами в параллельном классе?.. Ну, та, которую выперли из школы за то, что она совратила нашего учителя физкультуры?.. Она мне сегодня приснилась.

Розенберг (*не отрываясь от шахматной доски*): Повезло.

Брут: Между прочим, если вы забыли, ее звали Гертрудой. Говорят, что она обосновалась в каком-то городишке неподалеку и открыла там бордель... Я думаю, надо бы к ней как-нибудь съездить.

Розенберг: Зачем?

Брут: Ты не знаешь, зачем ездят в бордель?

Розенберг: Думаешь, по старой дружбе она пустит тебя бесплатно?

Брут: И не меня одного... Только не надо делать вид, что у вас были с ней исключительно платонические отношения. Даю голову на отсечение, что вы до сих пор помните, какого цвета были у нее тусы... Помнишь, Розенберг?

Розенберг: Допустим.

Брут: Ну и какого?

Розенберг: Брутального, Брут. Совершенно брутального. Желтые в горошек.

Брут: Вот это я понимаю, память... Между прочим, каж-

дый раз, когда мы занимались с ней этим, она говорила: «Если бы я знала, что нужна тебе только для этого, то выбрала бы лучше Вербицкого или, на худой конец, Розенберга».

Розенберг (*неприятно удивлен*): Так прямо и сказала? На худой конец?.. Вот шлюха-то. (*Вербицкому*). Тебе она тоже говорила, что выбрала бы меня на худой конец?

Брут: Господи, Розя! Ну не все ли тебе равно, что она говорила?.. В конце концов, это было сорок лет назад.

Вербицкий: Сорок три.

Брут: Вот видишь. Сорок три.

Розенберг: Между прочим, я посвятил ей свою единственную поэму.

Брут: Ты?.. Поэму?.. (*Смеется*). Ох, Розенберг! (*Сквозь смех, Вербицкому*) Ты слышал?.. Он посвятил нашей шлюшке свою поэму... Да ведь она и читать-то толком не умела!

Розенберг (*холодно*): Почему-то мне это не кажется смешным.

Брут: А мне кажется!.. (*Вербицкому*). Ты тоже ей что-нибудь посвятил, Вербицкий?

Вербицкий (*оторвавшись от газеты*): Я посвятил ей четвертый сонет Шекспира. (*Глядя в окно, негромко*). Между прочим, вон идет Осип.

Брут (*глядя в окно*): Где?.. (*Прижимая палец к губам*): Тш-ш-ш-ш... Все молчат. (*Скрывается за стойкой*).

Эпизод 4

Звенит дверной колокольчик и в кафе появляется Осип. В руках его несколько книг, пачка газет и конвертов.

Осип (*подходя к стойке бара и положив перед Брутом пачку квитанций*): Ваши счета, господин Брут.

Брут (*из-за коробок*): Спасибо. Положи куда-нибудь.

Осип (*положив на стол перед Вербицким газеты*): А это ваши газеты.

Вербицкий: Спасибо, Осип.

Осип: Здравствуйте, господин Розенберг.

Розенберг (*не отрываясь от шахмат*): Добрый вечер, добрый вечер...

Осип (*Бруту*): Тереза у себя?.. Я принес ей книжки

Брут (*появляясь*): Ну-ка, ну-ка... (*Взяв одну из книг, читает*). Морсуа де Бирсиньяк. Искусство рыбной ловли. (*Осипу*). Ты что же это, собираешься обучать мою дочь искусству рыбной ловли?.. Не помню, чтобы она когда-нибудь высказывала интерес к этому предмету... А это что? (*Взяв следующую книгу*). Грамматика французского языка... Зачем ей грамматика французского языка, Осип? Вы что, собрались во Францию?

Осип: Она сказала, что хочет выучить французский.

Брут: А ты тут при чем? Разве ты француз?

Осип: Когда три года назад здесь разбился французский сухогруз, я помогал его команде и немного выучил французский.

Брут: Тогда скажи мне, как будет по-французски «смерть»?

Осип: "Морт".

Брут: Морт?.. (*Вербичкому*). Слышал, Вербичкий?.. "Смерть" по-французски будет "морт". (*Осипу*). Похоже, во Франции вы не пропадете... (*Взяв в руки последнюю книгу*). А это?.. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. Сочинения господина Эммануила Канта. (*Осипу*). Ты не производишь впечатления человека, который получает наслаждение от таких книг, Осип, а уж Тереза и подавно. Тем не менее, если вы все-таки соберетесь во Францию, то сделайте, пожалуйста, одолжение, не забудьте взять с собой меня.

Осип: Непременно, господин Брут. (*Подойдя к Гонзалесу, наклонившись, прямо в ухо*). Видел что-нибудь?

Гонзалес мычит и отрицательно качает головой. Брут углубляется в изучение квитанций.

Смотри внимательно – и ящик пива твой.

Гонзалес мычит.

Розенберг (*Осипу*): Ты, правда, думаешь, что призраки станут шляться по улице тогда, когда еще не село солнце?.. Мне кажется, это немного не по правилам.

Осип (*снимая куртку*): Боюсь, вы недооцениваете моего отца, господин Розенберг. Если что-то можно сделать не по правилам, то он никогда не упустит такой возможности, уж будьте в этом уверены. (*Вешает куртку на вешалку возле двери, затем возвращается и присаживается за свободный стол*). Помните, как он вообразил, что может ходить по воде, словно Иисус Христос, и чуть не утонул?

Розенберг: Еще бы.

Осип (*доставая колоду карт*): А как он сломал руку старому Перегринусу, когда тот засомневался в этом?.. (*Тасует карты*). Нет, господин Розенберг. Кто-кто, а уж он-то никогда не упустит возможности сделать все по-своему, даже если его пятки будет в это время лизать адское пламя. (*Принимается раскладывать карты*).

Розенберг (*осторожно*): Надеешься услышать от него что-нибудь стоящее?

Осип: А вы бы не надеялись?

Розенберг: Кто, я?.. Ну, не знаю. Наверное. Может быть.

Брут (*тряся в воздухе квитанцией*): Нет, это просто уму непостижимо!.. Двадцать пять процентов годовых!.. (*Розенбергу*). Ты слышал, Розенберг?.. Двадцать пять процентов!.. Ей-богу, посмотришь на все это, да, действительно, уедешь

к лягушатникам! (*Сердито*). Может, кто-нибудь из вас все-таки посочувствует мне, черт бы вас всех подрал вместе с вашими газетами и шахматами!..

Розенберг: А мы, по-твоему, что делаем, Брут?.. (*Нарочито постным голосом*). Прими наши искренние соболезнования.

Вербицкий (*из-под газеты*): И мои тоже.

Осип: И мои, господин Брут.

Несколько мгновений Брут с отвращением рассматривает присутствующих. Небольшая пауза.

Брут (*негромко, но с глубоким чувством*): Мерзавцы...

Эпизод 5

Бандерес (*появляясь из-за бархатного занавеса, держа в руке кий, театрально*): Партия! (*Машет своей черной шляпой, потом вновь надевает ее*).

Николсен (*в расстегнутой рубашке, мокрый, появляясь вслед за Бандересом*): Это черт знает что, господа... Он играет, как молодой бог. И даже, наверное, лучше. Потому что Бог всегда имеет возможность незаметно сжулить, тогда как у господина Бандереса все зависит только от его собственного умения... В жизни не видел ничего подобного.

Розенберг: Я же вам говорил. Наше национальное достоиние. (*Бандересу*). Ты когда-нибудь проигрывал, Бандерес?

Бандерес: Обижает.

Розенберг: Вот видите. Гений бильярда. Единственная в своем роде достопримечательность нашего города. Есть еще, правда, пожарная каланча прошлого века, но она, конечно, ни в какое сравнение с нашим гением не идет.

Николсен: Вы бы только видели его последний удар! Три борта луза и два шара одновременно с подскоком!.. Бог мой! (*Бандересу*). Вам следовало бы показывать свое искусство в столице. С вашим талантом, вы могли бы за пару лет легко сколотить себе приличное состояние.

Бандерес: Там, наверное, и без меня дураков хватает.

(*Бруту*). Дайте-ка мне бутылочку кальвадоса, Брут.

Брут (*мрачно*): Кредит закрывается.

Бандерес: Ты что, смеешься?.. Это еще почему?

Брут: Потому. (*Скрывается за стойкой и почти сразу появляется вновь*). Если бы ты видел счета, которые я сегодня получил, то не спрашивал бы.

Бандерес: А при чем здесь счета, Брут? Я ведь прошу у тебя только бутылочку кальвадоса, а не счета.

Николсен и Розенберг негромко хихикают.

Брут (*повышая голос*): Кредит закрыт.

Вербицкий: Когда у нашего Брута случаются приступы жадности, это значит надо ждать перемены погоды.

Брут молча показывает ему большой палец руки.

(*Морщась*). Фу, Брут... И где вы только набрались этих прискорбных манер? (*Прячется от Брута за открытой газетой*).

Розенберг: Налей ему, Брут. Он хорошо сегодня играл.

Николсен: Не то слово.

Какое-то время Брут молча смотрит на Розенберга, затем повернувшись, снимает с полки бутылку кальвадоса и так же молча ставит ее на стойку бара вместе со стака-

Бандерес: Кредит возвращается.

Брут: Проваливай.

Бандерес (*взяв бутылку и стакан, идет и садится за дальний столик, проходя мимо Осипа*): Пойдем, выпьем.

Осип (*раскладывая карты*): Потом.

Брут: Вы еще меня вспомните, когда меня закроют за неуплату аренды, и вы будете сидеть в грязной забегаловке старого Перегринуса и давиться дешевым портвейном, который он разбавляет водопроводной водой!.. (*Подошедшему Николсену*). Что вам, господин Николсен?

Николсен: Пока вас еще не закрыли, налейте мне немного виски, господин Брут. (*Поспешно*). За наличные, разумеется. (*Бросает на поверхность стойки несколько монет*).

Брут молча наливает.

Спасибо. (*Взяв стакан, медленно идет по сцене и затем останавливается у окна, глядя на догорающий закат*). Солнце село.

Пауза.

(*Отвернувшись от окна*). Вы даже представить себе не можете, господа, как вам повезло, что вы живете здесь, вдали

от большого города... Ни машин, ни полиции, ни галдящих толп. Когда я встаю утром и вижу над городом черное облако смога и слышу, как внизу гудят и громяхают тысячи машин, то мне кажется, что я попал в ад. А тут у вас море, песок, солнце... *(Отойдя от окна, вновь медленно идет по сцене)*.

Пауза.

(Остановившись возле висящей на стене шарманки). Какая прелесть!.. Смотрю, и все никак не могу налюбоваться... Вы позволите, господин Брут?

Брут: Если вы еще держитесь на ногах и не роняете на пол вещи, то сделайте одолжение.

Николсен *(поставив на стол стакан и аккуратно сняв шарманку со стены)*: Какая прекрасная работа... *(Рассматривая шарманку)*. Могу поспорить, что она расписана настоящим мастером... Звери, ангелы, люди... Между прочим, в позапрошлом году я был в музее шарманок во Франкфурте и могу засвидетельствовать, что ваша шарманка ничуть не хуже тех, которые я там видел. К тому же она очень старая, сколько я могу судить. Может быть, она даже ровесница Моцарта. Кто знает. Вы не думали об этом, господин Брут? *(Вешает шарманку на плечо)*.

Брут: Знающие люди говорили мне, что она стоит кучу денег.

Николсен: Можете даже не сомневаться. Целую кучу...

Откуда она у вас?

Брут: Вы не поверите. Кто-то взял и оставил ее в позапрошлом году на подоконнике. Наверное, кто-нибудь из туристов.

Николсен: Невероятно... И вы не пробовали разыскать ее хозяина?

Брут: Если я начну разыскивать всех ротозеев, которые оставляют у меня свои вещи, у меня не останется времени ни на что другое.

Розенберг: Между прочим, наш пастор умудрился раскопать про эту шарманку кое-что любопытное. Какую-то смешную легенду, из которой следует, что конец света начнется тогда, когда эта шарманка заиграет сама по себе, то есть без помощи человеческих рук... *(Быстро достает из заднего кармана брюк кипу и надевает ее)*. Конечно, это только легенда и притом не слишком точная, потому что все евреи знают, что конец света начнется тогда, когда Машиах заиграет на своей флейте, а вовсе не на какой-то глупой шарманке, которая висит где-то на краю света, в каком-то никому не известном кафе, у которого нет даже своего имени. Но, тем не менее, эта история кажется мне довольно любопытной... *(Снимая кипу и вновь пряча ее в задний карман)*. Впрочем, все подробности вы можете узнать у самого господина пастора.

Николсен: Я непременно так и сделаю, господин Розенберг. *(Осторожно поворачивает ручку шарманки)*.

Шарманка играет. Пауза.

Николсен: Даю руку на отсечение, что это Моцарт.

Брут: Возможно.

Николсен: Я почти уверен. Только не могу вспомнить, что именно. (*Напевая, играет*).

Эпизод 6

По винтовой лестнице спускается Тереза.

Тереза: Кто это тут играет на нашей шарманке?.. Это вы, господин Николсен?

Николсен: Это я, мадемуазель. (*Играет*).

Тереза (*спустившись*): Вот твои счета, папа. (*Николсену*). У вас хорошо получается.

Николсен (*играя*): Я стараюсь, мадемуазель.

Брут (*листая счета*): Все в порядке?

Тереза: (*глядя на Осипа, занятого картами*). Да, папа.

Брут: Ты уверена?

Тереза (*продолжая смотреть на Осипа, негромко*): Да, папа... (*Осипу*). Ты принес мне книги?

Осип молча показывает на стопку книг, лежащую на стойке.

(*Дотронувшись до стопки, но не взяв ее в руки*). Спасибо.

Николсен (*перестав играть, снимает с плеча шарманку и вешает ее на стену*): Бесподобно. (*Садится за один из свободных столиков и достает блокнот*).

Тереза: Не забыл, что обещал позаниматься со мной

французским?

Осип: Только не сегодня.

Тереза: А когда?

Осип: Завтра.

Тереза: Ладно. (*Помедлив*). Только не забудь.

Из кухни, появляется Александра. Вытирая руки о передник, останавливается возле двери.

Осип: А вот и Александра... (*Александр*). Пойдешь с нами завтра на рыбалку?

Александра (*почти испуганно*): Завтра?.. Я не знаю. Наверное, нет. (*Смотрит на Брута*). Мы вроде завтра собирались капусту квасить... Да, господин Брут?

Брут (*занимаясь счетами*): Возможно.

Осип: Тогда послезавтра.

Вербицкий: Между прочим, я читал недавно, что капуста по своей конфигурации очень похожа на человеческий мозг. Одному японскому ученому даже удалось снять с нее что-то похожее на энцефалограмму.

Розенберг: Я тебя умоляю, Вербицкий. Умолкни.

Вербицкий: Что значит, "умоляю"? Я не женщина, чтобы меня умолять.

Розенберг: Ты еще хуже.

Тереза: Господи, ну какие вы сегодня все нервные. (*Бандересу*). Бандерес, научи меня играть в бильярд.

Бандерес: Ну, прям.

Тереза (*капризно*): Ну, пожалуйста. Бандерес.

Бандерес: Хочешь, чтобы над тобой все смеялись? Это не женская игра.

Тереза: Неправда!

Бандерес: А я говорю, что подпустить женщину к миллиарду, это все равно, что взять ее на корабль... Когда я служил во флоте, то у нас на корабле была одна бабенка, помощник повара. Так я вам доложу, что мы не утонули только потому, что стояли на приколе... И, между прочим, ее тоже звали Тереза... (*Смеется*). Надо ведь, да?..

Тереза: Ну, Бандерес...

Бандерес: Ну, ладно, уговорила... Но только, если выйдешь за меня замуж.

Тереза: Я подумаю.

Брут (*не отрываясь от счетов*): Только думай быстрее, пока его не увела какая-нибудь красавица с рыбного завода.

Бандерес: Что, говоря между нами, очень вероятно. (*Поднявшись со своего места*). Ну что? Еще желающие есть?.. (*Осипу*). Пошли, сыграем.

Осип (*раскладывая карты, издали*): Сейчас...

Бандерес: Да оставь ты эти дурацкие карты. Пошли.

Осип (*откладывая карты и поднимаясь*): Карты не дурацкие. (*Проходя мимо Гонзалеса, останавливается и хлопает его по плечу*). Смотри, не прозевай у меня.

Гонзалес мычит. Осип и Бандерес уходят в бильярдную.

Тереза (*Александре*): А ты что ждешь? Или в доме мало работы?

Александра: Я только хотела спросить у господина Брута насчет капусты. Потому что, если квасить ее завтра, то надо ошпарить бочки, чтобы они к утру высохли.

Тереза: Ну, так и ошпарь.

Брут: Я думаю, что мы займемся капустой в воскресенье.

Александра: В воскресенье я бы хотела пойти в церковь.

Брут: Тогда в понедельник. (*Терезе*). Поможешь нам в понедельник?

Тереза (*взяв со стойки книги, принесенные Осипом*): Не знаю. (*Поднимается по винтовой лестнице и исчезает*).

Небольшая пауза.

Александра: Значит, в понедельник?

Брут: Видно будет.

Короткая пауза, в завершение которой Александра скрывается за дверями кухни.

Эпизод 7

Николсен (*быстро пересев за столик Розенберга, негромко, почти шепотом*): Я еще утром хотел спросить насчет этого несчастного Гонзалеса, господин Розенберг... Неужели это правда, что он обречен сидеть здесь день за днем, дожидаясь, когда, наконец, появится призрак убитого?.. Мне кажется – это немного жестоко.

Розенберг: Кто это вам сказал такую глупость?.. Он сидит здесь только сегодня, да и то лишь потому, что сегодня исполняется сороковой день нашему Дональду... Спросите вон хотя бы у нашего Брута.

Брут (*меланхолично*): Спросите меня, господин корреспондент – и я вам скажу, что кого боги решат наказать, того они лишают разума.

Николсен: Я тоже так думаю. (*Доставая блокнот*). Значит, только сегодня?

Розенберг: Только сегодня, господин корреспондент.

Николсен записывает. Одновременно с улицы раздается далекий рев корабельной сирены.

Вербицкий (*подняв голову от газеты*): Слышали?.. (*Прислушиваясь*). Между прочим, это гудит "Звезда Касти-

лии".

Брут: «Святой Петр».

Вербицкий: Говорю тебе, «Звезды Кастилии». Можешь даже не спорить... Она проходит мимо нас раз в две недели и как раз в субботу. То есть сегодня.

Брут: А я говорю тебе, что это «Святой Петр».

Звук сирены повторяется.

Слышал?.. Ревет, как буйвол.

Вербицкий (*сердито*): Ты прекрасно знаешь, что это "Звезда Кастилии", Брут, а говоришь так специально, чтобы меня позлить, чертов неудачник... Такая сирена есть только у «Звезды» и больше ни у кого. Ставлю золотой, что это она!

Брут: Да откуда у тебя золотой-то, Вербицкий?.. Побойся Бога.

Вербицкий (*Розенбергу*): Слушай Розенберг... Хоть ты скажи этому идиоту, кто это гудит!

Розенберг (*рассматривая шахматную доску, негромко*): «Добрый самаритянин».

Вербицкий: Что?!

Несколько мгновений Брут и Вербицкий с отвращением рассматривают Розенберга.

Брут: Не смешно.

Вербицкий: Типун тебе на язык, Розенберг.

Розенберг (*оторвавшись от шахмат*): А вы что думали?.. Конечно, это "Добрый самаритянин". Гудит, как будто простудил себе горло... Слышали?.. Один длинный, два коротких. Точь в точь, как он гудел, когда его понесло на скалы... Между прочим, об этом написано во всех отчетах.

Далеко звук сирены.

Вербицкий: Только не говори, что ты действительно веришь во всю эту чушь... (*С сарказмом*). «Добрый самаритянин»... Ну, конечно!.. (*Николсену*). Он говорит о корабле, который разбился здесь в 1888 году. Сторож напился и забыл включить маяк. Никто не спасся.

Розенберг: Кроме собаки.

Николсен: Кроме собаки?

Розенберг: Да. Кроме собаки боцмана, которой чудом удалось доплыть до берега.

Вербицкий: Чушь!

Николсен (*поспешно открывая блокнот*): Значит, спаслась одна только собака?

Розенберг: Да, господин корреспондент. Одна только собака... Корабль разбился о прибрежные скалы, и вся команда дружно потонула, кроме собаки боцмана... (*Таинственно, понизив голос*). Зато потом...

Николсен: Что?

Розенберг: Зато потом "Добрый самаритянин" время от времени стал подходить к нашему берегу и гудеть, как будто предупреждая людей об опасностях, которые ожидают их в ближайшем будущем. Он гудел перед началом Первой мировой войны, и перед началом Великой депрессии, и в августе тридцать девятого, и потом, в шестьдесят третьем, и девяносто первом и всякий раз, когда это происходило, в ответ ему с берега выла собака боцмана, словно предупреждая вместе с ним об опасности... (*Вербицкому*). Надеюсь, ни у кого из присутствующих не хватит смелости отрицать эти общеизвестные факты, известные даже школьникам младших классов?

Вербицкий: Черт знает что! (*Прячась под развернутую газету*). Не слушайте его, господин корреспондент.

Николсен: Я не слушаю... (*Розенбергу*). Получается, что собака боцмана тоже стала, некоторым образом, призраком?

Розенберг: Вы на удивление сообразительны, господин корреспондент... А как иначе она стала бы, по-вашему, выть через столько лет после кораблекрушения?..

Николсен подавлено молчит.

А теперь подумайте сами. Если бы никакой собаки не было, то некому было бы и выть. Верно?.. А если собака все-таки воет и притом – спустя столько лет, это значит, что она все-таки есть, а это в свою очередь доказывает, что «Добрый

самаритянин» тоже не выдумка, как это хотелось бы некоторым не в меру умным скептикам!

Николсен: Но я что-то не слышу никакой собаки, господин Розенберг...

Розенберг: Разве? (*Прислушиваясь*). А это что, по-вашему? (*Прислушиваясь, поднимается со своего места*). Слышите?

Откуда-то издали доносится собачий вой.

Это воеет собака.

Какое-то время все присутствующие прислушиваются.

Брут: Это твоя собака воеет, Розенберг.

Розенберг: Моя собака, воеет мелодично и приветливо, Брут, а эта, – жалобно и испуганно, то есть так, как и должна выть вечно голодная собака боцмана... Между прочим, если вы помните ту ночь, когда убили старого Дональда, то тогда тоже «Добрый самаритянин» сигналил нам весь вечер и собака боцмана выла, не переставая.

Николсен: Правда?.. (*Склоняясь над блокнотом*) С вашего позволения, я все это запишу.

Розенберг: Христос вам навстречу, господин корреспондент...

Пауза. Какое-то время Розенберг рассматривает шахматную доску, затем переходит на противоположную сторону стола, в то время как Николсен быстро записывает услышанное в блокнот.

Брут (*откладывая в сторону счета*): И все-таки я чего-то не пойму, господин корреспондент... Неужели вы действительно приехали в нашу глушь только из-за этого несчастного призрака нашего несчастного Дональда, если я правильно понял?.. Не слишком ли много издержек ради такого сомнительного случая?

Николсен: Вы забыли, что призраки неплохо оплачиваются, господин Брут.

Брут: Ах, вот оно что. Действительно, я как-то об этом не подумал.

Николсен: Именно поэтому, господин Брут. К тому же мне представилась возможность побывать там, где я никогда не был прежде, а для журналиста, как вы понимаете, это просто золотое дно... Новые люди. Новые впечатления. Новый материал. Иногда вдруг выудишь что-нибудь такое, что только руками разведешь.

Вербицкий (*оторвавшись от газеты*): Хотите сказать, что раскопали у нас что-нибудь этакое?

Николсен: О-о!

Брут: И что же это вы такое раскопали, господин корреспондент?.. Или это секрет?

Николсен: Еще какой!.. (*Понизив голос, почти шепотом*). Вы будете приятно удивлены, господа... Госпожа бургомистр!..

Вербицкий: Госпожа Яблонска?

Николсен: Она самая.

Вербицкий: Скажите пожалуйста... И что же вы раскопали, господин Николсен, про нашу милую госпожу бургомистр?

Николсен: Скажу, если вы не будете сразу обвинять меня в клевете и бросаться тухлыми яйцами... (*Громким шепотом*). Я раскопал, что в свое время госпожа Яблонска снималась в "Плейбое" и даже заняла там какое-то место... Конечно, это было много лет назад, но ведь читателя эти подробности вряд ли интересуют, верно?

Розенберг и Вербицкий негромко смеются.

Брут: Так вот значит, чем вы собирались нас обрадовать, господин корреспондент!.. Боюсь только, что эта новость уже давно и основательно устарела. Лет так, наверное, уже тридцать с небольшим, я думаю.

Николсен (*тревожно*): Эта новость? Про госпожу Яблонску?

Брут: Именно, господин корреспондент. Про нашу госпожу бургомистр... Скажи ему, Розенберг.

Розенберг: Вы, вероятно, имеете в виду эти снимки в

Плейбое, господин Николсен?.. Мисс Август 1975 года, да?.. Должен вас огорчить, господин Николсен, но эти картинки висят у нас в каждом доме... Между нами говоря, ничего особенного. Ножки, попки и все такое. Но многим нравится.

Николсен: По-вашему, это ничего особенного? Разве мы говорим не о госпоже Яблонска?

Брут: Именно о ней, господин корреспондент.

Николсен: И это всем известно?

Брут молча разводит руками.

И госпожу Яблонску выбрали госпожой бургомистром, зная, что было время, когда она, так сказать, была... не совсем одета?

Брут: Совершенно справедливо, господин Николсен. Зная, что когда-то было такое время, когда она разгуливала по страницам "Плейбоя" в чем мать родила.

Николсен (*подавлен*): Просто невероятно.

Вербицкий: Не стоит расстраиваться, господин корреспондент. Когда сорок лет живешь в таком маленьком городке, как наш, то знаешь даже то, где твой сосед хранит свои, прошу прощения, презервативы... Вы ведь не станете выбрасывать свои презервативы из-за того, что кто-то знает, где вы их храните?

Николсен (*сбит с толку*): Ну, я не знаю... Может быть... (*Вновь открывая блокнот*). Так вы говорите, это было в ав-

густе 1975-го?

Брут: Совершенно верно... В августе 75-го (*Выходя из-за стойки*). Господи, как же давно это было. Просто страшно подумать. А кажется, что только вчера. (*Быстро обернувшись, на звук открываемой кухонной двери, которая впускает в кафе Александру*). Тебе чего?

Эпизод 8

Александра: Я вспомнила, что надо еще приготовить банки для томатов.

Брут: Подкралась, словно смерть... Ну, какие сейчас банки, Александра? Посмотри на улицу. Ночь на дворе. (*Возвращаясь за стойку*). Посиди, лучше, отдохни.

Александра: Спасибо, господин Брут, но я не устала.

Брут: А я тебе говорю, посиди. Еще набегаяешься. (*Листает счета*).

Александра: Ну, хорошо. (*Опускается на свободный стул*).

Короткая пауза.

Вербицкий (*уткнувшись в газету*): Китайские ученые сумели получить искусственным путем образец материи, из которой состоит Дао.

Розенберг (*вяло*): Флаг им в руки... А кстати, что у нас с телевизором, Брут?

Брут: Ничего

Розенберг: Мне кажется, я слышу это уже с прошлого месяца.

Брут: Я не виноват, что у нас нет своего мастера, и ему

приходится ездить к нам черт знает откуда, и притом далеко не бесплатно... (Николсену). Между прочим, господин корреспондент, вы могли бы рассказать своему читателю, что наш бедный телевизор сломался аккурат во время последней речи господина Президента. Стоило ему сказать, что наше будущее в наших собственных руках, как из телевизора немедленно повалил дым... Если хотите, можете написать об этом в своей газете.

Николсен: Мне почему-то не кажется, что эта информация сильно поднимет наш тираж, господин Брут.

Брут: А вот тут вы как раз заблуждаетесь... Потому что когда вы расскажите вашим читателям, что наш телевизор ломается всякий раз, когда выступает господин Президент, вашу газету будут рвать прямо с руками, уж поверьте... Например, в прошлом году у него перегорело какое-то реле, как только господин Президент сказал, что не позволит никому разговаривать с нами с позиции силы. А позапрошлой весной он вообще сгорел, стоило нашему харизматику появиться на экране.. По-моему, это прекрасный сюжет, господин корреспондент.

Николсен: Мне почему-то кажется, что вы говорите не как патриот, господин Брут.

Брут: И мой телевизор, заметьте, тоже.

Николсен: Нет, в самом деле... Если уж вам так все у нас не нравится, то вы могли бы, например... уехать... Мир велик.

Брут: А кто вам сказал, что я так не сделаю?.. Вот, продам дом и уеду в какую-нибудь чертову Австралию.

Вербицкий: Вот тут как раз пишут про Австралию. (*Листает газету*). Ага... (*Читает*) Практически все восточное побережье Австралии поражено эпидемией колумбийской холеры.

Розенберг: А он поедет на западное. (*Хихикает*).

Брут: Не смешно.

Розенберг: Но почему-то все смеются.

Брут: Потому что стоит заблеть одному барану, как начинают блеть все остальные... Кстати, кто помнит, как зовут этого нашего чертова харизматика?..

Короткая пауза.

Ну, имя, имя его как?..

Николсен: Вы говорите о нашем Президента? (*Негромко смеется*). Вы что же, действительно не помните, как его зовут? (*Неожиданно осекишь, смолкает*).

Брут: В своей жизни, я забывал и более важные вещи, господин корреспондент... Напомните мне, если знаете.

Николсен (*помедлив, сдавлено*): О, Господи...

Брут: Похоже, вы тоже не в курсе... А ты, Розенберг?..
Помнишь, как зовут нашего благодетеля?

Розенберг: Отстань.

Брут (*Вербицкому*): А ты?.. Тоже не помнишь?

Вербицкий молча качает головой, продолжая читать.

Николсен: Вы что, решили меня разыграть?.. (*Сдавлено смеется*). Нет, ей-богу... Это даже не смешно...

Брут (*подойдя к двери, ведущей в биллиардную, слегка отодвинув в сторону занавес*): Слушай, Бандерес... Помнишь, как зовут нашего Президента?

Бандерес (*появляясь на пороге*): Ты меня еще спроси, как зовут его лошадь... Ну, конечно не помню. (*Вновь исчезает*).

Брут (*повернувшись к Николсену и разводя руками*): Увы.

Николсен (*хрипло*): Кажется, мне надо выпить.

Брут: Блестящая мысль... (*Возвращаясь за стойку, наливает стакан Николсену, который быстро его выпивает*).
Говоря откровенно, господин корреспондент, здесь у нас случаются вещи и похлеще... Например, в прошлом году... Помнишь, Розенберг?.. Вдруг ни с того, ни с сего прямо к нашей пристани прибило два во-от таких вот контейнера мацы, и что любопытно – как раз накануне еврейской пасхи... Розенберг вон, был просто счастлив.

Николсен: Налейте мне, пожалуйста, еще.

Брут: (*наливая*): Пожалуйста, и я с вами пропущу.

Николсен: Ваше здоровье. (*Пьет*).

Брут: И ваше. (*Быстро опрокинув стопку виски*). Если никто не против, я поставлю что-нибудь легонькое.

Розенберг: Между прочим, сегодня сороковой день.

Брут: Вот и прекрасно. А мы поставим что-нибудь отвечающее случаю... Верно, господин Николсен? (*Исчезает за стойкой*).

Короткая пауза, в продолжение которой Николсен садится за свободный столик. Одновременно из-за стойки бара раздаётся поцелкивание граммофонной иглы, затем первые аккорды классического аргентинского танго.

(*Появляясь из-за стойки*). Ну, вот. Доктор говорил мне, между прочим, что легкое танго способствует пищеварению. (*Выйдя из-за стойки, делает несколько далеких от изящества па*).

Александра (*поднимаясь*): Я пойду.

Брут: Только один круг, мадемуазель... (*Подхватив Александру, ведет ее между столиками и обратно к стойке*).

Александра (*смущаясь*): Господин Брут...

Небольшая пауза. Игрет старая пластинка.

(*Остановившись*). Ну, ладно. Иди. Отдыхай... Хватит на сегодня.

Александра: Спасибо, господин Брут. (*Уходит*).

Напевая, Брут скрывается за коробками. Короткая пауза.

за.

Розенберг (*глядя в окно*): А вон, кстати, и наш господин следователь.

Брут (*появляясь из-за коробок*): Где?

Николсен (*глядя за окно*). Вон... (*Нервно*). Пожалуй, мне лучше пойти посмотреть, как играет ваше бильярдное чудо.

Розенберг: Не нашли общего языка?..

Нагнувшись за стойкой, Брут выключает граммофон.

Николсен: Не знаю, как вы, господа, но каждый раз, когда я его вижу, мне кажется, что он сейчас достанет из своей папки бумагу и зачитает мне постановление о моем аресте. (*Отходит к бильярдной*). Я просто уверен, что он звонил и проверял, тот ли я, за кого себя выдаю.

Розенберг: А вы действительно тот, за кого себя выдаете, господин Николсен?

Николсен: Спросите об этом лучше у следователя. (*Скрывается за занавесом*).

Розенберг: А как насчет нас, Брут?.. Те ли мы, за кого себя выдаем, или нам тоже лучше навести об этом справки у господина следователя?

Звонит дверной колокольчик.

Брут (*громким шепотом*): Ради Бога...

Эпизод 9

Входная дверь впускает в кафе Следователя, плотно упакованного в шляпу и плащ, чьи цвет и фасон немедленно выдают в вошедшем государственного служащего. В руке – папка для бумаг.

(Разведя руками, словно он необыкновенно рад появлению нового гостя). Господин следователь... Какая приятная неожиданность.

Следователь: Здравствуйте, господа.

Розенберг и Вербицкий здороваются с вошедшим.

Это разве не у вас сейчас играла музыка?

Брут: Немного легкого танго, господин следователь.

Следователь: Значит, все-таки у вас. *(Вешая на вешалку плащ и шляпу).* Хорошо, что застал вас всех вместе. *(Подойдя к двери бильярдной, осторожно заглядывает, чуть отодвинув бархатную занавеску).* Здравствуйте, господа... И даже господин корреспондент здесь... Прекрасно. *(Отходя).* А что это за собака привязана возле ваших дверей?

Розенберг: Это моя собака привязана.

Следователь: В столице вас немедленно оштрафовали

бы на пятьдесят монет.

Розенберг: А собаку?

Брут: Не слушайте его, господин следователь... Кофе?

Следователь: Полчашки, без молока и без сахара. (*Присаживаясь за свободный столик*). Хочу сообщить вам любопытную новость, господа... Вчера ночью у меня украли папку со всеми документами, относящимися к нашему делу, а затем вновь подбросили ее в мой номер.

Короткая пауза. Лицо следователя обращается сначала к Розенбергу, затем к Вербицкому и, наконец, к Бруту.

Брут: Это... не мы.

Следователь: Уж не знаю, кто это, господин Брут, но только неприятность заключается в том, что в папке, которую мне вернули, не оказалось протокола вашего допроса. (*Доставая из папки бумаги и письменные принадлежности*). Все остальные бумаги на месте, тогда как ваш протокол почему-то бесследно исчез. словно испарился... Сожалею, но, боюсь, мне придется допросить вас еще раз.

Брут: Вы шутите?

Следователь (*доставая из папки бумаги и письменные принадлежности*): Нисколько.

Брут: Хотите, чтобы я опять повторил вам то, что рассказал два дня назад?... Думаете, я вспомню что-нибудь еще?

Короткая пауза. Следователь раскладывает на столе бумаги.

Господи!.. Ну, почему, если что-нибудь происходит, то происходит обязательно со мной?.. Надеюсь, вы не думаете хотя бы, что это я украл этот ваш чертов протокол?

Следователь: То, что думаю я, господин Брут, не имеет никакого значения. Значение имеет только то, что будет записано, пронумеровано, подшито и положено в эту папку... Надеюсь, вы меня понимаете, господин Брут. *(Выразительно смотрит на Брута).*

Небольшая пауза. Брут звенит за стойкой стеклом.

Брут *(нервно):* Ну, хорошо. Хорошо. Хорошо... Я готов рассказать вам все с самого начала. *(Выходит из-за стойки с чашкой кофе).* В конце концов, мне совсем не трудно повторить то, что вы и так уже прекрасно знаете без меня... Ваш кофе... *(Поставив перед следователем чашку, садится напротив).* Хотите, чтобы я рассказал вам все прямо сейчас?

Следователь: Мне кажется, чем быстрее мы с этим закончим, тем это будет лучше для всех.

Брут: Что ж, валяйте... *(Ворчливо).* Хотя, говоря по правде, любой скажет вам, что в этом нет никакого смысла, потому что со дня смерти Дональда прошло уже сорок дней, а мы только собираемся почтить его память этим глупым про-

токолом, от которого, боюсь, уже никому не будет никакой пользы.

Следователь: Господин Брут...

Брут: Хорошо, хорошо. Я молчу. Пишите... (*Поднявшись со своего места, медленно идет по сцене, глухо*). Ровно сорок дней назад во время драки убили старого Дональда. Вот прямо тут, на этом самом месте. Драка была в самом разгаре, как вдруг потух свет, а когда он опять загорелся, то наш Дональд лежал с ножом в сердце и без всяких признаков жизни... (*Остановившись*). Ей-богу, Розенберг рассказал бы все это лучше. Тем более что он обожает такие истории.

Розенберг: Иди к черту, Брут.

Следователь (*записывая и одновременно прихлебывая горячий кофе*): Пожалуйста, немного помедленнее. Я не успеваю. (*Записывая*).

Короткая пауза.

Брут (*вновь опускаясь на стул*): Если вам интересно, то я могу сказать, кто затеял эту драку. Ее затеяли временные рабочие с молочной фермы, которые получают в конце недели аванс и всегда отмечают это событие у нас. Сейчас они все разъехались, потому что закончился сезон. Обычно они ведут себя смиренно, а тут вот как будто сорвались с цепи. Дональд полез их разнимать и получил, что называется, по самую рукоятку... Как говорит наш Розенберг, всякое доброе

дело наказуемо.

Следователь: Очень хорошо. (*Записывает*). Но кто же тогда, по-вашему, мог выключить этот злосчастный свет?

Брут: Вот этого я, к сожалению, не знаю.

Следователь: Я спрашиваю вас потому, что по показанию всех свидетелей, вы стояли ближе всех к выключателю и если бы захотели, то легко могли погасить его быстрее других... Вы ведь не станете это отрицать?.. Ну, то, что вы стояли ближе всех?

Брут: Разумеется, я не стану... Однако, похоже, что на этот раз кто-то оказался проворнее меня.

Следователь: Допустим... Но вот что любопытно. (*Поднявшись из-за стола, медленно идет по сцене*). Когда свет погас, то перестала гореть не одна, а сразу две лампы. Одна наверху и вторая здесь, рядом с вами. При этом в ходе следственного эксперимента мною было установлено, что ни при каких обстоятельствах их невозможно было бы выключить одновременно одному человеку, а это значит, что мы имеем здесь дело со сговором двух или более лиц, то есть с преступлением, предусмотренным статьей семьдесят семь прим – преднамеренное убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц. Деяние, предусматривающее наказание сроком лишения свободы до двадцати пяти лет, господин Брут... (*Остановившись за спиной сидящего Брута, негромко*). Только не говорите, что у вас не было никаких причин желать покойному смерти.

Брут: А разве были?

Следователь: Вот это я как раз и пытаюсь понять, господин Брут... *(Негромко)*. Допустим, что когда-то давно вы ухаживали за женой господина Дональда...

Брут *(быстро обернувшись)*: Тш-ш-ш... *(Показывает на вход в бильярдную, громким шепотом)*. Вы с ума сошли?.. Кто это вам, интересно, сказал такую несусветную глупость?

Вербицкий *(появляясь из-за газеты)*: Это я сказал, Брут.

Брут: Господи, но зачем?.. Ты что, спятил?

Вербицкий: Не сердись, Брут. Я подумал, что все равно рано или поздно об этом рассказали бы другие. Так уж пусть лучше это будем мы с вами... А что нам скрывать, Брут? Что мы все вместе ухаживали за женой покойного Дональда, Мариам: ты, я и Розенберг?.. Но это было так давно, что не стоило бы об этом даже вспоминать... Тем более что наши отношения носили, так сказать, характер более платонический, чем тот, о котором начинают обыкновенно думать, когда слышат слово «отношения».

Следователь: Вы мне об этом уже рассказывали, господин Вербицкий. Будьте уверены, что все ваши показания мною запротоколированы, в том числе и те, в которых вы подтверждаете, что в то время, как погас свет, вы стояли ближе, чем кто-нибудь ко второму выключателю, а следовательно, имели возможность выключить свет, если бы в этом появилась необходимость... А теперь, если вас не затруднит, встаньте, пожалуйста, там, где вы тогда стояли...

Отложив газету, Вербицкий подходит и останавливается возле выключателя рядом с винтовой лестницей.

Прекрасно... А теперь вы, господин Брут... Встаньте там, где вы стояли, когда погас свет.

Поднявшись, Брут идет и останавливается у стойки бара.

И вы тоже господин Розенберг... Подойдите и встаньте там, где вы стояли, когда убили господина Дональда.

Розенберг (*отрываясь от шахмат*): И я тоже?

Следователь: Пожалуйста, господин Розенберг.

Пожав плечами, Розенберг подходит и останавливается возле центрального столика.

Прекрасно, господа... Вы стоите сейчас там, где стояли, если верить показанием свидетелей, в ту минуту, когда был убит господин Дональд. (*Подходит ближе к Розенбергу*). Тело его было найдено вот здесь, сразу после того, как свет был включен... А теперь посмотрим, как это могло бы произойти. Господин Брут и господин Вербицкий имели возможность одновременно выключить свет, потому что они находились рядом с выключателями, причем, лицом друг к дру-

гу, так что они могли легко координировать свои действия...
Пожалуйста, господа. Сделайте это.

Переглянувшись, Брут и Вербицкий одновременно выключают свет.

Прекрасно... Свет погашен. За окном ночь. И сразу вслед за этим господин Розенберг, который находится почти рядом с господином Дональдом, пользуясь покровом темноты и всеобщей растерянностью, наносит господину Дональду смертельный удар прямо в сердце... Пожалуйста, господин Розенберг.

Розенберг: Прямо в сердце?

Следователь: Прямо в сердце, господин Розенберг.

Розенберг (с криком наносит воображаемый удар): Йа-а!

Пауза. Заложив руки за спину, Следователь делает в полумраке несколько шагов по сцене.

Брут: Можно зажигать?

Следователь: Сделайте одолжение.

Брут и Вербицкий включают свет. Небольшая пауза.

Итак, господа?

Вербицкий: Хотите сказать... *(Не находя слов, разводит руками и неуверенно смеется)*. Господи... Да у нас не было для этого никаких причин.

Следователь: Если не считать Мариам, за которой вы ухаживали втроем, но которая, в конце концов, вышла замуж за господина Дональда.

Брут: Тш-ш-ш... *(Оглядываясь на дверь в бильярдную, громким шепотом)*. Между прочим, это было тридцать лет назад. Бедняжка умерла во время родов и для всех, кто ее знал, это был страшный удар. Дональд с тех пор запил и пил, не переставая, до самой смерти. Но все это, повторяю, было тридцать лет назад и никакого отношения к смерти Дональда не имеет.

Следователь: Вы так горячитесь, что невольно начинает казаться, что вам есть что скрывать, господин Брут... Впрочем, мне показалось, что у вас вообще почему-то не слишком любят распространяться об этой истории, как будто в ней есть что-то не совсем приличное... Вы случайно не знаете, почему?

Вербицкий: Скажи ему, Брут.

Брут: А что, по-твоему, я могу ему сказать?.. Что несколько дней спустя после смерти Дональда поползли слухи, что его призрак видели в разных местах несколько человек?.. Или что наш Гонзалес сидит здесь в ожидании, когда призрак Дональда соблаговолит пройти перед нами во всей своей красе?.. Я не придаю значения этим бабским сказ-

кам, однако, тем не менее, полгорода уверены, что мертвый Дональд разгуливает по ночам по нашим улицам, а другая половина смеется над ними, но почему-то покрепче закрывает ставни и опасается выходить в сумерках на улицу.

Следователь: Призрак?

Брут: Да, господин следователь. Призрак... Странно, что вам об этом еще никто не доложил.

Следователь: Вы имеете в виду призрак, в смысле... привидение?

Брут: Вот именно. В этом самом смысле.

Следователь: Занятно. (*Задумчиво*). Призрак, в смысле привидения... (*Медленно идет по сцене, сцепив за спиной руки*). Призрак, призрак, призрак... Но ведь это всего только суеверие, господин Брут... Суеверие и ничего больше.

Брут: И тем не менее, господин следователь.

Эпизод 10

Из бильярдной появляется Николсен.

Николсен: Я вдруг услышал, что вы говорите о призраке, господа, и не смог удержаться, чтобы не выйти... Еще раз здравствуйте, господин следователь... Похоже, вы уже в курсе?

Следователь: Боюсь, что все сведения подобного рода относятся к служебной тайне и не подлежат разглашению, господин корреспондент.

Николсен: С каких это пор призраки вдруг стали служебной тайной?

Следователь: С тех самых, с каких господин Брут любезно сообщил мне эту любопытную информацию, а я посчитал нужным присовокупить ее к материалам проводимого мною следствия.

Николсен: Между прочим, если бы вы захотели, то могли бы прочесть об этом в нашей газете еще три недели назад.

Следователь: По роду службы я не читаю никаких газет, кроме «Правительственного вестника», господин корреспондент. А в нем, слава Богу, о призраках пока еще ничего не пишут.

Николсен: Боюсь, вы отстали от жизни, господин следо-

ватель. О призраках теперь пишут везде, где только можно.

Брут (*возвращаясь за стойку бара*): Бабские сказки.

Николсен (*укоризненно*): И вы, господин Брут.

Брут: И я, господин Николсен.

Николсен: Ну, тогда скажите мне, почему эти бабские сказки в один голос рассказывают пять человек, которые утверждают, что видели призрак старого Дональда своими собственными глазами. И при этом рассказывают это так убедительно и с такими подробностями, что у меня нет никаких оснований им не верить?.. (*Достает из кармана блокнот, листая его*). Вот факты, с которыми не поспоришь... Мадемуазель Клиштер видела призрак старого Дональда, когда он преследовал ее два квартала, когда она возвращалась из церкви... Мадам Якобсен видела, как призрак заглянул к ней в окно в то время, когда она готовилась ко сну... Ночной сторож с французской фамилией, которая кончается на «жу», наткнулся на призрак, когда тот выходил из стены, окружающей городской парк.... А что вы скажите насчет Анны Шмидт, в которую призрак швырнул ее ночным горшком и попал ей прямо в голову, отчего у нее до сих пор еще не прошел кровоподтек?.. А господин Глюстрис Младший?.. А сестры Лопес?.. Нет, нет, господин Брут. Вы просто не хотите признать очевидные факты, против которых не поспоришь.

Следователь: А вы, оказывается, хорошо осведомлены, господин корреспондент. (*Бруту*). Не возражаете, если я посижу здесь со своими бумагами?

Брут молча показывает на свободный столик в глубине кафе.

Николсен: Похоже, господин следователь, вас тоже не миновал так называемый синдром призрака...

Следователь: Что такое?

Николсен: Удивительная вещь, господин следователь... Человек не верит ни в Бога, ни в черта и вдруг начинает бояться темноты, потом избегает оставаться один, а затем начинает оборачиваться на любой шорох и смотреть, не протягивает ли уже к нему руки какой-нибудь выходец с того света... Другими словами, к нему возвращается то, что делает его человеком, то есть, страх божий, о котором он уже давным-давно позабыл...

Следователь (*раскладывая бумаги*): Это не про меня, господин корреспондент.

Николсен: Как знать, господин следователь. (*Подходя к стойке бара*). Можно мне еще немного виски, господин Брут?

Брут (*наливая*): Вы заговорили сегодня прямо как наш пастор, господин Николсен.

Николсен: Когда молчат люди, то глаголят камни, лежащие у дороги... (*Прислушиваясь*). И, между прочим, не только они...

С улицы доносится вой собаки.

Брут (*негромко*): У-у-у-у... (*Спыхватившись*). Что вы пугаете людей, господин корреспондент?.. Это воеет собака Розенберга.

Розенберг: Точнее, скулит.

Николсен: Вы уверены?

Брут: У нас в городе есть только одна собака.

Николсен: Вы имеете в виду собаку боцмана?

Брут (*негромко*): Тьфу на вас, господин Николсен.

Долгая пауза.

Брут вновь занят посудой, Розенберг – шахматами, Вербицкий продолжает читать газету. Николсен со стаканом в руке, медленно идет от стойки к окну и затем садится на свободный стул, откинувшись на спинку и вытянув ноги. Из бильярдной доносятся голоса и удары шаров. Длится пауза.

Вербицкий (*отложив газету, какое-то время сидит, глядя перед собой, негромко*): Я все думаю, что вот есть же у нас в городе, слава Богу, своя пожарная часть. Небольшая, правда, всего из трех человек, но все равно, настоящая пожарная часть со всем, чему там полагается быть – с главным брандмейстером, со своей каланчей, с колоколом, телефоном и пожарной машиной. Потому что, как и везде, у нас тоже иногда случаются пожары, которые надо тушить, как

например, в прошлом году, когда загорелся ничейный сарай с сетями возле старого маяка... И вот я думаю, а что, если наша пожарная часть вдруг сама загорится вместе со своей каланчей и пожарной машиной? Кто поедет тогда ее тушить, да и поедет ли вообще, вот вопрос?.. Но ведь кто-то же должен ее тушить, если она вдруг загорится?.. Верно?

Брут: Не думаю.

Вербицкий: И мне тоже, представь, стало в последнее время казаться, что никто ее тушить не станет... А знаешь почему?

Брут молчит, звеня стеклом.

Да, потому что царство, которое само в себе разделилось, не устоит. Так написано в одной книге, которую я читал так давно, что теперь даже не скажу в какой именно... Подумать только, как хорошо сказано. Царство, которое в себе разделится, не устоит... Это ведь не значит, что оно не устоит, потому что оно плохое или хорошее. А просто потому, что оно разделится и упадет, потому что пришло его время, и тут уж ничего не поделаешь. Фундамент потрескался, стены осыпались и покосились, стропила и балки сгнили, и все, что ему остается теперь, это упасть или сгореть... Жаль только, что я не помню в какой книге, это прочел.

Небольшая пауза.

Эпизод 11

Неожиданно громко из-за приоткрытой двери кухни раздается истошный визг Александры. На мгновение все присутствующие замирают, затем Брут, Вербицкий и Николсен бросаются в помещение кухни. Розенберг и Следователь поднимаются из-за своих столов. Одновременно на пороге бильярдной появляются Бандерес и Осип. Чуть позже, на верхней площадке винтовой лестницы показывается Тереза. Спустившись на несколько ступенек, она останавливается, наблюдая сверху за происходящим.

Бандерес: Господи, святой Боже!.. Что случилось?

Розенберг молча показывает на открытую дверь кухни.

(Подходя и заглядывая в открытую дверь). Что там, Брут?

Брут *(появляясь в дверях):* Ничего. *(Возвращается за стойку бара).*

Бандерес: Хорошенькое «ничего»... Я чуть в штаны не наделал от страха.

В дверях показываются Вербицкий и Николсен, которые

ведут под руки до смерти перепуганную Александру.

Вербицкий: Ничего страшного. Бывает. (*Бруту*). Дай ей глоток коньяка, Брут. (*Усаживают Александру на стул*).

Брут молча наливает коньяк.

Александра: Простите меня, господин Брут.

Бандерес: Кто-нибудь скажет, наконец, что случилось?

Вербицкий: Говорят же вам, ничего... Мокрое белье, которое сохнет на заднем дворе. Его швырнуло ветром на окно и оно прилипло к стеклу и напугало мадемуазель Александру... Вот, собственно, и все. (*Подвигая стакан*). Выпейте, выпейте, мадемуазель Александра. Вам сразу станет лучше...

Александра делает глоток. Следователь и Розенберг опускаются на свои места. Осип молча садится за свой столик и вновь берет в руки карты. Тереза уходит к себе.

Бандерес: Мокрое белье... (*Смеется*). Это же надо!.. Ты бы еще испугалась тазика для стирки! (*Смеется*).

Николсен: Вот это, господа, и называется – «синдром привидений».

Александра: Простите меня, господин Брут.

Брут: Пустяки.

Александра: Я думала... это... это... (*Всхлипнув, молкает*).

Вербицкий: Ну, будет вам, мадемуазель Александра. Все уже, слава Богу, позади. Выпейте еще.

Розенберг (*переставляя шахматную фигуру*): Нервы, нервы... У всех сегодня шалют нервы.

Бандерес: Мокрое белье! (*Смеется*). Да ты распугаешь так все привидения! (*Смеется*).

Александра нервно смеется.

Вербицкий: Ну, будет тебе, Бандерес... Не видите разве, что ей надо успокоиться?

Александра (*поднявшись*): Простите меня, господин Брут.

Брут: Ладно, ладно. Иди, отдыхай.

Александра уходит.

Бандерес: Ох, не могу... (*Бруту*). Налей-ка мне что-нибудь покрепче.

Брут молча наливает.

Николсен: И мне, пожалуй.

Брут наливает.

Осип: И мне.

Брут наливает.

Розенберг: Тогда уж заодно и мне тоже.

Брут (*наливая, следователю*): Господин следователь?

Следователь (*не отрываясь от бумаг*): Я при исполнении.

Николсен: Тогда ваше здоровье, господа. (*Пьет*).

Вслед за Николсеном пьют остальные. Короткая пауза, в завершение которой раздается звон дверного колокольчика, и все головы поворачиваются в сторону двери. На пороге появляется мальчик-посыльный.

Посыльный (*Бруту*): Вам письмо. (*Подходит к стойке бара*).

Брут: Давай сюда... Спасибо, сынок. (*Забирая письмо*).
Погоди. (*Дает посыльному монетку*).

Посыльный: Спасибо, господин Брут. (*Уходит*).

Следователь: Одну минуточку. (*Быстро поднявшись со своего места, подходит к стойке бара*). Если вы не возражаете, то я бы хотел взглянуть... (*Протягивает руку*).

Брут: Что значит – "взглянуть"?

Следователь: Позвольте мне ознакомиться с письмом, господин Брут.

Брут: Но это личная корреспонденция!

Следователь: Не хотелось бы вас огорчать, господин Брут, но в целях своевременного обеспечения следственных действий, вы обязаны по первому же требованию следствия предоставить ему любые материалы, с которыми оно посчитает нужным ознакомиться... Сожалею, но таковы правила.

Брут (*швыряя письмо на стол, негромко*): Черт бы вас подрал вместе с ними. (*Возвращается за стойку*).

Следователь (*вскрыв письмо, негромко читает*): Милый Арчибальд... Кто это, Арчибальд, господин Брут?

Брут: Это мое второе имя.

Розенберг (*игриво*): Милый Арчибальд... Ах!

Брут: Иди к черту.

Розенберг: И не подумаю. (*Задумчиво*). Милый... Арчибальд... (*Хихикая, делает ход*). Мне кажется, с таким именем можно смело баллотироваться прямо в президенты.

Небольшая пауза. Следователь молча читает письмо.

Следователь (*дочитав*): Кто это, Анна Болейн?

Брут: Господи, ну, какая вам разница?

Розенберг (*громким шепотом*): Не говори ему, Брут. (*Хихикает*).

Брут: Это письмо от госпожи Яблонской.

Следователь: От мадам бургомистр?..

Брут (*громко*): Да! От мадам бургомистр.

Вербицкий: Позвольте, я объясню, господин следователь... Лет двадцать назад, госпожа бургомистр сыграла в любительском спектакле роль Анны Болейн. С тех пор, все по привычке, зовут ее этим именем, а иногда она сама называет себя так, потому что, кажется, это имя ей нравится. (*Бруту*). И не надо смотреть на меня так, как будто я обманул тебя в твоих лучших чувствах. Если бы господин следователь захотел, он все равно рано или поздно докопался бы до этого, потому что весь город знает, что госпожа Яблонска любит, когда ее называют Анной Болейн, и в этом, слава Богу, нет никакого состава преступления. (*Следователю*). Я правильно употребил это слово, господин следователь?.. Состав преступления?

Следователь (*возвращая Бруту письмо*): Извините. (*Вернув письмо, возвращается на свое место*).

Почти вырвав письмо из рук следователя, Брут, быстро уходит по винтовой лестнице, задержавшись, впрочем, на несколько мгновений возле Розенберга и одарив его напоследок красноречивым взглядом.

Розенберг (*вслед ушедшему Бруту*): Ну, просто испепелил... (*Вербицкому*). Видел?.. Уставился, как шлюха на матроса. Он, наверное, думает, что никто ни о чем не догадыва-

ется, как будто кругом одни дураки.

Следователь: Вы имеете в виду госпожу бургомистр?

Розенберг (*быстро*): Я имею в виду, что я вам ничего не говорил, господин следователь.

Вербицкий: Ну, конечно. Молчал, как Спаситель перед Синадрионом.

Бандерес: Хо-хо!.. (*Осипу*). Ну что, пошли, доиграем?

Осип (*раскладывая карты*): Не хочу.

Бандерес: Тогда, значит, придется попотеть Розенбергу... Помнишь, что ты обещал мне на прошлой неделе, Розенберг?

Розенберг: Отстань.

Бандерес: Ну, уж нет. Раз ты дал слово, что разделаешь меня в пух и прах, то какие тут могут быть «отстань»?.. Давай-ка, собирайся.

Розенберг молчит, разглядывая шахматную доску.

(*Негромко*). Розенбе-е-ерг...

Розенберг: Что?

Бандерес: Пойдем.

Розенберг (*поднимаясь из-за стола*): Господи! Бандерес!.. Если бы ты только знал, как ты мне надоел со своим бильярдом... Ладно. Идем, негодяй. Проще пойти и надрать тебе задницу, чем ждать, когда ты поймешь, что кроме твоего бильярда в мире существует еще целая куча других ве-

щей, о которых ты даже не подозреваешь. (*Направляясь в сторону бильярдной, быстро достает из заднего кармана брюк кипу и надевает ее*).

Бандерес: Вот это другое дело.

Николсен (*Розенбергу*): Вы всегда надеваете кипу, когда идете играть в бильярд, господин Розенберг?

Розенберг: Только тогда, когда требуется, чтобы Небеса знали, чью сторону им следует принять. (*Исчезает вместе с Бандересом и Николсеном в бильярдной*).

Одновременно по винтовой лестнице спускается Брут.

Эпизод 12

Спустившись, Брут какое-то время занимается посудой, затем выходит из-за стойки и садится за столик рядом с Осипом. Пауза.

Брут (негромко): Я вот все хотел тебя спросить, долго ты еще собираешься морочить моей дочери голову, пареньь?.. Если решил жениться, то женись, хотя если говорить честно, мне этот брак совсем не по сердцу.

Осип молчит. Короткая пауза.

А ты как думал?.. Всякий человек должен есть, пить и иметь уважение от окружающих. И все это он может заслужить, только если он тяжело и постоянно работает. Каждый день. От зари и до вечера, без выходных и отдыха... А ты? Сидишь день-деньской с удочкой на молу? Или читаешь свои дурацкие книжки?.. Много этим не заработаешь.

Вербицкий: Что ты, в самом деле, пристал к нему, Брут? Не видишь что ли, на нем и так сегодня нет лица.

Брут: Он знает, почему я пристал.

Осип продолжает молча раскладывать карты.

Ты только не думай, что я ничего не понимаю. Я-то как раз понимаю, что если мужчина женится, то ему уже не посидеть так вот просто на берегу. Он вынужден будет крутиться, как белка в колесе, отказывать себе в самом нужном и без конца слышать про то, что в доме не хватает денег, или что пора покупать новую обувь... Кому, в самом деле, охота вкалывать с утра до ночи, да еще слышать детские крики или рассказы о том, как у кого-то пучит живот, а у кого-то, наоборот, высыпала на спине сыпь, и при этом держать в голове, что завтра надо платить за квартиру или за электричество?.. (*Помедлив, ворчливо*). Но тогда не надо подавать пустые надежды и изображать из себя влюбленного павлина, распушившего свой чертов хвост!

Осип молчит. Небольшая пауза.

Вот эти книжки, которые ты ей таскаешь, зачем они ей?.. Или ты думаешь, что она будет лучше готовить, если выучить французскую грамматику или начитается этого твоего Канта, у которого явно не все в порядке с головой, хоть он и немец?

Осип молчит.

Пойми, что если ей что-то и надо, так это просто выйти

замуж за крепкого и работающего парня, нарожать мне внуков и принять от меня это кафе, как принял его когда-то от своего отца я сам.

Осип (*раскладывая карты*): Хотите, чтобы она стояла за этой стойкой, наливала водку или виски и слушала брань рабочих с молочной фермы?

Брут: Что делать, сынок. В каждой работе есть свои издержки. И рабочие с молочной фермы, они, конечно, не подарок, согласен. Но все равно, эта работа ничуть не хуже любой другой... В конце концов, один стоит за прилавком, другой водит машины, третий ловит рыбу, ну а кому-то надо варить кофе и наливать клиентам спиртное. Если бы дело пошло хорошо, она могла бы со временем кого-нибудь нанять, а там, смотришь, открыла бы еще одно кафе, скопила бы денег, да и переехала в настоящий город, не такой как наш... Но тебе, я смотрю, это не по душе?

Осип: Мы просто друзья, господин Брут.

Брут: Вот и скажи ей это... Скажи, если, у тебя язык повернется.

Из бильярдной появляется Николсен со стаканом виски в руке.

Николсен: Слышали?.. Они сражаются, как львы. Это надо видеть... (*Подходя*). Можно мне еще немного?

Поднявшись, Брут молча идет за стойку и наливает виски.

Спасибо. (Отойдя, садится за один из столиков и достает свой блокнот).

Небольшая пауза, в продолжение которой Брут вновь выходит из-за стойки и садится за столик, за которым сидит Осип.

Брут: Ты считаешь себя умнее всех, потому что проучился два года в Университете. Но это еще не повод бездельничать и смотреть на окружающих свысока... Вон посмотри на Вербицкого. Кажется, где он только не учился, а что проку?.. Хочешь, как он, сидеть и ждать, когда к твоей жалкой пенсии прибавят еще пару монет?

Николсен (*отрываясь от блокнота, Осипу*) Вы учились в Университете? И в каком же?

Осип: В нашем, столичном.

Николсен: И на каком отделении?

Осип: На кафедре теологии.

Николсен: О!..

Брут: Отец чуть не убил его, когда узнал, что он поступил на заочное отделение. Мы едва его успокоили. Да и то. Кому здесь на побережье нужны люди, которые только и умеют, что чесать языками, да листать никому не нужные книжки?

Николсен: Образование может быть совсем не такая дурная вещь, как вы, наверное, думаете, господин Брут.

Брут: Каждому свое, господин корреспондент. Одни вон читают книжки, а другие всю жизнь таскают тяжести, копают землю и даже не совсем твердо знают, какой формы земля по которой они ходят... Нет, господин Николсен. Если ты родился в семье рыбака, то, скорее всего, всю жизнь будешь вязать сети и смолить свою лодку. И тут уж ничего не поделаешь.

Николсен: Случаются и исключения.

Брут: Редко.

Николсен: На то они и исключения, господин Брут... Как сказал один сумасшедший, но великий еврей – все прекрасное редко, да вдобавок еще и трудно.

Брут: Евреи, пожалуй, скажут.

Из бильярдной доносится чьи-то победные крики.

Осип (поднявшись): Пойду, взгляну.

Николсен (пряча блокнот): Надо посмотреть.

Николсен и Осип уходят в бильярдную.

Вербицкий (отложив газету, громким шепотом): Зачем ты травмишь нашего бедного мальчика?

Брут (тоже громким шепотом): А ты что же, хочешь,

чтобы он женился на собственной сестре?

Вербицкий (*шепотом, косясь на следователя*): Чушь! Я тебе говорил об этом уже сто раз – ребенок мой!

Брут (*шепотом*): Розенберг говорит то же самое.

Вербицкий: Розенберг – дурак. И к тому же он импотент. Мне Мариам рассказывала, что он никуда не годится.

Брут: Мариам рассказывала это про всех.

Вербицкий: Тш-ш-ш... Все равно, ты не должен так обращаться с ним, Брут. Тем более что он, кажется, даже и не собирается жениться на твоей Терезе.

Брут: Ты плохо знаешь женщин, Вербицкий. Если бабе придет в голову тебя окрутить, то ты сам не заметишь, как затопашешь под венец под марш Мендельсона.

Вербицкий: Ты это о себе?

Из бильярдной раздается шум и крики. Резко откинув занавес, на пороге появляется рассерженный Розенберг. За ним – улыбающийся Бандерес. Вслед за Бандересом появляются Николсен и Осип.

Розенберг: Нет, это просто издевательство!

Бандерес: В пух и прах!

Розенберг (*проходя к своему столику*): Ни одного бесспорного очка, ничего!

Бандерес: В пух и прах!

Розенберг: Он просто жулил... Я сам видел.

Бандерес: В прах и пух. (*Смеется*). С тебя тридцать монет, коллега.

Розенберг: Не беспокойтесь, господин Бандерес. Вы получите свои деньги и притом немедленно. (*Роется в карманах*).

Николсен (*сидясь за пустой столик*): Зато теперь мы знаем, на чьей стороне небеса.

Розенберг: Не говорите глупости, господин корреспондент. Человек, который жулит и не умеет правильно держать кий, не может иметь к небесам никакого отношения... (*Открыв кошелек*). Вот ваши деньги, господин обманщик!

Бандерес (*забирая деньги*): В пух и прах!

Розенберг (*снимая кипу и пряча ее в карман*): В Талмуде написано – «не верь игроку, который играет в базарный день, потому что счастье его недолговечно»... (*Бруту*). Налей-ка мне что-нибудь. Можно покрепче.

Бандерес (*сидясь за стол Осипа*): Тридцать монет за один вечер, – я думаю – это неплохо, а? (*Смеется*).

Брут наливает Розенбергу. По винтовой лестнице, что-то напевая, спускается Тереза.

Вербицкий: А вот и наша милая мадемуазель Тереза.

Все смолкают. Небольшая пауза.

Эпизод 13

Тереза (*спустившись, ни к кому в особенности не обращаясь*): Господи, какой сегодня отвратительный день. Все просто так и валится из рук. Хотела узнать, когда приходиться завтра на занятия, так надо было случиться, чтобы отключили телефон. Как специально.

Брут: Отключили телефон?.. А мне как раз надо было срочно позвонить.

Следователь: И мне тоже... Вы думаете, это надолго?

Брут: В прошлом месяце как-то отключили почти на неделю.

Изумленно присвистнув, Следователь, смотрит на Брута.

Что делать, господин следователь. Это не столица.

Следователь: Это я уже понял.

Бандерес: Знаете, мадемуазель Тереза?.. Розенберг проиграл мне целую кучу денег... Тридцать монет.

Розенберг: Не слушайте его, мадемуазель. Он просто жульничал. А так он не умеет даже правильно держать кий.

Тереза: Господи. Какие вы все скучные с этим вашим билльярдом, если бы вы только знали... (*Проходит за стойку*)

бара). Я поставлю что-нибудь, папа? (*Исчезает за стойкой бара и почти сразу появляется с пачкой пластинок в руках*). Вот смотрите, тут целая куча пластинок, а вы сидите, как будто кроме бильярда на свете больше ничего не осталось. (*Перекладывая одну пластинку за другой*). Гендель... Клементи... Фортепьянные концерты... (*Николсену*). Господин корреспондент, вы потанцуете со мной?

Николсен (*показывая на стакан*): Боюсь, я уже не совсем в форме, мадемуазель... Может быть завтра?

Тереза: А вы, господин Вербицкий? Вы тоже не в форме?

Вербицкий: Я был в великолепной форме, мадемуазель, можете мне поверить, но только, к сожалению это было лет двадцать назад.

Тереза: А вы, господин следователь?... Только не говорите, пожалуйста, что вы при исполнении.

Следователь (*неожиданно галантно*): Увы, мадемуазель.

Тереза вновь исчезает за стойкой, чтобы поставить пластинку. Слышно потрескивание иглы, затем на сцену неожиданно громко врываются нервные звуки танго. Это та же самая пластинка, которую уже ставил Брут. Одновременно на пороге кухни появляется Александра. В одной руке она держит совок для мусора, в другой – веник. Кажется, она о чем-то хочет спросить Брута, который стоит к ней спиной, но не решается подойти.

Тереза (*появляясь из-за стойки*): Ну вот.

Николсен: Вот это да! (*Подпевая, идет по сцене*). Та-та-та рара-та-рара-та-та-рара...

Бандерес (*подхватывая*): Та-та-та рара-та-рара-та-та-рара...

Схватив Бандереса, Николсен не слишком уверенно ведет его по сцене в танце.

Николсен: Та-та-рара-та-та-та-та-та-рара...

Бандерес: Та-ра-ра-ра-ра-ра-та-та-та-та-та...

Николсен: Ей-богу, если бы я был в форме...

Неожиданно поднявшись со своего места, Осип быстро подходит к стоящей возле двери Александре и почти грубым рывком вытаскивает ее на пустую середину сцены. Затем медленно ведет ее под музыку между столиками, пока не оказывается вместе с ней на авансцене. В руках Александра по-прежнему держит совок и веник.

Александра (*едва слышно*): Осип...

Гремит танго. Осип ведет Александру в танце от одной кулисы к другой, то отпуская ее от себя, то вновь возвращая ее в свои объятия. Все присутствующие следят за тан-

цующей парой.

Осип...

Длится пауза, наполненная музыкой.

Напоследок Осип опрокидывает Александру на пустой столик и на несколько мгновений замирает вместе с ней.

Николсен: Bravo!

Музыка обрывается. Слышно, как пощелкивает игла проигрывателя.

Bravo! (Аплодирует).

Бандерес: Bravo, мадемуазель Александра!..

Вербицкий (вяло): Bravo. Bravo...

Подведя Александру к стойке, Осип оставляет ее там, где начался их танец, и возвращается за свой столик. Оглянувшись на Брута, Александра быстро исчезает за дверью кухни. Щелкает старая пластинка.

Тереза: Танго с веником и совком. Bravo... (Резко повернувшись, уходит по винтовой лестнице наверх).

Вербицкий: Пластинка, пластинка, Брут...

Брут: Слышу... (Опустившись за стойку, выключает

проигрыватель).

Короткая пауза.

(*Вновь появляясь за стойкой*). Надеюсь, больше нет желающих послушать немного легкую музыку?..

Николсен: Если бы я был в форме, господин Брут...

Осип (Бандересу): Ну что, пойдём?

Бандерес: Пойдем.

Осип и Бандерес скрываются за бархатным занавесом.

Николсен: Мне кажется, вы забыли меня. (*Не вполне твердо ступая, уходит вслед за Осипом и Бандересом*).

Короткая пауза.

Вербицкий (*проводив глазами скрывшихся в бильярдной, негромко*): Не знаю как у вас, господа, а у меня такое ощущение, что мы только что побывали на войне.

Розенберг: Если ты еще не забыл, то эта война, между прочим, называется любовь.

Вербицкий: Ты тоже заметил?.. Да?.. Черт возьми! От них, кажется, так и несло жаром.

Брут: Жаль, что не погребальным костром.

Розенберг: Ты как-то сегодня мрачно шутишь, Брут. Мо-

жет, ты заболел?

Брут (*оставив посуду и выходя из-за стойки*): Я скажу тебе так, Розенберг. Когда я был молодым, любовь убивала. И это было в порядке вещей, и потому прекрасно. А сейчас она только вызывает легкую приятность в области гениталий и дребезжит, как консервная банка, которую привязали к заднему бамперу машины. Поэтому иногда я спрашиваю сам себя – а что же все-таки лучше? Погребальный костер или это безвкусное дребезжание, от которого вполне может вытошнить?

Розенберг: Господи, Брут! (*Понизив голос*). Ты случайно не забыл, что мы говорим о твоей дочери?

Следователь (*подняв голову от бумаг*): Лично я, например, совершенно солидарен с господином Брутом. Молодежь совершенно распустилась в последнее время. Если бы вы знали последнюю статистику абортот, то просто схватились бы за голову.

Розенберг: И что это за статистика, господин следователь?

Следователь: Это закрытая информация, господин Розенберг.

Розенберг: Какая жалость... Ты слышал, Брут?

Брут (*показывая пальцем вверх*): Тс-с-с-с...

По винтовой лестнице вновь быстро спускается Тереза. Заметив ее, Вербицкий закрывается газетой, а Розенберг,

повернувшись спиной, делает вид, что занят шахматами.

Тереза (*подходя к стойке бара, Бруту*): Ты видел, да?.. Пожалуйста, выгони ее, наконец, к чертовой матери, папа. Я больше не желаю, чтобы она жила в нашем доме.

Брут: Кто? Александра?..

Тереза: Ты сам знаешь, кто... Прогони ее.

Брут: Да что это вдруг на тебя сегодня нашло, дочка?

Тереза: Ничего... Прогони ее, папа.

Брут: И куда же я ее, по-твоему, прогоню?.. Она никому здесь не мешает. Наоборот.

Тереза: Мешает.

Брут: А по-моему, ты просто ревнуешь.

Тереза: Я? (*Смеется*). К этой маленькой дрянни?.. Не говори, пожалуйста, глупости, папа. Не понимаю, зачем тебе вообще понадобилось приводить ее к нам? Мы что, плохо жили вдвоем?.. Скажи, разве плохо?

Брут: Не шуми. Мы тут не одни.

Тереза: Мне все равно.

Брут: А мне нет. Ты ведь знаешь, что она нам родственница, хоть и очень далекая... Ну, скажи, чем она тебе помешала? Живет в подсобном помещении, не вылезает из кухни, моет полы, ходит в магазин, готовит, стирает... Хочешь сама мыть полы и ездить за рыбой?

Тереза: Знаешь? Иногда мне кажется, что ты сам готов приударить за этой бедной родственницей.

Брут: А что? Это неплохая мысль. Пожалуй, мне стоит подумать...

Тереза молча смотрит на Брута. Небольшая пауза.

Вербицкий: Все-таки интересные вещи прочитаешь иногда в этих газетах. Ученые доказали, что если съедать каждый день хотя бы по две головки чеснока, то цвет кожи становится, как у маленького ребенка...

Какое-то время Тереза молча смотрит на него, потом быстро повернувшись, уходит наверх. Небольшая пауза. Вербицкий молча смотрит на Брута.

Что?

Брут: Что?

Вербицкий: Ничего. *(Вновь утыкается в газету).*

Пауза. Розенберг занят шахматами, Брут опускается за стойку и гремит там посудой.

Брут *(показываясь из-за стойки):* Помните, как заглох на моторной лодке двигатель, и нас понесло в открытое море? Не помните, когда это было?

Розенберг: Давно.

Брут: Я тоже вспомнил об этом только сегодня. *(Глухо).*

Должно быть потому, что у меня в последнее время такое чувство, что меня несет в открытое море и не за что уцепиться.

Розенберг: Не обращай внимания.

Брут: Это хороший совет, Розенберг. Когда ты будешь умирать, я тоже приду к тебе и скажу – не обращай внимания. *(Вновь исчезает за стойкой)*.

Розенберг: Тебе сегодня еще не говорили, что ты просто невыносим, Брут?

Небольшая пауза.

Вербицкий *(откладывая газету)*: Ладно. Это все ерунда. А вы мне лучше скажите вот что. Когда случается пожар, то нас предупреждает об этом пожарный колокол. Ведь так?.. А кто, интересно, предупредит нас, если наша пожарная часть сама загорится?.. Вопрос.

Розенберг: Иди к черту, Вербицкий. Ты уже сто раз об этом спрашивал.

Вербицкий: И при этом ни разу не получил вразумительного ответа. *(Поднимаясь со своего места, потягиваясь)*. Господи, как же хорошо быть старым и никому не нужным... Не думать, что надеть, что сказать, кому понравиться. Не ревновать, не дергаться, не пытаться острить или говорить умные вещи, а главное, не придавать никакого значения этим сомнительным движениям, которые делают те-

бя больше похожим на швейную машинку, чем на человека. (Показывает). Верно, Брут?

Брут молчит.

Ах, извини, пожалуйста... Я и забыл, что ты все еще собираешься послушать в свою честь марш Мендельсона... (Медленно идет по сцене, по ходу смотрит на шахматные фигуры на столе у Розенберга, затем подходит к окну и отстраняется за спиной сидящего Гонзалеса).

Небольшая пауза.

А вот, кстати, и господин пастор.

Розенберг: Аминь. (Оборачивается к окну).

Вербицкий: Идет, как галльский петух, который думает только о том, кого бы задрать... Пожалуй, мне было бы лучше удалиться.

Розенберг: Поздно. Лучше пойди и покайся.

Вербицкий: И не подумаю. (Быстро садится за свой столик и прячется за раскрытой газетой).

Розенберг (шепотом): Тогда аминь. (Делает вид, что занят шахматной партией).

Эпизод 14

Звонит дверной колокольчик и на сцене появляется Пастор. Похоже, он уже слегка навеселе.

Пастор: А-а... Все те же лица... Господин Брут...

Брут молча кланяется из-за стойки.

Господин следователь...

Следователь: Мое почтение, господин пастор.

Пастор: Как ваши успехи, господин следователь?

Следователь: Как и все успехи, господин пастор. Переменные.

Пастор: Принесите Богу небольшую лепту, и они станут постоянными.

Следователь: Приму к сведенью, господин пастор.

Пастор: Примите, примите... Господин Розенберг...

Розенберг молча кланяется.

Это ваша собачка сделала перед дверью лужу?.. Очень миленький песик. (*Подходя к столику Вербицкого*). Здравствуйте, господин Вербицкий.

Вербицкий (*из-за газеты, напряженно*): Здравствуйте.

Пастор (*заметив сидящего у окна Гонзалеса*): А это кто у нас? (*Подходит ближе*). Э, да это же наш Гонзалес... Старый греховодник, которого, Бог лишил языка, потому что он богохульствовал им после каждой выпитой рюмки... (*Наклоняясь над Гонзалесом*). Обманщик, задолжавший мне четырнадцать марок, которые я вручил ему, видя его бедственное положение и надеясь, что он употребит их себе во благо...

Розенберг: Вы одолжили ему четырнадцать марок?

Пастор: Ровно столько, сколько было в церковной кружке.

Гонзалес ворчит и отворачивается.

(*Гонзалесу*). А ведь тебе, наверное, и в голову не пришло, что задолжав эти четырнадцать марок слуге Божьему, ты задолжал их нашей матери-Церкви, а значит и нашему Господу, чьим должником ты стал, превратившись в великого грешника, которого, пожалуй, не грех было бы и отпеть заживо?

Гонзалес мычит, отмахиваясь от Пастора.

Розенберг: Вы его напугали.

Пастор: Неправда. Я только дал ему возможность уви-

деть, что наши поступки имеют обыкновение возвращаться к нам совсем не в том виде, который мы представляли себе, когда их совершали.

Гонзалес жалобно мычит.

(Гонзалесу). Ах, ты глупенький и неразумный человек!.. Ты что же это – действительно решил, что я отпою тебя, дуручка, заживо?.. Неужели ты и вправду поверил, что я припомню тебе эти глупые четырнадцать марок, о которых все уже давно забыли?.. Или ты не знаешь, что мы все должники нашего Господа, который хочет, чтобы мы прощали друг другу, если не хотим, чтобы Он потребовал с нас то, что мы Ему задолжали?.. *(Опускаясь на подоконник рядом с Гонзалесом).* Ах, Гонзалес, Гонзалес... А ведь я еще помню, как твои родители, упокой Господь их души, привели тебя к первому причастию и какой на тебе был аккуратный костюмчик, весь выглаженный и чистенький, и белая рубашечка с кружевным воротничком и манжетами, которую одевают только по большим праздникам... Такой хорошенький, чистенький и аккуратный мальчик с белым платочком в кармашке, подстриженный и надушенный, вместе со своими родителями, которые смотрели на него с такой гордостью, словно он был не маленький мальчик, а ангел, сошедший с небес. Я даже помню, что на твоей матери был надет красный жакет и желтый платок на шее, а у отца синий пиджак с зо-

лотыми пуговицами... Посмотрели бы они на тебя сегодня.

Гонзалес стонет и мычит.

Розенберг: Он плачет.

Пастор: Пускай... Небеса посылают нам слезы, чтобы мы могли утопить в них наши грехи... Я сам поплачу вместе с тобой, бедный грешник, чтобы тебе ни было так одиноко. *(Всхлипывая, достает платок и вытирает глаза).*

Гонзалес горестно мычит. Пастор стонет, закрыв лицо платком. Небольшая пауза, в завершение которой Пастор вытирает глаза, сморкается и убирает платок.

Аминь. *(Поднявшись с подоконника).* С тех пор, как Небеса послали мне способность отличать пшеницу от плевел, я узнал, что большинство людей, которые называют себя христианами, никогда не плачут над своими грехами и поэтому больше походят на язычников, не просвещенных светом Божьего слова... *(Медленно идет по сцене).* Взять вон, к примеру, хотя бы нашего господина Вербицкого, который ни разу после своего приезда не преклонял колен перед святой чашей. А ведь прошло уже, если я не ошибаюсь, почти два года...

Вербицкий молчит, отгородившись раскрытой газетой.

Или вон господина Розенберга, который обещал нам привезти краску для колокольни, да так и везет ее уже третий год... (*Розенбергу*). Только не оправдывайте свое поведение тем, что вы еврей, господин Розенберг, и вам нет дела до нужд нашего храма. Христос тоже был евреем, но это не помешало ему говорить и делать вещи, понятные всем без исключения. В конце концов, Бог не станет спрашивать нас в день Страшного суда – евреи ли мы или нет.

Розенберг: И о чем же Он, интересно, будет нас спрашивать, господин пастор?

Пастор: Вы прекрасно знаете, о чем Он будет нас спрашивать!.. Потому что на земле нет ни одного человека, который не знал бы, что Он будет спрашивать нас, где мы были, когда голодные просили у нас хлеба, раздетые – одежду, а жаждущие – воды!

Пока он говорит, на пороге бильярдной появляется Николсен.

Эпизод 15

Николсен: Bravo, господин пастор... Bravo, bravo... Мне тоже всегда нравилось это место про жаждущих, которых надо напоить... (*Бруту*). Проявите милосердие, господин Брут. Налейте мне еще немного, если не хотите, чтобы я стал причиной ваших разногласий с Небом.

Пастор: Прекрасно сказано, господин корреспондент... Пожалуй, я тоже не откажусь выпить с вами во славу нашего Господа... Налей-ка мне тоже, Брут.

Брут наливает. Пастор и Николсен со словами "Во славу Божью" и "Будьте здоровы" – быстро пьют.

Николсен (*Пастору*): Вы уже в курсе, конечно?.. Вчера вечером опять видели вашего призрака. Только на этот раз возле лодочной станции. Сестры Лопес утверждают, что он грязно ругался и делал такие вещи, о которых даже неприлично упоминать.

Розенберг: Он снял штаны. (*Негромко хихикает*).

Пастор: Призрак нашего Дональда?

Брут: И не только снял, но и показал сестрам Лопес все, что только можно показать, когда снимаешь штаны.

Пастор: Какой неугомонный... Сестры Лопес, должно

быть, пережили, по меньшей мере, небольшой катарсис, я думаю. (*Делая несколько шагов по сцене, негромко*). Ах, бедный человек, бедный человек... Неужели Небо посылает нам призраки только для того, чтобы мы подпирали ими нашу слабую веру? (*Повернувшись к Бруту*). Скажи мне, Брут. Разве перед лицом Господа мы сами не выглядим, как жалкие тени, которые просвечивают насквозь и не в состоянии самостоятельно даже сдуть со своего рукава пылинку?.. (*Подвигая к Бруту пустой стаканчик*). Если ты плеснешь мне еще немного, я разовью эту мысль, так что она станет понятна даже последнему тупице...

Брут медлит. Короткая пауза.

В чем дело, Брут?.. Или ты опасаясь, что я не дойду после трех рюмок твоего разбавленного виски до дома?.. Можешь не волноваться. Небеса никогда не отдадут на поругание своих верных слуг, сколько бы Дьявол не старался одержать над ними верх!

Брут: В прошлый раз вы говорили то же самое, святой отец.

Вербицкий (*из-за газеты*): И в позапрошлый тоже.

Пастор: И что?.. Разве я не стою перед вами опять живой и веселый, насколько вообще можно быть живым и веселым в этом вертепе, который называется "мир"?.. Давай, Брут, давай, не тяни.

Брут наливает.

Николсен: Браво, ваше преподобие.

Пастор: Во славу Божию. (*Пьет, затем поставив стакан на стол*). А ведь месяц назад я сам видел этот бедный призрак, который при жизни мы звали Дональдом...

Николсен быстро достает блокнот, собираясь записывать.

Пишите, пишите, господин корреспондент. Пусть ваши свидетельства послужит уроком всем, кто думает, что наша вера похожа на старый забор, который можно в любое время подпереть, чтобы он не упал... (*Идет между столиков, иногда останавливаясь и обращаясь то к одному, то к другому*). Пишите, что это случилось сразу после службы, возле церковной ограды, там, где у нас стоит ящик для мусора... Пишите, что когда он увидел меня, то впал в неопишемую ярость, словно одним своим видом я терзал его несчастную душу!.. О, как же он кричал, этот бедный призрак! Так, словно ему, во что бы то ни стало, надо было пробиться сюда, за стеклянную перегородку, которая отделяла его от мира живых. Он так кричал, что я сам вдруг почувствовал себя настоящим призраком и возопил вслед за ним так, что наши вопли, пожалуй, легко могли бы навести на мысль тех, кто

их слышит, что на самом деле преисподняя находится гораздо ближе, чем это думает большинство живущих!.. Пишите, пишите, господин корреспондент. Пускай недобросовестные люди, которые распускают слухи, что я вопил тогда, свалившись в канаву, потому что позволил себе в этот день выпить немного лишнего, пускай эти благочестивые мерзавцы, по крайней мере, почувствуют стыд... Я знаю, что придет время, и они сами оглохнут от собственных воплей, не зная, как вернуть себе то, что они потеряли... *(Сделав несколько шагов по сцене, опускается на свободный стул).*

Короткая пауза.

Николсен *(осторожно)*: И у вас нет никаких сомнений, что это был именно призрак господина Дональда?

Пастор: Никаких сомнений, сын мой. Потому что если бы ты знал Дональда, то не стал бы сомневаться в этом ни одной минуты. Только от Дональда могло так пахнуть рыбой и луком, как пахло от этого несчастного призрака.

Николсен: Пахнуть рыбой?.. Вы прежде ничего про это не говорили... Кто-нибудь видел когда-нибудь, чтобы от призрака пахло рыбой и луком, господа?

Вербицкий: А почему бы и нет? В конце концов, он был рыбак. Почему бы рыбаку после смерти не пахнуть рыбой?

Розенберг: Значит, по-твоему, если умрет рыбак, он будет пахнуть рыбой, а если умрет кондитер, то он будет пах-

нуть патокой и цукатами, так что ли?.. А чем же тогда, интересно, будет пахнуть наш президент?

Следователь : Господин Розенберг!

Розенберг: Молчу... (*Сердито*). А чтобы меня не заподозрили случайно в государственной измене, с этой минуты я буду говорить только про погоду... Или про этот чертов призрак, о котором вы болтаете уже два часа!.. (*Выходя из-за стола и подходя к стойке бара*). Давай-ка, налей мне, Брут чего-нибудь покрепче... Двойную, нет, тройную, четверную, пятерную... Ну, что ты ждешь? Наливай, если не хочешь, чтобы я рассказал всем присутствующим, как ты упал в седьмом классе с дерева, когда полез подглядывать за учительским туалетом.

Брут молча наливает. Быстро выпив, Розенберг, раскинув руки, исполняет нечто среднее между чечеткой и цыганочкой. Прихлопывая и притопывая, он лихо проходит вокруг сцены, задержавшись на несколько мгновений возле стола Следователя, кружит подхваченный стул, затем возвращается к своему столу и, тяжело дыша, опускается на стул.

Николсен: Браво, господин Розенберг!.. Боюсь, что против такого серьезного аргумента не устоит никто. (*Пастору*). А кстати, об аргументах... Господин пастор. Растволкуйте мне, ради Бога, как следует понимать, что вас называют

то святым отцом, то господином пастором, то снова вашим преподобием?.. Что за путаница, ей-богу?

Пастор: Никакой путаницы, сын мой... Все дело в том, что мне приходится одновременно окормлять здесь сразу две конфессии. Святую Римско-Католическую церковь – с одной стороны, и Святую лютеранскую церковь – с другой. Вот почему по четным числам я католик и верный сын Святого престола, а по нечетным – протестант и опять-таки верный сын, но уже местной реформаторской общины, о чем вам чистосердечно могут засвидетельствовать все прихожане.

Николсен: Невероятно. (*Оглянувшись, шепотом*). Вы это серьезно?.. Но что говорит по этому поводу канон?

Пастор (*тоже шепотом*): Я отвечу вам так, сын мой. Когда мы будем умирать, то самое последнее, о чем мы вспомним, будет канон.

Николсен: Прекрасно... Но тогда скажите мне, что говорит по этому поводу ваше собственное сердце?

Пастор: Только то, что, невзирая на все заблуждения своих последователей, Христос не был ни католиком, ни протестантом, ни православным.

Николсен: Браво, господин пастор!.. (*Негромко аплодирует*). Вы великий человек, и я собираюсь немедленно выпить за ваше здоровье.

Пастор: Удивительно, но почему-то мне тоже пришла в голову эта самая мысль... Давайте спросим господина Брута,

что он думает по этому поводу?.. Господин Брут...

Подвинув два стаканчика, Брут молча наливает.

Николсен: Похоже, вы тоже великий человек, господин Брут.

Брут (*мрачно*). В последнее время мне так почему-то не кажется.

Пастор: Тогда во славу Божью! (*Пьет*).

На пороге бильярдной появляется Бандерес, и вслед за ним – Осип.

Эпизод 16

Бандерес (*громко*): Партия!

Пастор (*поперхнувшись*): Пресвятая Дева Мария! Так можно напугать человека до смерти!.. (*Повернувшись*). Бандерес!

Бандерес: Простите, ваше преподобие! (*Сняв шляпу и склонившись, подходит к Пастору под благословение*).

Пастор (*благословляя Бандереса*): Ну, разве можно так орать?.. Ревешь, как иерихонская труба.

Бандерес: Виноват.

Осип (*возвращаясь к своим картам*): Это он от радости, что выиграл у меня две партии.

Бандерес: Это я от радости, святой отец... Может, хотите сыграть?.. Я дам вам фору.

Пастор: Ах ты, неугомонный человечек!.. Ну-ка иди сюда, разбойник, иди сюда бедная душа. (*Заставляет Бандереса встать на колени, положив ему ладонь на голову*). Вот он, истинно райский житель, не в пример всем нам. Уж будьте уверены, что он войдет в Рай с кием и мешком с шарами, и Бог не прогонит его, потому что Бог ценит простоту и доверчивость, а не Суммы теологии, от которых в голове рождаются одни только нелепые вопросы. (*Отпустив Бандереса, идет по сцене, нетвердо ступая*). Нам всем бы следовало

поучиться у него, потому что он лучше всех нас понимает язык, на котором с нами разговаривает Бог, чьи истины просты, как закат солнца или как ветер, дующий с моря... Возьмите, хотя бы, вот этот бильярд, которым Бог хочет сказать нам, что между людьми самими по себе не больше разницы, чем между этими бильярдными шарами, и только присутствие Божье делает нас непохожими друг на друга, потому что одних Он загоняет в лузы, других бьет о борта, срывает со своего места, стучит друг о друга, гоняет по всему полю и заставляет кружиться, чтобы потом оставить нас на бильярдной полке в ожидании часа Страшного суда, о который мы тоже не знаем ничего достоверного, ибо в глазах Божьих мы всегда будем только бедными бильярдными шарами, между которыми, на самом деле, нет никакой разницы.

Бандерес всхлипывает, потом плачет, закрыв лицо шляпой.

Розенберг: С таким красноречием вам бы следовало работать в похоронном бюро... Смотрите, вы даже бедного Бандереса довели до слез.

Пастор: Если человек еще в состоянии пролить слезу, это значит, что он еще может надеяться на благоприятный исход, чего о вас я сказать пока не могу, господин Розенберг... (*Бандересу*). Не стесняйся, сын мой. Плачь. Рыдай. Голоси во все легкие. Взывай. Умоляй. Проси. И Бог недолго заста-

вит тебя ждать, если твои слезы искренни и мольбы идут из самого сердца...

Бандерес (*поднимаясь с колен*): Я хочу дать обет, святой отец.

Пастор: Прекрасно, сын мой... Прекрасно.

Бандерес: Я дам обет Деве Марии всегда давать своему противнику фору в два шара... Вы думаете, два шара будет достаточно?

Пастор: Я думаю, что два шара – это хорошая фора.

Бандерес: Я тоже так подумал, святой отец.

Пастор: Мне кажется, ты принял прекрасное решение, сын мой. Теперь тебе надо присесть и помолиться Богу, чтобы Он услышал тебя и наградил твердостью сдержать твое прекрасное обещание!

Бандерес: Я так и сделаю, святой отец. (*Садится за дальний столик и, сложив перед собой руки, погружается в молитву.*)

Небольшая пауза, в продолжение которой Пастор, нетвердо ступая, подходит к висящей на стене шарманке.

Пастор: А вот и наша красавица... (*Николсену*). Знаете, что это за инструмент, господин корреспондент?

Николсен: Я как раз собирался вас спросить. Мне сказали, что вы знаете о ней кое-что интересное.

Пастор: Кое-что, кое-что, господин корреспондент... Ты

позволишь, Брут?..

Брут: Если только ваше преподобие не станет снова швырять ее на пол.

Николсен: Позвольте...

Пастор: Нечего, ничего, милый. (*С трудом снимает шарманку со стены*). Просто всякий раз, когда поднимаешь что-нибудь тяжелое, надо вспомнить своего Господа, который нес свой крест – и тебе сразу станет легче... (*Надевает ремень шарманки на шею, Николсену*). Видите, какая роспись?.. Это просто чудо. Вот город Миггидо, возле которого предопределено свершиться Армагеддону... Видите?.. А вот тут из расщелин и пещер уже поднимается адское воинство, тогда как здесь с небес спускаются ангелы небесные во главе с архистратигом Михаилом, чтобы положить конец царящему на земле злу... (*Осторожно поворачивает ручку шарманки*).

Небольшая пауза. Шарманка играет.

(*Перестав играть*). Все дело в том, что один довольно поздний еврейский мидраш, который мне удалось раскопать, рассказывает, что эту шарманку сделал сам великий Ицхак бен Йозеф Великолепный из Праги, получив во сне повеление от Всемогущего сделать инструмент, которому бы не было равного во всем мире... Легенда рассказывает, что рав Ицхак создал ее в одну ночь, окропив ее своей кровью, а ан-

гелы летали над его головой и помогали ему, так что на рассвете эта шарманка была готова... Она обладала целой кучей удивительных свойств, но самое главное, конечно, было не это. Главным было то, что Всемогущий обещал Ицхак бен Йозефу, что придет день, когда эта шарманка заиграет сама по себе, без помощи человеческих рук, и это будет значить, что полнота времен, наконец, исполнилась, и на земле родился Машиах, который вытрет все слезы и исцелит все болезни...

Николсен (*несколько озадачен*): А разве Машиах еще не пришел?

Розенберг: Это спорный вопрос, господин корреспондент.

Николсен: Вы так думаете? (*Пастору*): Вы слышали, господин пастор?

Пастор (*снимает с плеча ремень шарманки и отдает ее Николсену, который возвращает ее на место*): Не хотелось бы огорчать господина Розенберга, но если внимательно посмотреть в корень вещей, то окажется, что найти какую-нибудь серьезную разницу между теми, кто думает, что Мессия уже пришел и теми, кто все еще ждут его прихода, довольно сложно. (*Опустившись на ближайший свободный стул, сердито*). Потому что какая, в сущности, может быть разница, если мы все по-прежнему сидим по уши в дерьме и ждем, когда нас, наконец, из него вытащат, не в состоянии самостоятельно пошевелить для своего спасения даже паль-

цем?.. Или, может, господин Розенберг полагает, что для такого важного дела, как спасение, обязательно должна быть соответствующая форма?.. Ну, тогда я скажу ему на это, может быть немного грубо, что Бог плевать хотел на все формы, так что если мы действительно доверяем Его мудрости, то нам должно быть тоже совершенно наплевать, вытащит ли Он нас из дерьма с помощью Торы, Аугсбургского вероисповедания или щипчиков для орехов... *(Не давая Розенбергу открыть рот, громко)*. На-пле-вать!

Вербицкий *(примиряюще, слегка показавшись из-под газеты)*: Господа, господа... Ну как вам только не надоест. Лучше послушайте, что пишут в газете. Волосы встанут дыбом. Четырнадцатилетний подросток изнасиловал свою бабушку после того, как она отказалась купить ему новую доску для скейтборда.

Пастор *(поднимаясь со стула)*: Что и требовалось доказать!.. *(Подходя к стойке)*. Налей-ка мне за счет заведения, Брут...

Брут: Мне кажется, вам уже достаточно, господин пастор.

Пастор: Наливай, наливай, скупердяй... Бог знает, когда надо остановить своего верного слугу, чтобы он устоял на путях погибели!.. Ну что ты ждешь, малонер?

Брут наливает. Короткая пауза.

(Взяв стакан). Какое все-таки это нелепое создание, ко-

торое носит имя «человек»! Он может обнять в своей маленькой голове все бытие или полюбить своим маленьким сердцем весь мир, а может пожалеть своему ближнему полстакана какого-то грошового виски, от которого на следующий день наверняка будет страшная изжога... Это я про тебя говорю, Брут.

Брут: Я догадался.

Пастор: Во славу Божью. (*Пьет*).

Брут: Аминь.

Пастор (*поставив на стойку стакан*): А вот теперь, кажется, я чувствую в себе силы довести до вашего сведения кое-что важное.

Брут: Святой отец!.. Ради Бога...

Пастор (*нетвердо держась на ногах, подходит к свободному стулу*): Попрошу тишины! (*Пытается забраться на стул*).

Николсен: Вы рискуете упасть... Господин пастор!..

Пастор (*забравшись на стул*): Плевать!.. Если должен что-то сказать, то я скажу это, даже если все силы Ада придут, чтобы выдернуть из-под меня этот чертов стул!.. (*Струдом удерживая равновесие*). Потому что я уполномочен заявить вам всем, что Страшный суд, которого вы все так боитесь, уже состоялся!.. Только не думайте, что это хорошая новость, как это делают дураки, которые мечтают избежать Божьего суда, не догадываясь, что на свете есть вещи и похуже!.. Им и в голову не придет, что их не позвали на Страш-

ный суд просто потому, что они не представляют для Бога никакого интереса. Потому что какой же, по-вашему, интерес может представлять для неба это двуногое, грязное животное по имени человек, которое почему-то считает, что его обязательно кто-то должен спасти?.. (*Взмахнув руками, почти валиться со стула*).

Николсен: Господин пастор! (*Подбежав, помогает Пастору обрести равновесие*).

Пастор: Жалкие, трусливые насекомые, которые собрались сегодня здесь, чтобы дожидаться призрака нашего старого Дональда, потому что они боятся умереть, не встретив в жизни ни одного чуда, которое бы успокоило их сомнения и избавило бы от страхов!.. Вы надеетесь, что Бог помашет вам этим чудом, как машут у своих дверей зазывалы, давая вам знать, что они могут предложить вам хороший товар. Как будто творя чудеса, Бог покупает себе сторонников, словно какая-нибудь шлюха, которая ходит от одного клиента к другому, ожидая кто даст больше!.. (*Качается*).

Николсен (*пытаясь удержать Пастора*): Вы упадете, святой отец.

Пастор (*качаясь*): Нет, ты только посмотри!.. Они думают, что Бога можно купить, и это – потому что они сами, ничуть не хуже продажных девок готовы продаться за любую ерунду, – за чудо, или за убедительные доказательства, или, на худой конец, за наши великие традиции, от которых уже давно воняет так, что лучше держаться от них подальше...

(Кричит). Господи!.. Разве о традициях ты думал, когда тебя поднимали с крестом?

Розенберг: Возможно, это не мое дело, но мне кажется, что господин пастор опять богохульствует.

Пастор: А ты, наверное, думал, что я буду окуривать тебя благовоньями и мазать елеем, чертов Розенберг!.. Да, я богохульствую, и притом к большому удовольствию нашего Создателя, надеясь, что Он вспомнит про нас и немного посмеется вместе с нами, грешными, которые не заслужили даже того, чтобы им позволили добраться до подмостков Страшного суда!.. *(Качаясь)*. Только не думайте, что это сойдет вам с рук, малoverы. Потому что мы все тут великие грешники, которые не убивали, не грабили, ни насильовали, а только читали газеты, писали друг другу рождественские открытки и думали, что стоит нам пару раз прочесть "Отче наш", как Небеса впустят нас в свое сердце... И ты, Розенберг, и ты, Брут, и наш столичный господин следователь, между прочим, тоже!

Николсен: Bravo. Bravo, господин пастор.

Следователь: Я все-таки хочу напомнить некоторым присутствующим, что нахожусь здесь, некоторым образом, при исполнении.

Пастор *(спускаясь со стула, тяжело)*: Значит, ты грешник при исполнении, сын мой... Не думай только, что ты кого-нибудь здесь этим удивишь. *(Медленно идет и отстранливается на авансцене, издалека)*. Потому что, мы все

тут грешники, которые находятся при исполнении своих грехов... (*Зекает, опускаясь на пол*). Своих мелких, скучных, унылых, вонючих грехов... (*Ложится, подогнув ноги и сразу засыпает*).

Короткая пауза.

Николсен (*подойдя ближе к сидящему пастору, шепотом*): Он, кажется, уснул.

Брут: Пошли, Господи, ему долгий и глубокий сон. (*Достав из-за стойки плед, швыряет его Николсену*).

Розенберг: Аминь.

Небольшая пауза. Николсен накрывает спящего, затем опускается на свободный стул, достает блокнот и начинает записывать.

Вербицкий: Вот, послушайте. (*Читает*). Удивительной способностью обладает филиппинский маг и кудесник Мазармук из деревушки Мальпаро. После соития с ним, любая женщина становится моложе как минимум на десять лет... Хочешь быть магом, Брут?

Брут: Да.

Вербицкий: И я почему-то тоже.

Осип (*рассматривая карты*): А вот у меня неприятная новость для господина Розенберга.

Розенберг: Опять?..

Осип: Увы.

Розенберг: Я ведь сказал тебе, чтобы ты выбросил эти карты в помойное ведро.

Осип: Боюсь, что это не поможет, господин Розенберг. Если карты говорят, что ваш сын умрет молодым, значит, так оно и будет.

Розенберг: Но у меня нет никакого сына.

Осип: Карты не обманывают.

Розенберг: Ну, разумеется, нет. Они только немного водят нас за нос, но ведь на это можно не обращать внимания, правда?

Осип молча пожимает плечами. Небольшая пауза, в завершение которой на верхней площадке винтовой лестницы появляется Тереза. Медленно спускается вниз.

Эпизод 17

Тереза: Господи, кто же это тут у нас так храпит?.. Господин пастор?

Брут: Тише дочка... Пусть немного отдохнет.

Тереза: Могли бы положить ему что-нибудь под голову. *(Подходя к столу, за которым сидит Осип)*. Ну, что? Узнал что-нибудь интересное?

Осип: Ничего.

Тереза: Совсем?

Осип: Если тебе интересно, то у Розенберга должен помереть молодой сын.

Тереза: Какой ужас. *(Оглядывается на Розенберга)*. Но у него нет сына.

Осип: Раз карты сказали, значит, так оно и будет.

Тереза: Какой ты смешной... Думаешь, тебе помогут эти разрисованные кусочки картона?

Осип: А ты думаешь, старик, который сидит на облаках и повелевает идти дождю, поможет лучше?

Тереза: Не говори так.

Осип: В конце концов, в помощи всегда главное сама помощь, а не тот, кто тебе ее предлагает.

Тереза: Я этого не понимаю. *(Отойдя, делает несколько шагов по сцене, затем подходит к висящей на стене шарман-*

ке). Мне кажется, что помощь, это когда тебе дают быть самим собой. (*Дотрагивается до шарманки*). Как, например, наша шарманка. Когда я на ней играю, то помогаю ей извлечь звуки, потому что сама она без меня этого не может. Но играет ведь она, а не я.

Осип молчит. Короткая пауза.

Ты слышишь, что я сказала?

Осип: Слышу.

Тереза (*поглаживая шарманку*): Знаешь, если бы это было возможно, то я пошла бы вместе с ней по какой-нибудь дороге, которая ведет неизвестно куда, и шла бы себе так по лесам, по лугам, по виноградникам, и играла бы всем, кто встречался мне на пути, потому что, мне кажется, трудно встретить человека, который не захотел бы послушать такую прекрасную музыку. (*Осторожно поворачивает ручку шарманки*).

Шарманка играет первые такты мелодии.

Брут (*громким шепотом*): Тереза!

Тереза: Ой!

Вербицкий: Вы разбудите господина пастора, мадемуазель.

Тереза: Я совсем забыла...

Пастор (*просыпаясь*): Что такое? (*Сев и озираясь по сторонам*). Я, кажется, немного вздремнул.

Вербицкий (*тихо*): А, черт!

Тереза: Ничего страшного, господин пастор.

Розенберг (*в сторону*): Кошмар с улицы Вязов возвращается.

Пастор (*приходя в себя*): О-о... Кажется, мне даже что-то приснилось... Какой-то сон, в котором мы все любим друг друга и живем одной большой и дружной семьей. А потом я подумал, что такие сны нам любит посылать враг рода человеческого. Он делает это для того, чтобы наше пробуждение было еще ужаснее. И когда я об этом подумал, то проснулся... (*Взглянув на часы*). А время-то, Господи! (*Поднимаясь с пола*). Думал поработать сегодня вечером над воскресной проповедью, а вместо этого взял и заснул, как последний пропойца... Ах, Господи! Как же все-таки мы слабы даже в самом малом!.. Не правда ли, господин Брут?

Брут: И не говорите, святой отец.

Пастор (*подходя к стойке*): Однако не будем и отчаиваться, сын мой... Посмотри, – если бы я не заснул, то у меня не было бы и повода чувствовать угрызения совести, а значит, я был бы лишен возможности лишний раз угодить небесам своим раскаяньем, так что еще неизвестно – не послало ли мне этот сон само Небо, желая, чтобы я раскаялся и твердо встал на путь исправления... Разве редко мы сталкиваемся с тем, что Небеса сами ввергают нас в пучину беззакония,

чтобы потом протянуть нам руку помощи и вывести к свету? (*Брут, понизив голос*). Вот почему, если ты нальешь мне немного виски, сын мой, то сможешь в какой-то мере считать себя исполнителем Божьей воли.

Брут: А может, будет лучше, если я сразу протяну вам руку помощи, святой отец?

Пастор: Нет, нет, сын мой. Все должно быть по правилам. Нельзя в таких важных вещах полагаться на собственное разумение... Давай, милый. Наливай и помни, что тот, кто не погиб, тот и не спасся.

Брут: В таком случае, позвольте пожелать вам удачной гибели, господин пастор. (*Наливает*).

Пастор: Аминь. (*Быстро опрокидывает стаканчик, и какое-то время стоит, зазмурившись от удовольствия*).

Небольшая пауза.

Брут (*осторожно*): Надеюсь, раскаянье уже близко?

Пастор: Да, сын мой... Я уже чувствую, как Небеса открывают мне свои объятия, так что я могу сказать самому себе с полным правом – изыди с миром!.. (*Обернувшись ко всем присутствующим*). Прощайте, господа.

Брут: Будьте здоровы, господин пастор.

Тереза: Я провожу вас, святой отец.

Пастор: Это лишнее, дочь моя. Слава Богу, я еще чувствую себя в силах потягаться с любым призраком, которого

пошлет нам адская бездна. (*Обернувшись, всем присутствующим*). Господа... Славьте Господа и будьте счастливы. (*С поклоном уходит*).

Звонит закрывшаяся за ушедшим дверь. Короткая пауза.

Эпизод 18

Вербицкий (*из-за газеты*). Не знаю, как вы, господа, но лично я чувствую себя с уходом нашего штатного святого гораздо лучше.

Тереза: Вы всегда были несправедливы к нашему бедному пастору, господин Вербицкий... Смотрите, Бог вас накажет.

Вербицкий: Боюсь, что не одного только меня, мадемуазель Тереза.

Тереза: Но вас в первую очередь. (*Бруту*). Не хочешь, наконец, немного передохнуть, папа?

Брут: Хочешь, чтобы я пошел и надрал задницу нашему Бандересу?

Тереза: Вот именно.

Брут: Ну, что ж. Это хорошая мысль. (*Бандересу*): Эй, Бандерес! Пойдем, мошенник, я намну тебе бока, чтобы ты не очень гордился своими липовыми победами.

Бандерес: Хотите со мной сыграть, господин Брут?

Брут: Просто мечтаю, разбойник. (*Снимая фартук, Терезе*). Присмотри тут.

Тереза: Да, папа.

Брут (*Бандересу*): Только не забудь про фору, которую ты обещал господину пастору.

Бандерес: Но, господин Брут...

Брут: Никаких «но», негодяй... Или ты никогда не слышал, что если человек нарушит данный им Деве Марии обет, то он немедленно отправляется напрямиком в Ад?.. (*Скрывается в бильярдной*). Два шара, клятвопреступник!

Бандерес: Я только хотел сказать, что я еще не совсем свыкся с этой мыслью... (*Скрывается вслед за Брутом*).

Николсен (*поднимаясь со своего места*): Пожалуй, на это надо пойти взглянуть. (*Следователю, который встает из-за своего стола*). Вы тоже хотите пойти посмотреть, господин следователь?

Следователь: Пожалуй, пойду немного проветрюсь.

Николсен: Делайте ставки, господа!

Следователь: Только не забывают, господин корреспондент, что содержание тайных игорных заведений пока еще строго преследуется.

Николсен: Это была шутка, господин следователь. (*Скрывается в бильярдной вместе со Следователем*).

*На сцене остаются Осип, Тереза, Вербицкий и Розенберг.
Небольшая пауза.*

Эпизод 19

Тереза (*подходя к столику Осипа*): Я еще утром хотела тебя спросить... Это правда?

Осип (*раскладывая карты*): Что?

Тереза: Что ты уезжаешь?

Осип: Допустим.

Тереза: И когда?

Осип: Скоро.

Тереза (*опускаясь на стул*): Когда?

Осип: Во всяком случае, не сегодня.

Тереза: Понятно....

Короткая пауза.

Что случилось, Осип?

Осип (*тасуя карты*): Ничего

Тереза: По-твоему, если ты уезжаешь, это ничего?

Осип: По-моему, это никого, кроме меня, не касается.

Тереза: Ошибаешься.

Осип молча раскладывает карты.

Знаешь...

Осип продолжает молча раскладывать карты.

Мне казалось, что мы с тобой раньше прекрасно понимали друг друга... Во всяком случае, пока не появилась эта дрянь с голубыми глазами...

Осип: Она не дрянь.

Тереза: Тебе, конечно, видней.

Осип раскладывает карты. Небольшая пауза.

Если хочешь знать, я видела недавно, как отец выходил ночью из ее комнаты.

Осип: Ну и что?

Тереза: А по-твоему, это ничего?.. Хочешь, чтобы она прибрала здесь все к рукам и завела здесь свои порядки?..

Осип: Я ведь уже сказал тебе. Мне все равно. Пусть заводит, что хочет, если ей нравится. (*Положив на стол последнюю карту*). Кстати, карты говорят, что ты выйдешь замуж за вдовца... Вон, посмотри...

Тереза: Глупости.

Осип: И что у тебя будет трое детей.

Тереза: Спасибо... Ты прекрасно знаешь, что я ни за кого не выйду, кроме тебя.

Осип (*собирая и тасуя карты*): Исключено.

Тереза: Почему?

Осип: Потому что так говорят карты.

Тереза: А тебе самому не смешно зависеть от того, как лягут на стол эти кусочки раскрашенного картона?

Осип: А тебе?.. Или ты думаешь, что Бог такой чисто-плюй, что не может разговаривать с нами через что угодно? В том числе и через эти раскрашенные картонки?.. А вот мне почему-то кажется, что Он говорит с нами, откуда хочет, и не Его вина, что мы, как глухие, никогда Его не слышим.

Тереза: Я не глухая.

Осип (*раскладывая карты*): Мы тут все глухие... Живем, словно тени, ничего не хотим, ничего не умеем, ни о чем не думаем, кроме того, разве, чтобы в сезон приехало побольше туристов, чтобы побольше на них заработать.

Тереза: Как будто ты сам этого не хочешь!

Осип: Я не про это.

Тереза: А про что?

Осип: Про то, что мы все здесь давно уже умерли.

Тереза: Знаешь, всякий раз, когда я слышу от тебя что-нибудь подобное, мне хочется сказать «Аминь».

Осип: Скажи, если хочется.

Тереза (*почти кричит*): Аминь!

Осип: Аминь.

Короткая пауза. Осип раскладывает карты.

Тереза: И все равно ты никуда не поедешь. Будешь сто

лет собираться, а потом просто об этом забудешь, потому что тебе станет скучно....

Осип молча раскладывает карты.

Тереза: Осип...

Осип: Что?

Тереза: Возьми меня с собой.

Осип: Не могу.

Тереза: Почему?

Осип: Я ведь не вдовец.

Тереза: Ты дурак. (*Почти шепотом*). Дурак. Дурак... Мы могли бы хотя бы попробовать... Слышишь?

Осип: Чтобы через месяц возненавидеть друг друга?.. Нет, спасибо.

Тереза: Раньше ты говорил другое... Что с тобой случилось, Осип?

Осип (*швырнув карты на стол*): Ничего!.. (*Какое-то время смотрит на Терезу, потом глухо*). Откуда я знаю?.. Все, словно сговорились повторять друг за другом: что с тобой случилось, что с тобой случилось? Как будто человек не может просто жить так, как ему нравится и делать то, что хочет!

Тереза: Не кричи.

Осип (*раскладывает карты, затем вновь отложив их, негромко*): Я сам знаю, что со мной происходит что-то, чего я

не умею объяснить... Может, это оттого, что я каждый день смотрю на этот чертов Океан, откуда я знаю?.. Если долго смотреть на него, то рано или поздно перестаешь придавать значения тому, что занимает всех, так что все вокруг начинает казаться такой чепухой, что иногда удивляешься, что совсем недавно все это казалось тебя таким важным... Кажется, что можно убить, обмануть, украсть и ничего не бояться, и по сравнению с океаном это не имеет никакого значения, так что однажды, окунувшись в него, ты легко смоешь все воспоминания, всю грязь, все прошлое, все, что тебя когда-то радовало, мучило и не давало покоя... (*Помедлив, глухо, словно сам с собой*). Если я правильно понимаю, то именно таким должен быть Бог, которому в сущности все равно, пишешь ты книги или торгуешь за прилавком, молишься или обманываешь и крадешь, потому что, что бы ты ни делал, ты все равно остаешься для Него только местом, где Он встречается с самим собой, призраком, через который его взгляд проходит не задерживаясь, не находя ничего, за что можно бы было зацепиться...

Тереза: Неправда. Бог не такой... Если бы Он был такой, то не стал бы проливать за нас кровь... Ты опять говоришь то, чего нет в Писании, Осип. А если этого нет в Писании, то, как добрые христиане, мы не должны об этом даже думать...

Осип: Да где ты их видела, этих добрых христиан?.. Если и был один, то его распяли две тысячи лет назад, да так быстро, что он даже не успел узнать про то, что он добрый

христианин...

Тереза: Осип!.. Ради Бога... (*Кричит громким шепотом*). Я не понимаю! Не понимаю! Не понимаю!.. Ты вечно говоришь какие-то слова, которые я знаю по отдельности, но когда ты говоришь их все вместе, я ничего не понимаю, потому что они превращаются в какую-то стену между нами!.. (*Поднявшись*). А человеку нужны совсем не слова, а самое простое, обыкновенное счастье, так, чтобы кто-то был рядом, чтобы ты знал, что тебя ждут, когда ты возвращаешься домой, чтобы ты был кому-то нужен и чтобы в твоём доме смеялись дети... Тебе ведь тоже это надо, правда? Ты ведь тоже хочешь быть счастливым, чтобы тебя любили, чтобы у тебя была семья, чтобы дети встречали тебя после работы?

Осип: Нет.

Тереза (*кричит шепотом*): Тогда убирайся отсюда! Слышишь?.. Убирайся отсюда совсем!.. И не вздумай больше здесь появляться!..

Осип: Тихо, мышка, тихо... Ты мне сейчас перепутаешь все карты...

Несколько мгновений Тереза смотрит на Осипа, затем, повернувшись, убегает по винтовой лестнице наверх.

Эпизод 20

Осип (*вслед Терезе, негромко*): Дура.

Пауза.

(*Бормочет, перекладывая карты*). Счастья ей, видите ли, захотелось... Знаю я это счастье... Семейные праздники и дети, которым на тебя наплевать... Дура.

Вербицкий (*опустив газету*): Остынь, сынок. Ты и так наговорил бедной девочке столько ерунды, что, боюсь, ее ждет сегодня не самая приятная ночь.

Осип: Переживет.

Вербицкий (*Осипу*): Знаешь, Осип?.. С некоторых пор у меня складывается такое впечатление, что ты изо всех сил изображаешь из себя какого-то циника, который не хочет жить в ладу со всем миром, потому что он забыл, что мир это мир, и его просто надо принимать таким, какой он есть.

Осип (*рассматривая разложенные карты, издали*): А он есть?

Вербицкий: Кто?

Осип: Ну, этот ваш мир.

Вербицкий: Что значит "есть"?

Осип: А то, что в последнее время мне кажется, что ни-

какого мира на самом деле не существует. Что он только мерещится нам, чтобы мы не сошли с ума от всеобщей неразберихи... (*Оторвавшись от карт*). Между прочим, я это совершенно серьезно, господин Вербицкий... В конце концов, когда я открываю окно или выхожу на набережную, я не вижу никакого мира, а только белую полосу прибоя с одной стороны, а с другой скалистое плато и тянущаяся до горизонта равнину, а наверху – небо, которое днем голубое или серое, а ночью черное или усыпанное звездами... Конечно, я несколько раз выезжал отсюда в соседние деревушки и даже был в столице и видел там высотные дома и метро, но откуда мне знать – не был ли это только сон, от которого уже давно ничего не осталось?.. Просто сон и больше ничего...

Вербицкий: Мне кажется, ты опять говоришь ужасные вещи, Осип... Я даже не знаю, что тебе на это ответить... Пусть лучше скажет, Розенберг... (*Розенбергу*). Скажи ему, Розя.

Розенберг (*оторвавшись от шахмат и повернувшись к Вербицкому*): Послушай, Вербицкий. Партия, которую я сейчас разыгрываю, чрезвычайно сложна. Эта партия Капабланки-Стульчик, 1927 года, – сама длинная партия за всю историю шахмат. Она длилась шесть месяцев и девять дней. А ты хочешь, чтобы я в двух словах объяснил то, на что даже у Бога ушло шесть дней? (*Быстро надев кину, Осипу*). Ты что же это, действительно думаешь, что мира нет?.. А как же тогда, по-твоему, наша Тора, в которой сказано – «В нача-

ле сотворил Бог небо и землю»?.. Брейшит бара Элохим га-шамаим ве гаарец?.. Небо и землю, то есть весь мир со всеми его чудесами. С Макдоналдсами, с Эйфелевой башней, с Ниагарским водопадом?.. Слава Богу, что у нас еще есть Книга, которой можно доверять. Но если есть Книга, то есть и Бог, который нам ее послал, А если есть Бог, то есть и мир, что и требовалось доказать. (*Снимает и прячет кипу, Вербицкому*). Ты доволен?

Вербицкий: Bravo!

Осип (*возвращаясь к картам*): А я все-таки думаю, что дело обстоит как раз наоборот... Если есть Бог, то не должно быть никакого мира, а нам всем надо просто научиться довольствоваться тем, что есть. Шумом прибора. Солнечным восходом. Интересной мыслью... И тогда, может быть, однажды какой-нибудь прекрасный день окажется больше мира и больше самой вечности... (*Раскладывает карты*).

Вербицкий: Я не знаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь о вечности, Осип, но если тебя интересует мое мнение, то я думаю, что если бы наш следователь был сейчас с нами, то он не стал бы долго философствовать, а сказал бы по этому поводу, что существующим должно считаться все то, что может быть подтверждено свидетельскими показаниями и вещественными доказательствами. Книгами, газетами, рассказами очевидцев, заявлением потерпевших, протоколами допросов, следственными экспериментами. И мне, господа, это кажется весьма резонным.

Розенберг: Bravo...

Короткая пауза.

Осип (*негромко*): А, между прочим, карты опять показывают на огонь... Похоже, нас скоро ждет небольшой пожар.

Вербицкий: Слава Богу, что не землетрясение.

Осип: Слава Богу...

Из бильярдной появляется Следователь.

Эпизод 21

Розенберг: Какие впечатления, господин следователь?

Следователь (*усаживаясь за свой стол, негромко*): Я, конечно, не специалист, господа, но если говорить серьезно, то ваш бильярдный гений играет весьма и весьма посредственно. Единственно, что его спасает, это то, что остальные играют еще хуже.

Вербицкий (*шепотом*): Ради Бога!.. Господин следователь!.. Нельзя разрушать народные идеалы! Это может плохо кончиться.

Следователь: Признаться, я ожидал другого.

Осип: А у нас тут все так, господин следователь... Мертвые ходят по улицам. Госпожа бургомистр избирается на двенадцатый срок. Господин пастор по четным дням пребывает в celibate, а по нечетным ходит с женой за покупками... Если бы вы хотя бы немного пожили у нас, вам бы уже, наверное, ничего не показалось бы странным.

Вербицкий: Господин Осип, как всегда, немного преувеличивает.

Осип: Да неужели?.. (*Отложив карты*). А вы посмотрите внимательно на этот чертов городишко. Он выглядит так, как будто кто-то его наспех придумал, наспех построил, наспех сколотил и оставил тут, на краю земли, словно плохие

декорации, которые дожидаются только хорошего ветра, чтобы, наконец, рухнуть... А мы сами? Господи!.. Да, кто мы такие?.. Возьмите хоть кого, вон хотя бы нашего уважаемого господина Брута... Что это за имя такое, Брут? Он, что древний римлянин?

Вербицкий: Наш Брут – жертва демократических идеалов его матери. Она была помешана на Уинстоне Черчилле.

Осип: Ладно. Допустим... Пускай господин Брут жертва демократии. Ну, а вы, господин Вербицкий. У вас русская фамилия. Вы что, русский? Или поляк? Или вы тоже чья-то жертва?

Вербицкий: Какая тебе, в конце концов, разница, Осип? Я совершенно не уверен, что хочу обсуждать с тобой эти вопросы.

Осип: Прекрасно... Ну, а вы, господин Розенберг? У вас немецкое имя?

Розенберг: Я еврей, господин Осип.

Осип: Еврей, а говорили, что ваш отец служил в арабском легионе.

Розенберг: И что это, по-твоему, доказывает? Что я не могу быть евреем, потому что мой отец служил в арабском легионе?.. Странная у тебя логика, Осип.

Осип: Можно подумать, что у вас лучше... Как будто, если вы закрыли глаза и заткнули уши, то все обойдется.

Пожав плечами, Розенберг возвращается к шахматам.

Вербицкий вновь скрывается за газетой. Короткая пауза.

(*Негромко*). Знаете, в детстве, я представлял Время в виде большой книги, чьи страницы заполнены разными чудесными историями... А теперь мне кажется, что в этой чертовой книге остались одни только белые листы, которые Время переворачивает наобум, без всякого смысла, как будто все мы пытаемся что-то сказать, а в результате получается какое-то глупое бормотание, как будто у нас у всех каша во рту, и мы мычим, не в состоянии выдать из себя ничего путного.

Вербицкий (*из-за газеты*): Лично я, например, ничего выдать из себя не пытаюсь.

Осип: Неправда... Любой человек, если он не окончательная скотина, всегда хочет что-то сказать и при этом, что-то очень важное.

Вербицкий (*Розенбергу*): Кажется, это он опять про меня.

Осип: Может, это и в самом деле смешно, господин Вербицкий, но у меня в последнее время такое чувство, как будто нас специально собрали тут на несколько часов, для того, чтобы мы смогли, наконец, открыть рот и сказать что-нибудь стоящее, что-нибудь важное, пока еще не погас свет и нас не попросили убираться отсюда восвояси, как это бывает в нашем парке, когда сторож выгоняет посетителей, потому что пришло время закрываться...

Вербицкий: Я и не знал, что ты умеешь так красиво говорить, Осип... Если бы только не эти твои ужасные фанта-

зии, про которые не знаешь, что и думать.

Осип: По-вашему, это фантазии? (*Быстро поднявшись, идет к вешалке и достает из кармана своей куртки сумочку для документов*). Тогда вам, наверное, будет интересно посмотреть вот на это... (*Достает из сумочки небольшую бумажку*). Пожалуйста.

Вербицкий: Что это?

Осип: Театральный билет... Я нашел его в прошлом году на берегу моря... А вот еще один... Ряд десятый, место девятнадцать.

Розенберг: Но у нас, слава Богу, нет никакого театра. (*Подходит ближе*). Любопытно... Наверное, это намусорил кто-нибудь из туристов.

Вербицкий: Наверняка.

Осип: По-вашему, туристы таскают с собой прошлогодние театральные билеты?.. (*Достает из сумочки гардеробный номерок*). А это, по-вашему, тоже фантазии?

Вербицкий: Что это?

Осип: Гардеробный номерок. Номер сто. (*Достает еще один номерок*). А этот номер восемьдесят два... Вы где-нибудь видели у нас гардеробные номерки?

Вербицкий молча вертит в руках номерки, потом передает и Розенбергу. Короткая пауза.

А как вам понравится вот это? (*Достает из сумочки сло-*

женнью бумажку). Это театральная программка. Тут правда, ничего не разберешь, но зато посмотрите на число. 25 декабря... Много у нас тут бывает туристов на Рождество и Новый год?..

Электричество мигает.

(Сквозь зубы) Чертова подстанция... Между прочим, я нашел за последний год три номерка, два театральных бинокля, несколько программок... Обрывок какой-то партитуры. И еще две контрамарки на откидные места.

Розенберг: Сочувствую.

Вербицкий: Интересно, а почему, например, я никогда и ничего такого не нахожу?.. *(Почти сердито)*. А я могу вам объяснить, почему... Потому что я прихожу домой, ставлю чайник, включаю телевизор, а за окном садится солнце, и ветер шевелит занавески, и никто в целом свете не докажет мне, что я играю в каком-то дурацком спектакле, потому что все мы прекрасно знаем, что если мы где и играем, то только в пьесе, которую написал известный драматург по имени Господь Бог, а не какой-нибудь провинциальный неудачник, который собирался осчастливить человечество, а в результате не смог заработать себе даже на приличные штаны!

Осип: Да вы счастливый человек, господин Вербицкий... А вот когда прихожу домой я, то меня начинает колотить страх, что сейчас в темноте начнут медленно загораться лам-

пы, и я услышу шум закрывающегося занавеса и первые аплодисменты...

Электричество мигает.

Иногда я просыпаюсь ночью от того, что слышу звонок, который торопит зрителей занимать свои места и тогда я думаю спросонок, что перед тем, как выйти на сцену, мне неплохо было бы хотя бы сполоснуть лицо... А иногда вечером, когда ветер стихает, я могу поклясться, что где-то недалеко раздаются аплодисменты; знаете, иногда даже целая буря аплодисментов, которые с каждым разом становятся все громче... Вы никогда ничего такого не слышали, господин Розенберг?

Розенберг: Конечно, все это совершеннейшая чепуха, но должен признаться, что иногда, когда я прогуливаюсь по пляжу, мне тоже кажется, что я слышу что-то очень похожее на то, о чем ты говоришь.

Вербицкий: Я всегда говорил, что сумасшествие заразительно.

Розенберг: Кроме того, я тоже нашел однажды гардеробный номерок... (*Расстегивая рубашку и доставая висящий на цепочке номерок*). Видите?.. Я ношу его на шее черт знает зачем, как будто это какой-то талисман, который сможет мне помочь в трудную минуту... Вот. Номер пятнадцать...

Мигает и потом перестает мигать электричество.

Следователь (*оторвавшись от своих бумаг*): Вы меня извините, господа, но у меня почему-то сложилось такое впечатление, что вы здесь все немного тронулись умом. У вас, наверное, климат к этому располагает.

Небольшая пауза.

Розенберг (*задумчиво*): А может и климат...

Короткая пауза

Эпизод 22

Бандерес (*появляясь в дверях*): Партия!

Брут (*появляясь вслед за Бандересом*): Партия!.. Если кого-то это может утешить, то я проиграл Бандересу три литра пива.

Розенберг: И как же ты теперь это переживешь?

Брут: Стоически.

Николсен (*появляясь из бильярдной*): Господин Брут сражался как лев... Но обстоятельства оказались сильнее. (*Садится за свободный столик*).

Свет мигает.

Брут: Чертова подстанция.

Осип (*Бандересу, тасуя карты*): Сыграем?

Бандерес: С тобой? (*Смеется*). Хочешь, чтобы я ушел отсюда голым?.. (*Садится напротив Осипа*). Ладно, раздавай.

Осип раздает карты. Пауза, в завершение которой свет мигает и гаснет. Сцена погружается в темноту.

Бандерес: Ну, что это такое...

Брут: Господи, опять... Александра!.. Неси свечи... (*Кричит*). Александра! (*Глухо*). Чертова подстанция...

Розенберг (*глядя в окно*): Фонари тоже не горят.

Вербицкий: Надо звонить.

Брут: Телефон не работает.

Вербицкий: Говорят, есть такие телефоны, которые работают без всяких проводов.

Брут: И такие машины, которые ездят без колес. (*Кричит*). Александра!..

Появляется Александра с двумя горящими свечами.

Брут: Давай сюда. (*Взяв у Александры огонь, зажигает от него свечу на стойке бара, затем еще одну на столе*). Зажги еще вон те, на столе...

Бандерес: И у нас.

Брут: И у них... И у господина следователя... Не обесчудьте, господа, но кажется придется немного посидеть в темноте.

Вербицкий: Не в первый раз...

Небольшая пауза. Александра зажигает свечи и уходит.

Брут: Что за наказание....

Николсен: Если бы я писал детективные романы, то непременно описал бы все, что сейчас происходит... Сначала-

ла кто-то выключает телефон, потом свет, а потом под покровом темноты происходит какой-нибудь шурум-бурум с кровавым исходом... Пять трупов, лужи крови и неизвестный убийца, который не оставляет улики...

Вербицкий: Кстати, о трупах. В Гонолулу поймали убийцу, который убил тридцать человек. Угадайте, за сколько продали на аукционе его нож?.. За тридцать четыре тысячи долларов. Тысяча долларов за душу.

Николсен (*поднявшись их-за стола*): Позвольте... Значит, если бы я убил, допустим, не тридцать, а шестьдесят человек, то мой нож мог бы уйти на аукционе за шестьдесят восемь тысяч долларов... Мне кажется, в этом что-то есть... (*Подойдя к висящей на стене шарманке, Бруту*). Вы позволите? (*Осторожно крутит ручку шарманки, не снимая ее со стены*).

Шарманка играет. Почти сразу на улице начинает вить собака.

Брут: Господи. Опять эта чертова собака...

Пауза. Шарманка играет, воеет собака.

Розенберг: Ей-богу, если бы я был призраком, то, наверняка, появился бы именно сейчас... Самое время. На дворе ночь, телефон не работает, электричество отключили, и

к тому же еще воеет собака старого боцмана, и играет Моцарт... Что, по-вашему, еще надо уважающему себя призраку?..

Брут: Типун тебе на язык, Розенберг.

Розенберг (*негромко*): У-у-у-у...

Вербицкий (*Розенбергу*): Ей-богу, ты сегодня накаркаешь.

Небольшая пауза. Играет шарманка, воеет собака.

Эпизод 23

Чуть слышно звенит входная дверь, и на пороге появляется едва различимая в полумраке, закутанная в белое фигура. Раскинув руки, делает два или три медленных шага по сцене.

(Заметив фигуру в белом, кричит). Брут!

Быстро обернувшись, Брут выхватывает из-под пиджака револьвер и, не целясь, стреляет. Схватившись за грудь, белая фигура медленно валится на пол. На мгновение в кафе повисает тишина, которую обрывает истошный визг появившейся в дверях Александры.

Брут: Что?

Следователь *(поднимаясь из-за стола):* Вы с ума сошли... *(Не подходя, протягивает руку).* Немедленно отдайте мне револьвер!..

Розенберг: Какого черта?.. Зачем ты стрелял?

Брут молча смотрит на лежащего.

Брут!..

Не отвечая, Брут делает несколько шагов к лежащему телу. Вслед за ним несколько шагов делает Розенберг. Небольшая пауза.

Розенберг (*громким шепотом*): Господь Всемогущий...
Наповал.

Брут (*шепотом*): Не может быть...

Розенберг: Ты что, не видишь?.. Не дышит.

Подходят и останавливаются, не решаясь подойти ближе, Николсен, Осип и Бандерес.

Бандерес (*шепотом*): Кто это?

Осип: А я откуда знаю.

Следователь: Отдайте мне немедленно оружие, господин Брут.

Не трогаясь с места, Брут протягивает Розенбергу револьвер.

Розенберг (*пытаясь вырвать из руки Брута револьвер*):
Да, отпусти же!

Брут: Не могу... Пальцы, как чужие...

Следователь: Поаккуратней, ради Бога...

Брут (*с трудом разжимая пальцы*): Черт!..

Розенберг: Вот так, вот так... (*Следователю*). Возьмите... (*Отдает револьвер*). И дайте, наконец, какого-нибудь огня!.. Бандерес!..

Вербицкий: Сейчас, сейчас... (*Подходя со свечей*). Дайте-ка, я взгляну. (*Опустившись на колени возле тела, осторожно тянет закрывающую лицо простыню*). Господи... Да ведь это же наш пастор.

Розенберг: Не может быть.

Вербицкий: Посмотри сам.

Розенберг (*подходя и наклоняясь над телом*): Мать честная... Господи, Брут!.. Да ведь ты его убил!

Брут: Пастор... Почему пастор? (*Издает несколько звуков, похожих на тьяканье*). Не может быть... Он же ушел домой... Мы все видели, как он ушел домой, верно, Розенберг?.. Какого черта?.. (*Неожиданно начинает истерически смеяться, сначала тихо, затем все громче, сквозь смех*). Пастор... Господи... Пастор... (*Смеется*).

Небольшая пауза. Николсен, Осип и Бандерес начинают негромко хихикать вслед за смеющимся Брутом.

Следователь: Прекратите сейчас же!..

Николсен: Это нервы, господин следователь. (*Негромко хихикает*). Сейчас пройдет...

Неожиданно Александра, с громким криком бросается на

шею Брута. Рыдая, обнимает его за шею.

Брут: Тише, тише. Не надо... Успокойся...

Небольшая пауза. Александра рыдает.

Да, уберите же ее ради всех святых!

Вербицкий пытается оторвать Александру от Брута.

(Резко отпихнув от себя Александру, почти грубо). Иди к себе.

Всхлипывая, Александра отходит и останавливается возле двери на кухню. Одновременно на верхней ступеньке винтовой лестницы появляется Тереза с зажженным подсвечником в руке.

Эпизод 24

Розенберг (*вполголоса, в сторону*): А вот и мадемуазель Тереза.

Тереза (*высовываясь из-за перил лестницы*): Господа, что случилось?

Все молчат. Короткая пауза.

(Быстро сбегает вниз и остановившись на нижней ступеньке). Мне показалось, что я слышала какой-то шум... *(Тревожно)*. Что случилось, папа?

Брут молча показывает рукой на тело.

Боже мой, кто это?..

Брут: Скажите ей кто-нибудь.

Николсен (*негромко*): Вы только не волнуйтесь, мадемуазель. Так получилось, что господин Брут случайно застрелил господина пастора.

Тереза: Что?.. *(Смотрит на лежащее тело, потом на Брута)*. Вы в своем уме, господин Николсен?.. *(В сторону Брута)*. Папа?..

Брут молча разводит руками.

О, Господи... (*Опускается на пол*).

Николсен: *Мадемуазель Тереза... (Садится и достает блокнот).*

Брут: *Дайте мне стул...*

Бандерес быстро ставит позади Брута стул. Одновременно мигает и вновь загорается электрический свет.

Чертова подстанция... Александра!.. Погаси свечи...

Александра (*сквозь слезы*): Да, господин Брут...

Следователь (*Терезе*): Я думаю, что вам было бы лучше пойти к себе, мадемуазель. (*Александре*). И вам тоже... И кто-нибудь, пожалуйста, пошлите немедленно за врачом!.. Господин Вербицкий!..

Александра гасит свечи и исчезает за дверью кухни.

Вербицкий: Боюсь, что это не совсем возможно, господин следователь... Наш доктор, видите ли, умер в прошлом году перед самым Рождеством, и с тех пор его обязанности исполнял господин пастор, поскольку он когда-то закончил ветеринарные курсы и мог отличить клизму от градусника.

Следователь (*не совсем уверенно*): И что прикажите теперь делать?.. Надо ведь хотя бы проверить пульс и осмот-

реть рану... Что если господин пастор еще жив?

Розенберг: Вот и проверьте... Вас ведь учили, как надо вести себя в подобных ситуациях?

Махнув рукой, Следователь молча опускается на корточки возле тела и проверяет пульс. Пауза.

(Поднимая голову). Пульса нет.

Тереза: Папа!..

Николсен *(не отрываясь от блокнота):* И что теперь?

Следователь *(поднимаясь):* Я знаю только одно. Если нет врача и некому официально засвидетельствовать смерть потерпевшего, то тело не может быть предано земле, а владелец его по-прежнему считается юридически дееспособным... Таков закон. *(Громко).* Господа. Попрошу никуда никому не уходить. Будем делать пока то, что в наших силах. *(Достает из кармана рулетку, Николсену).* Помогите мне, господин Николсен... Возьмите рулетку и встаньте там, где стоял господин Брут... Надо измерить расстояние от тела до того места, где стоял стрелявший.

Брут: О, Господи... *(Терезе).* Иди к себе, дочка.

Тереза: А ты?

Брут: Я справлюсь... Иди, иди... Тебе надо отдохнуть...

Тереза: Хорошо, папа. *(Уходит, поцеловав напоследок Брута).*

Эпизод 25

Пауза.

Пока Следователь и Николсен замеряют расстояния, все остальные возвращаются на свои места.

Бандерес (*опускаясь на стул*): Дела. (*Взяв карты, негромко*). Ну, что?

Осип: Ходи.

Бандерес: Пас.

Осип (*негромко*): Принял.

Бандерес: Пас.

Осип: Принял.

Бандерес: Пас.

Осип: Принял.

Вербицкий: Любопытно, что в прошлом году умер доктор, а теперь вот пастор. Мне кажется, в этом есть какая-то закономерность. Один лечил тело, а другой души, а померли оба безо всякой разницы, что один, что другой. Не дай Бог, конечно, если еще помрет госпожа бургомистр, так мы вообще останемся без начальства. Есть еще, конечно, полицмейстер и начальник пожарной части, но полицмейстер третий год разбит параличом, а начальник пожарной части объявил себя стихийным мистиком и с утра до вечера читает Сведен-

борга, не думая о том, что если из-за его халатности вдруг сгорит пожарная часть, то мы лишимся последней городской достопримечательности, потому что во всех путеводителях сказано, что нашу пожарную часть вместе с каланчей проектировал сам Джон Пакстон.

Розенберг: Вербицкий...

Вербицкий: Что?

Розенберг: Заткнись.

Вербицкий: Тебе что ли, легче будет, если я буду молчать?.. Ну, пожалуйста. Молчу.

Осип (*негромко*); Взял.

Бандерес (*негромко*): Пас.

Осип: Перебор.

В помещении раздается тихий стон.

Вербицкий: Что это? (*Оглядываясь*). Это опять ты, Розенберг?

Розенберг: Кто-то, кажется, обещал молчать.

Вербицкий: Ты что, не слышишь?.. Кто-то стонет.

Николсен: Кажется, я тоже слышал.

Стон повторяется.

Вербицкий: Господи, да это же пастор!.. (*Вскочив со стула*). Он жив!

Розенберг: Господин следователь сказал, что нет.

Следователь: Ну-ка, ну-ка... (*Подойдя к лежащему*).

Господин пастор... Вы меня слышите?

Пастор негромко стонет.

Вербицкий: Слышите? Он жив!

Следователь: Господин пастор!..

Пастор стонет

(*Стягивая с лица Пастора простыню*). Похоже, что в самом деле...

Николсен: Вот это номер!

Брут (*слабо*): Не может быть... (*Поднявшись со стула, подходит к лежащему.*) Дай мне стул, Розенберг...

Розенберг быстро подвигает Бруту стул. Тот почти падает на него. Пастор стонет.

Следователь: Дайте-ка, я проверю пульс.

Бандерес (*продолжая играть*): Ничего себе пистон...
Выходит, ты промазал, Брут?

Брут (*слабым голосом*): Уйди к черту, идиот...

Бандерес: С такого расстояния не попадет только слепой.

Вербицкий: Бандерес!.. Попридержи, пожалуйста, свой

язык.

Бандерес: А что я такое сказал? (*Осипу*). Ты видел?..
Промазать с такого расстояния...

Осип: Бывает. (*Швыряя на стол карту*). Пас.

Теперь до конца 27 эпизода, Бандерес и Осип будут играть в карты, негромко перебрасываясь карточными терминами "пас", "принял", "перебор", "пропустил" и прочее.

Следователь: Пульс вполне сносный.

Розенберг: А вы что нам говорили пять минут назад?

Следователь: Я не доктор, господин Розенберг. (*Понизив голос*). Скажите лучше спасибо, что он вообще жив, этот ваш пастор, который зачем-то разгуливает по ночам, завернувшись в простыню! (*Пастору*). Как вы себя чувствуете, святой отец?.. (*Зовет*). Господин пастор... (*Неумело машет перед лицом лежащего рукой*).

Пастор (*хрипло*): Где я?

Розенберг (*в полголоса*): Можно смело поручиться, что не в Раю.

Вербицкий: Розенберг!.. (*Пастору*). Вы снова с нами, святой отец. В кругу друзей...

Розенберг (*вполголоса*): Чертов лицемер.

Неожиданно громко всхлипнув, Брут плачет, вытирая слезы рукой.

Розенберг: Что это с тобой, Брутик?.. Слава Богу, все позади, никто не умер, все живы... Ну, перестань, перестань...

Брут: Сейчас пройдет... (*Плачет*).

Николсен: Это он от радости. Такое случается.

Пастор: Кто это плачет?

Розенберг: Это наш Брутик плачет.

Пастор: Брутик? (*Протягивая руку*). Помогите мне сесть.

Вербицкий и Следователь помогают Пастору подняться и сесть на пол.

(*Медленно стягивая с себя простыню*). Все так и плывет... Не могу утверждать с уверенностью, но кажется, мне привиделась молния Господня, которая ударила меня в грудь... Что это было?

Розенберг: Ничего особенного, святой отец. Просто нашему Брутику вздумалось открыть охоту на служителей культа, и тут вы ему как раз и попались под горячую руку... Бах! Прямо из револьвера.

Вербицкий: Розенберг!

Пастор: Выходит, это была не молния Господня?

Розенберг: Ну, это с какой стороны посмотреть.

Пастор: Но зачем? Зачем?

Брут: А зачем вы нарядились в эту чертову простыню,

дьявол бы вас забрал вместе со всеми вашими святыми потрохами?.. Да еще подкрались тихо, словно, разбойник, зная, что у всех у нас нервы, как натянутые струны!.. Скажите еще спасибо, что я промахнулся.

Пастор: Господи, но ведь вы могли меня убить!

Брут: В следующий раз я так и сделаю.

Вербицкий: Брут...

Пастор: Не слова больше, сын мой!.. Ни слова больше...

Или ты не знаешь, что все сказанное рано или поздно возвращается, чтобы обрушиться на нас свой гнев?

Брут: Идите к дьяволу, святой отец, и притом вместе со всеми вашими суевериями... (*Поднявшись со стула, делает несколько неуверенных шагов*). Ноги, как будто каменные... Надо пойти, сказать Терезе. (*Медленно идет по сцене, затем остановившись возле дверей кухни*). Александра!..

Александра появляется в дверях.

Видишь. Все обошлось... (*Негромко*). Только не надо больше плакать.

Александра плачет.

Ну, хватит, хватит. Прекрати... Видишь, никто не умер, все живы. (*Сквозь зубы*). Я же сказал, довольно. (*Поднимаясь по лестнице*). Пойду, скажу Терезе.

Александра (сквозь слезы): Да, господин Брут. (*Исчезает*).

Брут уходит. Короткая пауза.

Эпизод 26

Следователь (*Пастору*): Может быть, теперь вы объясните нам, зачем вам понадобилось надевать на себя простыню и разгуливать в ней посреди ночи по городу?

Пастор: Боже мой, неужели не понятно?.. Ну да, я увидел эти простыни, которые сохли на заднем дворе и которые натолкнули меня на мысль, что если вдруг вам всем явится призрак, то увидев его и испытав небольшое потрясение, вы, может быть, захотите помолиться за грешную душу нашего Дональда. (*Встав на четвереньки, медленно ползет к свободному стулу, остановившись на полпути*). И тогда, в простоте душевной, я решил надеть простыню, чтобы этим невинным обманом способствовать доброму делу... (*Ползет к стулу, с горечью*). Но я ошибся. Мир так изменился, что даже преисподняя уже никого не пугает, а выходцы из могил служат только темой для пустых разговоров... (*Останавливается возле стула, опираясь на него руками*).

Розенберг: А что это там у вас такое торчит из-под сутаны, господин пастор?.. (*Подходя ближе*). Да, вон же, вон... (*Медленно стягивает с пастора простыню*). Смотрите-ка... Оказывается, наш святой отец ко всему прочему еще носит бронежилет... Интересно, зачем вам понадобился бронежилет, святой отец?.. Я что-то не припомню, чтобы Иисус Хри-

стос ходил по своей Галилее в бронезилете.

Пастор: Это подарок моих прихожан, сын мой.

Следователь: У вас что, принято дарить служителям культа бронезилеты?

Пастор: О, Господи... Эта старая история. Сто лет назад в нашей церкви застрелили одного пастора. С тех пор стало хорошей традицией дарить пастору бронезилет.

Следователь вопросительно смотрит на Вербицкого. Тот утвердительно кивает.

Следователь: Значит, если я правильно понял, вы не поленились сходить домой, надели там бронезилет, а затем вернулись назад, завернулись в простыню и в таком виде явились сюда?

Пастор: Да, сын мой. Именно так. Я не поленился сходить домой и надеть бронезилет, потому что сегодня во сне мне был голос, который сказал, чтобы я вооружился против сатаны бронезилетом и не снимал его до самого вечера... И как видите, совершенно не напрасно.

Следователь: И часто вы слышите такие голоса, святой отец?

Пастор: А разве они когда-нибудь оставляют нас, сын мой?.. Не их вина, что мы разучились их слышать, потому что давно слушаем только самих себя и свой телевизор... Но если бы мы только захотели прислушаться... (*Мечтатель-*

но). О-о!.. (*Понизив голос и показывая рукой вверх*). Слышите?..

Короткая пауза, в продолжение которой слышно, как воет на улице собака.

(*Громким шепотом*). Это оно...

Вербицкий: Это собака Розенберга.

Розенберг: Только не надо, пожалуйста, опять все валить на мою бедную собачку, которая ни в чем не виновата.

Следователь: Если говорить откровенно, то кроме собаки я тоже решительно ничего не слышу.

Пастор: Ах, нет же, дети мои, это совсем не собака... Это голос Неба, который не перестает смеяться над нами, надеюсь, что мы, наконец, обратим на него внимание и раскаемся в нашей несусветной глупости... (*Поднявшись с пола, опускаясь на стул*). Только не подумайте, что я опять собираюсь учить вас, как это делает тот, кто думает, что знает истину и спешит поскорее поделиться ею с другими... Конечно, люди называют меня то пастором, то святым отцом, полагая, видимо, что мне кое-что все-таки известно, тогда как на самом деле я сам уже давно не знаю ни того, кто я такой, ни того, в какую сторону нам следует идти, чтобы добраться до истины.

Розенберг: Вот это новость!

Николсен (*быстро записывая*): Нельзя ли чуть помедленнее, святой отец?

Пастор: Да, господин Розенберг... К чему скрывать?.. Сегодня мне кажется, что прав Лютер, а завтра я убеждаюсь, что никто лучше не писал о Христе, чем святой Бонавентура, а послезавтра, когда я читаю Авот, мне кажется, что в глубине души я уже давно готов обрезать и надеть кипу, чтобы прилепиться к народу, о котором сам Всевышний сказал, что возлюбил его больше других...

Розенберг (*чрезвычайно ироничен*): Bravo, господин пастор. Bravo!

Пастор: Я не знаю даже того, зачем надо спасать это прямоходящее, лукавое и изворотливое существо, которое носит имя "человек", что уж тут говорить обо всем остальном?.. Наверное, кто-то из вас скажет, что я всего лишь страдаю потерей верных ориентиров. И это, конечно, будет правильно, хотя мне по-прежнему кажется, что несмотря ни на что я все же гораздо счастливее всех тех, кому нравится растаскивать Божью истину по своим унылым углам, чтобы потом грызть ее там, как собака кость, обвиняя весь остальной мир в том, что он пребывает в невежестве и заблуждении!.. (*Сердито*). Потому что все, на что могут рассчитывать эти безумцы, это смех, которым награждают их Небеса, стоит им только начать хвалиться своими собственными истинами и учить всех от имени Бога, который, насколько я понимаю, совсем не обязан знать что-нибудь об их существовании... (*Поднявшись, идет по сцене, волоча за собой стул, громко*). Ах, как же они смеются, эти Небеса!.. Каждый день. И каж-

дый час. Не переставая ни днем, ни ночью. Над каждым из нас в отдельности и над всеми нами вместе!.. Так заразительно, что тебе хочется вдруг самому начать смеяться вместе с ними, стоит тебе только услышать какую-нибудь очередную глупость, насчет того, что наша вера лучше или что наше Писание более истинно, чем другие, как будто Бог носит очки и без нашей подсказки вряд ли разберется, где истина, а где ложь... (*Остановившись, садится на стул*).

Пока Пастор говорит, все мало-помалу возвращаются к своим делам. Вербицкий открывает газету, Следователь возвращается к своим бумагам, Розенберг садится возле шахматной доски, Осип и Бандерес продолжают карточную игру.

Розенберг: Не знаю почему, но мне опять кажется, что вы богохульствуете, святой отец.

Пастор: И при этом, заметь, что не я один, сын мой... Разве ты не слышишь, как вместе со мной с удовольствием богохульствуют еще и Небеса, чей благословенный смех настаивает тебя, руша все, что ты построил?.. Или это не Они хихикают, делая серьезное лицо, когда требуют от нас возлюбить Господа Бога всем сердцем твоим, хотя прекрасно знают, что никто не может заставить себя любить кого-то против собственной воли?.. (*Поднявшись на ноги, вновь не спеша идет по сцене, волоча за собой стул*). И разве это не их

смех мы слышим, когда они требуют от нас, чтобы мы были совершенны, как совершенен Отец наш небесный?.. Ведь не учат же они нас, в самом деле, лицемерить и изображать то, чего нет в наших сердцах? (*Остановившись, смеется*). Да они просто хохочут над нами, когда мы тужимся из последних сил, не желая замечать, что на самом деле Небеса хотят от тебя совсем другого. (*Неожиданно срываясь на крик*). И уж во всяком случае, совсем не того, чтобы ты плясал под их дудку, подпевая и поддакивая всему, что прочтешь в ста томах святой макулатуры! словно домашняя собачка, которая ходит на задних лапах, надеясь получить за это миску супа!.. (*Смолкнув, останавливается, тяжело дыша и держась за спинку стула*).

Короткая пауза.

Розенберг (*не оборачиваясь, продолжая заниматься шахматами*): Вы так кричите, святой отец, что вас, наверное, было слышно даже на улице.

Пастор: Не я, сын мой, не я... Я ведь только труба Господня, через которую Небеса трубят, чтобы вы вовремя услышали об опасности... Но вы не слышите.

Брут (*появляясь на верхней площадке винтовой лестнице*): Вы опять так орали, святой отец, что, я думаю, было слышно даже в преисподней!

Розенберг: Это не он, Брут.

Брут (*спускаясь*): А кто?

Розенберг: Труба Господня.

Брут: Нам только трубы еще недоставало.

Пастор: Вы можете не беспокоиться, сын мой, потому что я, наконец, ухожу... (*Какое-то время медлит, переводя взгляд с одного присутствующего на другого, негромко*).
Прощайте, господа. (*Идет к двери*).

Брут: Минуточку, святой отец... (*Подойдя, стаскивает с плеч Пастора простыню*). Надеюсь, она вам больше не понадобится... (*Понизив голос*). И не забудьте, что в следующий раз я уже не промахнусь...

Пастор: Конечно, сын мой. Если будет на то воля Божья. (*Уходит*).

Звонит колокольчик закрывшейся за Пастором двери.

Брут (*сквозь зубы*): Скотина. (*Повернувшись, возвращается за стойку бара*).

Эпизод 27

Розенберг: Ушел?

Брут: Как видишь. (*Швыряет простыню за стойку, негромко, сквозь зубы*). Скотина...

Николсен: Жаль, господин Брут, вы не слышали, как господин пастор рассказал нам про хохочущие Небеса.

Брут (*поставив на стойку огромный стакан*): А вы больше слушайте все эти глупости, господин корреспондент. (*Наливая себе полный стакан виски*). Если бы вы жили здесь, то слушали бы этот бред не реже одного раза в неделю, как слушаем его мы. (*Медленно пьет, вызывая восхищение Николсена*).

Небольшая пауза.

Николсен: О-о...

Вербицкий (*укоризненно*): Брут!..

Брут (*ставя на стойку пустой стакан*): Плевать.

Вербицкий: Скажи это своей печени.

Николсен: Да вы просто герой, господин Брут!

Брут: Глупости, господин корреспондент... По-вашему, если человек выпивает полпинты виски, чтобы поправить свое настроение, то он уже герой?.. А я думаю, что герой –

это тот, кто плевать хотел на все эти выдумки про призраков и про хохочущие Небеса, потому что он хорошо знает, что надо доверять не церковным крысам, а своим собственным глазам, которые видят все так, как есть, в чем, черт возьми, можно легко убедиться, стоит только открыть их и посмотреть вокруг... (*Выходя из-за стойки*). А разве нет? (*Показывая пальцем*). Вон, Розенберг. А вон Гонзалес. Вон море. А там – бильярдная, белые шары и зеленое сукно... Все просто, все понятно, все достоверно. Чтобы быть героем, надо только научиться говорить «нет» своим собственным фантазиям, чтобы самому случайно не поверить в какую-нибудь глупость, вроде того, например, что Иерусалим самый красивый город в мире...

Розенберг (*не отрываясь от шахматной доски*): Кто это тебе сказал?

Брут: Зибельман, когда мы прощались... Старый козел расписывал этот Иерусалим так, словно построил его собственными руками. А откуда мне знать, есть ли он действительно или все это одни только выдумки, и никакого Иерусалима на самом деле нет, и никогда не было?.. Тем более что я могу спросить – зачем мне вообще забивать себе голову этим Иерусалимом, если до него не добраться даже в самом глубоком сне?.. Зачем он мне, если независимо от того, есть он или нет, я все равно буду каждый день смотреть не на него, а на это море и на этот булыжник, который положен почти триста лет назад и сомневаться в котором у меня, сла-

ва Богу, нет никаких оснований?..

С улицы вновь раздается вой собаки.

(Злобно). Грязная тварь!.. Бутылку первого класса коньяка тому, кто утопит эту чертову шавку!

Розенберг: Оставь, собачку в покое, Брут. Она воеет, потому что ей одиноко.

Брут: Так пойди и составь ей компанию!

Николсен (*негромко, Бруту*): Вы это серьезно?.. Насчет коньяка?

Следователь (*поднимаясь из-за своего стола, решительно*): Знаете что, господин Брут?.. Налейте-ка мне, пожалуйста, тоже чего-нибудь согревающего.

Брут возвращается за стойку.

Розенберг: И мне тоже.

Николсен: С вашего позволения и мне, господин Брут.

Брут наливает.

Вербицкий (*оторвавшись от газеты*): Между прочим, в Японии одна женщина родила четверых близнецов... Четыре близнеца – и все японцы. Представляю, какой шум они подняли... (*Бруту*). Налей-ка мне тоже чего-нибудь покреп-

че.

Брут: Вы что, сговорились? (*Наливает*).

Короткая пауза.

Следователь: Не хотелось бы вас огорчать, господа, но, похоже, что призрак вашего горячо любимого Дональда так и не появился.

Брут: Мы заметили.

Следователь: Тогда будьте здоровы. (*Пьет, после чего возвращается за свой столик*).

Небольшая пауза.

Бандерес (*швыряя на стол карты*): Все, все, все... Когда я с тобой играю, то мне кажется, что я сижу тут совершенно голый и даже без трусов... Пойду лучше погоняю шары. (*Уходит в бильярдную*).

Пожав плечами, Осип тасует и раскладывает карты.

Одновременно на верхней площадке лестницы появляется Тереза. Медленно спускается вниз. Пауза.

Эпизод 28

Тереза (*спустившись*): Все, как и прежде... Господин Вербицкий, господин Розенберг, господин следователь....

Розенберг: Добрый вечер, мадемуазель.

Тереза (*подходя*): Добрый вечер, господин Розенберг... Не притворяйтесь, что вы не помните, что мы здоровались с вами сегодня уже четыре раза... (*Бруту*). Все хорошо, папа?.. Надеюсь, ты больше никого не застрелил?

Брут: Было бы лучше, если бы застрелил.

Тереза: Какой ты у нас сегодня нервный, просто ужас... А вот мне приснился сейчас смешной сон.... (*Смеется*). Господи, какая ерунда!.. Мне приснилось, что господин Вербицкий прочитал в своей газете, что какая-то женщина в Японии родила четверых близнецов, а господин следователь сказал, что родить четырех японских близнецов – это дело чести каждого патриота, который любит свою родину...

Следователь: Я уверен, что я ничего подобного не говорил, мадемуазель.

Тереза: Нет, вы говорили, но только во сне.

Розенберг: И давно вы видите вещие сны, мадемуазель?

Тереза: По-вашему, этот сон вещий?

Розенберг: Самым натуральным образом. (*Вербицкому*).

Покажи-ка мадемуазель газету, Вербицкий.

Вербицкий (*протягивая Терезе газету*): Вот здесь.

Короткая пауза. Тереза читает заметку.

Тереза (*отдавая газету*): Как странно.

Розенберг: Не правда ли, мадемуазель?.. А я всегда говорил – что бы там не утверждала наука, мы все равно живем в мире, полном загадок... Возьмите хотя бы меня... Вот уже несколько дней у меня в голове вертятся какие-то глупые стихи, которые я не только никогда не учил, но даже никогда не читал... Неплохо, правда?.. Однажды утром ты просыпаешься и вдруг находишь в собственной голове какие-то сомнительные вирши, о которых не знаешь даже, как они туда попали. Но при этом они распирают тебя изнутри и требуют, чтобы ты немедленно открыл рот и прочитал их так, словно ты только на это и годишься.

Вербицкий: Не вздумай, Розенберг.

Розенберг: Всего две строчки, если позволит мадемуазель.

Вербицкий: Скажите ему, мадемуазель.

Тереза: Конечно, пусть читает... Читайте, господин Розенберг.

Вербицкий: Ради Бога!

Розенберг: Мне кажется, что если я этого не сделаю, они меня просто разорвут на части!.. (*Читает*). Теперь... (*Перебивая себя*). Эти стихи начинаются со слова "теперь".

Брут: Мы бы догадались.

Розенберг: *Теперь как раз тот колдовской час ночи... Когда гроба зияют и заразой... Ад дышит в мир; сейчас я жаркой крови... Испить бы мог и совершить такое... Что день бы дрогнул... У тебя такое лицо, Вербицкий, как будто ты сейчас? (Рвет ворот рубашки). Чертовы вирши... Я просто чувствую, что если я их сейчас не выпущу, то они меня просто придушат... (Читает, подходя то к Бруту, то к Вербицкому, то к следователю). Как все кругом меня изобличает... И вялую мою торопит мечь!.. Что человек, когда он занят только сном и едой? Животное, не больше... Тот, кто нас создал с мыслью столь обширной... Глядящей и вперед, и вспять, вложил в нас... Не для того богоподобный разум... Чтоб праздно плесневел он. То ли это... Забвенье скотское, иль жалкий навик... Раздумывать чрезмерно об исходе... Мысль, где на долю мудрости всегда... Три доли трусости, – я сам не знаю... Зачем живу, твердя: "Так надо сделать". Раз есть причина, воля, мощь и средства... Чтоб это сделать... (Негромко). А?.. Чтоб это сделать... Чтоб сделать – это...*

Брут: Что сделать?

Розенберг *(опускаясь на стул, глухо):* Не знаю... Это.

Вербицкий: Тогда заткнись. *(Терезе)* Простите, мадемуазель.

Тереза: Ничего, я уже привыкла. *(Розенбергу)*. Bravo, господин Розенберг. *(Проходит по сцене, затем подходит к*

столику, за которым сидит Осип). И как наши успехи?

Осип: Как видишь, не жалуемся.

Тереза: Значит, мир?

Осип: Мир.

Тереза: Вот и прекрасно... А что говорят карты?

Осип: Что жизнь продолжается.

Тереза: А еще?

Осип: Что некоторые люди смертны.

Тереза: Только некоторые?.. А как же остальные?

Осип: Про остальных им почему-то ничего не известно.

Тереза: А тебе?

Осип: И мне.

Тереза (*оборачиваясь на звук дверного колокольчика*):

Кто это еще?

Эпизод 29

Дверь на улицу быстро распахивается и на пороге возникает фигура Пастора. Какое-то время, он стоит, прислонившись к дверному косяку, держась за сердце рукой и тяжело дыша. Небольшая пауза.

Брут (выходя из-за стойки): Я ведь вас предупреждал, святой отец...

Пастор (задыхаясь): Пожарная часть горит... Уже каланча занялась!.. Полыхает, как свечка...

Брут: Не может быть! (Бросается к окну).

Вслед за Брутом к окну бросаются остальные присутствующие.

Смотри-ка. И правда что-то горит...

Розенберг: Только этого нам не хватало.

Брут: Ну, Вербицкий...

Вербицкий: А при чем здесь, интересно, Вербицкий?

Пастор: Поспешите, дети мои. Может быть, там требуется ваша помощь...

Брут: Сейчас, сейчас, сейчас, святой отец... Дайте только собраться с мыслями... (Звеня ключами, возвращается за

стойку бара).

Розенберг: А ведь это, господа, последний архитектурный шедевр Джона Пакста... Ну, надо же!.. (*Вербицкому*). Ты идешь?

Вербицкий: Сейчас.

Пастор: Ох, сердце... Побегу, ударю в колокол... (*Убегает*).

Николсен: Идемте? (*Терезе, протягивая руку*). Мадемуазель?

Тереза: (*Осипу*). Ты идешь?

Осип: Конечно.

Тереза: А ты, папа?

Брут: Минутку. (*Звеня ключами, пытается закрыть де-нежный ящик*). Чертов замок!

Осип (*заглянув в бильярдную*). Слышишь, Бандерес?.. Каланча горит. Пошли, посмотрим.

Следователь (*складывая в папку бумаги*): Если можно, подождите меня тоже.

Тереза: Папа, ты идешь?

Брут: Идите, я сейчас.

Тереза: Господин следователь. Догоняйте. (*Уходит под руку с Николсеном и Осипом*).

Брут (*борясь с ключами*): Чертов замок!..

Бандерес (*появляясь на пороге бильярдной*): Ну что тут у вас?

Розенберг: Пожарная часть горит... Вон, Вербицкий на-

каркал... Ну что, идем, наконец?

Бандерес: Надо пойти посмотреть. (*Уходит вместе со следователем*).

За окном неожиданно вспыхивают отсветы далекого пожара.

Брут (*справившись, наконец, с ящиком*): Ты только посмотри, как полыхает. Странно, что Гонзалес раньше ничего не заметил. (*Гонзалесу*). Ты что, проспал?

Гонзалес мычит.

Розенберг: Пошли, пошли.

Брут: Не волнуйся, без нас не сгорит. (*Кричит*). Александра!.. Александра!..

На пороге появляется сонная Александра.

Присмотри-ка тут, пока нас не будет. Мы скоро вернемся.

Александра: Хорошо, господин Брут... А что случилось?

Брут: Ничего. Пожарная часть горит.

Александра: Ах!

Вербицкий: Не бойтесь, мадемуазель. До нас не дойдет. (*Быстро уходит вместе с Брутом и Розенбергом*).

Эпизод 30

Пауза.

На сцене остаются Александра и Гонзалес.

Александра медленно идет по сцене между столиками, время от времени ставя на место стулья, пока не оказывается возле сидящего у окна Гонзалеса.

Александра: Смешно, правда?.. Побежали на пожар, как маленькие дети... *(Протянув руку, дотрагивается до шторы)*. Тебе нравится такой цвет?..

Гонзалес мычит.

Неужели нравится?.. А по-моему, он сюда совсем не подходит. Тут нужен красный или оранжевый. Или, в крайнем случае, темно-желтый, но только, конечно, не такой как этот...

Гонзалес мычит.

(Вновь идет по сцене между столиками, негромко). Если бы я была здесь хозяйкой, то устроила бы все по-другому... Вместо штор можно было бы повесить жалюзи, а вместо этой

глупой люстры – несколько бра, потому что люди любят полумрак и не хотят, чтобы вокруг было слишком много света... Ну, конечно... Ведь никто не хочет, чтобы все видели твои морщины, прыщи и вторые подбородки... (*Медленно идет по сцене*).

Короткая пауза.

А тут я бы поставила несколько кресел... Знаешь, таких бархатных, с высокими спинками, так что когда человек сидит, его не видно ни с боков, ни со спины... Я видела такие в городе, в какой-то кофейне, когда мы ездили хоронить дядю... (*Остановившись в центре сцены*). А потом я бы все покрасила здесь в розовый цвет. И потолок, и стены, и пол. И постелила бы розовые скатерти с розовыми салфетками, а еду подавала бы на розовой посуде, а кофе – в розовых чашечках... Как замечательно! (*Негромко смеется*).

Гонзалес мычит.

Жаль только, что я никогда не буду здесь настоящей хозяйкой, как, например, мадемуазель Тереза?.. А знаешь почему?.. Потому что я скоро выйду замуж за одного генерала, с которым мы обручились прошлым летом... У него есть огромный замок на Южном озере и трехэтажный дом в столице, и когда он меня увидел, то сразу спросил, не хочу ли я

стать его женой... (*Негромко смеется*).

Гонзалес мычит

Только никому не говори об этом, потому что если господин Брут узнает, что я тебе это рассказала, он будет ругаться... Ты ведь знаешь, какой он суеверный, наш Брут. Думает, что если что-нибудь заранее скажешь, то оно уже никогда не исполнится. Поэтому он просил меня, чтобы я никому ничего не говорила до тех пор, пока мой генерал не вернется с войны... Ты даже представить себе не можешь, сколько у него врагов! Поэтому лучше, если мы будем держать язык за зубами. Верно, Гонзалес?

Гонзалес мычит и размахивает руками.

Ах, если бы ты только видел, какой у него замок, в котором мы будем жить!.. Двадцать больших комнат и все выкрашены в мой любимый розовый цвет, так что от этого может даже закружиться голова!..

Гонзалес мычит.

Видишь теперь, как мне повезло?.. А знаешь, почему?.. Потому что Бог всегда помогает тем, у кого трудная жизнь и кому не у кого попросить помощи.

Гонзалес сердито мычит.

Только не говори, пожалуйста, что Он далеко и ему нет до нас никакого дела, как говорит этот противный Розенберг... Он все-таки Бог, значит – видит все, что твориться на земле. И тебя, и меня, и даже собаку Розенберга, хотя все, что она умеет – это лаять и гадить под нашей дверью...

Гонзалес мычит и машет руками.

А хочешь, потанцуем, пока никого нет?.. Я, наверное, уже сто лет ни с кем не танцевала... (*Подходя*). Хочешь?

Гонзалес мычит.

Ну, что ты испугался, дурачок?.. Это же совсем не страшно... Дай-ка мне руку... Смотри, кладешь ее сюда, а в другую берешь мою... Вот так... А теперь, ведешь меня до окна, а потом обратно... Раз-два-три... Раз-два-три... Только не надо торопиться... Смотри... Раз-два-три... Раз-два-три... (*Напевает, ведя за собой Гонзалеса, который с трудом переставляет непослушные ноги*). Тра-та-та-та-та... Тра-та-та-та...

Гонзалес мычит.

Тра-та-та-та-та... Тра-та-та-та... (*Внезапно остановившись*). Знаешь что, Гонзалес?.. Тут совсем нет места... Давай-ка, мы пойдем с тобой лучше на улицу...

Гонзалес мычит.

Не упрямясь. Давай руку. Пойдем... (*Ведет Гонзалеса к двери*). Когда я выйду замуж, то куплю тебе желтый пиджак и белые брюки, чтобы тебе не стыдно было показаться на людях...

Гонзалес мычит.

И еще золотые часы, чтобы ты всегда знал, который час. (*Исчезает вместе с Гонзалесом за дверью*).

Звонит вслед ушедшим дверной колокольчик.

Очень долгая пауза.

Сцена пуста. За окном – всполохи далекого пожара.

Неожиданно тишину нарушает музыкальный аккорд, который начинает уже знакомую зрителю мелодию. Но на этот раз он звучит громче, торжественней и чище. Это играет висящая на стене шарманка Ицхака Великолепного, следуя божественному обетованию о приходе в мир Машиаха.

Длится пауза.

Шарманка играет.

Медленно гаснет свет.

Занавес

По дороге в Дамаск

Драма в десяти картинах

Действующие лица:

Иерусалимские сцены:

Савл (Павел)

Симон (Петр, Кифа)

Йоханан

Акилла

Прислужник

Сцены в психиатрической лечебнице:

Йоган – пациент лечебницы, называющий себя Павлом

Йорген, Йонас, Йорк, Йансенс, Йозеф, Йонатан – пациен-

ты психиатрической клиники

Эл – жена Йогана, называющего себя Павлом

Доктор

Ребекка – медсестра

Савл – еврейское имя апостола Павла. Саул – форма звательного падежа имени Савл. Павел – римское имя апостола. Петр (греч. петрос, камень) – прозвище апостола Симона, данное ему Иисусом Христом (Ин.1:42; Деян.10:5); Кифа

– передача в синодальном переводе арамейского слова кефа (скала), которое в свою очередь, является переводом греческого «петрос». Бенергес – арамейское, «сын грома», – прозвище Иоанна Богослова, в Евангелии от Марка – искаженное Воанергес.

Написание с маленькой буквы личного местоимения третьего лица, единственного числа («он») по отношению к Иешуа в Иерусалимских сценах означает то, что и для Павла, и для Петра Иешуа из Назарета оставался только Машиахом, божьим избранником, Сыном человеческим, но ни в коем случае не Богом более поздней христианской традиции.

Картина первая

Отделение небольшой психиатрической лечебницы. Уютный общий холл, куда выходят до половины застекленные двери четырех палат. В центре – большой длинный стол, несколько кресел возле него и одно кресло у окна, расположенного возле левой кулисы. Еще один, совсем небольшой столик дежурной сестры с лампой, находится справа; сейчас за ним никого нет. Справа от столика – ведущая в общий коридор закрытая дверь.

В кресле, возле окна сидит, читая книгу, Йорген. Второй пациент, Йонас, сцепив за спиной руки, не спеша делает круг за кругом вокруг стола. Он совершенно погружен в свои мысли и не замечает ничего, что происходит вокруг. Третий, Йорк, застыв возле стола, наблюдает за шагающим Йонасом. Всякий раз, когда тот проходит мимо него, он негромко мычит и протягивает к нему руки, пытаясь, что-то сказать, однако Йонас не обращает на него никакого внимания и продолжает мерить холл шагами. Наконец, еще один больной, Йансенс, присев на корточки возле ведущей в коридор двери, замер, прильнув к замочной скважине. Впрочем, до него никому нет дела. Долгая пауза.

Йансенс *(не отрываясь от замочной скважины, сдав-*

ленным шепотом): Смотрите, смотрите!.. Эй!.. Это он, это он!.. О-о... (Протяжный вздох изумления). Эй, вы слышите? Йорген?.. Это он.

Никто из присутствующих не обращает на него внимания.

(*Не отрываясь от двери*). Да, посмотрите же хоть кто-нибудь!.. (*Быстро обернувшись, восторженным шепотом*). Йонас!.. Йорген!.. Это он, он... Я так и знал, что он сегодня вернется! (*Отвернувшись, вновь замирает, прильнув к замочной скважине*).

Небольшая пауза.

Ах, Боже мой, он идет, идет, вы слышите?.. Йорген! Йонас!.. Ну почему вы такие глупые! (*Быстро отпрянув от двери, подбегает к Йоргену и, наклонившись, что-то быстро шепчет ему на ухо*).

Короткая пауза. Оторвавшись от книги, Йорген оглядывается и с тревогой смотрит на дверь.

(*Почти восторженно*). Да, говорю же тебе, что это он! Если не веришь, то иди и посмотри сам.

Йорген (*негромко и с сомнением*): Не может быть... (*Ко-*

сая на дверь). Разве ты видел?

Йансенс: А ты думаешь, нет? Конечно, я видел. Говорю тебе, что это он.

Йорген: Наверное, кто-нибудь другой.

Йансенс (*торопливо и возбужденно*): Да, говорю же тебе, что я видел его своими собственными глазами. Он шел с Ребеккой, и у нее в руке была его сумка. Та самая. Клетчатая, с длинным ремнем... По-твоему, я не узнал бы его сумку? А потом они свернули туда... ну, туда... ты знаешь... в кабинет доктора.

Йорген: В кабинет доктора. В кабинет доктора. В кабинет доктора. Ага. (*Повернувшись к шагающему Йонасу*). Эй, Йонас! Ты слышал?

Погруженный в свои мысли, Йонас, не отвечая, продолжает молча шагать, заложив руки за спину. Короткая пауза.

Йансенс: Павел вернулся. (*Неожиданно хихикая*). Ты слышишь, Йонас? Павел. Он вернулся. Йансенс видел его сумку... Да, очнись же ты, наконец!

Остановившись, Йонас какое-то время смотрит на Йоргена.

Павел вернулся.

Йонас: Кто?

Йорген: Павел.

Йонас: Нет.

Йорген: Спроси у Йансенса. Он видел, как он шел по коридору вместе с Ребеккой, а у нее в руках была его клетчатая сумка. *(Хихикает)*. А потом они пошли в кабинет нашего доктора... Верно, Йансенс? *(Хихикая)*. Он вернулся!

Йонас: Павел?

Йорген: Конечно. Идет сюда. *(Йансенсу)*. Верно? *(Хихикает)*.

Йонас *(повернув голову к двери, неуверенно)*: Не думаю.

Йорген *(сердито, отбросив книгу, быстро поднимаясь с кресла)*: Еще бы ты думал, Йонас. Если бы ты думал, то, наверное, не стал бы говорить такие глупости... *(Подходя ближе)*. Что, разве он не обещал нам, что вернется? Или ты уже позабыл? Спроси вон хотя бы у Йансенса, если не веришь.

Йансенс *(торопливо)*: Конечно, он обещал. Я сам это слышал. Когда санитары повалили его и связали ему руки, то, прежде чем уйти, он закричал, что еще вернется. Помните? *(Подбегая и показывая)*. Это было вот здесь, на этом самом месте. Ей-Богу, я слышал это своими собственными ушами.

Йорген: Мы все это слышали. *(Йонасу)*. И ты тоже, Йонас. А теперь, когда он вернулся, ты говоришь так, словно ничего этого не было. Разве это не смешно?

Йонас: И ничего я не говорил

Йорген (*перебивая*): Плевать! Главное, что он вернулся... Верно, Йансенс?

Йансенс: Конечно, Йорген. Главное, что он вернулся.

Йорген (*хихикая*): Он вернулся... Подумать только! И как раз сегодня!

Подойдя ближе, Йорк напряженно прислушивается к разговору, пытаясь понять его смысл.

Йонас: Значит, это правда?

Йорген (*возбужденно*): А ты думал, нет? (*Хихикая*). Недаром сегодня утром мне показалось, что я слышу его голос. (*Загадочно*). А может, так оно и было, а, Йонас?.. Почему бы и нет, я тебя спрашиваю? Разве он сам не говорил нам, что придет время, когда даже камни будут вопить к небу, помнишь, Йонас? (*Йонасу*). Да, что это с тобой? У тебя такое лицо, как будто ты съел кислое яблоко.

Йонас (*глухо*): Если Павел вернулся, то я погиб...

Йорген (*беззаботно*): Да? Почему?

Йонас: Потому что я великий грешник. (*Неожиданно всхлипнув*). Если он вернется, то мне не поздоровится.

Йорген: Ну и что? (*Хихикает*). Нам всем не поздоровится, если он вернется, потому что мы все здесь великие грешники, кого ни возьми. И ты, и Йансенс, и я, и все остальные. Правда, Йансенс? (*Идет к застекленным дверям, проходя мимо Йорка*). Павел вернулся.

Йорк тревожно мычит, не понимая.

Йансенс (*проходя вслед за Йорженом мимо Йорка, кричит ему прямо в ухо*): Ты что, не понимаешь?.. Павел вернулся!

Кажется, что Йорк, наконец, что-то понимает. Улыбаясь и широко расставив руки, он мычит нечто невразумительное, качая головой и кивая в сторону двери.

(Проходя мимо). Да, да, да!

Йорген (*подойдя к первой двери, распахивает ее и кричит*): Павел вернулся!

Йансенс (*подходя к двери, вслед за Йорженом*): Павел вернулся!

Йорген (*подходя к следующей двери, распахивая ее, громко*): Павел вернулся!

Йансенс (*подходя вслед за Йорженом*): Павел вернулся!

Йонас (*убито*): Павел вернулся.

Из открытых дверей появляются Йозеф и Йонатан.

Йорген (*подходя к последней двери и распахивая ее, громко*): Эй, Йодри, Йодри, проснись, Павел вернулся!

Йансенс (*подходя вслед за Йорженом*): Павел вернулся!

Йозеф: Когда?

Йансенс: Сегодня, сегодня, сейчас!..

Йонатан: О, Господи! (*Медленно опускается на колени*).

Господи.

Йансенс: Да, да!

Йозеф (*нерешительно*): Глупости. Глупости. С чего это вы взяли, что он вернулся?

Йорген: Что значит, с чего? Он вернулся, вот и все. По-твоему, это глупости?

Йозеф: Конечно. Ничего он не вернулся.

Йонатан (*не поднимаясь с колен*): Нет, нет, это правда. Это правда!..

Йозеф: А ты-то откуда знаешь?

Йонатан: Я знаю, потому что сегодня утром фрау Ребекка принесла в палату Йодри новое белье и застелила там вторую постель. А когда я спросил ее, для кого эта постель, то она сказала мне: «Вы сами все увидите, дорогой господин Йонатан»... Теперь я понимаю, что она стелила постель для нашего Павла.

Йорген: Вот видите! Видите! Она стелила постель для нашего Павла!.. (*Оглядывая присутствующих, победно*). А если она стелила постель для нашего Павла, то это значит... это значит...

Йонатан (*стоя на коленях*): Что он вернулся.

Йорген: Да. Это значит, что он вернулся.

Йансенс (*восторженно*): Он вернулся!

Йонас (*глухо*): Вернулся.

Йансенс с Йорженом и Йонатаном: Он вернулся! Вернулся!.. Вернулся!..

Йорген и Йансенс обнимаются, хлопая друг друга по плечам и спинам. Йонатан медленно поднимается с колен.

Йозеф (*подняв руки, решительно*): Пойдите!.. Пойдите!.. Да, замолчите же вы!.. Дайте, мне, наконец, сказать.

Шум стихает. Все смотрят на Йозефа.

(Слегка помедлив). Допустим, что он вернулся. Ладно. Но где же он тогда? А?.. Может быть, кто-нибудь из вас это знает?.. Может, ты, Йорген? Или ты, Йонатан?.. Ну, говорите, говорите, если знаете!

Небольшая пауза. На лицах присутствующих появляется недоумение.

(Насмешливо). Вот видите?.. Значит, он и не думал возвращаться, верно, Йорген?

Йорген (*повернувшись, с недоумением смотрит на Йансенса*): Ты ведь сказал, что он вернулся, Йансенс?.. Разве это не ты сказал?

Йансенс: Конечно, это сказал я, а кто же еще! Потому что я видел его своими собственными глазами! Он шел с фрау

Ребеккой, и она несла его сумку. Я ведь не сумасшедший, чтобы мне спутать его с кем-нибудь еще!

Йозеф: Глупости.

Йансенс (*упрямо*): А я говорю вам, что он вернулся и теперь находится где-то тут, может даже в кабинете доктора, совсем рядом... Если хотите, я могу посмотреть еще раз, хоть это, конечно, ничего не значит, потому что я его уже видел... (*Подбежав к ведущей в коридор двери, приседает на корточки и смотрит в замочную скважину*).

Небольшая пауза. Все присутствующие смотрят на Йансенса.

Йозеф (*неуверенно*): Глупости.

Пауза. Все продолжают смотреть на Йансенса.

(*Решительно*). Глупости. Глупости. Глупости... Я ведь сказал вам, что все это просто глупости. Ничего он не вернулся.

Небольшая пауза.

Йансенс (*сдавленным шепотом*): Идет... (*Повернувшись к стоящим*). Он идет. (*Быстро отскочив от двери, поспешно прячется за спину Йоргена, хриплым шепотом*). Он идет

сюда вместе с Ребеккой!.. Я ведь говорил вам, что это он...

Все, кроме Йозефа и Йорка, подаются назад от двери и на мгновенье замирают, не спуская с нее глаз, затем поспешино исчезают в своих палатах.

Йозеф (едва слышно): Глупости, глупости... (Немного помедлив, быстро скрывается в своей палате).

На сцене остается один Йорк.

Неожиданно раздается звон ключей, дверь открывается, и в холле появляются Павел и сестра Ребекка. В руках у Ребекки клетчатая сумка с вещами Павла. Как и остальные пациенты, Павел одет в голубую больничную пижаму. Он небольшого роста, молоджав, сед; ввалившиеся щеки свидетельствуют о крайне умеренном, если не аскетическом образе жизни. Тонкие губы плотно сжаты. На лице – темные очки. Когда он снимает их, мы видим смотрящие с напряженным спокойствием голубые глаза.

При виде Павла Йорк громко мычит и протягивает к Павлу руки, пытаясь произнести его имя.

Ребекка: Да, да, господин Йорк. Конечно, это наш господин Павел. Вы ведь не забыли его, правда? (Проходя, ставит на стол сумку).

Йорк громко мычит, пытаясь произнести имя Павла.

(Павлу) Видите, он вас помнит. (Подходя к Йорку). А теперь посмотрите, что у меня есть для вас, господин Йорк. (Достает из кармана халата плитку шоколада и протягивает ее Йорку).

Мыча, Йорк берет шоколад и быстро кивает головой, по-прежнему не сводя глаз с Павла.

На здоровье, господин Йорк. На здоровье... (Отходя, идет мимо палат, заглядывая в одну за другой застекленные двери).

Небольшая пауза.

(Понизив голос, с едва различимой иронией). Какое удивительное единодушие, не правда ли?.. Все спят так, как будто сейчас тихий час, а не полдень.

Павел молчит. Йорк мычит, протягивая к Павлу руки.

Тише, Йорк, тише... (Павлу, остановившись у стола, негромко, с напряжением). Я что-то хотела вам сказать, господин Павел. Наверное, то, что вы и так прекрасно знаете без меня. Ведь в последнее время мы много разговаривали с вами – и я, и господин доктор, и у меня сложилось впечат-

ление, что мы стали, кажется, намного лучше понимать друг друга. А ведь это, наверное, главное, не правда ли?

Павел молчит. Короткая пауза

Когда люди начинают понимать друг друга, многое становится проще и уже не кажется таким трудным. Поэтому я надеюсь, что все худшее осталось позади, так что если мы с вами будем помнить об этом, то, я уверена, дело у нас скоро пойдет на лад.

Павел молчит. Короткая пауза.

Знаете, недавно я прочитала в одной книжке, что надо просто быть немного умнее самого себя и тогда все обязательно получится... Будьте немного умнее самого себя, господин Павел, и тогда все будет хорошо.

Павел молчит. Короткая пауза.

(Смирившись с молчанием собеседника). Ну, хорошо... Позвольте, я помогу вам отнести ваши вещи.

Павел *(быстро положив руку на стоящую на столе сумку, резко и почти грубо):* Я сам.

Ребекка: Что ж. Как вам будет угодно, господин Павел. *(Какое-то время молча смотрит на Павла, затем быстро*

выходит и закрывает за собой дверь).

Короткая пауза. Слышен звон ключей и щелканье замка. Негромко мычит Йорк.

Павел *(без выражения)*: Как вам будет угодно, господин Павел. *(Подойдя к двери)*. Как вам будет угодно, господин Савл... *(Дергает ручку закрывшейся двери, негромко, но со скрытой яростью)*. Как мне будет угодно, чертова кукла!.. Как мне будет угодно, дьявольское отродье! *(С глухим стоном упирается лбом в дверь и на какое-то время замирает, затем медленно поворачивается, оставаясь на месте и опираясь спиной о дверь)*.

Йорк мычит, протягивая Павлу шоколад. Небольшая пауза.

(Негромко и снова спокойно). Я вижу, Йорк, вижу... Это шоколад, который тебе дала сестра Ребекка... *(Отходя от двери и делая несколько шагов по сцене)*. Хотя, сказать по правде, он больше напоминает мне те тридцать серебряников, которые получил за свое предательство Иуда, но ведь тебе это, похоже, все равно, Йорк?..

Йорк жалобно мычит.

Ну, разумеется, тебе это все равно, жалкий обжора. Потому что ты думаешь только о том, как бы набить свой желудок и промочить свое горло... Я думаю, что если бы ты стоял и смотрел, как распинают на кресте нашего Спасителя, то наверняка тоже чавкал бы и жевал при этом, как последний язычник, у которого нет ни стыда, ни совести.

Йорк жалобно мычит.

Ах ты, обжора, обжора!.. Неужели ты, в самом деле, готов предать нашего Господа за эту жалкую плитку шоколада?

Йорк жалобно мычит.

Нет? (*Подходя к палатам, быстро и резко распахивает одну за другой четыре двери*). Ну, тогда лучше поскорее отдай ее кому-нибудь из этих трусов, которые прячутся от меня, накрывшись одеялами и сунув головы под подушки! (*Громко*). Йорген!.. Йансенс!.. Йонас!.. Йозеф!.. Йонатан!.. Может быть, вы хотя бы выйдете, чтобы поздороваться со мной, жалкие притворщики?

Короткая пауза. Из палат не доносится ни звука.

Я все равно знаю, что вы не спите... Или вы думаете, что можете обмануть Павла?.. Что ж, попробуйте, если у вас хва-

тит на это наглости!.. Попробуйте, пока небо еще терпит ваше гнусное притворство!

Небольшая пауза. Один за другим на сцене медленно появляются Йорген, Йансенс, Йонас, Йозеф и Йонатан.

Ну, наконец-то... Наконец-то... Йонас... Йозеф... Йонатан... Йорген... Йансенс...

Вновь появившиеся молча останавливаются возле дверей, отводя глаза и пытаясь спрятаться за спинами друг друга. Какое-то время Павел, похоже, не без удовольствия, рассматривает их. Небольшая пауза.

Нет, вы только поглядите на этих воинов Христовых!.. Вы похожи сейчас на испорченных детей, которых застали, когда они рассматривали развратные картинки... На гадких, грязных, избалованных детей, чьи мозги заплыли жиром от постоянного обжорства и лени... (*Медленно двигаясь в вдоль стоящих*). Что ж вы не смотрите на меня, словно боитесь увидеть привидение?.. Разве я не сказал вам, что вернусь?.. Или, может быть, вы помните, что Павел когда-нибудь бросал свои слова на ветер?..

Короткая пауза. Присутствующие молчат.

(Остановившись, Йонасу) Йонас. Отнеси-ка мои вещи, сынок.

Йонас быстро подходит к Павлу и, кланяясь, берет стоящую на столе сумку, одновременно делая попытку поцеловать у Павла руку.

(Негрубо отталкивая Йонаса). Ну, будет, будет...
Оставь...

Йонас быстро уходит с сумкой в крайнюю левую палату и почти сразу же возвращается назад.

А зачем вы передвинули сюда этот стол?.. А, Йорген?

Йорген молчит, потупив глаза.

Разве я не предупреждал вас, чтобы вы никогда его не трогали? *(Взяв лежащую на столе книгу, которую читал Йорген).* Возьмите и отнесите его туда, где он стоял.

Пока Йансенс и Йонатан поспешно поднимают стол и, освобождая центральное пространство сцены, относят его к окну возле левой кулисы, Павел листает книгу.

Напряженная пауза, в продолжение которой присутствующие едва слышно перешептываются и подталкивают

друг друга.

(Сердито, не отрываясь от книги). Ты, кажется, что-то сказал, Йозеф?

Йозеф: Это не я. Это Йорген.

Павел *(не отрываясь от книги):* Йорген?

Йорген *(делая шаг вперед, робко):* Я только хотел сказать, учитель, что мы рады, что ты опять вернулся к нам... И я, и Йонас, и все остальные... Спроси кого хочешь.

Павел *(оторвавшись от книги, резко и быстро, словно ждал):* Рады? *(Идет по сцене, заглядывая в лица то одного, то другого).* Что-то я не заметил на ваших лицах большой радости, Йорген... Сдается мне, что вы надеялись, что я уже не вернусь, чтобы продолжать грешить в свое удовольствие, пока небо не обрушит на вас свой гнев... *(Остановившись, Йонатану).* Разве не этого вы хотели, Йонатан?

Йонатан: Не говори так, Павел. Мы ждали тебя.

Йорген: Да, учитель. Мы ждали тебя с того самого дня, как они увели тебя от нас.

Павел *(язвительно):* С того самого дня?.. И вы хотите, чтобы я вам поверил? *(Раздраженно).* А почему же тогда мне кажется, что вы ждали какого-то совсем другого Павла, не меня?.. Другого Павла, который льстил бы вашему тщеславию и угождал бы вашим порокам, чтобы, в конце концов, свергнуть вас в геенну огненную, где будут мрак и зубовой скрежет? *(Остановившись перед Йансенсом).* А, может быть,

вы радовались вместе со всей преисподней тому, что врагу человеческого рода удалось опозорить Павла и вывалить его в грязь, как последнего язычника?.. Что ж, это на вас похоже...

Йансенс (*жалобно*): Не говори так, Павел.

Йозеф: Не говори так, учитель...

Йонас громко всхлипывает.

Павел (*оборачиваясь*): Кто это?.. А?.. Это ты, Йонас?.. Надеюсь, что это, по крайней мере, не те слезы, которые грешники проливают, в надежде обмануть праведного судью и от которых адская тьма сгущается еще сильнее?.. Опасайся плакать такими слезами, Йонас, потому что потом они прольются огнем на твою же голову!

Йонас (*сквозь слезы*): Не говори так, Павел... Потому что мне кажется, что твои слова жгут меня хуже раскаленного дождя.

Павел: И ты, конечно, думаешь, что не заслужил этого? (*Подходя ближе, негромко*). Ну, тогда расскажи мне, как ты жил здесь без меня?.. Разве тебе нечего вспомнить, Йонас? (*Сердито*). Тогда отойди и, по крайней мере, не утруждай себя ложью, которая уже готова сорваться с твоего языка, потому что и без твоих слов я знаю, как ты жил здесь, пока меня не было рядом.

Йонас всхлипывает и, закрывая лицо рукам, отходит в сторону.

(Повернувшись к Йоргену). Ну, а ты, Йорген?.. Все еще витаешь в облаках? *(Тряся перед лицом Йоргена книгой).* Твоя книга?

Йорген молчит, опустив голову.

Наверно, думаешь, что она пригодится тебе, когда Господь придет судить тебя перед лицом всего мира?.. Или ты забыл, что Господь не любит ни фантазеров, ни мечтателей? А может, надеешься, что пустые умствования погасят огонь, который рано или поздно падет на твою голову, если ты не прекратишь интересоваться вещами, от которых нам нет никакого прока?.. Много, разве, у нас еще осталось времени, Йорген? Разве это не жнец уже вышел в поле, чтобы позвать нас к ответу? *(Швырнув книгу Йоргену).* Выбрось ее. *(Повернувшись к Йонатану)* А ты, Йонатан? Все еще и часа не можешь прожить, без того чтобы не набить свое чрево конфетами и шоколадом? *(Подходя к Йонатану).* А ну-ка, ну-ка... *(Запускает руку в карман куртки Йонатана).* Ну, конечно. *(Доставая из кармана горсть сладостей).* Вы только посмотрите!.. Конфеты, леденцы, шоколад... *(Швыряет конфеты в сторону).* Думаешь, они придут к тебе в день Страшного Суда, чтобы погасить адский огонь, который ты

разожжешь своей неумеренностью?.. Боюсь, сынок, что они не вспомнят о тебе даже тогда, когда ты будешь кувыркаться в адском пламени!

Стоящий рядом Йозеф негромко хихикает.

(Повернувшись к Йозефу, какое-то время молча смотрит на него). А ты чему смеешься, Йозеф?.. Разве человеку, который каждый день гонит своего Господа плетью, может позволить себе смеяться над другими?

Йозеф *(побледнев, едва слышно)*: Но я никого не гоню, учитель.

Павел: Разве?.. Тогда скажи нам, что это за кровь, которая стекает у тебя с рук? Разве это не Его кровь? Разве не стекает она по его спине, в то время как ты идешь рядом и все норовишь побольнее стегнуть его плетью?.. Ты ведь знаешь, о чем я говорю, сынок?

Йозеф *(жалобно)*: Но ведь это было очень давно, учитель.

Павел *(повышая голос)*: А ты попробуй сказать это Небесному судье, который придет, чтобы судить тебя в день своего гнева! *(Какое-то время смотрит на Йозефа)* Мне кажется, что, пока еще есть время, тебе больше пристало бы не смеяться над другими, а рыдать над самим собой.

Йозеф *(едва слышно)*: Да, учитель.

Павел *(повернувшись к Йансенсу)*: А что скажешь ты,

Йансенс?.. (*Подходя ближе*). А ну-ка, ну-ка, Расскажи-ка мне, какие сны снились тебе в последнее время?.. Что же ты не смотришь мне в глаза, словно я уже не брат тебе?.. Или ты думаешь, я не знаю, какие мысли одолевают тебя, когда мимо тебя проходит фрау Ребекка? (*Наклонившись к уху Йансенса, что-то нашептывает ему*).

Короткая пауза. Йансенс, залившись краской, опускает голову и закрывает лицо руками.

(Оставив Йансенса, идет по комнате с выражением страдания на лице; негромко, словно сам с собой). Ах, бедный Павел, бедный Павел!.. В какую же прекрасную компанию угораздило тебя попасть!.. И кого тут только нет!.. Блудники, чревоугодники, воры...

Йонас: Не говори так, Павел...

Павел: Убийцы, растлители, еретики...

Йонатан (*идя вслед за Павлом*): Не говори так...

Павел (*повышая голос*): Грабители, лжецы, отцеубийцы...

Йорген (*идя вслед за Павлом, жалобно*): Павел...

Павел (*почти кричит*): Пьяницы, прелюбодеи, разбойники, клятвопреступники, маловеры...

Йонатан: Учитель, учитель!.. Спроси, кого хочешь. Мы делали все, как ты нам велел!

Йансенс (*идя вслед за Павлом*): Все, что ты нам велел, не

упуская ничего, даже самой малости!

Павел (*останавливаясь и резко оборачиваясь к идущим за ним*): И вы еще осмеливаетесь говорить мне, что делали все, что я вам велел!

Йорген: Но это правда, учитель. Спроси кого хочешь. Мы делали все, как ты нам велел. Молились и пели псалмы, бодрствовали и постились. Правда, Йонатан?.. И так каждый день, день за днем, день за днем. Не было дня, чтобы мы ни плакали, и ни молились о нашем освобождении, как ты нас учил. (*Понизив голос, глухо*). Но ничего не случилось. (*С отчаяньем*). Ничего, о чем ты нам говорил тогда. (*Всхлипывает*). Стены не рухнули, и Ангел Господень не явился, чтобы вывести нас отсюда, хоть ты и обещал нам, что он не будет медлить... Спроси вон хотя бы Йонаса или Йонатана. Они расскажут тебе, сколько мы молились и сколько бодрствовали, пока не увидели, что ничего не случилось... (*С неожиданной обидой*). Он даже не подал нам никакого знака, чтобы хотя бы немного нас ободрить. Никакого знака, чтобы мы поняли, что он рядом и слышит нас. Слово он вообще не видел ни наших молитв, ни наших слез...

Остальные подтверждают правоту говорящего рядом одновременных восклицаний.

Павел: Тихо!.. (*Напряженно*). Ты ведь говоришь это об Ангеле небесном, не так ли, Йорген?

Йорген: Да, учитель. Об Ангеле, которого ты нам обещал.

Павел: И который обманул вас, потому что не явился, чтобы вас освободить?

Короткая пауза. Йорген с ужасом смотрит на Павла.

Разве ты не это хотел сказать, Йорген?.. Вы постились, молились и бодрствовали, а он даже не подумал вас утешить... Ну, разве после этого он не обманщик, этот самый Ангел, который не может даже послать вам немного утешения?

Йорген *(в смятении)*: Я этого не говорил, Павел.

Йансенс: И я тоже...

Йонатан: Мы этого не говорили, учитель.

Павел: Но тогда, выходит, что вас обманул кто-то другой?.. *(Насмешиливо)*. Уж не я ли это, Йонас?.. *(Коротко смеется, но смех этот больше походит на кашель)*. Ну, конечно, это я. Кто же еще мог обмануть вас, если не Павел?.. *(Оглядывая присутствующих, раздраженно)*. Что же, начинайте. Скажите: «Павел обманул нас, потому что посулил нам небесного Ангела, который должен был нас спасти, а вместо этого его самого связали и бросили в темницу, из которой он едва выбрался. Вот уж, действительно, гнусный обманщик, каких еще поискать...»

Йонас *(поспешно)*: Не говори так, учитель, потому что это неправда.

Павел: А разве я что-нибудь говорю, Йонас?.. Это гово-

рю не я, а вы. Ты, Йорген, ты, Йонатан, ты Йонас, ты, Йозеф... Потому что как раз я-то говорю вам совсем другое – то, что велят мне сказать вам небеса. (*Кричит*). А они велят мне сказать вам, что Ангел Небесный не человек, чтобы ему обманывать и быть неверным своему слову!.. Вот почему он пришел к вам по первому же вашему зову, стоило вам только открыть рот, чтобы позвать его!.. По первому же вашему зову, чтобы посмотреть, стоите ли вы того, чтобы протянуть вам руку помощи или лучше придать вас огню за ваши сомнения и маловерие!..

Пауза. Пораженные услышанным, все смотрят на Павла, не в силах пошевелиться.

Йонатан (*почти шепотом, с ужасом*): Значит, он был здесь, учитель?

Павел: Если бы ты мог пошире открыть свои глаза, Йонатан, то убедился бы, что он и сейчас еще стоит рядом с вами, ожидая, когда же вы его, наконец, позовете.

Присутствующие в страхе озираются. Короткая пауза.

Ах, как же он хотел вам помочь, всем вместе и каждому в отдельности!.. (*Идет мимо стоящих, заглядывая им в лица*). Тебе, Йонатан... тебе, Йорген... тебе, Йонас... тебе Йансенс... вам, Йозеф и Йорк... Как же он хотел сломать эти

замки и решетки и вывести вас отсюда прочь!.. (*Сердито*). Но что же, по-вашему, он увидел, когда заглянул в ваши сердца, в которых не нашлось ни капли веры?.. Сердца, сухие, словно высохшие на солнце водоросли. Набитые грязными мыслями, словно шкаф грязным бельем у старой распутницы?.. Нет, Йонас, это не он обманул вас, это вы его обманули. Потому что окажись ваша вера хотя бы с горчичное зерно, то, клянусь вам, что эти стены рухнули бы быстрее, чем вы попросили его об этом!

Йансенс (*робко*): Но мы просили...

Йорген (*жалобно*): Мы просили...

Йонатан: Мы просили, учитель...

Павел (*раздраженно, повышая голос*): А я говорю вам, что если бы у вас была хоть капля веры, то вы давно бы уже получили все, что хотели... А теперь повторяйте за мной, – «мы – маловеры...», «мы – маловеры».

Все (*вразнобой, негромко*): Мы маловеры...

Павел: Мы маловеры.

Все: Мы маловеры... Мы маловеры...

Павел: Ну, наконец-то ваш язык говорит правду. (*Быстро идет по сцене от одного к другому, заглядывая в лица, язвительно*) Подумать только!.. Ангел Господень приходит, чтобы взять их за руки и вывести отсюда прочь, а они даже не слышат шума его крыльев!.. Теперь я понимаю, почему он все еще стоит здесь и смеется над вами, так что от его смеха качаются звезды!.. Слышишь, Йонас? (*Замирает, подняв*

палец к небу). Это он.

Присутствующие со страхом прислушиваются и озираются по сторонам. Пауза.

(Негромко). Не намного ли страшнее будет он, когда посмеется над вами в день Суда?.. (Неожиданно мелко хихикает). Хотел бы я посмотреть, что ты скажешь ему тогда, Йонатан?.. А ты, Йозеф?.. Или вы надеетесь уберечь себя от его смеха затычками для ушей?.. (Сквозь смех). Хотел бы я видеть, куда вы убежите тогда от его раскатов? (Смеется). О-хо-хо-хо... (Смеется, сначала тихо, а потом все громче, показывая на стоящих перед ним пальцем).

Йорген и Йонатан начинают негромко смеяться вслед за Павлом. Вслед за ними начинают смеяться Йонас и Йансенс.

(Сквозь смех, едва разборчиво, вытирая слезы). Хороши же вы будете, когда он, наконец, достигнет вас... (Смеется). Когда вывернет вам внутренности и переломает все кости... О-хо-хо-хо-хо... (Смеется, кашляет и не в силах остановиться, опускается в одно из кресел, продолжая смеяться).

Короткая пауза. Смех Йонатана, Йоргена и Йансенса переходит в хохот, тогда как смех Павла постепенно стихает.

Йонатан (*сгибаясь от смеха и брызгая слюной*): Хороши же мы будем... когда он... когда он...

Йорген (*захлебываясь смехом*): Когда он настигнет...

Йансенс: Когда настигнет...

Хохочут.

Йозеф (*сквозь смех*): Что вы смеетесь, как сумасшедшие?... (*Смеется вместе с Йоргеном и Йансенсом, сквозь смех*). Разве господин доктор не сказал нам, что конец света еще не скоро?.. Разве он не говорил, что Господь добр и милостив и дает время всем грешникам исправиться?

Павел (*внезапно перестав смеяться*) Что? (*Поднимаясь с кресла*). Что?..

Смех смолкает.

Ты, кажется, сказал – доктор, Йозеф?.. (*Подходя к Йозефу, с тихой яростью*). Наверное, ты хотел сказать «сатана», потому что это сатана принял его облик и надел его халат, чтобы легче было обманывать таких доверчивых простаков, как ты!.. (*Отходя от Йозефа, презрительно*). Скажите, пожалуйста, какое великое открытие, – Господь добр и милостив!.. Ну, конечно же, Он милостив, Господи Боже мой! (*Кричит*). Но только не к тем, кто распинает Его сво-

ими грехами! И не к тем, кто откладывает покаяние на завтра, рискуя не дожить до исхода ночи!.. (*Смолкнув, медленно идет от одного к другому, заглядывая им в лица, затем негромко, почти с состраданием*). Как же он все-таки ослепил вас, что вы не видите даже того, что увидел бы и слепой?.. Как опутал вас своими сетями, словно глупую рыбу, которая плывет на свет фонаря, не догадываясь, что ее ожидает!.. Или вы никогда не заглядывали в его глаза? Не задыхались от смрада, который издают его зловонные слова?.. Ах, жалкие, жалкие глупцы... Неужели же ваши глаза прозреют только тогда, когда преисподняя проглотит вас вместе с вашей глупостью, одного за другим?..

Йорген: Но ты ведь не хочешь сказать, учитель, что наш господин доктор...

Павел (*не дав ему закончить, внезапно, поднеся палец к губам*): Тш-ш-ш-шш.

Йорген: Что он...

Павел (*быстро*): Молчи! (*Закрывая ему рот ладонью, оглянувшись на дверь, почти шепотом*). Или ты не знаешь, что сатана может прикинуться даже святым Франциском?.. (*Оглядываясь*). Даже самим Господом, если, на то будет Божья воля? (*Отпуская Йоргена*). Ах, маловеры, маловеры... Сколько раз я говорил вам – смотрите прежде на дела, а не на слова. Испытайте дух, а не плоть. Разве тьма может уподобиться свету?

Йорген: Так, значит, это он?

Павел (*быстро перебивая*): Тш-ш-шш-ш!.. (*Медленно обходит всех стоящих, показывая каждому поднесенный к губам палец, затем почти шепотом, косясь на дверь*). А разве не на ваших глазах я был распят и брошен на самое дно преисподней?.. Разве не на ваших глазах Сатана поволок меня прочь от моих беззащитных птенцов, туда, где были одни только лед и огонь?.. (*Глухо*). Если бы я только мог рассказать вам все, что видели там мои глаза, боюсь, вы бы навсегда потеряли остатки своего жалкого разума... Но я вынес все. И Господь не посрамил меня, потому что я остался верен Ему даже на дне преисподней... (*Внезапно закрыв лицо руками, со стоном опускается в ближайшее кресло*).

Короткая пауза. Йорк негромко мычит. Йонас негромко всхлипывает.

Йорген (*жалобно*): Павел...

Йонас (*неожиданно бросившись к Павлу, припадает к его груди, сквозь слезы*): Павел!.. Прости нас...

Йорген (*бросившись к Павлу, опускается на колени, обхватив колени Павла*): Прости нас, Павел!..

Йонатан (*припадает к плечу Павла*): Прости нас, прости нас, прости нас...

Йонатан и Йозеф, сделав шаг к Павлу, молча протягивают к нему руки. Йорк жалобно мычит.

Йонатан: Прости нас, Павел...

Йозеф: Прости нас, учитель...

Павел (*мягко*): Ну, ну, будет вам, будет. Довольно... (*Протягивая руки Йансенсу и Йозефу, которые быстро подходят и берут Павла за руки*). Йансенс... Йозеф... Братья мои... (*С мягким укором*). Ну, когда же вы, наконец, научитесь верить тому, что говорит вам Павел?.. Разве я когда-нибудь обманывал вас? Разве делал я хоть что-нибудь не для вашей пользы, что шло бы вам во вред? Зачем же вы не слушаете меня и ходите своими путями?

Йорген: Прости нас, Павел...

Йонас (*сквозь слезы*): Прости нас, Павел...

Павел (*глядя по голове Йонаса, негромко посмеиваясь, почти с нежностью*): Как же мне не простить вас, Йонас? Разве может пастырь не простить тех, кто отбился от его стада, а потом вернулся назад?

Йонас негромко всхлипывает.

(*Положив руку на голову стоящего на коленях Йонатана*). Ну, вот, наконец-то я вижу, моего послушного Йонаса... И моего пылкого Йонатана... (*Йоргену*) И моего Йоргена... И моего Йансенса, и моего непослушного Йозефа...

Йорк, мыча имя Павла, медленно подходит и обнимает

Павла сзади.

А вот и наш возлюбленный брат Йорк... Теперь нам не хватает одного только нашего брата Йодри...

Йорген (*косясь на одну из дверей*): Он все еще спит.

Павел: Да, Йорген. Он спит, потому что дети тьмы дают ему специальные лекарства, чтобы он спал и не мог узнать истину. Но ты должен верить, что скоро придет время, когда он проснется и снова будет с нами... Здесь или на небесах. (*Смолкает*).

Долгая пауза, в продолжение которой слышны только негромкое всхлипывание Йонаса и неразборчивое мычание Йорка, в котором неожиданно можно различить слова, которые он пытается произнести: «П-а-авел... Да-а-амаск... Па-авел... Па-а-авел... Да-а-амаск...»

(*Полуобернувшись к Йорку*): Что, мой милый?.. Что ты хочешь, Йорк?

Йонас: Он хочет, чтобы ты рассказал ему эту историю, которая случилось с тобою тогда, по дороге в Дамаск.

Павел: Хочешь, чтобы я опять рассказал тебе эту историю?.. (*Зевая*). Да, неужели ты уже успел ее забыть?

Йорк мычит: «Да-амаск... Да-амаск... Да-а-а-маск...».

Йонатан: Расскажи ему, учитель.

Йонас: Расскажи нам.

Йорген: Расскажи, Павел...

Павел: Похоже, вы тоже уже основательно успели забыть ее? А ведь я предупреждал вас, – когда душа ленится, она забывает самое главное и становится легкой добычей Дьявола. (*Осторожно освобождаясь от объятий окружавших его, поднимаясь с кресла*). Нет, нет, братья мои, не сейчас, не сейчас... Сейчас мне нужен отдых, чтобы немного собраться с силами. (*Зевая, без выражения*). Потому что враг близко и тень его уже упала на наши лица, так что может уже завтра Господь позовет верных своих сразиться с силами тьмы. (*Неспешино идет от одного к другому, устало*). Только об одном я заклинаю вас. Всегда помните об Ангеле Господнем, который все еще стоит рядом с вами, подняв свой молот и готовый в любую минуту обрушить его на эти стены, чтобы превратить их в прах... Молот Божий, который стоит сейчас перед вами, так что вы легко можете дотронуться до него рукой, потому что этот молот носит имя Павел. (*Посмеиваясь*). Ну, что же ты, Йорген?... Давай, сынок. Смелее...

Йорген нерешительно протягивает к Павлу руку. Остальные, один за другим, тоже подходят, протягивая руки, чтобы коснуться Павла. Слышен шепот: «Молот... Молот... Божий молот...». Пауза.

А теперь мне нужно немного отдохнуть. (*Зекает*). И пусть милость Господня будет со всеми вами. (*Идет к своей палате, бормоча по дороге*). Об одном только прошу вас, не забывайте, что час уже близок и жнец уже вышел в поле, держа в руке серп... Берегитесь соблазнов... (*Скрывается за дверь, которая остается приоткрытой*).

Пауза. Йорген, Йонас, Йансенс и Йонатан осторожно подходят к двери, за которой скрылся Павел.

Йорген (*заглядывая в палату, шепотом, остальным*): Он лег, лег...

Йонас (*шепотом*): Тише, тише...

Йонатан (*шепотом*): Тише, тише...

Йозеф (*подходя*): Тише, тише...

Йорк негромко мычит, стараясь выговорить имя Павла.

Йансенс (*Йорку*): Тш-ш-шш... Он спит, спит...

Йонас (*шепотом*): Тш-ш-ш-шш...

Йорген (*шепотом*): Тш-ш- ш...

Свет медленно гаснет, погружая в темноту столпившихся у дверей палаты больных.

Картина вторая

Иерусалим. Залитый солнцем внутренний дворик дома, принадлежащего иерусалимской общине. Быстро входит, почти вбегает, Йоханан. Оглядев помещение, торопливо подвигает к стене скамейки, поправляет лежащую на полу циновку, наводит порядок на столе. Заслышав голоса, останавливается возле стены, с любопытством глядя на дверь, ведущую во внутренние покои дома. Во дворике появляются Петр и Павел.

Петр: А вот и Йоханан, наш помощник.

Павел молча смотрит на Йоханана.

Мы зовем его «маленький Йоханан», чтобы не путать его с его тезкой, большим Йохананом Бенергесом... Если тебе что-нибудь понадобится, то обращай к нему.

Павел (Йоханану, негромко): Мир тебе маленький Йоханан.

Йоханан молча кланяется.

Петр: Мы ждали тебя еще вчера. Один из наших братьев

привез нам известие, что твой корабль прибыл вовремя.

Павел: Мне пришлось задержаться не по своей воле. Кто-то поджег хлебные склады, и римские солдаты останавливали всех, кто шел в Иерусалим.

Петр: Трудные времена, трудные времена. *(Понизив голос)* Потом я расскажу, что творится у нас здесь, в Иерусалиме. А пока тебе надо поесть и отдохнуть. *(Йоханану)* Пойди, и приготовь нашему брату комнату, чтобы он мог привести себя в порядок.

Павел: Я не устал.

Петр: Но ты проделал долгий путь.

Павел: Ты можешь быть уверен, Кифа, что я проделал его не для того, чтобы тратить время на сон и еду... Впрочем, если хочет, пусть принесет мне немного воды.

Петр *(Йоханану):* Принеси немного воды для нашего брата, Йоханан.

Йоханан уходит. Короткая пауза. Петр с улыбкой смотрит на Павла, который, подняв голову, оглядывает помещение.

(Негромко, с мягкой улыбкой) Ну вот ты, наконец, дома, брат.

Павел *(не отвечая на улыбку Петра, сухо):* Пока еще нет, Кифа. *(Не спеша идет по сцене, оглядывая помещение)* Я вижу, у вас здесь много места. Такому дому мог бы позавидо-

вать любой богач в Риме или в Антиохии... А, кстати, что это за строительство, которое я видел во дворе?

Петр: Мы строим трапезную и гостиницу, брат. В последнее время стало так много приезжих, что нам приходится думать, где их разместить. Люди едут и едут. Здесь можно встретить даже тех, кто приезжает к нам из Пергама или Коринфа, и все это только для того, чтобы увидеть город, где Господь принял за нас поругание и смерть!

Павел (*сухо*): Где Бог воскресил его, чтобы нести об этом благую весть всем языкам... (*Ворчливо*) Мне кажется, что было бы гораздо лучше, если бы они славили Господа, сидя по своим домам. Вряд ли им понравится, если приход Сына Человеческого застанет их в дороге. (*Появившемуся Йоханану, который, подойдя, протягивает Павлу кружку с водой*). Поставь.

Петр (*Йоханану*): Ты можешь идти, брат. Приготовь комнату, а затем можешь отдохнуть. (*Павлу*) А ты, брат, садись. Садись. Не следует пренебрегать отдыхом после такого тяжелого пути, который ты проделал.

Поставив кружку на стол, Йоханан с поклоном уходит. Не прикасаясь к кружке, Павел садится на одну из скамеек. Вслед за ним на соседнюю скамейку садится Петр. Короткая пауза.

Павел: Скажи-ка мне, Кифа... Эта ваша стройка... эта

гостиница во дворе... Может быть, я что-то не так понимаю, но разве он велел нам строить гостиницы?.. Или, может быть, он хотел, чтобы мы занимались торговлей? (*Твердо*). Поправь меня, если я ошибаюсь, но я твердо знаю, что все, что он требовал от нас – это то, чтобы мы всегда были наготове, чтобы в любую минуту отчитаться перед ним в наших делах и мыслях. Но я не припомню, чтобы он требовал от нас, чтобы мы строили гостиницы или покупали дома.

Петр (*с мягкой улыбкой*): Но ведь ты же не станешь сердиться на нас за это, брат?.. Потому что, если мы что-то делаем, то только в силу необходимости, которая не дает нам забыть, что пока длится время, люди имеют нужду и в пропитании, и отдыхе, и в тепле... Кому же еще позаботиться об этом, если не нам? (*Помедлив, негромко*). Но, похоже, ты думаешь иначе, брат?

Павел: Только потому, что у меня есть для этого все основания, Кифа. (*Резко поднявшись со своего места*). Может быть, ты еще не знаешь, но четыре года назад со мною случилась кое-что такое, что позволило мне не брать в расчет никакие человеческие рассуждения, какими бы убедительными они ни казались, потому что божья милость сняла с моих глаз пелену и позволила видеть так ясно, как, должно быть, видят небесные силы. (*Говоря, медленно идет по сцене*)

Петр: Мы слышали, что Господь не оставил тебя своей милостью.

Павел: Ты можешь не сомневаться в этом, Кифа. Это слу-

чилось пятого Иулая, по дороге в Дамаск, в двух часах перехода от города, в сопровождении двух свидетелей, которые могли бы свидетельствовать обо мне, если бы я в этом нуждался... (*Обернувшись, негромко*). Знаешь, о чем я говорю?

Петр: Ты можешь не утруждать себя этим рассказом, брат. Нам он хорошо известен.

Павел (*упрямо*): И все-таки, я хочу напомнить тебе его, Кифа. Потому что лучше услышать о случившемся от того, с кем это случилось, чем узнать об этом с чужих слов, да еще, быть может, от не слишком добросовестных рассказчиков. Я расскажу эту историю и братьям, когда они придут, и всем кто пожелает ее выслушать. Но прежде хочу рассказать ее тебе.

Петр: Как тебе будет угодно, брат.

Павел (*видно, что он рассказывает эту историю уже не в первый раз*): Тогда послушай, что случилось со мной пятого Иулая, в самый полдень, когда тень уже совсем исчезла под ногами, и солнце палило в полную силу, захватив нас врасплох на старой дамасской дороге, в двух часах ходьбы от города... Послушай, что случилось с тем Павлом, от одного имени которого бледнели еретики, а матери подносили к нему своих детей только для того, чтобы те дотронулись до края его одежды. (*Продолжая неторопливо мерить шагами дворик*). Должно быть, мы неправильно рассчитали наш утренний переход и вместо того, чтобы встретить дневную жару в какой-нибудь гостинице, оказались в пути во время

самого пекла. В этом, конечно, видна рука Провидения, которая вела меня туда, куда считала нужным. Нас было трое, я и два моих спутника, которые сопровождали меня от самого Тарса. Мы торопились, как могли, и для этого была важная причина, потому что мы узнали, что последователи новой ереси, которую называли назорейской, вот-вот должны были собраться в Дамаске. Эти еретики проповедовали воскресшего из Назарета по имени Иешуа, почитая его как Машиаха и оскорбляя Закон, обрекая, тем самым, себя на гонения и смерть. *(Неожиданно мягко)*. Не забывай, что я был учеником самого Гамалиила, Кифа, и принадлежал к обществу фарисеев, а в ревности по Закону не уступил бы никому, хоть даже и самому Моше. *(Посмеиваясь)*. Знаешь, как называли меня тогда и враги, и друзья?.. Савл – Божья метла... *(Негромко смеется)*. Божья метла... *(Смеется)*.

Петр: Мы знаем это, брат.

Павел: Тогда послушай, что было дальше. Мы прошли уже большую часть пути, и до города нам оставалось совсем немного, когда я вдруг увидел перед собой ослепительное сияние и услышал голос, который позвал меня, сказав: «Саул... Саул... Зачем ты гонишь меня?..» Наверное, ты не согласишься мне, Кифа, но стоило этому голосу раздаться у меня в ушах, как я уже знал, кому он принадлежит. И все-таки, я спросил его – «Кто ты?», а потом переспросил еще раз, отчего мои спутники, должно быть, подумали, что меня хватил солнечный удар, тем более что в ту же минуту, как это слу-

чилось, свет померк у меня в глазах, и все вокруг меня погрузилось во мрак. А голос между тем, продолжал говорить, снова и снова спрашивая меня – «Саул, Саул, зачем ты гонишь меня?» – и тогда я вновь спросил его, хотя у меня уже не оставалось никаких сомнений – «Кто ты, господин?» – но он опять не ответил мне и вновь спросил: «Зачем ты гонишь меня, зачем ты гонишь меня, Савл?» – и только когда я повторил свой вопрос еще раз, он ответил мне – «Я тот, кого зовут Иешуа из Назарета и кого ты гонишь, впав в неразумие и слепоту, словно глупый мальчишка...» Тогда, остановившись посреди дороги и расставив руки, потому что меня окутал глубокий мрак, я спросил его, тот ли он, о ком свидетельствует Тора и все пророки, и он ответил мне «да». После этого я попросил у одного из своих спутников меч, чтобы лишить себя жизни, потому что мысль о том, что я гнал и преследовал Божьего избранника, показалась мне невыносимой. Но стоило только мне открыть рот, как я услышал его смех, и смех этот был подобен бальзаму, который кладет на рану умелый врач, или глотку холодной воды в иссушающий полдень. Затем он сказал мне – «Тяжела была твоя рука, Савл, когда ты гнал моих праведников, кровь которых на руках твоих и на твоих сандалиях, но я прощаю тебе, потому что ты сам не знал, что творишь, не заботясь ни о своей выгоде, ни о своей славе...», и тогда я почувствовал, как чистота и покой медленно проникают в мое тело, очищая от скверны и делая другим, совсем другим, чем я был прежде. Это было

так, словно ты погрузился в море мерцающего света и сам стал этим морем, хотя рассказать об этом, конечно, не мог бы никакой человеческий язык. Тогда я спросил его, почему я ничего не вижу, но он не ответил мне. И тут я закричал, потому что испугался, что потеряю его. Но он был все еще рядом, и я хорошо чувствовал это, когда мои спутники вели меня по старой дамасской дороге, и потом, когда мы пришли в Дамаск, где нас встретили ожидающие нас и отвели в дом. Три дня я пролежал, ничего не видя, отказываясь от пищи и питья и чувствуя рядом только чье-то присутствие, которое не давало мне утонуть в том мраке, который окружал меня. На третий день я проснулся и понял, что зрение вернулось ко мне. А еще через три дня один из моих спутников попытался убить меня, потому что стоило мне встать на ноги, как я начал проповедовать Иешуа Назорея – убитого и воскресшего, и грядущего в ближайшее время, чтобы освободить все народы от власти греха. С тех пор я почти перестал различать земные краски, которые словно поблекли в том сиянии, которое я видел на дамасской дороге. И это было как напоминание о том дне, когда он посетил меня. (*Остановившись за спиной сидящего Петра*) Еще с того времени у меня стала часто болеть голова, так что иной раз мне кажется, что она сейчас лопнет, словно гнилая дыня, но я всегда помню, что мне не на что обижаться или роптать, потому что я всего только орудие в его руках, как какой-нибудь меч или молот, который крушит стены, не заботясь о самом себе и ду-

мая только о том деле, к которому он призван... (*Вновь двигаясь по сцене, негромко*). А теперь скажи мне, Кифа, кого нам надлежит больше слушать, небо или человека?

Петр: Ты, наверное, знаешь ответ и без меня. Небо надлежит нам слушать больше, брат.

Павел: Тогда скажи мне, почему в последнее время до меня стали доходить слухи, что иерусалимская община была очень недовольна тем, что какой-то никому не известный прежде Павел растревожил весь север и весь запад и за короткое время сделал больше для распространения учения, чем все вы здесь за двадцать лет?.. Как будто тот, кто прошел старую дамасскую дорогу от начала до конца, и в самом деле нуждается в человеческих разрешениях и наставлениях!.. Я слышал, что многие из вас даже сомневались, признавать ли истинность моего Евангелия, или посчитать все, что исходит от Павла делом Сатана и его ангелов... (*Опускаясь на скамейку, насмешливо*). Так кого, ты сказал, нам надлежит слушать больше, брат?..

Петр (*с мягкой улыбкой*): Небо надлежит нам слушать больше, брат. Небо. (*Поднявшись со своего места*). А оно говорит нам, что всякое серьезное дело лучше обсуждать вместе со всей общиной, перед лицом Господа, чтобы избежать соблазнов и напрасных кривотолков. Но раз уж ты хочешь, чтобы я тебе ответил, то не буду скрывать от тебя... Много разных слухов доходило к нам о тебе. Много, много разных слухов. (*Медленно идет по сцене*) Слышали мы, что во

многих общинах, которые ты основал, творятся именем Господа множество чудес и знамений. Говорили, что обращенные тобой и пророчествуют, и исцеляют, и изгоняют демонов, и разговаривают на чужих языках, как на своем родном, словно не желая смириться с властью естественных законов и торопя его приход... Не буду скрывать от тебя, брат, что многие из нас были смущены этим. Да и как было нам не смущаться? Ведь такие рассказы мы слышали и прежде – и про Симона Мага, и про эллинских богов, и про вавилонских чародеев, вот почему некоторые из нас сомневались и не принимали слышанное в расчет, рассудив, как мне кажется, вполне справедливо, что не стоит придавать большего значения вере, которая держится на одних только чудесах, пока она не показала свою силу, опираясь только на одну себя... (*Остановившись за спиной сидящего Павла*). Ведь никто же не станет сомневаться, когда на его глазах вода превращается в вино или отрицать, что тот, кто тридцать лет едва ходил, теперь отбросил свои костыли и побежал, словно мальчишка. Не так ли разве принуждают нас и эллины, заставляя принять то, в чем хочет убедить нас разум, но ничего не в состоянии сделать для нашего спасения?.. Или ты думаешь, что те, кто видели исцеление хромого, заодно исцелили еще и свою душу? А те, кто сподобился говорить на чужих языках, научился разговаривать с Небесами?.. Разве чужим голосом зовем мы Небо, веря, что рано или поздно они нам ответят?

Павел (*не оборачиваясь*): Ты судишь опрометчиво, Кифа.

Петр: Я сужу, как подсказывает мне сердце, брат. А оно подсказывает мне, что если и есть какие чудеса, которые лучше всего свидетельствуют о нашей вере, то это чудеса любви и милосердия, творить которые повелел нам Господь прежде всего прочего.

Павел: А я говорю тебе, что ты судишь опрометчиво, Кифа! (*Поднявшись со своего места и повернувшись к Кифе, который во время следующей реплики Павла садится на скамью*). Ах, как же ты хорошо все рассудил, оставив веру без опоры и лишив ее языка, которым она могла бы оправдаться!.. Только что прикажешь нам делать с остальными, Кифа?.. С теми, кто ковыляет к своему Господу, опираясь на чудеса, как на костыли и принимая их всем сердцем, словно сладкое лекарство? Уж не ваше ли милосердие подсказывает тебе лишить их надежды и оставить без помощи, словно новорожденных котят? (*Негромко смеется*). Хотел бы я посмотреть, много ли останется верующих между Иерусалимом и Смирной, если вдруг завтра случится иссякнуть чудесам и люди перестанут подбадривать рассказами о них себя и друг друга? Боюсь, не одни ли вы с Йохананом?.. (*Отойдя, идет по сцене, иногда искоса поглядывая на сидящего Петра, ворчливо*). Или, может, ты думаешь, что если их вера не умеет обходиться без опоры, то пусть себе и тонут, чтобы не мешать спасаться таким вот, как ты, Йоханан или Йакоб?.. Ну, тогда ты можешь быть уверен, брат Симон, что

пока у меня еще есть хоть какие-то силы, я буду свидетельствовать о том, что видели и слышали мои глаза и уши. Как слепые прозревали, глухие начинали слышать, немые говорить, как люди радовались, видя, как нарушается естественный порядок вещей, как надежда мало помалу закрадывалась в их сердца, чтобы окрепнуть и, наконец, стать верой, которая передавалась, словно огонь от огня, от одного к другому – от матери к сыну, от брата к сестре, от соседа к соседу, и как эта вера рождала новые чудеса и заставляла людей пророчествовать и говорить на чужих языках, не стесняясь, что кто-то примет это за признак слабости и скажет им, что они верят не так, как им следовало бы... (*Ворчливо*) Впрочем, сколько мне известно, вам ведь не привыкать быть глухими и не слышать того, что на слуху у всего мира. Иначе вы бы не стали хулить ни Павла с его чудесами, ни самого Господа, о котором вы проповедуете, что он пришел к одним только сынам дома Израилева, как будто это не Израиль гнал его, когда он ходил среди вас, не находя себе ни пристанища, ни подаянья, или как будто это не Израиль распускал о нем слухи и торопил его к кресту, чтобы потом распять вместе с разбойниками и убийцами, чтобы преследовать даже самую память о нем, изгоняя и убивая тех, кто исповедовал его имя?... Я знаю, Кифа, что многие теперь любят называть его «славой Израиля», хотя любой, кого ты спросишь на улице Иерусалима, скорее вспомнит о нем, как о его позоре, который следует поскорее забыть... (*Сутулясь, медленно идет*

по сцене).

Небольшая напряженная пауза.

Петр (*глухо, без выражения*): Так значит, все это правда...

Павел молча продолжает мерить шагами дворик.

Все, что нам рассказывали о тебе, и что мы с негодованием отвергали, считая все эти рассказы, глупыми выдумками? (*Растеряно смеется*). Выходит, что все эти нечестивые люди, которые рассказывали о тебе, говорили правду, когда клялись, что ты отвергаешь Закон и Израиль и ни во что не ставишь Тору, хотя и не устаешь ссылаться на нее, когда у тебя появляется в этом нужда?..

Павел молчит. Небольшая пауза.

Но как же так, брат?.. Разве не сам ты проповедовал язычникам славу Израиля, так что они слушали тебя с трепетом и страхом? Разве не внимали они вслед за тобой Торе и Закону, как это и было когда-то обещано Аврааму?.. Почему же теперь ты говоришь вещи, от которых веет холодом и кажется, что воздух становится вязким, словно кровь?

Павел: О каких это вещах ты говоришь, брат? (*Подходя*

ближе). Уж не о том ли, что Всевышний даровал нам Закон не для того, чтобы он без конца терзал и мучил нас, а только для того, чтобы он служил нам путеводителем к Господу?.. Или о том, что Сын Человеческий призвал нас всех туда, где уже никто не будет делить людей на иудеев и эллинов и хвастаться тем, что Господь родился в нашем Назарете, как будто Всемогущий, не мог бы найти ему для рождения подходящего места где-нибудь у персов или киттиев?.. А может, ты боишься услышать, что Всемогущий царствует не над одним только Израилем, и не одному Израилю уготовал спасение?.. (*Негромко*). Ах, Кифа, Кифа... Ты ведь не думаешь, надеюсь, что все это придумал Павел, которому вдруг захотелось поставить все с ног на голову?.. Да разве дело в Павле, Кифа? Или ты полагаешь, что воля Божья не найдет средств исполнить задуманное и без всякого Павла? А может, ты веришь вместе с эллинистами, что Всемогущий прислушивается к нашим советам и требованиям, так что при желании мы можем заставить Его делать то, что кажется нам справедливым и разумным? (*Насмешливо*). Что ж, попробуй... Попробуй, а я посмотрю, как удастся Иерусалиму удержать налетевший ветер или собрать упавший в песок дождь... Как он сумеет поймать свет сверкнувшей молнии или крик журавлей, когда они летят из Мицраима на север!.. Или, может, ты думаешь, что цыпленок, который вылупился из яйца, нуждается в скорлупе?.. А какая ему в ней нужда, Кифа?

Петр: Нужда?.. Какая ему в ней нужда? (*Быстро подняв-*

ишь, делает несколько шагов к Павлу, хрипло). Тогда, может быть, ты скажешь мне, зачем же Он тогда избрал нас прежде, чем сотворил эту землю и это небо?.. Зачем обещал нам через пророков того, кто придет, чтобы очистить нас от скверны и освободить от власти греха?.. (Повышая голос). Или это не Он послал нам Спасителя из среды Израиля?.. Или Иешу не был иудеем? Не молился в Храме? Не исполнял субботу? Не читал Тору и пророков? (Почти кричит, едва ни наступая Павлу на пятки). Или, может быть, он был не из колена Давидова?.. Зачем же тогда ты говоришь, что он оставил нас, как ненужную скорлупу, от которой больше нет никакого прока?..

Павел (*резко повернувшись к Петру, так, что тот почти наталкивается на него*): А я и не знал, Кифа, что нам еще есть какое-то дело до его плотского тела, которое когда-то ходило по Иерусалиму и испытывало жажду и потребность во сне. (*Наступая на Петра, заставляя того пятиться*). Или ты думаешь, что он остался иудеем и после того, как Всемогущий воскресил его и дал ему нетленное тело? Или – что он все еще будет иудеем, когда сядет рядом с Божиим престолом, чтобы судить живых и мертвых и царствовать над теми, кто сохранил ему верность? (*Тесня Петра*). Тогда не останавливайся на полпути и скажи заодно, что Всемогущий тоже из иудеев, Кифа! И что Ему тоже следует исполнять Закон и ходить в синагогу, и не зажигать над землей субботнее солнце!..

Отступая от Павла, Петр вынужден опуститься на скамейку.

(Наклонившись над сидящим Петром, громким, яростным шепотом). Только не говори мне, что я кощунствую, брат. Потому что куда уж мне с моими кощунствами до тех, кто хочет нарядить Всемогущего в одежду первосвященника или заставить Его помнить субботний день!.. Куда мне до тех, кто ищет мудрость в жалких апокалипсисах, которые обещают Израилю молочные реки и хлебные берега и поэтому хранятся и переписываются почти в каждом доме, и чье безумие простирается так далеко, что они думают, будто Небеса будут поступать так, как написано в их книгах!.. Словно небеса никогда не рушили то, что строилось с таким трудом и потому казалось всем вечным! Или они не смеялись наперекор всем вашим книгам над тем, что казалось всем понятным и само собой разумеющимся?.. *(Почти кричит, не давая Петру открыть рот).* Разве Он человек, чтобы ему отчитываться перед тобой в своих делах, Кифа!..

Петр *(хрипло и негромко):* Опомнись, брат... Или ты забыл, как Он клялся нам, что никогда не нарушит своего слова?

Павел: А я говорю тебе, что Он не человек, чтобы ему отчитываться перед тобой и плясать под твою свирель, словно критская танцовка!.. *(Смолкает, глубоко дыша).*

Петр молчит. Долгая пауза, в продолжение которой Павел какое-то время стоит молча, глядя на сидящего, затем медленно делает круг по дворику, после чего возвращается и садится на скамейку напротив Петра.

(Негромко и устало). Лучше послушай меня, Кифа... Он не человек, чтобы Ему отчитываться перед нами. Он – Бог, который направляет свой корабль туда, куда считает нужным, и который заставляет нас порой делать страшные вещи, которых мы потом стыдимся. Он отнимает у нас разум, заставляя думать, что все, что ни делается, делается во благо себе и другим. Хотя кто мы такие, чтобы рассуждать о благе, о котором знает только Он один?.. Или ты все еще думаешь, что можешь посоветовать Ему, что делать и как себя вести?.. Что ж, попробуй, если тебе не жалко своего времени ...

Петр *(с трудом, словно у него перехватило горло)*: А теперь пойд и скажи все это им!.. Йоханану, Фесту, Ананию, Йакобу, – а уж заодно, и всем, кого встретишь на улице, – плотникам, строителям, рыбакам и торговцам... Иди, скажи им, что их Бог обманщик, потому что Он давно уже забыл все клятвы и теперь больше занят эллинами, чем тем народом, который Он вывел из Египта и которому клялся в вечной верности... Пойди, обрадуй их тем, что Моше сорок лет ходил по пустыне только затем, чтобы спасти киттиев, эллинов и сирийцев!.. Скажи им, что Бог обманул их, и они уже

давно не возлюбленный народ Божий, а только дорога, которая ведет другие народы к спасению, – ворота в Царствие небесное, через которые проходят язычники, – доска, которую небеса проложили через грязь, чтобы другие не запачкали себе ноги, – лопата, которую отбрасывают в сторону после того, как работа оказывается сделанной!.. Иди, скажи им это, если, конечно, у тебя найдется смелости открыть перед ними рот...

Павел (*холодно*): Ты можешь не сомневаться, Кифа. Я не побоялся бы сказать это даже самому Господу, если бы ни был уверен в том, что он прекрасно знает об этом и без какого-то там Павла.

Долгая пауза. Петр и Павел молча смотрят друг на друга.

Петр (*тихо*): Мне кажется, что тебе все-таки следует немного отдохнуть, брат. (*Обернувшись к дверному проему, хрипло*). Йоханан!.. (*Громко*). Йоханан!.. (*Павлу*). Скоро придут братья, и ты сможешь сказать им все, что считаешь нужным.

Появляется Йоханан.

(*Йоханану*). Пожалуйста, проводи нашего гостя в его комнату.

Павел (*поднимаясь на ноги, насмешливо*): Надеюсь, ты не

поставишь у моей двери стражу, опасаясь, чтобы я, чего доброго, не сбежал, испугавшись нагоняя от старших братьев?.. Не забывай, Кифа, что я все-таки римский гражданин и стража у дверей могла бы подмочить мою репутацию... (*Негромко посмеиваясь, уходит вслед за Йохананом*).

Оставшись один, Петр какое-то время стоит, молча глядя на дверь, за которой скрылись Йоханан и Павел, затем медленно опускается на циновку

Пауза, в завершение которой на сцену возвращается Йоханан.

Петр (*услышав шаги, подняв голову*): Проводил?

Йоханан (*с порога*): Да, равви. (*Оглядывается, понизив голос*). Я только не понял, что такое он говорил про стражу у его дверей?

Петр: Он так шутил, Йоханан... Сначала он кричал, а потом решил немного пошутить... Разве ты не слышал его криков?

Йоханан (*продолжая оглядываться на дверь*): Нет, равви.

Петр: Он кричал так, что у меня заложило уши. Потому что невозможно было что-нибудь разобрать за этими словами, которые бьют тебя, словно тяжелый молот и засыпают, словно песчаная буря... Боюсь, что если ему придет в голову закричать вдруг в полный голос, у нас провалится крыша...

Ты, правда, ничего не слышал?

Йоханан: Ничего, учитель.

Петр: А ведь он кричал так, будто его пытали, били плеткой или растягивали на дыбе. Как человек, у которого отняли все, чем он дорожил, так что теперь ему изо всех сил приходится доказывать, что он еще существует...

Йоханан (*шепотом, снова косясь на дверь*): Мне показалось, равви, когда я уходил, что он был как будто не совсем в себе, словно немного пьяный... Что-то шептал, бормотал, и махал руками...

Петр (*поднимаясь на ноги*): Боюсь, что если он чем и опился, то не вином, а небом, – или тем, что он за него принимает. (*С неожиданным раздражением*). Словно пьяница, который, потеряв всякую меру, шумит и кричит, и колотит железо о железо, забыв, что Бог приходит к нам только в тишине и всегда оставляет нас одних вместе с нашим шумом и пустой болтовней... (*Поднимаясь на ноги*) Пойдем. Времени не много. Надо закончить с каменщиками и приготовить все к приходу братьев... (*Негромко*). Боюсь, что их ждет сегодня не самый приятный вечер...

Уходят.

Картина третья

Декорации первой картины – пустой холл психиатрической клиники.

Поздний вечер, горят только темно-синий ночник над вешалкой в коридор, дверь и лампа на столе дежурной медсестры. Сумрак окутывает все помещение, клубится по углам. За стеклами четырех выходящих в холл дверей – мертвенный тускло-синий свет ночников.

Медленно и бесшумно открывается крайняя дверь и в дверном проеме появляется голова Павла. Осторожно осмотревшись, он выходит из-за двери и, сделав несколько шагов, останавливается.

Павел (шепотом): Йорген... (Смолкнув, прислушивается). Йорген... Йонатан...

Короткая пауза.

Йонас...

Раздается едва слышимый голос: «Мы здесь... Павел... Мы здесь». Одновременно из-под стола на четвереньках выползает Йорген.

(Заметив Йоргена, быстро). Тш-ш-ш...

Вслед за Йоргом из-под стола выползают Йонатан и Йонас.

Тш-ш-ш...

Йорген (подползая к Павлу): Ты видишь, как мы хорошо спрятались?..

Павел (быстро): Тш-ш-ш...

Йонас (не поднимаясь на ноги): Это я придумал, учитель... Что-нибудь случилось? Да?

Йонатан (подползая): Что-нибудь случилось, учитель? Скажи, нам, что случилось?

Павел (быстро): Тише, тише... (Громким шепотом). Если не хотите перебудить всех, то говорите шепотом... (Опустившись на колени). Идите сюда... (Нетерпеливо). Да, идите же, идите...

Йорген, Йонас и Йонатан подползают ближе.

(Положив руки на головы Йонаса и Йонатана, громким шепотом). Я позвал вас, чтобы сказать вам нечто очень важное. То, о чем вы узнаете первыми... Ты, Йонатан, и ты, Йорген, и ты, Йонас... Вы будете первыми, кто услышит об этом... Поэтому, если вы готовы слушать, то слушайте и ра-

дуйтесь. Я позвал вас сюда, чтобы сказать вам, что время, наконец, настало. Оно уже близко... (*Негромко смеется*). Вы слышите?.. Оно пришло... Это время, которое мы столько ждали, сегодня уже здесь и стучится в наши двери... Слышите? (*Смеется*).

Небольшая пауза. Собравшиеся прислушиваются, озираясь, словно и в самом деле ожидая услышать, как время стучит в двери. Затем вновь молча смотрят на Павла.

Йорген: Ты хочешь сказать, что Он уже где-то близко, да?..

Павел: Да, Йорген. Да!.. Это Он... Совсем рядом... Слышите?.. (*Негромко смеется*).

Йонатан и Йонас растерянно озираются.

Йонас (*тревожно*): Но ведь ты говорил, что у нас еще есть немного времени... Помнишь?.. Немного времени, чтобы приготовиться к Его приходу. Разве ты не говорил нам это?..

Павел: Немного времени? Немного времени?.. (*Сердась*) Не говори глупости, Йонас. Что такое немного времени?.. Я говорил вам только о сроках, которые не знает никто, кроме одного только Отца... Или ты думаешь, что Господь обязан отчитываться перед тобой за каждый свой шаг и ставить

тебя в известность, когда Он появится и что будет делать?.. Похоже, ты опять забыл, что Он приходит, когда захочет и не принимает во внимание никакие оправдания, так что мы всегда должны бодрствовать и быть готовыми к Его приходу... Только не говори мне, что ты слышишь об этом первый раз, Йонас!

Йонас (*растерянно*): Значит, время уже пришло?

Павел: А разве нет?.. Оглянись и посмотри, – разве это не оно стоит у тебя за спиной?

Йонас быстро оглядывается. Короткая пауза.

(*С мягким укором*). Ах вы, жалкие маловеры, жалкие маловеры!.. Сколько еще мне учить, чтобы вы не спотыкались на каждом шагу, словно дети?.. Лучше скажите спасибо Тому, Кто послал вам такого Павла, за которого вы можете держаться, словно за перила, не боясь свалиться и свернуть себе шею...

Йорген (*жалобно*): Павел!..

Павел (*прижав палец к губам*): Тс-сс-с-с... (*Озираясь по сторонам*). Поэтому оставьте все сомнения и слушайте только то, что вам говорит милосердный Господь, чей голос я слышал сегодня, пока вы спали.

Йонас: Ты опять разговаривал с Господом, учитель?

Йонатан: Да?.. Ты разговаривал с Господом?

Павел: Как могу я, ничтожный человек, разговаривать с

Господом, Йонас?.. Конечно, это Он разговаривал со мной, снизойдя в своем милосердии к моим немощам. Я только слышал Его голос, который пронзил мне сердце... (*Глухо*). Голос, от которого земля раскололась бы на части, и небо упало бы на землю, если бы только они могли его услышать. Потому что Он сказал мне, что час уже близок. (*Громким шепотом*). Он так близок, что можно дотронуться до него рукой или разобрать у себя за спиной его дыхание, которое опалает кожу не хуже огня... (*Прислушиваясь*). Слышите?.. Разве не похож он на свист выпущенной стрелы, которая летит тебе прямо в сердце?

Йонас всхлипывает и эжметя к Павлу.

Да, Йонас, да... Потому что это час Божьего гнева. Час, когда земля и море отдадут своих мертвых, чтобы они были судимы вместе с живыми... Слышите? (*Напряженно вдвываясь перед собой, протягивая вперед руку, звенящим шепотом*). Вот он. Тут. Уже совсем близко...

Напряженная пауза.

Йорген (*привстав с колен, глядя в сторону, куда показывает Павел, шепотом*): Что там, учитель?

Павел: Ты еще спрашиваешь, Йорген?.. А разве ты сам не слышишь – что там?.. Не слышишь, как лязгают в ожида-

нии грешников засовы и отпираются ворота, ведущие в адские бездны? Как воеет, разгораясь, адское пламя?.. А хочешь знать, почему оно воеет, Йорген?.. Потому что время близко и Книга Жизни уже положена пред Тем, кому дана власть вычеркивать из нее имена грешников и вписывать имена тех, кто заслужил быть вместе со своим Господом... Слышите, как шелестят ее страницы, Йорген?

Короткая пауза. Йонатан и Йонас, привстав, вслушиваются в тишину.

Йонатан: А разве мы еще не заслужили быть вместе с нашим Господом, Павел?

Йонас: Да, учитель. Разве мы мало молились или бодрствовали?

Йонатан: Или плакали...

Йонас: Или постились...

Йонатан: Разве мы уже не заслужили быть вместе с Ним в Царствии Небесном, учитель?

Павел (с неожиданной яростью, громким шепотом): Ах, вы жалкие, безумные глупцы!.. *(Быстро схватив Йонаса и Йонатана за волосы, пригибает их головы к земле)*. Или вы думаете, что одного только вашего жалкого хныканья будет достаточно для того, чтобы войти в Царство Небесное?.. *(Трясет головы Йонаса и Йонатана)*.

Не пытаясь вырваться, Ионас и Ионатан молчат.

Или вы забыли, что так думают только лицемеры, которые надеются проскочить на небеса, не заплатив за это ни одной слезой и ни одним вздохом?.. Лицемеры, которые молятся и постятся, подсчитывая, сколько задолжал им Господь за их молитвы и добрые дела... (*Трясет*). А может, вы думаете, что Царство Небесное можно купить вот так вот, за какую-нибудь горсть серебра? Как будто я никогда не говорил вам, что никто из вас не спасется и не войдет на небо, если не станет в эти последние времена еще и божьим воином, готовым, не щадя своей жизни, сражаться с Сатаной?.. (*Отпускающая Ионатана и Ионаса, успокаиваясь*). Ах вы, жалкие безумцы, жалкие безумцы!.. Лучше бы вы почаще вспомнили, что Господь пострадал за вас не понарошку, как какой-нибудь паршивый актеришка, а пролил за вас кровь на самом деле, так что было бы, по крайней мере, справедливо, прежде чем мечтать о Царствии Небесном, отплатить Ему за то добро, которое Он для вас сделал... Или ты думаешь по-другому, Йорген?

Йорген: Конечно, нет, учитель... Я думаю, что это было бы справедливо... Еще бы. (*Громким шепотом*). Но только... (*Осекишись, какое-то время смотрит на Павла*). Как же мы будем сражаться с Сатаной, если у нас нет для этого никакого оружия?.. Ты ведь сам рассказывал нам – у него такие длинные когти, что он может в один миг вырвать из земли

целую дубовую рощу?..

Павел (*негромко посмеиваясь*): Еще как может, мой храбрый Йорген. Целую дубовую рощу, словно какой-то пучок травы.

Йонатан: А еще ты говорил, что он пышет жаром и огнем, так что легко может сжечь даже целый дом.

Павел: Да, мой бесстрашный Йонатан. Целый дом, да еще со всеми его жильцами в придачу.

Йонас (*замирая от страха*): И что он может стать таким страшным, что всякий, кто посмотрит на него, сразу умрет от страха...

Павел: Да, мой мужественный Йонас. В ту же самую минуту. (*Понизив голос*). Но хуже всего совсем не это. (*Поманив к себе сидящих, шепотом*). Хуже всего, что он умеет прикинуться таким добрым и ласковым, что никому и в голову не придет подумать про него что-нибудь плохое... Ах, если бы вы только знали, как он умеет вселять надежду. Утешать. Улыбаться. Раздавать подарки. Как он умеет делать свой голос мягким, а глаза теплыми. (*Резко*). Он только забыл, что нельзя обмануть Господа, который видит всегда самую суть и не обращает внимания ни на белый халат, под которым бьется черное сердце, ни на белую шапочку, под которой свили себе гнездо черные мысли, ни на ложь, на которую не скупится его ядовитый язык. (*Помедлив, Йоргену, который, кажется, хочет что-то сказать, негромко*) Да, Йорген, да... Похоже, ты знаешь, о ком я говорю... Ты ведь узнал его, сы-

НОК?

Йорген (*догадываясь*): Так это он?.. Он?.. (*С изумлением*)
Не может быть!

Йонас и Йонатан недоуменно переглядываются.

Павел (*негромко*): Да, Йорген.

Йорген: Но как же это, учитель? (*Растерянно хихикает*)
Неужели, это он?

Йонатан: Кто это, кто это? (*Йоргену*). Ты знаешь? Знаешь?

Йонас: Кто это, Йорген?.. Кто это, Павел?.. Мы его знаем, да?.. Скажите нам.

Павел: Скажи им, Йорген.

Йорген смущенно хихикает.

Йонас: Скажи нам, Йорген.

Йорген: Это доктор. (*Хихикает*). Наш доктор... Да, Павел?

Йонатан (*изумлен*): Доктор!

Йонас: Ты хочешь сказать, ты хочешь сказать, что это... что это... (*Йонатану*). Ты слышал?.. Он сказал, что это наш доктор... Но разве наш доктор может быть Сатаной?

Павел: Тш-ш-ш... (*Быстро зажимает Йонасу рот*). Тш-ш-ш... Разве я не говорил вам, что у стен тоже есть уши?

(Отпустив Йонаса). Будьте осторожны, ибо враг ходит где-то рядом. И он не оставит вас в покое, если догадается, что вы узнали его тайну.

Йонас: Господи, Павел, но как же это так?.. (Йонатану, шепотом). Ты слышал, Йонатан? Слышал?..

Павел: Попридержи язык, Йонас, попридержи язык... Пускай об этом знают пока только вы трое. Ты, Йорген и Йонатан. Только вы трое и больше никто.

Йонатан: И больше никто?

Павел: И больше никто, Йонатан. Потому что время еще не пришло, хотя оно уже совсем близко... Вы поняли меня?

Йонас (возбужденно): Я так и знал, так и знал... Но что же нам теперь делать, учитель?.. (Оглянувшись на дверь, громким шепотом). Ведь он может нас убить... (Хихикает). Разве хватит у нас сил, если он вдруг нападет на нас?

Павел: Ах, глупые, глупые, дети... Да, неужели вы думаете, что Господь стал бы требовать от вас невозможного?.. Разве Он уже не дал вам в руки оружие, с помощью которого вы одолеете все адское воинство? Или это не я стою рядом с вами, готовый всегда прийти вам на помощь и дать вам новые силы?.. Поэтому слушайте меня, слушайте меня, Йорген, Йонас и Йонатан, слушайте меня, потому что через меня с вами говорит Тот, Кто не пожалел для вас даже своей собственной жизни... (Поманив к себе сидящих, громким шепотом). Все, чему вам надо пока научиться, это притворяться и делать вид, что вы ничего не знаете и ни о чем не

догадываетесь... Улыбайтесь, когда видите их и отвечайте на вопросы, когда они вас о чем-нибудь спрашивают, как ни в чем не бывало... Будьте хитры как змеи и кротки, как голуби. Замечайте все, что происходит, и рассказывайте обо всем мне. Следите за каждым их шагом, прислушивайтесь к каждому их слову и вздоху, ловите каждый взгляд...

Пока он говорит, одна из дверей медленно открывается и на сцене появляется Йорк. Никто не замечает, как он медленно подходит и останавливается за спинами сидящих.

(Йонатану). Ты будешь смотреть за Ребеккой, Йонатан. *(Йоргену).* А ты – за доктором... *(Йонасу).* А ты, Йонас, будешь во все глаза смотреть за ними обоими. За доктором и Ребеккой, и потом опять за доктором, а снова за Ребеккой, ничего не упуская и все запоминая...

Йонас: Значит, госпожа Ребекка тоже?.. Да? Она тоже?

Павел: А ты, наверное, думаешь, что хвост кобеля может гулять сам по себе, Йонас? *(Тихо смеется).*

Йонас: Хвост кобеля! *(Смеется).*

Йонатан и Йорген смеются вслед за ним.

Йорк негромко мычит. Йонас, Йонатан и Йорген вскрикнув, оборачиваются.

Павел: О, Господи!.. Йорк!..

Йорк мычит.

Что тебе здесь надо, Йорк?.. Иди спать, Йорк, иди спать, милый... Йонас отведет тебя, пока ты не перебудил всех остальных.

Поднявшись, Йонас пытается взять Йорка за локоть, но тот вырывается и, отойдя в сторону, недовольно мычит.

Йорк!.. Йорк!.. Ты ведешь себя, как непослушный мальчишка!.. Да что это с тобой?

Йорген: Наверное, он хочет, чтобы ты рассказал ему свою историю, учитель... Ты ведь знаешь, как он любит слушать, когда ты рассказываешь ее. Да, Йорк?.. Ты ведь хочешь, чтобы Павел снова рассказал тебе про дамасскую дорогу?

Йорк негромко мычит, и кажется, что в его мычании можно разобрать слова, которые он силится произнести: «Павел... Дама-а-аск... Павел... Да-а-а-маск... Да-а-а-а-м-а...»

Слышите, слышите?.. Он говорит «Дамаск»... Ты ведь расскажешь ее, Павел?.. Мы тоже хотим послушать ее еще раз. Правда, Йонатан?

Йонатан: Да, учитель. Расскажи нам ее.

Йонас: Расскажи нам...

Йорк мычит. Йонатан тянет Йорка за руку, и тот послушно садится на пол.

Павел: Ах, вы хитрые лисы, хитрые лисы... Неужели же вы думаете, что я не вижу все ваши хитрости?.. (*Сердито*). Но только пусть никто из вас не думает, что это просто какая-то очередная история, которую можно услышать на каждом шагу, чтобы тут же ее позабыть ради каких-нибудь пустяков. Пусть каждый из вас помнит, что то, что однажды случилось со мной, рано или поздно случится с каждым из вас. Во всяком случае – с теми, чьи сердца еще не очерствели настолько, что с их коростой уже не сможет справиться даже божественное слово.

Йонатан: Мы помним, учитель.

Йонас: Мы помним...

Йорген: Мы помним.

Павел: Ну, тогда, надеюсь, вы не забыли, что это случилось со мной пятого Июлая, в самый полдень, когда тень уже совсем исчезла под ногами и солнце палило в полную силу, в то время как мы двигались с моими спутниками по старой дамасской дороге, направляясь в Дамаск... Наверное, мы неправильно рассчитали наш утренний переход, потому что вместо того, чтобы переждать жару в гостинице, мы оказались в пути во время самого пекла. Я шел, думая только

о том, как я разделяюсь с теми, кто проповедовал назорейскую ересь и оскорблял Закон и пророков. С каждым шагом ярость моя все увеличивалась, и иногда мне даже казалось, что я слышу, как она клокочет в моем сердце, и тогда наше движение к Дамаску начинало казаться мне страшно медленным, а путь долгим, как долог летний день под палящим солнцем. Мои спутники устали и просились отдохнуть, но я подгонял их и требовал, чтобы они забыли обо всем и думали только о том, зачем мы идем в Дамаск. Так мы шли уже довольно долго, как вдруг дневной свет в моих глазах померк и я увидел перед собой сияющую фигуру, которая парила над дорогой, словно опасаясь коснуться камней, по которым ходили человеческие ноги...

Йорк негромко мычит.

Да, да, Йорк, да. Это был Он. Он. Но тогда я еще не знал этого и поэтому спросил, стараясь побороть овладевший мною страх: «Кто ты, господин? Ответь мне, кто ты? Кто ты? Кто?..» И так я спрашивал его довольно долго, а когда Он, наконец, ответил, то мне показалось, что прямо над моей головой разорвалась небесная завеса и ударила молния. Потому что Он сказал мне... Ты ведь помнишь, что он сказал мне, Йонас?

Йонас (*тихо*): Да, учитель. Он сказал: «Я – Тот, кого ты гонишь, Савл...».

Павел: Да, Йонас, да... «Я – Тот, кого ты гонишь и Кто изнемог от ран, которые ты нанес Мне, Кто истек кровью, от твоих ударов". Тогда я спросил Его, полный ужаса, потому что я чувствовал, что Он был во всем прав передо мною: «Разве я когда-нибудь поднимал на Тебя руку?.. Или проливал Твою кровь?.. Или исторгал из твоей груди слезы?» (*Положив руку на плече Йонаса*). Но Он ответил мне...

Йонас (*тихо и восторженно*): «Ты гнал, мучил и убивал верных моих, а значит, гнал, мучил и убивал вместе с ними и Меня...»

Павел: Да, Йонас. Так Он сказал, чтобы погрузить меня в море отчаянья, в котором я уже готов был захлебнуться и утонуть, если бы только Он не захотел моего спасения и не протянул мне Свою руку... Помните, что Он сказал мне, как только раскаянье пробудилось в моем сердце?

Йорк мычит.

Йорген (*быстро*): Он сказал тебе, Он сказал... Иди и проповедуй всем языкам благовест о Том, Кто умер и вновь был воскрешен милосердием Божиим, чтобы самому стать Домом для всех верных... Домом для всех верных и... и... (*Сокрушенно*). Я забыл... Забыл.

Павел: Домом для всех верных и надеждой для всех надеющихся...

Йорген: Да, да. И надеждой для всех надеющихся.

Павел: Но прежде Он открыл мне все тайны неба и земли, и их было столько, что даже весь мир не смог бы вместить их, слушай он их хоть тысячу лет... И только одно он скрыл от меня – день и час Своего страшного возвращения, когда Он сядет по правую руку Отца, чтобы судить все народы... *(Смолкает)*.

Йорк негромко мычит. Короткая пауза.

Вы знаете, что те три дня, которые я пролежал в доме одной приютившей меня семьи, Господь не оставлял меня ни на минуту, укрепляя меня своим духом и утешая наставлениями, пока, наконец, на третий день пелена не спала с моих глаз и я вновь начал видеть свет. *(Глухо)*. С тех пор что-то стало с моими глазами. Они перестали различать краски и стали видеть все в таком ярком свете, что мне пришлось надеть черные очки, потому что иногда этот небесный свет бывает просто невыносим для моих человеческих глаз. Но это, в конце концов, не так уж и страшно. Верно, Йонас?

Йонас: Конечно, учитель...

Йонатан *(неожиданно привстав, тревожным шепотом)*: Павел, Павел!.. *(Протягивает руку в сторону двери)*. Сестра Ребекка... Я вижу, как она идет по коридору...

Павел: Ребекка?.. Ты уверен?

Йонатан *(напряженно)*: Она идет по коридору... по коридору... Уже совсем близко. Мне кажется, она идет к нам.

(Смолкает, взглядываясь в видимое только ему одному пространство).

Короткая пауза. Все смотрят на Йонатана.

Разве ты ее не видишь, учитель?

Павел *(быстро поднимаясь на ноги)*: Пойдемте... Йонас, Йорген... Да, вставайте же, вставайте!..

Йонас и Йорген быстро поднимаются с пола.

Возьмите Йорка... Быстрее, быстрее!.. Идите к себе!..

Подхватив Йорка, Йонас торопливо исчезает с ним за дверью своей палаты. Вслед за ними скрывается в своей палате Йорген.

Павел *(громким шепотом, вслед исчезнувшему Йонасу и Йоргену)*: И помните, помните, о чем мы с вами сегодня говорили!.. *(Исчезает)*.

Йонатан *(громким шепотом)*: Она уже близко!.. *(Остановившись на пороге своей палаты, едва слышно)*. За дверью. *(Исчезает)*.

Почти сразу же вслед за этим бесшумно открывается дверь, пропустив сестру Ребекку. Легко звеня ключами, она

не спеша проходит по сцене, заглядывая через стекла дверей в палаты, затем возвращается и садится за стол, положив перед собой какие-то бумаги.

Долгая пауза, наполненная сумраком, тишиной и едва слышным шелестом переворачиваемых страниц.

Наконец свет медленно гаснет, погружая сцену во мрак.

Картина четвертая

Иерусалим. Комната Павла. Сцена вновь залита ярким светом, который не то действительно падает с неба, не то символизирует внутреннее состояние души Павла, переставшего различать все краски мира и чувствовать его плотность.

На циновке, лежащей на полу, сидит Павел. Руки его бессильно опущены, лицо поднято к небу, глаза закрыты. На его коленях – разложенная туника, которую он незадолго до этого зашивал.

Бесшумно ступая, в помещении появляется Петр. Какое-то время он смотрит на сидящего, затем молча опускается на одну из низеньких скамеечек, возле стены. Долгая пауза, в завершение которой Павел открывает глаза и слегка повернув голову, какое-то время смотрит на сидящего Петра.

Петр: Прости, если помешал тебе, брат... Йоханан сказал, что ты давно ничего не ел... Что скажешь насчет бобовых лепешек?.. Иногда стоит съесть небольшой кусочек, даже если не чувствуешь голода.

Не отвечая, Павел принимается за штопку. Долгая на-

пращенная пауза. Павел шьет.

(*С горечью*). Неужели мы, в самом деле, не можем жить в мире, брат?.. Разве не следует нам держаться вместе, неся чужие немощи, как это требует от нас заповедь любви?.. Посмотри, – ты набросился на Иакова, оскорбил старшего Йоханана, довел до слез Мальву, высмеял Феста так, словно все они тебе не братья, а твои злейшие враги...

Павел (*не отрываясь от штопки*): Если ты пришел, чтобы оправдать грубости Йоханана и Феста, Кифа, то это совершенно лишнее. Все видели, что они первыми набросились на меня, стоило мне только открыть рот... (*С раздражением*). Словно базарные торговки, не выслушав и четверти того, что я собирался им сказать...

Петр: Но ты говорил ужасные вещи, брат.

Павел (*оторвавшись от штопки, ядовито*): Уж не такие ли, что они давно уже сбились с пути и идут, блуждая в темноте, не в ту сторону?.. Неужели, ты, действительно, думаешь, что это говорил какой-то Павел, Кифа? Как бы он, по твоему, осмелился вдруг говорить такие вещи, этот навозный жук, этот грязный глиняный горшок с нечистотами, если бы эти слова не вкладывал в его сердце сам Господь?..

Петр молчит.

(*Перекусив нить и расправив в воздухе ткань*). Видишь?..

(Негромко смеется). Готов побиться об заклад, что ты не найдешь, где здесь была прореха, даже если подойдешь совсем близко. *(Любуясь тканью)* Мне кажется, я мог бы стать искусным штопальщиком и зарабатывать этим много денег, вместо того, чтобы заниматься тем неблагодарным делом, к которому призвал меня милосердный Господь... Ты ведь, кажется, тоже прекрасный штопальщик, Кифа?.. И, наверное, мог бы и меня легко научить секретам своего искусства, если бы только захотел?

Петр молчит. Короткая пауза.

(С деланным изумлением). Как?.. Ты никогда не брал в руки иглу и не смог бы заштопать даже маленькую прореху?.. Почему же ты тогда удивляешься, что одному Господь открывает больше, а другому меньше? Что тому Он дает знать тайны неба, а у другого отнимает даже то, что тот знал прежде? Этого научает искусно владеть иглой, а другого оставляет до поры щеголять своим богатством и без стеснения ходить в расшитых одеждах?.. Разве это не так же справедливо, Кифа, как и то, что одних ждет впереди райская прохлада, а других адский огонь?

Петр молчит. Какое-то время Павел штопает, наконец, оставив шитье, опускает на колени руки и неподвижно застывает, глядя перед собой. Пауза.

(Глухо). Мне душно здесь, Кифа... Ах, если бы ты только знал, как мне душно среди этих камней и этих слов, которые вы не устаете громоздить друг на друга вместе с Йохананом и Иаковом... Как будто все они сейчас поднимутся и навалятся на тебя, чтобы завалить, раздавить, задушить... Здесь давит даже небо. А я хочу вернуться в Вифинию, где такой простор, что кружится голова, и кажется, что ты летишь над землей, как свободная птица. *(Неожиданно мягко, почти мечтательно)*. Знаешь, когда идешь по дороге из Антиохии в Ефес, то чудится, будто сам Господь идет рядом с тобой, потому что ему, конечно, больше пристал этот простор и это бескрайнее небо, чем все эти узкие улочки и каменные дворы вашего Иерусалима. Кажется, что даже кошки ходят здесь, опустив голову, что уж тогда говорить про людей. *(Вновь возвращаясь к штопке, ворчливо)*. Только не говори мне, пожалуйста, что человек сам носит в своем сердце тесноту или простор, потому что, помнится, мне это уже говорил кто-то из вас, вот только не помню кто. Быть может, это был даже ты, Кифа, ведь ты же любишь повторять вещи, которые известны всем.

Петр *(поднимаясь со скамьи)*: Боюсь, что сегодня, брат, мне как раз представилась возможность сказать тебе то, что я еще не говорил.

Небольшая пауза. Оторвавшись от штопки, Павел молча

смотрит на Петра.

(*Негромко*). Странный сон приснился мне сегодня под утро, брат. О нем я хотел рассказать тебе... Ты ведь не прогонишь меня, потому что я беспокою тебя такими пустяками?

Павел: А я и не знал, что ты придаешь значение сновидениям, Кифа... (*Возвращаясь к штопке, насмешливо*). Что ж, рассказывай, рассказывай свой сон. Или мы с тобой не умелые отгадчики? Разгадываем тайны небес, так почему бы нам не разгадать заодно и твое сновидение?

Петр: Тогда представь себе базарную площадь, брат. (*Медленно идет по сцене*). Представь себе толпу, собравшуюся вокруг какого-то человека, который стоит на коленях прямо в пыли, окруженный галдящим народом... (*Глухо*). Он весь кровоточит, этот несчастный, да так, что вся его одежда пропиталась кровью и сам он походит, скорее, на овцу, с которой только что содрали шкуру, чем на человека... А потом он упал и стал молча кататься по земле, потому что боль, которая терзала его, наверное, была просто невыносима, хотя еще невыносимее было то, что все, кто толпился вокруг него, хотели, чтобы он поскорее ушел отсюда прочь, потому что в их глазах он был нечист. Вот почему все эти люди, которые собрались вокруг, кричали, чтобы он поскорее убирался, тогда как он все медлил и медлил, ибо сама мысль об изгнании была в тысячу раз страшнее любой боли...

Отложив шитье, Павел молча и без выражения смотрит на Петра. Короткая пауза.

(Негромко). Прости меня, брат, но мне почему-то показалось, что будет правильно, если мы скажем тебе о том, что мы видели сегодня. А видели мы все, что этим человеком был ты... Я говорю, "видели", потому что кроме меня этот сон, к несчастью, приснился сегодняшней ночью еще Йоханану и Мальве.

Павел: Йоханану и Мальве? *(Вновь откладывая шитье)* Ты сказал, Йоханану и Мальве, Кифа? Тебе, Йоханану и Мальве вдруг приснился один и тот же сон, где я лежу окровавленный, а мои собратья гонят меня прочь и швыряют в меня грязью?.. *(Негромко смеется).* Мне кажется, что для того, чтобы растолковать этот сон тебе не требуется никаких особых усилий, Кифа. Достаточно было бы спросить Йоханана. Вот уж кто, должно быть, обрадовался, когда увидел во сне кровоточащего Павла. *(Смеется сквозь зубы)* Наверное, он и сам не отказал себе в удовольствии огреть меня палкой или швырнуть мне в глаза песком... *(С ядовитой насмешкой, сквозь зубы).* Впрочем, я его понимаю. Трудно любить того, кто мешает тебе уснуть и жужжит над ухом, как надоедливая муха. *(Вздрагивает от начавшейся вдруг мелкой дрожи).* Ты ведь тоже ненавидишь меня, верно? Вместе со всеми вашими братьями, которые считают Павла исча-

дьем ада, покушающимся отнять у них их Иисуса, так словно это какая-то вещь, которую можно отнять или присвоить? (*Дрожь*) Я ведь уже давно заметил, что они разговаривают со мной, словно я одержим слабоумием, хотя было бы гораздо лучше, если бы они посмотрели, чем они сами заняты здесь, в вашем хваленном Иерусалиме?.. Или они, в самом деле, думают, что он наказывал им строить дома или шить одежду для пресвитеров, или собираться, чтобы без конца вспоминать, что Господь говорил, когда был вместе с ними? (*Издевательски смеется*) Хорошее дело – собираться, чтобы вспоминать, что он говорил вам двадцать лет назад и не слышать того, что он говорит сейчас, когда время уже на исходе, и следующего дня уже может не быть!.. Лучше бы вы поучились у язычников, которые каждое утро просыпаются в ожидании его пришествия и ложатся спать, не надеясь дождаться следующего дня! (*Сотрясаемый дрожью*). Или у Павла... который за последние три года... не потратил на себя ни одной драхмы... и у которого нет не только смены одежды... но даже мешка, где ее можно было бы хранить... Или ты надеешься... что Господь придет к тем... кто одевается в льняные одежды и откладывает... деньги... на свое погребение?.. Тогда... боюсь... тебе... действительно... придется... долго ждать, Кифа... Долго... долго ждать...

Петр: Постой, постой, брат... Ты весь дрожишь... Может тебе лучше лечь?

Павел: Пустое... Сейчас это пройдет.

Петр: Я принесу воды

Павел (*быстро*) Нет!.. Останься... (*Стуча зубами*). В конце концов, это всего лишь глупый приступ, который посылают нам небеса, чтобы мы не слишком заносились. Он похож на обыкновенную лихорадку, от которой легко избавиться с помощью сушеного корня белого винограда... Вся беда в том, что когда это случается, мне начинает казаться, что у меня под ногами открывается бездна, в которую сейчас провалится весь мир. (*Глухо*). Мне, наверное, не следовало говорить тебе это, Кифа...

Петр: Это всего лишь болезнь, брат. Тут нечего стыдиться.

Павел (*сотрясаемый дрожью*): Да, Кифа. Всего лишь болезнь, которая делает тебя ничтожным, как пылинка и бросает в колодец, у которого нет дна... (*Стыдясь своей слабости*). Если можешь, то дай мне руку...

Подойдя, Петр протягивает Павлу руку.

(Почти с ужасом). Держи меня, Кифа. Не дай мне упасть...

Не отпуская руку Павла, Петр опускается на скамейку.
Небольшая пауза.

(Преодолевая дрожь, издалека). Иногда мне тоже кажется-

ся, что все, что я делаю – это борюсь сам с собой. С тем Павлом, который жил когда-то в Тарсе, в квартале горшечников, у Южных ворот, возле старой синагоги. С Павлом, который так хорошо знал Тору, что мог без запинки прочитать наизусть любое место, когда приходил его черед читать. Который ни разу не нарушил ни одного требования Закона, потому что никого не любил так сильно, как Того, Кто вывел его народ из египетского плена... Иногда мне кажется, что Он и сейчас зовет меня вернуться и подняться по ступенькам храма, чтобы обнять меня... (*Дрожь*). Думаешь, я не знаю, о какой крови ты говоришь, Кифа?.. Той, что приснилась тебе и Йоханану?.. Ты ведь и сам это знаешь, Кифа... (*Быстро, не давая Петру ответить*). Только молчи, молчи и не говори ничего, если не хочешь, чтобы у меня раскололась голова... (*Глухо*). Кровь, которая льется, когда режут по живой плоти и которая вопиет к небу, потому что даже Сам Всемогущий не знает, как безболезненно отделить Павла от его народа... (*Быстро*). Молчи, молчи, если не хочешь, чтобы мы упали с тобою вместе в эту бездну, так что не останется и следа...

Петр с состраданием смотрит на Павла, который какое-то время бормочет что-то и едва слышно стонет, раскачиваясь. Небольшая пауза.

(*Негромко*) Или ты думаешь, что мне никогда не снятся сны, Кифа? Или что я потерял память и позабыл, как зва-

ли моих родителей и как выглядел дом, в котором я родился?.. Ты думаешь, легко мне помнить лица моих братьев и сестер, которые отказались от меня и прокляли саму память обо мне?.. Анна, Рувим, Мариам, Йегуда, Двора... Или ты думаешь – я забыл, как мы ездили в Иерусалим, и как светила под носом корабля вода и скрипела палуба? Как мы ночевали на расстоянии двух часов пути от Иерусалима, и Йегуду укусила змея, так что мы вынуждены были выхаживать его и поэтому опоздали на Песах?.. Как отец помогал мне подняться по ступеням Храма, которые казались мне тогда огромными, словно созданными для каких-то великанов, и как гудело и трещало во дворе жертвенное пламя, жар от которого опалял кожу даже на таком большом расстоянии?.. Думаешь, я забыл все это, Кифа?

Небольшая пауза.

Несколько лет назад мне случилось проходить мимо Тарса, и я решил заглянуть туда, чтобы проведать своих родных. Иногда, Всевышний вкладывает нам в сердце такие желания, которые кажутся нам и добрыми, и благочестивыми, тогда как Он только проверяет этим нашу верность Ему самому... Мне удалось увидеться только с одной Мариам, которая даже не пустила меня на порог. Она сказала мне, прячась за дверь, что наши родители умерли, проклиная день и час моего рождения. Не знаю, может быть так оно и было, во всяком

случае, сама она не нашла для меня никаких других слов, кроме проклятий... Последнее, что я слышал, уходя прочь, как она проклинала меня и моих детей до десятого колена. Это был неплохой повод поблагодарить Господа за то, что он не дал мне семейного очага, а сам стал моей семьей, моим домом, моим очагом... *(Издали)* Только не надо смотреть на меня с такой жалостью, Кифа. Лучше вспомни Авраама. Или это не он сказал Богу, когда Тот повелел ему принести в жертву своего единственного Ицхака: я готов, Господи?.. Разве это не он собрал сухой хворост и связал мальчику руки, ожидая от небес только знака?.. Ты ведь не думаешь, что у меня не хватит духа пойти вслед за ним?

Петр: Тише, тише, брат. Слава Всевышнему, что Он отвел руку Авраама и не дал ему принести эту жертву, видя его готовность и веру.

Павел *(резко)*: А если бы Он дал?.. Что если бы Он дал, Кифа?.. Что бы ты говорил сейчас, если бы Он не отвел тогда его руку, а дал бы свершиться тому, что Он требовал?.. Неужели, ты и вправду думаешь, что Бог только грозит нам и никогда не исполняет своих угроз?.. Тогда ты плохо Его знаешь, Кифа... Пусты! *(Вырывая свою руку из руки Петра)*. Потому что Он приходит, чтобы крушить человеческую гордыню, в ярости, словно океан, который набрасывается на хрупкие суденышки, ломая им весла и пуская на дно, а во все не для того, чтобы тратить время на пустые разговоры, от которых нет никакого прока...

Петр: Мне кажется, тебе было бы лучше прилечь, брат.

Павел: Только не делай вид, что тебя очень заботит мое здоровье, Кифа... *(Насмешливо)*. Мне ведь тоже Небеса послали сегодня сон, да еще какой! *(Негромко хихикает)*. Боюсь только, что он не слишком понравился бы тебе, потому что кому, в самом деле, могут понравиться заросшие травой развалины или камни, разбросанные по земле, или обгоревшие человеческие кости?.. Мертвый город, который, смешно сказать, когда-то назывался Иерусалимом? Где ели, пили и веселились, и не думали о завтрашнем дне, пока от него не остались только смрад, развалины и непогребенные кости! *(Сделав несколько шагов по сцене, сначала останавливается, потом медленно опускается на лежащую на полу циновку)*. О, как же недолго нам еще осталось ждать этого часа!.. Как же он близок уже, этот огонь, в котором сгорит все ненужное и все пустое!.. *(Прижимаясь ухом к земле, громким шепотом)*. Мне кажется, я уже слышу, как он гудит, ожидая, когда же, наконец, Господь выпустит его наружу, чтобы он мог пасть на головы грешников... *(Воет)*. У-у-у... Как он воет, этот огонь, торопя свой приход! Словно собака возле дома покойника!.. Словно палач, ожидающий своего часа, который не заставит себя долго ждать!.. Потому что – если есть завтра, то где же спрячутся от стыда сегодня те, кто поверил его обещаниям?.. Огонь, который пришел из адской бездны, чтобы отделить свет от тьмы и сделать мир преисподней. *(Громким шепотом)*. У-у-у.. У-у-у... *(Медлен-*

но раскачиваясь, глухо воеет, подражая тому вою, который слышат только его уши).

Петр (*поднимаясь и подходя к сидящему Павлу*): Довольно, брат. Успокойся. Приляг. Приляг... (*Пытается уложить Павла на циновку*).

Не слушая его, Павел продолжает раскачиваться, воя.

(*Повышая голос*). Именем Господа нашего, Иисуса Христа, заклинаю тебя, недобрый демон, какое бы ты имя не носил, выйди вон и оставь этого бедного человека. (*Неожиданно неумело, но сильно бьет Павла сначала один раз, потом второй, по другой щеке*).

Павел смолкает. Небольшая пауза.

Не бойся, брат, он ушел. Не бойся.

Павел: Ты меня ударил?

Петр: Не тебя.

Павел (*слабо*): Словно мула, который не захотел идти в свое стойло?.. Тогда, может, ты еще позовешь римских солдат, чтобы они препроводили меня в казармы, чтобы установить мою личность? Не забывай только, что я ведь и сам римский гражданин и при случае тоже могу прибегнуть к помощи силы!.. Вот было бы смешно, если бы Павел принялся отстаивать истину с помощью римских законов... (*Негромко*

смеется, затем заходится кашлем, сотрясающим его тело, внезапно ослабевшим голосом). Мне что-то опять зябко, Кифа. Так словно сейчас зима, и с гор дует северный ветер... Ты ведь не станешь меня больше бить, Кифа?.. Не надо. Потому что самые страшные демоны прячутся так далеко, что их не может достать никто, кроме одного только Божественного огня... (*Медленно опускается на циновку и, накрывшись овечьей шкурой, бормочет едва слышно*). Иди, иди, я, может быть, немного посплю...

Петр (*сидясь рядом с Павлом*): Я посижу с тобой немного.

Павел не отвечает. Пауза.

(*Поправляя овечью шкуру, едва слышно*) И все-таки, как же ты забыл, брат, что Тот, Кто выгнал пастись среди звезд Большую Медведицу, приходит к нам вовсе не с поучениями, на которые способна любая нянька, а в тишине своего молчания, от которого умолкают все человеческие разговоры и все слова кажутся ненужными и пустыми?.. Как же ты забыл, что Бог – это не Любовь, и не Огонь, и не Суд, а только молчание, которое – в дни печали, и в дни радости – оставляет человеку самому выбирать свой путь перед лицом этой тишины?..

Павел стонет во сне.

Да, да, брат... Нам надо только научиться молчать вместе с ним, потому что стоит нам открыть рот и заговорить, как оно немедленно исчезает и вместо него мы слышим только собственный голос, который лучше всякого грома и ветра забивает наши уши... Посмотри сам, брат. Что толку от того, что Павел будет без конца обличать Петра, а Петр обличать Павла, так словно истина это какая-то вещь, которую каждый норовит вырвать из рук другого?.. (*Усмехаясь*). Вот увидишь, лет через сто, когда все уже позабудут, что тут было на самом деле, наши имена станут путать и говорить, что Петр был во всем согласен с Павлом, а Павел с Петром, что они всегда жили душа в душу и даже умерли в один час, в одном и том же городе, в полном согласии с истиной и друг другом... (*Глухо*). И только мы с тобой будем знать, как оно было на самом деле... Только ты и я... Ты, я и больше никто. (*Смолкает*).

Сцена медленно погружается во мрак.

Картина пятая

Комната приема посетителей. Небольшое помещение с одним высоким, забраным решеткой окном. Стол, несколько кресел, две-три неяркие репродукции на стенах. На столе – несколько газет и журналов.

В комнате появляются Доктор и Эл, жена Йогана, называющего себя Павлом. В руке Эл большая сумка.

Доктор (*продолжая разговор*): И еще, госпожа Элизабет... Постарайтесь, чтобы каждую минуту он видел вашу любовь и заботу. Это очень важно. Ведь в том мире, в который он от нас ушел, он – Павел, о котором некому позаботиться, кроме нас с вами... Не стоит забывать об этом.

Эл (*издалека*): Да, господин доктор. Я помню. (*Медленно идет по сцене, не сразу*). Знаете. В последнее время я даже начала немного бояться его... Нет, нет, совсем не потому, что я опасаюсь, что он может оскорбить меня, накричать, ударить. (*Тихо*). Просто иногда мне кажется, что по сравнению с тем миром, в который он ушел, вся моя жизнь – это только призрак, а сама я – всего лишь тень, которая по ошибке думает, что она существует. (*Слегка насмешливо*). Надеюсь, вы не станете после этого считать меня сумасшедшей?..

Доктор: Помню, что однажды вы мне уже говорили об

этом.

Эл: Да, господин доктор... Иногда я чувствую это так остро, что мне хочется немедленно дотронуться до него рукой, чтобы убедиться, что я все-таки еще существую и что моя жизнь – это совсем не сон... (*Помедлив, с усилием, глухо*). Вот почему я часто думаю, что он вряд ли захочет когда-нибудь вернуться назад, мой Йоган. Ведь мир теней это совсем не то место, куда хочется вернуться, не правда ли?

Доктор: Ну, зачем же так мрачно, госпожа Элизабет? В конце концов, наш мир столь велик, что в нем найдется место даже для апостола Павла, лишь бы он сам захотел этого. (*Увидев входящего в комнату, в сопровождении сестры Ребекки, Павла*). А вот и он... (*Павлу*). Еще раз добрый день, господин Павел.

Не отвечая, Павел проходит к самому дальнему креслу у окна и садится боком к присутствующим, отвернувшись к окну. На лице его по-прежнему – черные очки.

Ребекка: Здравствуйте, госпожа Элизабет...

Эл: Здравствуйте, госпожа Ребекка.

Доктор: Что ж, не станем вам мешать... (*Негромко, в сторону Элизабет*). Тепло, забота и внимание... (*Уходит вместе с Ребеккой*).

Подойдя ближе, Эл садиться в одно из кресел. Она смотрит

рит на Павла, который продолжает молча смотреть в окно, словно не замечая сидящей рядом Эл. Пауза.

Эл: В конце концов, ты бы мог просто сказать: «Здравствуй, Эл».

Павел молчит. Небольшая пауза.

(Без выражения). Что ж. Хорошо. *(Поставив на колени сумку).* Посмотрим тогда, что тебе послала к Рождеству тета Зея. *(Доставая из сумки одно за другим).* Свитер, шарф, шерстяные носки. *(Вынимая из сумки пакеты).* Белье... Рукaviцы... Теплые тапочки... И еще вот кто. *(Ставит на стол пушистого медведя).* Помнишь его?.. Правда, он чудесный?

Павел молчит, безучастно отвернувшись к окну. Помедлив, Эл медленно убирает в сумку принесенные вещи и вновь опускает сумку на пол. Пауза.

Ну, хорошо. Если ты не хочешь мне ничего сказать, тогда, наверное, мне придется взять инициативу в свои руки... *(Поднимаясь со своего места, не сразу).* Хочешь, я расскажу тебе про одного человека, который ухаживал за мной много-много лет назад?.. Мне кажется, тебе будет интересно, хотя это случилось почти пятнадцать лет назад... Целая веч-

ность, не правда ли?

Павел молчит.

(Медленно идет по сцене). Мы познакомились с ним в подземке, когда я возвращалась домой. Он сидел прямо напротив меня в своей зеленой клетчатой куртке и такой же клетчатой кепке с большим козырьком... Боже, как же смешно он выглядел, если бы ты только знал!.. Ты даже себе представить не можешь, как это было смешно... Да еще эта газета, которую он читал с таким выражением, как будто никогда не видел до этого ни одной газеты. Он словно ел ее глазами, то поднимая брови, то с удивлением качая головой, так, словно не верил тому, что видит перед собой... А потом он поднял голову и посмотрел на меня. *(Остановившись, негромко и серьезно)*. И тогда я увидела его глаза...

Короткая пауза.

(Негромко). Они были словно две голубые звезды, словно два огня, которые вдруг видишь в темноте и понимаешь, что кроме них больше ничего не существует... Наверное, прошло много времени, пока я, наконец, не сообразила, что смотрю в глаза совершенно незнакомого человека и что мне совершенно не стыдно... Я даже не знаю, сколько мы ехали так, глядя друг на друга, пока, наконец, он не поднялся со

своего места и не сел рядом... (*Вновь опускаясь в кресло*). И знаешь, что он мне сказал?

Павел молчит.

Он сказал мне: «Милая барышня. Я проехал из-за вас свою остановку и теперь мне ничего не остается, как только предложить вам руку и сердце?..» (*Тихо смеется*). Вот так просто взял и предложил мне выйти за него замуж... Конечно, я подумала тогда, что это всего лишь не очень остроумная шутка, чтобы познакомиться с довольно симпатичной барышней, едущей вечером в полупустом вагоне метро. Мало ли какие бывают у мужчин отработанные приемы, чтобы завязать уличное знакомство? Кажется, я даже ничего не успела ему ответить, потому что поезд подъехал к моей станции. Я была уверена, что он оставит меня в покое, но он вышел вслед за мною и пошел рядом, продолжая говорить, что не отстанет, пока я не скажу ему «да»... (*Тихо смеется*).

Павел молчит. Небольшая пауза.

Потом, когда мы уже шли с ним по набережной, я сказала ему что-то вроде того, что никогда не выйду замуж за человека, который носит вот такую клетчатую зеленую куртку и такую ужасную кепку... Тогда ни слова не говоря, он снял с себя куртку и кепку, свернул их и швырнул через парапет,

прямо в воду, а затем посмотрел на меня своими ужасными глазами и сказал: «Надеюсь, никаких других препятствий больше не существует?»»

Павел насмешливо фыркает.

Нет, это было совсем не смешно, дорогой мой. Во всяком случае, тогда мне было совсем не смешно, потому что был ноябрь и дул сильный ветер, а он стоял в одной рубашке и смотрел на меня своими голубыми глазищами, как будто это я была виновата в том, что мы не можем решить какой-то пустяковый вопрос и непонятно зачем должны мерзнуть здесь, на ветру. (*Смеется*). О, Господи... (*Помедлив*). Если бы ты только знал, как я разозлилась тогда. Боже мой, как же я разозлилась!.. Конечно, я могла бы пригласить его к себе, напоить горячим чаем с медом и найти какую-нибудь одежду, но я была так зла, что просто повернулась и пошла прочь, тем более что все это происходило прямо перед парадной моего дома. Я захлопнула дверь прямо у него перед носом и даже не посмотрела на него. (*Помедлив, негромко*). Ты ведь знаешь, почему я разозлилась, дорогой?..

Павел молчит. Короткая пауза.

Ну, конечно, ты знаешь... Просто я вдруг поняла, что все это серьезно, что прошлая жизнь закончилась и начинает-

ся что-то совсем другое, и при этом начинается, не спросив моего согласия, не поинтересовавшись, хочу ли я этого или, может быть, совсем не хочу и не желаю... Это было, как стук в дверь, неожиданный и требовательный. Так, наверное, стучит судьба, требуя, чтобы ей немедленно открыли, и вот тебе приходится теперь вставать, оставив уютное кресло и отложив в сторону занимательный роман, который ты читала, и идти открывать дверь, за которой, может быть, тебя уже ждет что-то ужасное... (*Помедлив, негромко*). Вот почему я ничуть не удивилась, когда на следующий вечер увидела его сидящим на скамейке возле моего подъезда... (*Едва слышно*). О, Господи... Почему же никто и никогда не спрашивает нас, хотим мы то, что нам предлагают, или нет?... (*Замирает, уткнувшись лицом в ладони*).

Короткая пауза.

Павел (*не поворачивая голову*): Он был глупец, этот твой человек.

Эл (*подняв голову, почти сердито*): Не говори так... Он был самый замечательный, самый умный, самый нежный человек из всех, кого я только знала.

Павел: А я говорю тебе, что он был глупец. Глупец – и больше ничего. Самодовольный и занятый только самим собой дурак.

Эл: Неправда!..

Короткая пауза. Павел молчит.

(Негромко). Неправда... *(Помедлив).* Знаешь, когда я в первый раз пришла к нему домой, то увидела там такой чудовищный беспорядок, который трудно себе даже вообразить. Неделями немытая посуда, грязное белье по углам, и везде книги, книги, книги – на полу, на подоконнике, на кухне, в ванной, везде... Боже мой, что это был за беспорядок! И только на столе, за которым он работал, всегда была идеальная чистота... В один прекрасный день, когда его не было дома, я устроила страшную уборку, помыла окна, отскребла и вымела всю грязь, вытерла пыль, перестирала все, что смогла найти, так что, когда он пришел, квартира просто сияла и светилась... Ты, наверное, думаешь, он сказал мне «спасибо»?.. Как бы не так. Он наорал на меня, как будто я не убрала, а наоборот, выпачкала все, что только можно... *(Смеется).* Боже, как же он тогда орал... Но знаешь, что я тебе скажу, дорогой?.. Я видела, что ему нравится все, что я сделала. Просто он не терпел, когда кто-то влезал без разрешения в его мир, – будь это порядок в его комнате или порядок, который существовал в его голове...

Павел презрительно фыркает.

(Упрямо). Да, представь себе, ему нравилось, когда все

шло именно так, как он хотел. А кому, интересно, это не понравилось бы?... Но он никогда не был упрямым из-за одного только упрямства. Конечно, он часто был капризным, словно ребенок, но, вместе с тем, он мог тебя выслушать и согласиться с тобой, если считал это правильным, а уж это встретишь сейчас нечасто...

Небольшая пауза. Павел молчит.

(Негромко). А главное, мы были счастливы вместе. Каждый день. Каждое утро и каждый вечер... Разве этого недостаточно?... Скажи мне, разве этого мало?

Павел: Я уже сказал тебе, женщина, – он был глуп и самоуверен, этот твой человек... Жалкий дурачок, который не знал даже, в какую сторону ему следовало идти.

Эл *(погасившим голосом):* Неправда.

Павел *(повернувшись к Эл, немного повысив голос):* Ну, конечно, он не был каким-нибудь особым чудовищем. Скорее, самым обыкновенным человеком, каких тысячами встречаешь каждый день на улице. Ленивый, самодовольный, ограниченный. Возможно, он действительно был счастлив с тобой, почему бы и нет? Ведь тот, кто родился слепым, не знает, что такое солнечный свет, и бывает счастлив, оставаясь во мраке, но только до тех пор, пока его не исцелит нож хирурга. Как вот этого твоего человека, который просто вышел однажды прогуляться или отправился по каким-то сво-

им делам, когда мир вокруг него вдруг исчез, и он увидел себя, идущим по дороге в Дамаск. По этой глинистой, хорошо утрамбованной дороге, по которой до него прошли миллионы ног. По пыльной дороге, на обочине которой то там, то здесь белели кости людей и верблюдов, а солнце палило над головой так, что у него немедленно пересохло горло, и кожа на лице и руках стала шелушиться и трескаться... (*Поднимаюсь со своего места, сердито*). Знаешь, каково это – идти по дороге, которая называется «старая дорога в Дамаск», хотя может быть, в конце ее никогда не было никакого Дамаска, да, наверное, и никакого другого города, как не было, вполне возможно, даже колодца, или постоянного двора, а были только эти пустые разговоры о том, что находится там, в конце пути. Как будто кто-то действительно может это знать – что там находится?.. (*Идет по сцене, время от времени останавливаясь и продолжая говорить*). И все это потому, что человек всегда придумывает себе какой-нибудь Дамаск, а заодно уж какое-нибудь безотлагательное и важное дело в этом Дамаске, тогда как на самом деле не существует никакого Дамаска, а есть только эта пустыня, да белевшие по обочине дороги кости, которые никто не хочет замечать, думая, что самое главное ожидает его впереди... (*Помедлив*). Как этот человек, о котором ты вспомнила. Он тоже думал, что впереди его ждет Дамаск... Дамаск, слава, почет, восхищение окружающих, обед с градоначальником. Он торопился вперед, не замечая ни пота, заливающего глаза, ни пыли, ни бе-

левших костей. Я ведь сказал тебе, что он был глуп, этот человек. Глуп и самодоволен, как глупы и самодовольны все эти миллионы, которые шли по этой дороге до него и будут идти после. И он оставался таким до тех пор, пока не увидел Распятого, который стоял и смотрел на него. Он просто стоял в стороне и смотрел, так, что этот человек тоже остановился, не в силах тронуться дальше, чувствуя только, что время остановилось. И вот так они стояли, кто знает сколько? Час? Год? Вечность? Стояли, пока, наконец, Распятый ни разомкнул губ и ни сказал ему... Ты ведь знаешь, что Он сказал ему, женщина?

Эл (*тихо*): Да.

Павел: Он сказал ему: «Павел... Зачем ты гонишь меня, Павел?» И этот человек, о котором ты рассказываешь, не нашел ничего лучше, чем сказать в ответ: «Я не Павел, Господи». Но Господь сказал ему: «Наверное, я знаю лучше тебя, кто ты. Скажи, зачем ты гонишь меня?». И голос его был словно мягкий северный ветер, когда он вдруг приносит прохладу в середине осени. Он был, как шелковая туника, которая скользит по телу, касаясь и не касаясь его, как запах цветущего миндаля, от которого кружится голова... И когда этот голос коснулся ушей того человека – и глаза его раскрылись, и он увидел, словно впервые, и эти белевшие на обочине кости, и это марево, плывущее над раскаленными песками, и этот падающий с неба жар, от которого не было спасения ничему живому, и еще эту дорогу, которая вела из

ниоткуда в никуда. И тогда он понял, что Дамаск, из которого он шел и Дамаск, в который он торопился, – всего только сон, который уже подошел к своему концу, потому что пробуждение близко...

Эл: Йоган...

Павел (*резко*): Не смей называть меня больше этим именем!.. Слышишь?

Эл (*тихо*): Да.

Павел: Здесь есть только Павел, и больше никого.

Эл (*тихо*): Да.

Павел: Павел, получивший свое имя по дороге в город, которого никогда не было!

Эл: Да. Да. Да...

Павел: Идущий за своим Господом и поэтому не желающий знать ничего другого! (*Смолкнув, отходит и, остановившись у окна, смотрит на улицу*).

Пауза.

(*Негромко*). Я знаю, что ты хочешь сказать мне, женщина. Ты хочешь сказать мне, что я никогда не был на этой дороге и никогда не торопился в Дамаск, а это значит, что я никогда не видел Господа, который в своей милосердии позвал меня по имени. (*Продолжая говорить, медленно идет по сцене и останавливается за креслом, в котором сидит Эл*). Или, может быть, все-таки был?.. (*Наклонившись к Эл, резко*). Мо-

жет быть, когда Он приходит к человеку, то вместе с ним приходит и все остальное?.. И эта жара, и эта пыль, и этот заливающий глаза пот, и этот раскаленный песок – так что все, что казалось до этого вздором, вдруг становятся явью? Когда все Дамаски в мире вдруг превращаются в мираж и остается только одна эта дорога, которая не имеет ни начала, ни конца?.. (*Яростно тряся кресло Эл*). А теперь скажи мне, был я там или нет?.. Был?.. Был?.. Или не был?..

Эл: Перестань!

Павел (*отпустив кресло*): Или ты действительно до сих пор не видишь, что мы все идем по этой дороге, ничего не понимая и болтая свои милые глупости, пока однажды Господь не откроет нам глаза, чтобы ослепить их солнцем и засыпать песком?.. Разве ты не чувствуешь, как он хрустит у тебя на зубах? Как от жары трескается кожа? Как ссохлись внутренности, и в горле застряла наждачная бумага?.. Или ты, действительно, думаешь, что там, в конце тебя ждет тень и прохлада? (*Издевательски смеется*). Ну, тогда ты просто жалкая дура, которая боится лишиться своего паршивого прошлого, за которое она цепляется так, словно оно действительно может ее спасти...

Эл (*поднявшись с кресла, громко*): Замолчи! (*Сделав несколько шагов*). Замолчи. Прошу тебя... (*Повернувшись, медленно идет по сцене*).

Небольшая пауза.

(Остановившись, глухо) Наверное, ты прав. Потому что я действительно боюсь лишиться своего прошлого. Всего того, о чем я вспоминаю теперь каждый вечер, перед тем как заснуть, что лежит в ящиках моего стола старыми письмами, записками, фотографиями. *(Резко повернувшись к Павлу, почти кричит)*. Но я боюсь потерять его только потому, что знаю – пока есть прошлое, то должно быть и будущее, а значит, все еще можно исправить и вернуть!

Глядя на Эл, Павел негромко смеется. Небольшая пауза.

(Тихо). Но почему?.. Почему? Почему?

Павел *(неожиданно схватив Эл за руку, тащит ее к окну)*: Видишь это?.. Видишь?.. Видишь?.. Эти окна, эти крыши, эти улицы, переулки, деревья? Этих людей, которые спешат по своим делам?.. Эти витрины, вывески, антенны, уютные дворики, машины? Все то, что скоро сожжет небесный огонь, потому что мера беззаконий дошла до последней черты и терпение Господа, наконец, истощилось... Теперь-то ты, надеюсь, понимаешь, почему у тебя нет никакого прошлого?.. Его нет, потому что оно сгорело вместе с твоим будущим. Вместе с твоим проклятым будущим, которое уже никогда не наступит, потому что там, где нет будущего – там не может быть и никакого прошлого, в котором мы могли бы укрыться вместе со своей спесью, гордостью, и пустыми

надеждами... (*Не отпуская Эл*). А теперь скажи мне, был я там или нет?

Эл: Не знаю. Пусти.

Павел: Чертова лгунья!.. Ты ведь прекрасно знаешь, что я там был! Весь мир знает это, но почему-то делает вид, что ничего не случилось... (*Трясет Эл*). Так был я там или нет?

Эл (*сдаваясь*): Был. Был. Пусти.

Павел: На дороге, ведущей в Дамаск?

Эл: Да. (*Вырвав руку, наконец, отходит в сторону*).

Павел: Под защитой Господа, который смилостивился надо мной?

Эл: Да. Под защитой Господа, который смилостивился над тобой... Я пойду. (*Идет к двери*).

Павел: Постой.

Эл останавливается.

Иди сюда. (*Подходя, негромко*). Я хочу, чтобы ты принесла мне кое-что. Кое-что, что никто не принесет мне, кроме тебя... (*Понизив голос*). Так, чтобы не видел ни доктор, ни кто-нибудь другой, потому что это сюрприз... Ты слышишь?.. Сюрприз.

Эл: Да, я слышу.

Павел: Ничего серьезного. Только гвозди и молоток. Немного больших гвоздей, и небольшой молоток... (*Смеется*). Ты можешь положить их в свою сумочку, и никто этого

не заметит. Я думаю, никому даже в голову не придет, что ты пришла сюда с молотком и гвоздями...

Короткая пауза. Эл молча смотрит на Павла.

(Раздраженно). Ну, что ты смотришь, как будто я попросил тебя невесть о чем! Я ведь не прошу тебя принести мне ни нож, ни бритву, ни спички. Всего только горсть гвоздей и небольшой молоток, для того чтобы сделать сюрприз нашему доктору. Неужели это так трудно?.. Всего только гвозди и молоток. Ты слышишь?

Эл: Да.

Павел: Гвозди и молоток.

Эл: Я слышу.

Павел: Ты ведь принесешь их, правда? Не станешь огорчать меня отказом?

Эл молчит.

Ну, конечно, ты принесешь. Хотя бы ради того прошлого, о котором ты только что говорила. Ради того прошлого, которое имеет смысл только тогда, когда оно прорастает в будущем, чтобы исполнить то, что хотят от нас Небеса... Ты ведь не станешь спорить с Небесами и принесешь их, да?

Эл (издали): Да.

Павел: Немного вот таких гвоздей и небольшой молоток,

чтобы порадовать нашего доктора.

Эл: Да.

Павел: Вот и хорошо. Вот и хорошо. (*Быстро идет по сцене, возбужденно потирая руки*). Вот увидишь, это будет прекрасный сюрприз. Отличный сюрприз. Он понравится и тебе, и доктору, и сестре Ребекке... Прекрасный, прекрасный, прекрасный сюрприз... (*Внезапно остановившись, повернувшись к Эл, резко*). Что?

Эл (*тихо*): Ничего.

Павел: Мне вдруг показалось, что ты что-то сказала....

Эл: Нет.

Пауза. Павел и Эл молча смотрят друг на друга. Сцена погружается во мрак.

Картина шестая

Общий холл психиатрического отделения. Напоминаая о приближающемся Рождестве, стены и двери теперь украшают разноцветные гирлянды. О близком празднике напоминает и небольшая искусственная елочка на столе дежурной сестры.

Утро.

Йонатан и Йозеф стоят у входной двери возле присевшего на корточки у замочной скважины Йансенса.

Пауза, время от времени, прерываемая нетерпеливыми восклицаниями стоящих у двери.

Йонатан: Ну, что там, что там? Что? Что?.. Йансенс!

Йансенс *(не отрываясь от замочной скважины):* Погоди...

Йонатан: Дай мне посмотреть.

Йансенс: Да, погоди ты!..

Йонатан *(упрямо):* Дай посмотреть!

Йозеф: Ну, что там, Йансенс?

Йансенс: Ничего.

Йозеф: Совсем?

Йансенс: Совсем.

Йонатан: Говорю же тебе, дай посмотреть! *(Пытается*

оттолкнуть Йансенса от двери).

Йансенс (*с трудом удержавшись*): Эй, эй, эй... Ты что? (*Замахивается на Йонатана*). Смотри у меня. (*Вновь возвращается к замочной скважине*).

Йонатан: Говорю тебе, дай посмотреть.

Йозеф: Не кричи, разбудишь Павла.

Йонатан, Йорген и Йозеф на мгновение оборачиваются и смотрят на закрытую дверь, за которой отдыхает Павел, затем вновь поворачиваются к Йансенсу.

(Нетерпеливо). Ну, что там, Йансенс?

Йансенс молчит.

Видишь что-нибудь?

Йансенс: Ничего.

Йозеф (*почти с обидой*): Тогда я пошел. Разве можно столько ждать? Они сказали, что сейчас придут, и до сих пор никого нет. Зачем тогда надо было говорить, что они сейчас придут? (*Отходит от двери и сразу возвращается*). Ну, что? Видишь чего-нибудь?

Йансенс молчит.

Йансенс!

Йансенс (*глухо*): Идут. (*Оторвавшись от замочной скважины*). Идут. Идут... (*Поспешно отбегают от двери*).

Йозеф: Идут! (*Хихикая, потирает руки*). Идут!..

Йонатан: Ты видел? Видел?

Все четверо молча смотрят на дверь. Короткая пауза.

Ты, правда, их видел, Йансенс?

Дверь открывается и на пороге появляется сначала Йорген, затем Йонас. В руках у них коробки с рождественскими подарками. Вслед за ними входят сестра Ребекка и Доктор.

Доктор: Поставьте их на стол.

Йорген и Йонас ставят коробки на стол.

Йансенс (*прыгая*): Подарки! Подарки! Подарки!..

Доктор (*Йансенсу*): Тише, Йансенс!.. Ты сейчас кого-нибудь разбудишь...

Йозеф: Павел спит. Он только что уснул. И Йорк тоже.

Доктор: Тем более вам надо вести себя потише. (*Подходя и прикрывая дверь палаты Павла*). Я думаю, вам следует быть немного внимательнее друг к другу, а особенно в такой день, как сегодня.

Йансенс (*продолжая прыгать, шепотом*): Подарки! По-

дарки!

Ребекка: Йансенс!

Йансенс (*перестав прыгать, шепотом*): Подарки! Подарки!

Доктор: Ну, давайте посмотрим, что прислал нам сегодня Санта Клаус. (*Ребекке*) Фрау Ребекка, пожалуйста...

Ребекка (*достав из коробки халат и развернув его*): Господин Йонас. Это вам... С Рождеством, господин Йонас.

Доктор: С Рождеством, господин Йонас.

Йонас (*растроган*): О, господин доктор... Это мне? (*Подходит ближе*). Это, правда, мне?

Доктор: Конечно, господин Йонас.

Йонас: Значит, я могу это примерить? Да?

Доктор: Сделайте одолжение, господин Йонас. Порадуйте нас всех.

Пока Йонас примеряет халат, Ребекка вынимает из коробки свитер.

Ребекка: А это вам, господин Йонатан... (*Протягивая свитер Йонатану*). Носите на здоровье, господин Йонатан. С наступающим Рождеством.

Доктор: С Рождеством, господин Йонатан.

Йонатан: Спасибо, господин доктор. Я весьма тронут. (*Взяв свитер, натягивает его прямо на свою больничную куртку*).

Йонас (*облачившись в халат*): Посмотрите, господин доктор... Кажется, неплохо, да?

Доктор: Просто великолепно, господин Йонас... Мне кажется, что вы помолодели сразу на десять лет... Что скажете, фрау Ребекка?

Ребекка: Вам очень идет, господин Йонас. (*Достает из коробки следующий подарок*). Господин Йозеф... (*Подходит к Йозефу*). С рождеством, господин Йозеф. Неплохая рубашка, мне кажется. Настоящий хлопок.

Йозеф: Спасибо, фрау Ребекка. (*Забрав из рук Ребекки рубашку*). Спасибо. Похоже, что это мой любимый цвет, господин доктор.

Доктор: Вот и прекрасно, господин Йозеф. Я очень рад, что мы угадали. Носите на здоровье... (*Йансенсу*). А теперь пусть господин Йансенс достанет то, что лежит в другой коробке... Ну-ка, ну-ка, что там у нас?

Йансенс достает из коробки большое банное полотенце.

Господи, какая красота!.. Полотенце!.. И кто же его получит?.. Я думаю, что, наверное, тот, кто его первый достал, не правда ли, господин Йансенс?

Ребекка: С Рождеством, господин Йансенс...

Йансенс: Полотенце!.. Но это просто... просто... я не знаю, что это такое... (*Прыгает с полотенцем, прижимая его к груди*). Полотенце... Полотенце!.. Полотенце!..

Доктор: Тише, тише, Йансенс...

Йансенс (*громким шепотом, не переставая прыгать*):

Полотенце, полотенце, полотенце...

Фрау Ребекка достает из коробки пакет.

Доктор: Господин Йорген... Надеюсь вам понравится. С Рождеством, господин Йорген

Ребекка: С Рождеством, господин Йорген.

Йорген (*принимая из рук Ребекки сверток, несколько чопорно*): Благодарю вас, господин доктор. Благодарю, фрау Ребекка. Я тронут.

Йансенс (*перестав прыгать*): Это что, тоже полотенце?.. Да, Йорген?.. Это полотенце, фрау Ребекка?

Доктор: Нет, Йансенс, это не полотенце. Это шарф и шерстяные носки.

Йорген достает из пакета шарф и обматывает его вокруг горла. То же немедленно делает и Йансенс, обмотав вокруг своей шеи полотенце.

Йансенс: Значит у меня тоже шарф, господин доктор?

Доктор: Боюсь, Йансенс, что у тебя все-таки полотенце. Но иногда ты, конечно, можешь использовать его в качестве шарфа. Только, пожалуйста, делай это не слишком часто... У нас здесь еще подарки для Павла и Йорка, но поскольку

они сейчас спят, то вы передадите их, когда они проснутся.

Йансенс: Санта тоже подарил им шарфы?

Доктор: Нет, Йансенс, он подарил им теплое белье.

Йансенс: Теплое белье?.. Это хороший подарок. Я думаю, господин Павел останется доволен... Правда, Йонас?

Йонас: Конечно, он останется доволен... Скажите, господин доктор, это правда, что сегодня не будет процедур?

Доктор: Это правда, Йонас. Сегодня все процедуры отменяются. А после праздничного обеда, мы все пойдем смотреть фильм про Санта Клауса.

Йонас (*остальным, громко*): Ну, я же вам говорил! (*Подпрыгнув и издав торжествующий крик*). Ненавижу процедуры. Ненавижу процедуры. Ненавижу процедуры. (*Прыгает*).

Йонатан: И я тоже! (*Прыгает*)

Йозеф: И я.

Йорген: И я, и я!

Доктор: Тише, тише, друзья мои... Скажу вам по секрету, что мы с фрау Ребеккой тоже от них не в восторге. (*Ребекке*). Правда, фрау Ребекка?.. Но что же делать? Если мы хотим быть с вами здоровыми и умными, то нам приходится приносить эту небольшую жертву и немного потерпеть, тем более что, в конце концов, это совсем не так уж и страшно... Верно, Йорген? Ты, ведь знаешь, конечно, что такое жертва?

Йорген: Конечно, я знаю, господин доктор. Жертва, это то, что принес людям Спаситель.

Доктор: Да, Йорген. Это то, что принес нам Спаситель. А

вы знаете, что Он принес в жертву за всех нас самого себя?.. Он отдал за нас свою жизнь, а по сравнению с этим нам с вами надо отдать совсем немного, почти ничего. Просто взять и сходить на процедуры. Скажи, Йозеф, разве это трудно?

Йозеф: Может – да, а может – и нет, господин доктор.

Йансенс (хихикая): Может – да, а может – нет!

Йорген и Ионас негромко хихикают.

Доктор: Скажите, какой хитрец... Ни да, ни нет. (*Шутливо грозит Йозефу пальцем*). Разве Спаситель учил тебя хитрить, Йозеф?

Йозеф: Я читал, что когда Он родился, то было слышно, если кто-то ронял иголку в соседнем доме. Разве это правда?

Доктор: Да, Йозеф. Когда Он родился, то на земле наступила такая тишина, что за много миль можно было услышать, как тает в горах снег и поднимается из трубы дым. Все злые духи зла затаились, спрятавшись глубоко под землю, и не могли причинить никому зла, потому что они лишились в эти дни своей силы...

Ионас: Тогда скажите, почему они не исчезли совсем?

Доктор: Не знаю, Ионас. Может быть, потому, что еще не пришло их время. А может быть, Бог еще раз хотел дать им возможность подумать и исправиться... (*Уходя*) Ну, а теперь мы с фрау Ребеккой хотим еще раз поздравить всех вас с Рождеством, – всех вместе и каждого по отдельности... Тебя

Йонас... Тебя Йорген... Тебя Йонатан... Тебя Йансенс... И тебя тоже, хитрый Йозеф...

Все (*вразнобой*): Спасибо... Спасибо... Спасибо...

Ребекка: С Рождеством.

Доктор (*стоя на пороге открытой двери*): С Рождеством.

Доктор и Ребекка исчезают. Дверь закрывается. Короткая пауза.

Йонас (*Йоргену, шепотом*): Послушай, Йорген... Мне почему-то кажется, что он совсем даже не похож ни на какого дьявола. Разве дьявол празднует Рождество?

Йорген (*разматывая и снова заматывая шарф*): Ты говоришь о докторе?

Йонас: А о ком же еще?.. Конечно, я говорю о докторе.

Йорген (*занятый шарфом, беспечно*): Но Павел сказал, что он дьявол. По-твоему, Павел может ошибаться?

Йонас: Ну, конечно, нет, Йорген. (*С сомнением*). Но посмотри сам. Неужели ты думаешь, что дьявол может дарить людям рождественские подарки? (*Повернувшись к Йонатану*). Послушай, Йонатан, ты слышал когда-нибудь, чтобы дьявол дарил людям подарки, да еще и на Рождество? Разве он не враг всех людей? Посмотри хотя бы на мой халат, разве от него пахнет серой или на нем есть какие-нибудь следы от адского пламени? Да, откуда, скажи, у дьявола вообще

может быть такой красивый халат? (*Раскрыв полы халата, кружит по сцене*).

Йансенс: Вы лучше посмотрите на мое полотенце... Оно может быть полотенцем, а может быть шарфом... (*Подражая Йоргену, наматывает вокруг шеи полотенце, а потом разматывает его*). Видели?.. Если я захочу, то могу превратить его во что угодно.

Йозеф: Ты можешь превратить его во что угодно, но только не в рубашку...

Йансенс: Мое полотенце?

Йонатан: И не в свитер.

Йансенс: Мое полотенце?

Йонас (*продолжая кружиться*): И не в халат.

Йансенс: Мое полотенце?

Йорген: Посмотри, оно даже не похоже на шарф.

Йансенс (*с отчаяньем*): Мое полотенце!

Йорген: Никакого сходства!

Йансенс (*кричит*): Мое полотенце! (*Схватив со стола пустую коробку, швыряет ее в Йоргена*)

Йорген: Не попал, не попал! (*Схватив коробки, со смехом, швыряет ее в Йансенса, но попадает в Йозефа*)

Йозеф: Моя рубашка! Эй, ты дотронулся до моей рубашки! (*Подняв коробку, швыряет ее назад в Йоргена*).

Йорген (*поймав на лету коробку*): Видали?.. Видали? (*Смеется*). Я поймал ее... Эй, Йонас, ты видел? (*Швыряет коробку в сторону Йонаса*).

Йонас (*отбивая коробку назад, в сторону Йоргена*): Перестань сейчас же! Ты можешь испачкать мой халат!

Йорген (*ловя коробку*): Глупости!.. Видел? Я опять поймал ее!

Йонатан: Брось ее мне! Мне!

Йорген: Лови! (*Швыряет коробку в сторону Йонатана*).

Йонатан (*поймав коробку*): Поймал!.. Смотрите! (*Бежит с коробкой по сцене, затем, размахнувшись, кидает ее в сторону Йансенса*). Эй!..

Йансенс (*бросается за летящей коробкой и, поймав ее, падает вместе с ней на пол*). Я поймал, поймал... Вы видели? Я тоже поймал... (*Смеясь, остается лежать на полу*).

В тот момент, когда Йансенс бросается за коробкой, на пороге своей палаты появляется Павел. Как и в предыдущих сценах, он в черных, скрывающих глаза, очках. Никто не замечает его. Короткая пауза.

Павел (*глядя на лежащего Йансенса*): Чему это ты там радуешься, Йансенс?

Все головы поворачиваются к Павлу. Смех Йансенса смолкает и сам он садится на пол, держа в руках коробку. Короткая пауза.

(*Подходя ближе*) Может, расскажешь заодно и мне, чтобы

МЫ ПОСМЕЯЛИСЬ ВМЕСТЕ?

Йансенс медленно поднимается с пола. Короткая пауза.

Наверное, это что-то очень смешное, раз ты не побоялся разбудить своим смехом и меня, и Йорка?

Йансенс молчит.

Что же ты молчишь, сынок?

Йансенс: Мы смеялись, потому что сегодня Рождество нашего Спасителя, разве нет? (*Оглядывается сначала на Йоргена, потом на Йонаса*) Ведь сегодня праздник, верно, Йонас? (*Ставит коробку на стол*).

Павел: Так значит, ты валяешься на полу и хохочешь, как сумасшедший, потому что сегодня праздник Рождества? Я правильно тебя понял, Йансенс? (*Подходя ближе*) А ты случайно не забыл, зачем Он приходил к нам на землю, наш Спаситель? Не забыл, что Он родился, чтобы быть распятым и умереть ради таких, как ты или Йорк?.. Или ты думаешь, что Он родился для того, чтобы вы могли орать и валяться, позабыв всякий стыд, на полу, словно избалованные и непослушные дети?

Йансенс (*в смятении*): Я думаю... я думаю, что Он родился как раз для того самого, для чего ты говоришь, Павел. Ну, для того, чтобы умереть за меня и за всех остальных, как

ты сказал. Разве нет?

Павел: Ты тоже так думаешь, Йорген?

Йорген: Конечно, Павел.

Павел: А ты, Йонас? Ты, Йонатан? Ты, Йозеф?

Йонас, Йонатан, Йозеф (*вместе*): Да, Павел. Конечно,

Павел. Конечно.

Павел: Тогда почему же вы не берете с него пример, а шумите и валяетесь на полу, вместо того, чтобы быть готовыми умереть за своего Господа так, как умер когда-то за вас Он сам? (*Остановившись напротив Йансенса, резко*). Разве ты не хочешь умереть за Него, Йансенс?

Йансенс: Я?.. Конечно, я хочу, Павел... Я с удовольствием умер бы за него, если бы это было надо. (*Остальным*) Ну, что вы так на меня смотрите? Я ведь сказал, что готов умереть за нашего Господа хоть сию минуту!

Павел: А ты, Йозеф? Ты тоже готов отдать жизнь за нашего Господа?

Йозеф: А разве нет? Конечно, я готов.

Йонатан: И я тоже, учитель.

Йонас: И я!

Йорген: И я тоже. Мы все готовы умереть за нашего Господа, хоть сто раз.

Павел: Тогда вам следовало бы не орать и не носиться, как сумасшедшим, а твердо помнить, что дело совсем не в том, что ты родился. Потому что рождаются и воры, и прелюбодеи, и убийцы, и богохульники. Дело только в том, кем

ты умрешь, когда пробьет твой последний час... Кем умрешь ты, Йонас, вот что важно... (Йонатану) Кем умрешь ты, Йонатан... Кем умрешь ты, Йозеф. Кем все вы умрете, чтобы предстать перед страшным судилищем Христовым, потому что все остальное не имеет никакого значения. (*Заметив стоящую на столе коробку*). Что это?

Все молчат. Короткая пауза.

Я спрашиваю, что это такое, Йозеф?

Йозеф: Это коробка от наших рождественских подарков.

Павел: От ваших рождественских подарков? (*Протягивая к коробке руку и тут же отдергивая ее назад, словно боясь обжечься*). Ну, теперь-то мне понятно, почему вы орали словно сумасшедшие. Оказывается, все дело в подарках. А послушать шум, который вы подняли, так можно подумать, что вы получили не подарки, а дары Святого Духа... И что же вам подарили?.. А, Йозеф?.. Может быть вечную жизнь? Или доброе сердце? А может веру, которая может двигать горами?

Йонас: Мне подарили халат.

Павел: Вот этот?.. (*Несколько мгновений смотрит на халат Йонаса*). Отличный подарок, Йонас. (*Негромко смеется*). Представляю, как прекрасно ты будешь выглядеть в нем в день Страшного суда, когда черти заставят тебя съесть его до последней нитки... А что у тебя, Йонатан?

Йонатан молча показывает Павлу свитер.

И это прекрасный подарок. Не трудно представить, как ты будешь обливаться в нем потом возле адского огня... А тебе, Йозеф?

Йозеф: Мне подарили рубашку.

Павел: Вот эту?.. (*Рассмеявшись*). Ей-Богу, ты похож в ней на эдакого пестрого попугая, который возомнил себя райской птицей. Уж, наверное, черти в аду не откажут себе в удовольствии погонять такую птичку по всей преисподней!.. Ну, а какими подарками порадуешь нас ты, Йансенс?

Йансенс: Мне подарили полотенце.

Павел: Полотенце? Тебе? (*Издевательски смеется*). Нет, вы только посмотрите!.. (*Подходя к Йансенсу, холодно*). А хочешь, я скажу тебе, что ты будешь делать с этим полотенцем, когда придешь с ним в ад?.. Ты будешь вытирать им ноги Вельзевулу, его грязные, вонючие ноги, которые воняют так, как не воняют нечистоты всего мира... Прекрасный подарок, Йансенс. Ей-Богу, не найдется на земле такого грешника, который бы тебе не позавидовал.

Йансенс (*страдая*): Павел...

Павел (*повернувшись к Йоргену*): А тебе, Йорген, как я вижу, подарили шарф... Случайно, не тот, на котором повесился Иуда после того, как предал нашего Господа? (*Оглядывая окружающих*). И это вы называете рождественскими

подарками?

Йонатан: Но ведь на Рождество всегда дарят подарки, учитель. Тебе здесь тоже есть подарок. И тебе, и Йорку. *(Взывает со стола коробку)*. Вот посмотри. Это теплое белье. *(Идет к Павлу)*. Мне кажется, что это хороший подарок, правда?... *(Подходя и протягивая Павлу коробку, почти заискивающе)* Ведь это хороший подарок, Павел? Разве ты не жаловался в последнее время на то, что мерзнешь на прогулках?

Взяв коробку, Павел какое-то время стоит, молча разглядывая ее содержимое, затем черты его лица искажает ярость. Он высоко поднимает коробку над головой и затем с силой швыряет ее на пол. Стоящие рядом с ним Йонатан и Ионас отшатываются. Небольшая пауза. Тяжело дыша, Павел оглядывает присутствующих.

Павел: Или вы действительно думали, что Павел променяет свое спасение на ваши проклятые тряпки?... Что он предаст своего Господа из-за какого-то теплого белья?... *(Медленно наступает на пятящихся от него Йонатана и Ионаса)*. Хорошо же вы думаете о своем брате, если решили, что он хуже Исава, променявшего свое первородство на чечевичную похлебку!.. Хуже Ионы, бегавшего от Бога!.. Хуже Симона, торгующего Божьей благодатью!.. Ах вы, слепые глупцы, у которых не осталось ни капли веры... *(Неожиданно быстро схватив за волосы Йонатана и Ионаса, треплет*

их из стороны в сторону).

Йонатан и Йонас стоически сносят это, не издавая не звука.

Мерзкие, самодовольные, тупые глупцы!

Йозеф (*растерянно*): Но Павел... Ведь это всего только теплое белье... Разве нет?.. Какой вред может быть нам от какого-то там теплого белья?

Павел (*отпуская Йонатана и Йонаса*): Ты сказал, какой вред может быть от какого-то там теплого белья?.. Значит, по-вашему, это всего только теплое белье? И это говорят те, которых называют солью земли?.. (*Неожиданно остановившись, опускается на колени; подняв к небу голову, хрипло*). Прости, Господи, этих жалких слепцов, ибо они сами не ведают в своем неразумии, что творят... (*Горько*). Жалкие слепцы. Нет, Ты только взгляни на них... Теплое белье! (*Тихо смеется*). Они похожи на людей, которые собирают ягоды в самом логове змей. На глупых школьников, которые играют в футбол на тонком весеннем льду. (*Негромко, подняв глаза к потолку*). Откуда же им знать, Господи, что это совсем не белье, а крючок, который закинул Сатана, чтобы с пользой использовать отпущенное ему время?.. Сеть, которой он опутал весь мир, чтобы поймать себе ужин, который он приготовит на огне Страшного суда?.. (*Кричит*). Прости им, Господи!..

Йансенс (*жалобно*): Павел, Павел...

Павел (*опускаясь на пол, негромко*): Прости им, что они променяли Тебя на эти пестрые тряпки, забыв, что, может быть, уже завтра они будут гореть вместе с ними в огне, от которого нет спасения... Разве мог я представить, что они соблазнятся этими жалкими подачками, словно малые дети, которые не обращают внимания на настоящие драгоценности и тянутся к раскрашенному картону?.. Прости им, Господи, и накажи вместо них меня, Павла, потому что ведь это я не сумел как следует уберечь их души от дьявольских козней... Меня, Господи, меня, меня... (*Помедлив, едва слышно*). Ах, как же я устал, как же я устал, Господи... Ходить, умолять, предостерегать, упрашивать, наставлять, доказывать, и все только затем, чтобы увидеть, как они радуются, натягивая на себя эти мерзкие тряпки... (*Смолкает, закрыв глаза и опустив на грудь голову*).

Йансенс (*тихо*): Павел, Павел...

Долгая пауза. Никто из присутствующих не трогается с места, пока, наконец, Йонатан медленно ни снимает с себя свитер, затем подходит к столу и засовывает его в стоящую на столе коробку. Так же медленно он отходит прочь и исчезает за дверью своей палаты. Какое-то время на сцене царит полное оцепенение, затем, – на ходу снимая с себя халат, – к столу подходит Йонас; засунув халат в коробку, молча уходит в свою палату. Вслед за ним, почти одновременно,

менно, уходят – положив в коробку свою рубашку, – Йозеф и Йансенс, который бросил на стол свое полотенце. Последним, сняв шарф, уходит Йорген, который, впрочем, на мгновение задерживается возле двери, словно хочет что-то сказать Павлу, но затем исчезает.

Долгая пауза, в завершении которой Павел, подняв голову, видит торчащую из коробки одежду.

Павел (негромко): Я горжусь вами, дети мои... (Повышая голос). Слышите?... Я горжусь вами, ибо вы заставили дьявола устыдиться, и прикусить свой язык, и спрятать свои когти... (Поднявшись с пола, не спеша идет и останавливается у первой двери). Ничего, ничего, дети мои, ничего... Будут вам еще другие подарки, да, такие, о которых вы не могли раньше даже мечтать... (Подходит к следующей двери). О, какие подарки ждут вас впереди! Увидите посрамленного Сатанаила и конец воинства его... (Подходит к третьей двери) Увидите, как небеса совыются, словно свиток и огонь пожрет нечестивцев и дела их... Как море и земля отдадут своих мертвых, и как ангелы отделят пшеницу от плевел... Будете свидетелями того, как праведность будет награждена, а порок истреблен от лица земли...

Йорген (появляясь в дверях своей палаты, почти шепотом): Павел... Павел...

Павел (не слыша Йоргена): Увидите Господа нашего, поражающего грешников пламенем уст своих и святой остаток,

входящий в небесный Иерусалим... Много чего увидите вы скоро, скорее даже, чем вы думаете, потому что час уже близок...

Йорген: Павел, Павел...

Павел (*обернувшись*): Что, Йорген?

Йорген (*громким шепотом*): У меня важные новости... (*Подойдя ближе, по-прежнему шепотом*). Когда мы ходили за подарками, мне кажется, мы слышали что-то важное.

Павел: И что же вы слышали, Йорген?

Йорген (*косясь на открытые двери, шепотом*): Док-тор...

Павел: Тш-ш... (*Быстро обняв Йоргена за плечи, отходит с ним от дверей и останавливается на авансцене*).

Короткая пауза.

Йорген (*громким шепотом*): Он был очень недоволен, что сегодня весь персонал уйдет по случаю Рождества домой. Он сказал, что в таком случае он останется сам. Я подумал, что, это может быть, важно, а может, и нет...

Павел (*напряженно*): Весь персонал?.. Он так и сказал, весь персонал? Что он уйдет сегодня по случаю праздника?.. Ты случайно ничего не путаешь?

Йорген: Нет, учитель.

Павел: Что – «нет»? Что – «нет»?.. Ты слышал это сам? Своими ушами?

Йорген: Конечно, учитель. Мы были с Йонасом и он тоже это слышал...

Павел: Значит, и ты, и Йонас оба слышали, что сегодня никого не останется, кроме доктора и сестры Ребекки?

Йорген: Да, учитель.

Павел: И ты молчал об этом?

Йорген: Я хотел тебе сказать сразу, как вернулся, но ты спал.

Павел (*снимая очки, хрипло*): Господи... (*Хрипло, в сторону*). Господи... Выходит, это случится сегодня... То, чего мы так долго ждали... Верно, Йорген?.. Сегодня или завтра.

Йорген (*растерян*): Я... не знаю.

Павел (*вновь надевая очки*): А я говорю тебе, что это случится сегодня или, в крайнем случае, завтра... (*Глядя на Йоргена, словно не видя его, глухо*). И при этом – в самый канун Рождества... Потому что Господь всегда находит возможность предупредить тех, кто остается верен Ему до конца. (*Медленно опустившись на колени, замирает*).

Небольшая пауза.

Йорген: Учитель...

Павел: Подойди сюда, Йорген. (*Заставляет подошедшего Йоргена встать на колени, почти торжественно*). Возблагодари Господа, сынок, за ту милость, которую Он даровал тебе сегодня.

Йорген: Значит, мы принесли хорошие новости?

Павел: Хорошие?.. Вы принесли новости, которые вам доверили небеса. Разве могут быть новости лучше? (*С легким смехом*). Похоже, что с сегодняшнего дня ты работаешь посыльным у самого Господа.

Йорген и Павел негромко смеются, глядя друг на друга.

Не каждому доводится разносить божественные повеления.

Йорген (*смущенно*): Ты ведь не шутишь, учитель?

Павел: По-твоему, можно шутить такими вещами? Придет час и это зачтется тебе в день Страшного суда, Йорген. (*Негромко*). А теперь иди и оповести наших братьев, что сегодня в полночь я сообщу им нечто важное. Нечто такое, что человеческое ухо не слышало с того дня, когда за Адамом захлопнулись райские врата... Нет, погоди... Иди-ка сначала сюда... (*Подойдя к окну, вынимает из-под подоконника длинную доску*). Взгляни, какой подарок посылает нам Господь в день Своего рождения. Может быть, ее оставили строители, а может, принесли ангелы. Так или иначе, но она здесь, чтобы послужить божественному замыслу... Видишь? (*Смолкнув, рассматривает доску, поглаживая ее рукой*).

Йорген неуверенно хихикает. Короткая пауза.

Йорген: Это ведь доска, да, Павел?.. Зачем она тебе?

Павел (*оглядываясь на двери*): Тш-ш-шш... (*Не переставая поглаживать доску рукой, громким шепотом*). Ты, верно, спрашиваешь, каково ее предназначение? Хочешь знать, в чем оно?

Йорген: Ее предназначение?.. Этой доски?.. (*Осторожно дотрагиваясь до доски*). Мне почему-то кажется, что в ней есть что-то зловещее.

Павел: Ты так думаешь? (*Глядя на доску, помедлив*). Истинно, истинно... Помнишь, что сказано в нашей Книге? (*Негромко*). Ты открылся не искавшим Тебя, и дал зрение слепым, чтобы посрамить зрячих... (*Йоргену*). Хочешь, я открою тебе небольшой секрет, Йорген? Все в нашем мире, так или иначе, имеет свой смысл и свое предназначение. Разница только в том, что одни вещи служат к прославлению Бога, а другие к жалкой похвальбе Дьявола.

Йорген: А кому служит эта доска, учитель?

Павел: Она?.. (*Посмеиваясь*). А ты посмотри, посмотри... Она служит Богу, чтобы стать уловкой для Дьявола.

Йорген (*изумлен*): Вот эта доска?

Павел: Да.

Йорген: Быть уловкой для Дьявола?

Павел: Для него, Йорген.

Йорген: Для самого Дьявола?

Павел: Чтобы встать ему поперек глотки и разодрать его внутренности.

Йорген: Святой Боже! Подумать только! Самому Дьяволу!... *(С уважением дотрагиваясь до доски)*. И это все, что надо? Всего только вот эта доска и ничего больше?

Павел: Конечно, нет. Нам понадобятся еще гвозди и молоток, которые Господь, в своей неизреченной милости, послал нам, невзирая ни на какие запреты и происки Сатаны, потому что Он никогда не оставляет своих святых без помощи и поддержки. *(Убирая доску, сердито)* И довольно вопросов, Йорген, довольно вопросов. Если помнишь, Иона тоже задавал Богу слишком много вопросов, а вспомни, чем это кончилось?.. Иди и передай нашим братьям, что сегодня в полночь я сообщу им нечто чрезвычайно важное. Пусть будут готовы.

Йорген: Передать им, что ты сообщишь им сегодня вечером что-то чрезвычайно важное?

Павел: Да, Йорген. В полночь. Передай им это и скажи, что час уже близок. Пусть будут готовы.

Йорген: Я уже иду, Павел. *(Уходит)*.

Оставшись один, Павел некоторое время стоит неподвижно, затем медленно идет по сцене, сцепив руки за спиной. На лице его, кажется, можно прочесть выражение счастья.

Картина седьмая

Иерусалим. Ночь. Комната Петра. На столе горит масляная лампа, при свете которой Петр читает книгу. На пороге комнаты появляется Павел.

Павел: Сегодня такая духота, что невозможно заснуть... *(Проходя)*. А ты все читаешь?

Петр: Да, брат... Сегодня душно. Хочешь, смочи себе виски водой. Это помогает.

Павел: Потом. *(Садится на скамейку у стены)*. Я посижу у тебя.

Петр: Конечно, брат... Садись... Может быть, хочешь, чтобы я почитал тебе?

Павел: Как хочешь. *(Откинувшись к стене, закрывает глаза)*.

Петр: Тогда слушай. *(Читает)*. «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его – владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится...»

Павел *(открыв глаза, быстро)*: Постой... Ну, разве это не чудо?.. Это пророчество, сказанное пятьсот лет назад, ко-

торое мы читаем сегодня, когда оно почти исполнилось, так что остается совсем немного, чтобы мы увидели своими глазами то, о чем оно говорит нам оттуда?.. Разве не об этом я твердил вам с первого же дня?.. Посмотри на эти грозовые тучи, которые он видел пятьсот лет назад в своем Вавилоне, и которые сегодня уже окружают нас, пока еще невидимые для глаз грешников, но уже различимые теми, кому Небеса дали способность видеть!.. (*Быстро, не давая Петру ответить*). Только не пытайся снова заставить меня плясать под твою свирель, Кифа. Не убеждай меня, что эти тучи собираются в человеческом сердце, в которое, не переставая, продолжает стучать рука Господня. Рука Господня стучит в двери этого погибшего мира, потому что Бог прост и не ходит кривыми путями, на которые так падка человеческая мудрость. Он привел нас к этим последним временам и послал нам Спасителя, чтобы мы или поверили в него или погибли... Неужели ты и вправду думаешь, что сможешь добавить к этому что-нибудь еще?

Петр: Пожалуй, сюда нечего добавить, брат. Разве что, кроме одного... (*Негромко*). Если наше спасение мешает нам видеть Господа и отдаляет нас от него, то зачем оно нам?.. Скажи, если знаешь.

Несколько мгновений Павел смотрит на Петра, затем начинает негромко смеяться. Короткая пауза.

Павел (*насмешливо*): Я ведь сразу сказал, что вы все здесь сумасшедшие. И ты, и Йонахан, и Йакоб... (*Серьезно*). Слава Всевышнему, который не скрыл от меня свои пути, иначе мне пришлось бы блуждать вместе с вами во мраке, не зная, в какую сторону податься... Или ты думаешь, что мы бредем, как и вы, наугад, не зная дороги?.. Тогда я не удивлюсь, если скоро вы и Господа назовете обманщиком, который водит нас за нос и раздает невыполнимые обещания.

Петр (*негромко*): Позволь мне ответить тебе, рассказав одну историю, которую ты, может быть, знаешь и без меня... Не знаю, правда ли это, но я слышал ее от человека, который был знаком со многими членами Санхедрина и пользовался у них доверием. Он рассказал мне, что когда Иешуа заключили под стражу и допрашивали в Антониевой крепости, то все члены Санхедрина склонялись к тому, чтобы предать его скорейшей смерти, потому что они считали, что он не только кощунственно присвоил себе имя Машиаха, но и провоцирует римлян, называя себя царем, хотя этого, на самом деле, как ты знаешь, никогда не было. Тем не менее, народ волновался, поэтому весь Санхедрин высказался за то, чтобы поскорее предать его казни. И только один Гамалиил был против. Знаешь, что он сказал, когда пришло его время говорить? Он сказал, что если это дело от Бога, то никакие человеческие силы не одолеют его, как это было в дни, когда Всемогущий вел свой народ из плена или когда Он шел впереди Израиля на Иерехон и Гай. Но если это дело от людей,

то очень скоро оно падет и разрушится само по себе, как пало дело мятежника Февды или безумного Иуды Галилеянина, которые погибли, не оставив после себя ничего, что заслуживало бы внимания. Рассказывали, что он говорил так убедительно, этот Гамалиил, что ему удалось склонить на свою сторону даже двух членов Санhedрина, хотя все прочие продолжали настаивать на своем... Но знаешь, что я тебе скажу, Павел? (*Наклонив голову, негромко*) Он был неправ, этот фарисей. Он был неправ, этот мудрый и праведный законоучитель, чьи заслуги не станут отрицать даже его враги. И знаешь, почему? (*Почти шепотом*). Потому что все дело-то как раз в том, что все, что совершается от Бога, никогда не имеет никакой опоры во внешнем и поэтому оно всегда рушится и разваливается, даже не успев как следует начаться, подобно тому, как сразу тупятся сделанные из золота ножи. Тогда как все, что человек делает своими собственными руками и по своему собственному разумению, удастся и живет, как нельзя лучше, много лет. Ибо Бог вовсе не строитель, брат. Он не каменщик, не плотник, не надсмотрщик, не проводник, и не судья. Он всего лишь Бог, и поэтому может предложить человеку только самого себя. И не Его вина, что человек вечно ищет что-то другое... (*Смолкает*).

Павел (*негромко*): Я ведь уже говорил тебе, Кифа, что многие называют меня безумным, а мои речи безумными. Но теперь я вижу, что моему безумию далеко до того, которое можно встретить у вас тут, в Иерусалиме... (*Негромко*

смеется, потом смех его делается все глуше, пока, наконец, не стихает). Это Его ты называешь бедным и бессильным? Того, Кто воздвиг это небо и эту землю? Кто украсил небеса звездами и поднял над землей радугу?.. Или ты думаешь – у Него не хватит силы и мудрости справиться с собственным творением?

Петр: Зачем же Ему справляться с собственным творением, брат?.. Разве Он сотник, который заставляет своих воинов ходить строем и исполнять его приказы? Разве не стоит Он всегда в стороне от всех человеческих дел, ожидая, когда человек отложит все свои мысли и заботы и догадается посмотреть в его сторону?.. *(Негромко).* Ведь все, что Он на самом деле может, так это постучать в человеческое сердце, надеясь, что человек впустил Его к себе...

Павел снисходительно усмехается. Короткая пауза.

Наверное, это и правда смешно для того, кто не сомневается, что Всемогущий посвятил его в Свои планы... *(Негромко).* А знаешь, что я вижу, брат, когда слышу рассказы о твоих "святых", которые творят на каждом шагу чудеса и говорят на разных языках?.. Я вижу, что пройдет совсем немного времени и все забудут, что ты говорил о последних временах и адском пламени, и вновь станут жить, как и жили до тебя, и как будут жить после тебя. И как же мало будет тогда тех, кто захочет последовать совету Господа и загля-

нуть в собственное сердце! Гораздо больше найдется других. Тех, кто склонится перед чудесами, властью, авторитетом – перед всем тем, что легко позволит им забыть об Иешуа и его словах. Это значит, что пройдет совсем немного времени, и они возведут новые храмы и придумают новые праздники, напишут новые книги и новые молитвы, иногда будут клеветать друг на друга, иногда искать заступничества властей, писать доносы, выдумывать новые учения, гнать и преследовать несогласных, искать поводы для того, чтобы объявить себя первыми и самыми лучшими, копить деньги и вновь строить темницы и храмы. Так что – поверь мне, брат – очень скоро все опять вернется на свои круги, как возвращается на свою блевотину пес...

Павел молчит. Короткая пауза.

(*Без выражения*). Вот почему мне часто кажется, что и тебе, и им нужен какой-то совсем другой Иешуа. Не тот, которого знал я и другие братья... Другой, совсем другой – тот, который будет приказывать и повелевать, и кому будут поклоняться все народы, ослепленные его блеском, силой и славой, кого будут бояться и кого станут почитать, как царя...

Павел молчит. Небольшая пауза.

(Почти с изумлением). Подумать только! За все время, которое ты живешь среди нас, ты ни разу не поинтересовался ни его земной жизнью, ни тем, что он говорил нам, ни тем, над чем он размышлял, что ненавидел, и что любил, чем делился с нами, с чем не соглашался, что читал!.. За все это время, ты ни разу не спросил нас, как он говорил, как шутил, как смеялся, что любил, чего избегал. Тебе не интересно, что он говорил о женщинах, как относился к римлянам, что говорил о спасении, как смотрел, как улыбался!.. *(Почти зло, громким шепотом)*. И знаешь что?.. Мне кажется, все это потому, что по-настоящему тебя интересуется только один человек – и этот человек сидит сейчас передо мной, вот этот, римский гражданин Павел из Тарса, да и, пожалуй, больше никто, кроме него!

Павел негромко смеется. Пауза.

(Раскаиваясь, негромко). Прости меня, брат... Прости, если можешь... Я ведь ворчу не потому, что у меня вздорный характер, а потому что устал от человеческой глупости, от обозленных собратьев, которые подозревают нас во всех преступлениях, от пророков, которые шагу не дают ступить со своими пророчествами, от благочестивых ревнителей, которые жалуются друг на друга и не дают проходу ни Йоханану, ни Йакову, ни мне. Устал от дураков, которые высчитывают по приметам скоро ли конец света, от пресвитеров, ко-

которые воруют, каются и опять воруют, от старых дев, которым на каждом шагу мерещится Бог знает что... Или ты думаешь, что тут у нас не хватает любителей пошуметь и поговорить на чужих языках? Или тех, которые, позабыв всякий стыд, называют себя «святыми»?.. Да их у нас здесь не меньше, чем у тебя в Вифании или Киликии!.. (*С нарастающей страстью*). Конечно, мы терпим их, снисходя к их немощам, но, видит Бог, брат, если бы только Господь позвал меня сегодня к себе, чтобы укрыть меня под своим крылом, то я бы, не задумываясь, оставил без сожаления все, что меня сегодня окружает, чтобы только быть с ним рядом, подальше от этой толпы, которая может свести с ума даже ангела...

Небольшая пауза.

(*Негромко, словно сам с собой*). Подумать только! Он не был ни героем, ни пророком, ни первосвященником, ни царем. И все, что он сделал, это только услышал этот тихий стук и сказал всем, кто находился рядом: «Тише! Тише! Оставьте свои дела, хоть на минуту и прислушайтесь к своему сердцу». Две тысячи лет мы искали и звали Бога, строили и перестраивали Храм и приносили жертвы, и не замечали эту маленькую тропинку, идя по которой каждый может дойти туда, где его ждет Отец его небесный... Ему ведь не исполнилось еще и тридцати, когда он решил поделиться с людьми тем, что ему открылось. (*С горечью*). Можешь пред-

ставить себе, что пришлось ему испытать вслед за этим...

Павел: Тебя должно утешить, что он скоро вернется, Кифа. Странно, что ты почему-то все время забываешь об этом...

Петр: Можешь не сомневаться, я хорошо помню об этом, брат.

Павел (*немного насмешливо*): Не забывай только – что бы вы там ни говорили, ты или Йоханан – он вернется в силе и славе, пугая нерадивых и погружая в отчаянье слабых духом, таких вот, как ты, Йоханан или Йакоб... Представляю себе, как вы будете перепуганы, когда услышите раскаты его голоса!

Петр (*поднимаясь со своего места, почти надменно*): Надеюсь, что ты заблуждаешься, брат. Потому что он придет в тишине. В тишине и молчании, которые услышит только тот, к кому он придет. (*Внезапно хрипло*). А если нет... если нет... О, если он и вправду придет в шуме и блеске, словно царь, которого радуют восторг и бессмысленные крики толпы и чьи воины разгоняют перед его колесницей народ, то пусть Он лучше не приходит тогда совсем!.. Слышишь?.. Пусть он тогда не приходит совсем!.. Совсем... (*Едва слышно, без сил*). Никогда... Никогда...

Павел молчит. Долгая пауза.

Павел: Пожалуй, уже поздно, брат. (*Неспешно поднима-*

ясь со скамьи). Думаю, это будет правильно, если я пойду и попробую заснуть.

Петр молчит.

Ты будешь читать?

Петр (*возвращаясь на свое место, издали*): Немного.

Павел: Наверное, небеса послали тебе хорошие глаза. А я, с тех пор, как Господь послал мне слепоту, не могу прочесть без отдыха и трех страниц... Прощай, брат. (*Уходит*).

Какое-то время Петр смотрит вслед ушедшему. Короткая пауза.

Петр (*едва слышно*): Прощай. (*Возвращается к книге*).

Картина восьмая

Больничный холл. Поздний вечер. Горят только голубой ночник на стене и лампа на столе дежурной сестры. За столом сидит Ребекка. Какое-то время она записывает что-то в журнал, затем – собрав бумаги – поднимается из-за стола. Пройдя мимо палат, она заглядывает в темные стекла дверей и затем уходит, выключив настольную лампу. Мертвый свет ночника заливают сцену.

Почти сразу же после того как за Ребеккой закрылась дверь, в холле появляются один за другим Павел, Йансенс и Йорген.

Йансенс (*тихо*): Прости нас, Павел...

Йорген (*громко*): Прости нас, Павел...

Павел (*быстро*): Тш-ш-ш...

Йорген (*громким шепотом*) Мы не могли выйти раньше, потому что тут была госпожа Ребекка...

Павел: Тихо. Тихо. Не хватало еще, чтобы нас увидели из-за твоего голоса раньше времени... Где остальные?

Йорген: Я думал, что они уже здесь... (*Оглядывается*).

Павел: А я думаю, что они просто заснули... (*Открыв одну дверь, громким шепотом, едва скрывающим ярость*).
Йонатан!.. Йорк!.. (*Подойдя к другой двери и распахнув ее*).

Йонас!.. Йозеф!

Из своих палат появляются сначала Йонатан и Йорк, и почти сразу же – Йонас и Йозеф.

Йонатан! Йонас! Йозеф! Я просил вас собраться в полночь. В полночь. Разве сейчас полночь?

Йонатан: Но тут была Ребекка, учитель.

Йозеф: Тут была Ребекка...

Павел (*перебивая, сердито*): Тут был Дьявол, который испытывал вас, чтобы проверить ваши силы. Дьявол, а никакая не Ребекка.

Йорк горестно мычит. Стоящий с ним рядом Йонатан быстро зажимает ему рот.

Тише! Тише, Йорк... На что это похоже, – опаздывать на встречу с Господом, которую Он назначил вам, чтобы вести вас на последнюю битву? На встречу с Господом, который избрал вас своим мечом и щитом?.. Или, может быть, у вас уже успели поменяться планы?

Йорген: На встречу с Господом?.. Ты сказал – на встречу с Господом, учитель?

Павел: А вы, наверное, думали, что я позвал вас, чтобы отправится с вами на загородный пикник?.. Разве не передал вам Йорген, что я хочу сообщить вам что-то исключительно

важное?

Йорген: Я сказал им все, что ты велел.

Йонатан: Он нам сказал, Павел...

Йозеф: Но Ребекка... (*Устыженно смолкает под взглядом Павла*).

Короткая пауза.

Павел (*холодно*): Кто не хочет быть вместе со своим Господом, кто не хочет сражаться вместе с Ним плечом к плечу, тот может вернуться в свою палату и снова забраться под свое одеяло.

Все молчат.

Может быть, ты хочешь вернуться, Йонатан?..

Йонатан отрицательно качает головой.

Или ты, Йозеф?

Йозеф молча качает головой.

А может ты, Йорген?

Йорген качает головой.

Йонас: Никто из нас не хочет вернуться, учитель. Мы готовы идти за тобой, куда ты нам скажешь...

Йансенс: Мы готовы, учитель...

Йонатан: Мы готовы, Павел, мы готовы, готовы...

Йорген: Куда ты нам только скажешь...

Йозеф: Куда ты скажешь, Павел...

Йорк мычит.

Павел: Тише, Йорк. Тише, тише... Будет нехорошо, если кто-нибудь придет сюда раньше времени... Идите сюда...

*Присутствующие подходят ближе и окружают Павла.
Короткая пауза.*

А теперь я хочу, чтобы каждый из вас вспомнил свое детство. Слышите?.. Свое детство, вы поняли?.. Свою мать. Своего отца. Своих братьев и сестер. Своих друзей. Как вы играли, как пели, как танцевали, как получали подарки. Чтобы вы вспомнили, какая у вас была гладкая кожа, как безмятежно вы засыпали и как летали во сне, как шелестели в ваших руках конфетные фантики. Как вы бегали и кричали, как боялись темноты и ненавидели манную кашу. Я хочу, чтобы вы вспомнили, как грело вас солнце, и какой вкус был у яблока, которое вы грызли. Как пахли пироги, которые

пекла ваша мать, и как стучали ваши сердца, когда вы опаздывали к обеду. Как вы смотрели на солнце через бутылочные стеклышки... Вы поняли, чего я хочу?.. Я хочу, чтобы все вы вспомнили свое детство. Ты, Йонас, и ты, Йорген. Ты, Йонатан, и ты, Йансенс... Ты, Йозеф, и ты Йорк...

Йорк негромко мычит.

Закройте свои глаза и вспоминайте, вспоминайте все, что вы сможете вспомнить...

Закрыв глаза, все вспоминают. Йорген качает головой. Йонас раскачивается. Йонатан запрокинул голову. Йозеф спрятал лицо в ладонях. Йорк негромко мычит. Пауза.

Павел: А теперь, подойди сюда, Йонас... Дай мне свою руку... Закрой глаза и вспомни, как ты играл в детстве со своими братьями, помнишь?.. А как вы кружились в хороводе вокруг рождественской елки и ждали, когда, наконец, начнут раздавать подарки?..

Закрыв глаза, Йонас вспоминает. Короткая пауза.

А теперь загляни в свое сердце и скажи, – разве с тех пор что-нибудь изменилось? Разве ты не чувствуешь себя по-прежнему ребенком, хоть волосы твои поседели и глаза

ослабли?.. Ну-ка, скажи нам, Йонас, что ты чувствуешь сейчас?

Йонас: Я чувствую... Я чувствую... (*Хихикает*). Как будто мне десять лет и мама щекочет меня своим веером... (*Хихикает*).

Павел: А ты, Йорген?

Йорген: Я чувствую, как будто мы с отцом пускаем бумажный кораблик в ручье за домом, а он все время опрокидывается и никуда не хочет плыть. (*Смущенно хихикает*).

Павел: А ты, Йозеф?

Йозеф: Я чувствую, как будто надел платье своей сестренки и теперь она плачет, а я танцую перед ней и называю ее «дурой»... Она всегда была плаксой и задавалай.

Павел: Ты мог бы плохо кончить, если бы Господь не смиловился над тобой... (*Йансенсу*). А ты, Йансенс?

Йансенс: Я чувствую себя так, словно отец снова выдрал меня за то, что вместо хедера я пошел смотреть футбол.

Павел: Ты был нерадивый ученик, Йансенс. Но Бог отыскал путь для твоего спасения и не дал тебе возможность скатиться и умереть где-нибудь под забором. (*Повернувшись к Йонатану*). А ты? Что скажешь ты, Йонатан?

Йонатан: Я чувствую... чувствую, как будто слон... Он облил меня... Однажды мы были в зоопарке и слон окатил меня водой... Это было летом. Он набрал воду из бассейна, а потом облил меня, наверное, потому что я стоял ближе всех. А теперь я чувствую, как эта вонючая вода течет у меня по

лицу и груди, и как кричат мои родители...

Павел: Наверное, он подал тебе знак, чтобы ты поскорее покаялся, пока твои грехи не увлекли тебя в адскую бездну...

Йонас, Йорген и Йансенс негромко смеются.

А теперь скажите мне, разве мы не чувствуем себя по-прежнему маленькими детьми, словно никогда не было этих лет, которые прошли после нашего детства?.. Скажи-ка, Йорген, разве изменился ты за это время? Неужели кто-то скажет, что ты стал взрослым от того, что у тебя ввалились глаза и поседел виски? Что с того, что ты научился читать и считать, и знаешь, что Колумб открыл Америку, а одна молекула воды содержит два атома водорода и один атом кислорода? Разве перестал ты от этого быть ребенком? Разве не так же, как прежде, ты смотришь на солнце, небо и траву?.. Разве ты не чувствуешь, что ты по-прежнему маленький мальчик, Йорген?

Йорген: Да, учитель.

Павел: Вот видишь... А ты, Йонас? Ты, Йансенс? Ты, Йозеф?

Йонас, Йансенс, Йозеф (вместе): Да, да.. Да, Павел, да... Да.

Йозеф: Я чувствую, что мне пять лет! Пять лет, и я еще не пошел в школу.

Йонас: А мне – десять!

Йонатан: А мне – семь!

Йансенс: А мне – девять.

Павел: Вот видите? Видите?.. Разве Павел когда-нибудь обманывал вас?.. (*Медленно отходит от стоящих и так же медленно возвращается назад*).

Короткая пауза.

(*Тихо*). А теперь посмотрите на свои лица... Посмотрите, посмотрите. На эти морщины, на мешки под глазами, на седые волосы, на стершиеся зубы... Разве вы не чувствуете, что кто-то убивает вас? Кто-то страшный и жестокий, кто имеет такую силу, что может вынуть из вас жизнь? Отнять у вас красоту и здоровье? Медленно, минута за минутой, час за часом, месяц за месяцем, отбирая у вас силы и посылая вам одну за другой болезни, которые калечат вас и ведут к смерти... Кто-то, кто ведет вас по пути старости, с каждым днем все больше сгибая вашу спину и делая ваши ноги слабыми и непослушными...

Мгновенно стихает радость. Присутствующие тревожно переглядываются, не понимая, куда клонит Павел. Небольшая пауза.

А ведь вы знаете его... Слышишь, Йонас?.. Того, кто пре-

вращает вас в засушенные мумии, а ваши лица в гнилые яблоки... Кто посылает вам боль в сердце и пояснице. Кто делает ваши глаза слепыми, а память дырявою. Разве это не он соблазнил в Раю Адама?.. Не он искушал нашего Господа и сбивал с пути Его святых?

Йонас (*тревожным шепотом*): Это он.

Йорген: Это он.

Йозеф: Конечно, это он, учитель.

Павел: Конечно, это он, Йозеф. А теперь послушайте, что я расскажу вам... Идите ближе, чтобы мне не напрягать голос.

Стоящие еще плотнее окружают Павла.

Много лет тому назад, когда прошло еще совсем немного времени с тех пор, как Господь сотворил эту землю и это небо, в мире жили только одни дети, и поэтому в этом мире не было места ни старости, ни болезням... Одни только дети, которые играли и радовались, не зная забот... О, если бы вы только знали, как счастлив был этот мир, Йонатан! Он был похож на сад, в котором раздавался только детский смех и детские голоса. На сад, по тропинкам которого гуляли ангелы, и сам Господь часто приходил, чтобы играть с детьми в мяч, салочки или прятки...

Йонас: Он играл с детьми в салочки?

Павел: Да, Йонас. И в салочки, и в прятки, и в «дого-

ни-перегони», и в «кто быстрее», и в городки, и в горки, и в воздушного змея. И вот тогда-то враг рода человеческого и замыслил свое черное дело, потому что он не мог спокойно слышать детский смех, от которого у него лопалась кожа и шла горлом кровь. Но так как он не мог убить детей сразу, то стал нашептывать им в уши всякие соблазнительные вещи, которые показались им прекрасными и удивительными. Он шептал им о какой-то новой жизни, которая ждет их, если они станут взрослыми, о больших, залитых электрическим светом городах, о великих открытиях, о подвигах, о кораблях, самолетах, книгах, дорогах, о будущем, которое обязательно будет прекрасным и желанным, если они постараются поскорее вырасти. Он нашептывал им это день за днем и ночь за ночью, и скоро их мысли и желания стали убегать от тропинок этого сада в какое-то неведомое будущее, а сами они стали расти, постепенно забывая и воздушных змеев, и салочки, и прятки, и сад, и играющего с ними Господа, и думали только о том, что ожидает их впереди. (*Глухо*). Но впереди их ждала только старость, седые волосы, морщины, болезни и беспощадная смерть. И когда они поняли это и захотели вернуться в свой волшебный сад, то было уже поздно. Они навсегда забыли к нему дорогу и должны были теперь платить дань смерти, отдавая ей свою жизнь в обмен на то будущее, ради которого они забыли волшебный сад и свои детские игры на его дорожках. А Дьявола – того, кто нашептал им соблазнительные речи, стали называть теперь

– Убийца детей, потому что он получил власть только над их телами, которые болели, старели и умирали, но не получил власти над их душами, которые по-прежнему оставались детскими, так что даже если они доживали до глубокой старости, то все равно все они умирали такими же детьми, какими приходили в этот мир... *(Смолкает)*.

Небольшая пауза. Присутствующие замерли в напряженном ожидании.

А теперь я хочу вам сказать, что все вы хорошо знаете этого Дьявола... Знаете и никогда не спутаете его ни с кем другим, потому что он носит белый халат и не перестает улыбаться, чтобы скрыть то, что прячется в его глазах.

Короткая пауза.

Или, может, вам удобнее делать вид, что вы не знаете, о ком я говорю?.. Тогда пускай это расскажет вам Йонас. *(Йонасу)*. Скажи им, Йонас, кто этот Дьявол, которого они не хотят видеть, хотя он крутится вокруг них каждый божий день.

Йонас *(почти в восторге)*: Это же наш доктор! Доктор!.. Слышите? Это доктор, которого мы все знаем!.. *(С сияющей улыбкой смотрит на Павла)*.

На несколько мгновений в холле повисает напряженная

тишина. Йорк негромко мычит.

Йансенс (*растеряно глядя на Павла*): Но как же это так?..

Павел: Да, да, Йансенс. Не сомневайся. Это он. Тот, кто прячется от всех, искусно обманывая вас своей улыбкой и сладкими обещаниями, которые могут обмануть людей, но не могут обмануть Господа, который открыл мне его настоящее лицо и научил, как одолеть его, чтобы спасти от адского пламени и вас, и самого себя.

Йозеф: Но этого не может быть!.. Ведь он же наш доктор!

Павел (*быстро прижимая палец к губам*): Тш-шш-шш... (*Холодно*). Кто ты такой, Йозеф, чтобы знать, что может быть, а чего нет? Или Господь открыл тебе то, что Он скрыл от нас? Тогда поделись этим с нами, чтобы мы тоже видели, какую честь оказали тебе Небеса!

Йозеф: Нет, нет, Павел... Я ведь только хотел сказать – как может быть, чтобы наш доктор был Дьяволом?

Павел: Наверное, ты хотел спросить, как Дьявол может быть доктором, Йозеф?

Йозеф (*неуверенно*): Как Дьявол может быть доктором?

Павел: Теперь ты понимаешь?

Йозеф: Я? Да... (*Быстро*). Нет... Я не понимаю, как может быть, чтобы Дьявол стал вдруг нашим доктором...

Павел: А разве мало у него для этого сил, Йозеф? Разве он не может притвориться святым? Или ты никогда не слышал, что иногда он может принять даже облик самого Гос-

пода? Что же может помешать ему притвориться каким-то доктором, надеть белый халат и прописывать тебе лекарства, чтобы потом, в один прекрасный день, утащить твою душу в преисподнюю?

Короткая пауза. Йозеф не знает, что ответить.

Йонас (*шепотом*): Это он, он...

Йонатан: Это он...

Йорген: Это он...

Йансенс: Это он...

Йозеф (*сопротивляясь из последних сил*): Но ведь чтобы стать доктором, надо закончить университет. Разве Дьявол может учиться в университете?

Павел (*сердито*): А разве нет?.. Что, в самом деле, за глупости, ты говоришь, Йозеф! Назови хотя бы одну причину, которая мешает Дьяволу учиться в университете, играть в хоккей или стать президентом?.. Ты знаешь такую причину?

Короткая пауза. Йозеф молчит.

Раз уж я говорю тебе, что в своей неизмеримой доброте Господь открыл мне местонахождение Дьявола и его козни, то сомневаться в этом, значит сомневаться в словах Господа... (*Сердито, громким шепотом*). Йорк!.. Йорк!.. Иди сюда. Покажи этим маловерам, какие милости оказывает Гос-

подь тем, кто не умствуует понапрасну, а с благодарностью принимает все, что бы ни послал ему Господь. (*Остальным*). Да, дайте же ему пройти...

Все расступаются, Йорк выходит вперед. Короткая пауза.

Уж если вы не верите мне, то послушайте хотя бы Йорка, через которого говорит сам Дух Святой... (*Йорку*). Скажи им, Йорк.

Йорк молчит.

Не бойся, скажи им. Скажи все, что ты знаешь от Духа, который устроил себе обитель в твоём сердце.

Йорк (*глухо, но неожиданно внятно и членораздельно*): Я вижу Дьявола... Дьявола в белом халате. Дьявола, который смеется... смеется над Богом и людьми...

Йонатан (*изумлен*): Смотрите, он говорит!.. Говорит!.. Йорк, Йорк!..

Иансенс: Святая дева Мария!.. Ты заговорил?

Йорген: Скажи нам что-нибудь еще, скажи нам что-нибудь еще, Йорк!..

Йонас: Он говорит, говорит!..

Павел: Тихо, тихо!.. Наверное, вы думали, что для нашего Господа есть что-нибудь трудное? Или вы забыли, что Он

может заставить разговаривать даже камень, если потребуется убедить таких маловеров, как вы. (*Йорку*). Скажи им, Йорк, скажи им, пусть они убедятся в божественном могуществе и склонят перед ним свои пустые головы.

Йорк (*глухо, монотонно, без выражения*): Я вижу Дьявола, который лишил нас всех молодости... Дьявола, который всегда улыбается, потому что он думает, что никто не догадается о том, кто он такой на самом деле... Он ходит в белом халате и притворяется, что лечит нас. Но это неправда, потому что на самом деле, он только пьет из всех нас силы. Из Йоргена, из Йонаса, и из Йонатана, и из всех других...

Йонас: Он говорит о нашем докторе!

Павел: А о ком же еще, маловер?

Йорк: Я вижу, как он улыбается, потому что думает, что нет никого, кто мог бы победить его, потому что... потому что у него очень много сил, много сил, оттого что он питается чужими жизнями... Чужими жизнями, чужой радостью, чужим дыханием... (*Внезапно речь его сменяется бессвязным бормотанием и он тревожно мычит, словно огорченный тем, что вновь утратил дар речи*).

Павел: Хорошо, хорошо, Йорк. Довольно. Остановись... (*Остальным*). Теперь вы, наконец, убедились?.. Разве Господь станет обманывать своих верных?.. (*Приложив палец к губам*). Т-ш-ш... Идите сюда. Идите. Идите. (*Подойдя к стене и показывая на нее пальцем, едва слышным шепотом*). Он здесь. Здесь. Совсем рядом. За этой стеной. (*Приложив ухо,*

несколько мгновений стоит неподвижно, прислушиваясь).

Небольшая пауза.

Мне даже кажется, что я слышу его дыхание. Его ядовитое дыхание, от которого желтеет трава, и замертво падают на землю птицы... (*Оторвавшись от стены*). Может быть, он тоже стоит сейчас по другую сторону и смотрит на нас, потому что его взгляд может легко проникать сквозь камень и кирпич. Но мы ведь не станем его бояться, правда, Йонас? Не станем его бояться, потому что с нами Господь и Его воинство, которое никогда не даст нас в обиду... Скажи-ка мне, Йонатан, что бы ты сделал с ним, если бы он попался тебе в руки?

Йонатан: Я?.. Я даже не знаю, учитель... (*Растеряно*). Я бы, наверное, убил его. Ей-Богу, взял бы и убил. Разве он не заслужил этого?

Павел: Конечно, заслужил... Ну, а ты, Йозеф?

Йозеф: Я бы схватил его за горло и душил бы, пока он весь не почернел и его язык не вывалился бы из его поганого рта. (*Показывает, как он душил бы Сатану*). Вот так! Вот так! Вот так!...

Павел: А ты, Йорген?

Йорген: Я сбил бы его с ног и потом бил бы его ногами до тех пор, пока не отбил бы у него все внутренности, а после стал бы прыгать на нем, пока от него ни осталась бы одна

кровавая котлета. (*Прыгает*).

Павел: Тише! Тише, Йорген. А ты что скажешь, Йонас?

Йонас: Я бы разодрал ему все – лицо, грудь и живот, содрал бы с него кожу, поломал бы руки и ноги, выбил бы глаза, а потом вырвал бы сердце и бросил его нашей собаке. Но сначала я бы заставил его съесть его белый халат.

Павел: Bravo, Йонас. Ну, а что скажет наш Йансенс?

Йансенс: Я бы повесил его вниз головой и оставил бы так висеть до тех пор, пока кровь не потекла бы у него из ушей и глаз... Я где-то читал, что эта смерть считается самой мучительной.

Павел: Никакая смерть не будет слишком мучительной для того, кто предал своего Господа и обрек нас на старость, болезни и смерть, Йансенс ... Ты ведь тоже так думаешь, Йансенс?

Йансенс: Конечно, учитель.

Павел: А ты, Йорген?

Йорген: Я тоже так думаю, учитель.

Павел: А ты, Йонас? Ты Йонатан? Ты Йозеф?

Йонас, Йонатан и Йозеф (вместе): Да, да... Я тоже думаю так... Мы тоже думаем так, Павел...

Павел: А теперь скажите мне все вместе. Ты Йорген, и ты Йонас, и ты Йонатан, и ты Йансенс... Скажите мне, дети мои, хотите ли вы снова стать молодыми?

На мгновение в холле повисает тишина. Все смотрят на

Павла, пытаясь понять услышанное.

Бегать, не чувствуя усталости, таскать тяжести, забыв про отдышку, ничего не знать про бессонницу, забыть про лекарства, процедуры, уколы? Выбросить прочь очки и зубные протезы, позабыть про свои седые волосы и морщины?

Короткая пауза.

Йорген (*хрипло*): Конечно, мы все хотим снова стать молодыми, Павел. Спроси, кого хочешь.

Йансенс: Спроси, кого хочешь, учитель...

Йозеф: Хотел бы я посмотреть на того, кто не хотел бы этого...

Йонас: Жаль только, что это, наверное, невозможно... Ведь это невозможно, Павел, правда?

Павел: Невозможно?.. А если я скажу вам, что уже сегодня вы станете молоды и навсегда забудете про свою седину и свои морщины?

Небольшая пауза. Все смотрят на Павла, не решаясь нарушить молчание.

Йонатан (*неуверенно*): Мы будем молоды?

Павел: А разве я когда-нибудь обманывал вас?

Йонас: Ты хочешь сказать, что мы снова будем молоды?

Павел: Да, Ионас.

Йорген: Мы все? Сегодня?

Павел: Да. Вы все станете сегодня молодыми, если только захотите.

Йозеф: А разве мы не хотим? Разве мы не хотим?

Йансенс: Разве кто-нибудь из нас не хочет?

Ионас (*восторженно*): Вы слышали?.. Слышали? Мы опять станем молодыми!

Йозеф: Мы станем молодыми...

Йорген: Но как же... Как же...

Йонатан: Скажи нам, Павел...

Павел: Тш-ш-ш... Тише. Тише...

Все смолкают.

Вы знаете, что я никогда не обманывал вас и никогда не скрывал от вас ничего. Поэтому вы должны слушать меня и делать все, что я вам скажу, ибо вы слушаетесь не Павла, а самого Господа. Самого Господа, который даст вам вдесятеро больше того, о чем вы Его просите. Который освободит из ада и тебя, и твоих родных, и мать твою, и отца твоего, и братьев и сестер твоих... (*Ионасу*). Ты помнишь свою мать, Ионас?.. Хочешь снова обнять ее?

Ионас молча кивает и вдруг заливается слезами.

А ты, Йонатан?

Йонатан молча кивает.

А ты Йорген?

Йорген: Да, Павел.

Павел: Йозеф?

Йозеф: Конечно, учитель.

Павел: Тогда будьте готовы пройти сегодня сквозь огонь очищающий, через огненную купель, в которой сгорят все ваши грехи. Потому что здесь, на этом самом месте, загорится сегодня очищающий огонь, который пойдет отсюда по всему миру, сжигая грешников и их города, и превращая мир в одну печь, из которой одни выйдут преображенными, а другие не выйдут уже никогда. Поэтому будьте готовы сразиться сегодня с Дьяволом, как того требует от вас Господь. Ведь если вы хотите стать сегодня снова молодыми, то вам надлежит вернуть себе своими руками то, что Дьявол преступлением отнял у вас и присвоил себе, как свое собственное. (*Потрешав Йонатана по плечу*). Ну, что ты дрожишь, что ты дрожишь, Йонатан? Ничего не бойтесь, ничего не бойтесь, потому что все волосы ваши давно сочтены, а имена ваши давно уже записаны в Книге жизни... Ах, если бы вы могли видеть, что Господь наш держит в своих руках молот, которым Он сокрушит всех врагов ваших и расчистит пути ваши. Молот, чье имя вы так же хорошо знаете, как и

я, потому что имя ему...

Йонас: Павел...

Йонатан: Павел...

Йорген: Павел...

Йозеф: Павел...

Йансенс: Павел...

Йорк негромко мычит.

Павел: Да. Потому что имя этому молоту – Павел... (*По-манив к себе присутствующих, едва слышно*). А теперь идите сюда, и я расскажу, что вам предстоит сегодня сделать, исполнив Божью волю и став орудиями Его славы... Идите ко мне ближе, ближе...

Присутствующие подходят и кольцом окружают Павла. Какое-то время слышится только невнятный шепот, затем свет медленно гаснет и сцена погружается во мрак.

Картина девятая

Иерусалим. Декорации второй картины – внутренний дворик дома. На циновке сидит Петр, погруженный в какие-то подсчеты, которые он совершает с помощью лежащих перед ним мелких камешков. Иногда он что-то пишет мелом на полу. Во дворе появляется Йоханан. Неслышно пройдя мимо Петра, он останавливается за его спиной, не решаясь помешать ему.

Петр (*не отрываясь от своих подсчетов, негромко*): Я вижу, что тебе не терпится что-то сказать, Йоханан. Говори, я слушаю тебя.

Йоханан (*хмуро*): Он ушел. Сегодня утром. В сопровождении Тимофея и того, второго, у которого были следы порезов на лице. Если я правильно понял, они направились в Яффо, чтобы сесть на корабль и плыть в Каппадокию.

Петр (*оторвавшись от своих камешков и повернувшись к Йоханану*): Ты говоришь о Павле?

Йоханан: Да. Он ушел.

Петр: Ты видел это сам?

Йоханан: Да.

Петр: Ты проводил их? Видел, как они покинули город?

Йоханан: Он запретил мне следовать за ним.

Петр (*негромко*): Ушел и даже не заглянул, чтобы попрощаться?

Йоханан: Я знал, что тебе это будет неприятно.

Петр: Словно ребенок, который обиделся на своих братьев... Вы дали ему что-нибудь дорогу?

Йоханан: Он не захотел взять ничего.

Петр: Ни денег, ни еды, ни чего-нибудь из одежды?

Йоханан: Ничего.

Петр: Мне кажется, ты что-то скрываешь, Йоханан... Что он еще сказал тебе?

Йоханан: Он сказал, что не возьмет ничего, потому что не нуждается в людском попечении. Еще он сказал, что Святой не оставит его своей заботой. (*Сквозь зубы*). Гордец!..

Петр (*примиряюще*): Ну, ну, Йоханан... В конце концов, кто знает? Может быть, так оно и есть. Разве тебе открыты Божьи замыслы?

Йоханан: Нет, равви.

Петр: И мне тоже. Пускай идет себе с миром.

Йоханан: Да, равви.

Петр: В конце концов... (*Смолкает*).

Йоханан: Что, равви?

Петр: Я подумал, что у Всемогущего хватит места, чтобы приютить и Петра, и Павла так, чтобы они не мешали друг другу... (*Внимательно смотрит на Йоханана*). Надеюсь, что ты думаешь так же, Йоханан.

Йоханан: Да, равви.

Петр: Ну, вот и хорошо.

Прислужник (*появляясь во дворике*): Пришел человек, который называет себя Акиллой и хочет тебя видеть. Он говорит, что принес тебе какое-то известие.

Петр: Приведи его.

Прислужник исчезает, чтобы почти сразу же появиться вместе с Акиллой. Короткая пауза.

Акилла: Ты Петр?

Петр: Да, это я.

Акилла: Я пришел, чтобы передать тебе слова, которые сказал мне сегодня брат Павел, перед тем как отправиться из города.

Петр: Говори.

Акилла (*с трудом подбирая слова*): Он, значит, просил передать тебе, что тот, кто не хочет стать огнем, того самого бросят в огонь, словно бесплодную смоковницу, которая не приносит доброго плода. Так что он сказал, что садовник уже близок и костер уже разведен, чтобы срубить ее и бросить в огонь, и что так будет со всякой бесплодной смоковницей, которая, значит, не приносит доброго плода, а только обманывает тех, кто попроще...

Йоханан (*делая шаг к Акилле, раздраженно*): Да, кто он такой, чтобы позволять себе так разговаривать с домом, который приютил и обогрел его?.. Римский выскочка!..

Петр: Не надо, Йоханан... (*Акилле*). Он просил передать нам что-нибудь еще?

Акилла: Нет.

Петр: Как тебя зовут?

Акилла: Акилла.

Петр: Кто ты?

Акилла: Я кузнец.

Петр: И ты путешествуешь вместе с Павлом?

Акилла: Я его ученик. (*Немного смущенно*). Я хотел сказать, что я надеюсь, что он позволит мне называться его учеником.

Петр: Пускай твои надежды оправдаются... Ты все передал, что тебя просили? Ничего не забыл?

Акилла: Нет

Петр: Что ж, очень хорошо. Тогда иди и поешь. Йоханан отведет тебя... (*Йоханану*). Ты слышишь, Йоханан?.. Отведи его на кухню и дай что-нибудь поесть.

Йоханан (*хмуро*): Пойдем.

Акилла: Но я не голоден.

Петр: Разве ты не отправишься сегодня вслед за Павлом?

Акилла: Конечно. Прямо отсюда.

Петр: Тогда оставь хотя бы на время свою гордость и ступай, поешь. Тебе предстоит нелегкий путь. А потом ты можешь сразу отправиться вслед за Павлом. Я думаю, они ушли еще недалеко.

Акилла: Хорошо. (*Помедлив*). Ты ничего не передашь

ему со мною?

Петр: Немного. Только то, что он знает и без меня. Скажи ему, что сила Господа столь велика, что она может заставить цвести и плодоносить даже сухую смоковницу... Надеюсь, он не станет обижаться на меня за это.

Акилла: Хорошо, равви, я передам. *(Поклонившись, уходит вместе с Йохананом).*

Небольшая пауза, в продолжение которой Петр возвращается к своим камешкам и начинает что-то подсчитывать, беззвучно шевеля губами. Появляется Йоханан.

Петр *(не отрываясь от подсчетов):* Ты отвел его?

Йоханан: Да... *(Сердито).* Прости меня, равви, но мне кажется, что ты чересчур мягко обошелся с этим выскочкой. *(Идет по сцене, нервно).* Тебе следовало бы передать ему, что прежде, чем учить других, ему надо было бы попридержать свой ядовитый язык, потому что Всемогущий разберется и без его советов, как Ему лучше поступить...

Петр: Йоханан, Йоханан!.. Заклинаю тебя нашим Господом, остановись!

Йоханан: Но он оскорбил и тебя, и всех нас.

Петр: Подумай, Йоханан, ведь это всего только слова. Разве они что-нибудь значат? Подумай, как должно кровоточить у человека сердце, чтобы он, не разбирая дороги, забыв обо всем, рвался вон из этого мира, о котором сам Всемогущий

щий Творец сказал, что он хорош?.. Нет, нет, брат, прежде чем осуждать кого-то, нам надо научиться уважать чужую боль, чужие страдания, чужие неудачи, несчастья и падения. *(Негромко)*. Вспомни сам, разве жизнь нашего Иешуа не была одной сплошной неудачей? Разве не закончилась она страданиями и смертью?.. Разве я не рассказывал тебе, как он страдал от толпы, которая ходила за ним по пятам и требовала от него чудес и волшебных историй, вместо того, чтобы прислушаться к тому, о чем он говорил?

Йоханан *(тихо)*: Мы верим, что он воскрес.

Петр: Да, Йоханан. Мы верим, что он воскрес. Но мы верим еще и в то, что он воскрес для тех, кто верит в это. Это значит, что наша вера истинна, потому что она никого не принуждает и никого не насилует. Она для тех, к кому Господь приходит сам, а не для тех, кто устраивает вокруг его имени такой шум, что уже не слышит даже голоса собственного сердца. *(Быстро поднося палец к губам, останавливая Йоханана, который уже открыл рот, чтобы задать вопрос)*. Тш-ш-ш... Если Господь захочет открыть тебе свои тайны, то ты все узнаешь в свое время... *(Добродушно)*. Ну, ну, не вешай носа, маленький Йоханан. Помни, что всему свое время, брат... К тому же, слава Всевышнему, у нас есть сегодня и хорошие новости. *(Показывая на свои записи на полу)*. Смотри, у нас хватает денег даже на то, чтобы выкупить Матфана-кожевника и всю его семью. Что теперь скажешь, маленький Йоханан?

Йоханан: Скажу, что это действительно хорошая новость, учитель. Слава Всемогущему, равви. Представляю, как же он обрадуется, когда узнает, что Господь не обделил его своей милостью.

Петр: Но прежде, чем ты поспешишь сообщить ему эту новость, сделай мне такое одолжение, возьми, пожалуйста, нашу памятную книгу и запиши то, что я тебе скажу.

Йоханан: Да, равви. *(Взяв шиштую из неровных кусков пергамента книгу и письменные принадлежности, садится возле сундука).*

Короткая пауза.

Петр: Пиши. *(Помедлив, негромко).* В месяц Кислев, двенадцатого числа, наш брат во Господе Иисусе Христе, проповедник учения, человек, не оставляющий ни на один день дело Господа нашего, по имени Павел, уроженец Тарса, покинул иерусалимскую общину ради того, чтобы отправиться в Галатию для дальнейшего распространения учения и поддержки тамошних общин, верящих в Господа, пробыв у нас неполных одиннадцать дней... Что-то подсказывает мне, что мы больше никогда не увидим его. *(Поспешно).* Этого не пиши.

Йоханан *(склонившись над пергаментом):* Да, равви...

Петр: Напиши лучше вот что... Собравшимися в Иерусалиме братьями было принято решение проповедовать уче-

ние Петру, Йоханану и Иакову среди иудеев, а Павлу среди необрезанных, там, где он сочтет это нужным, так, чтобы слово и дело Божие росло и ширилось по всему свету... Почему ты остановился?

Йоханан: Ты хочешь, чтобы я написал неправду, равви?

Петр: Да, маленький Йоханан. Я хочу, чтобы ты написал неправду. И знаешь, почему?.. Потому что, лучше сказать неправду, которая поддержит дух немощных и смущенных, чем правду, которая отпугнет слабых и заставит колебаться нерешительных... Поэтому сделай милость, напиши то, что я продиктовал тебе.

Йоханан: Хорошо, учитель. (*Пишет, склонившись над пергаментом*).

Пауза.

(*Закончив писать и подняв голову от пергамента*). Это все, равви?

Петр: Да.

Небольшая пауза, в продолжение которой Йоханан закрывает книгу и убирает письменные принадлежности.

Йоханан: И все-таки, я никак не возьму в толк, зачем он приходил в Иерусалим? Что ему было здесь надо? Неужели он пришел только затем, чтобы показать, как он нас прези-

рает?

Петр: Я не знаю, Йоханан. (*Поднимаясь с циновки*). Не знаю и, наверное, уже никогда не узнаю... Быть может, он рассчитывал, что сумеет убедить иерусалимскую общину пойти за ним, а может, надеялся, что произойдет чудо, которое каким-то образом вернет ему все, что он потерял – свой народ, свое детство, отца и мать, братьев и сестер, все, что теперь, наверное, дальше от него, чем самая далекая звезда... В конце концов, он только человек и как и всякий человек носит в глубине своего сердца надежду, какой бы безумной она ни казалась... Это ведь и называется, кажется, верить в чудо... (*Помедлив, негромко*). Впрочем, мы с тобой видели, что никакого чуда не произошло. (*Подходя к двери*). Я задержусь до вечера в городе, а ты иди, обрадуй Матфана и скажи ему, что если на то будет воля Божья, то завтра и он, и его семья будут свободны. (*Уходит*).

Йоханан: Да, равви. (*Уходит через другую дверь*).

Картина десятая

Продолжение восьмой картины. Пустое пространство холла, залитое светом единственного голубого ночника, горящего над четырьмя дверями. Долгая пауза, в завершение которой на сцене появляется Павел. Он доходит до дверей, ведущих в коридор, дергает запертую дверь за ручку, затем возвращается назад и, приоткрыв одну из дверей, заглядывает в палату.

Павел (негромко): Пора.

Йонатан (появляясь из палаты): Пора.

Йорген (появляясь вслед за Йонатаном): Пора.

Павел: Вы слышали? (Негромко стучит сначала в одну, за тем в другую дверь). Пора.

Из своих палат появляются Йозеф, Ионас, Йансенс и Йорк. Йорк негромко мычит.

Время пришло. Вы готовы?

Йозеф, Ионас и Йансенс молча кивают. Йорк негромко мычит.

Я встану вместе с Йонатаном здесь, возле двери. Когда услышите, что она пришла, быстро выходите и делайте то, о чем мы с вами говорили... Йозеф, встань у двери и слушай, что происходит там, в коридоре... Йансенс. Ты не забыл взять веревку?

Йансенс (*доставая из кармана моток веревки*): У меня тут целый клубок. Хватит на всех.

Павел: Очень хорошо. (*Йонасу и Йансенсу*). Тогда идите и ждите. (*Йоргену*). И ты тоже, Йорген. Я позову тебя, когда ты мне понадобишься... (*Йорку, который повернулся, чтобы идти со всеми*). Постой, Йорк, ты пока останешься здесь.

Йонас, Йансенс и Йорген уходят. Йозеф опускается на колени перед замочной скважиной и замирает, припав к ней ухом. Йорк негромко мычит.

Тихо, тихо, Йорк... (*Повернувшись к Йонатану*). Ты готов, Йонатан?

Йонатан (*издалека*): Да, учитель.

Павел: Тогда начинай. Начинай. (*Восторженно*). И пусть Господь благословит твою руку, которая станет сегодня западней для хищного зверя и острой для Левиафана!.. Давай, Йонатан, давай, давай, давай!..

Подойдя к столу дежурной сестры, Йонатан решительно нажимает кнопку. Где-то в глубине раздается и стихает

ет далекий и тревожный звонок.

Еще. Еще... Звони, пока они не прилетят сюда на своих черных крыльях...

Йонатан звонит. Небольшая пауза. Тихо. Слышен только далекий звон.

Йозеф: Я слышу шаги... Павел, я слышу ее шаги. (*Громким шепотом*). Это она... Идет сюда. Одна... (*Вскочив с колен, быстро скрывается за одной из дверей*).

Павел и Йонатан бросаются и замирают возле стены. Теперь они стоят, прижавшись к стене по обе стороны двери. Слышен звон ключей, затем дверь распахивается и в холл бежит Ребекка. Не замечая Павла и Йонатана, она останавливается посередине сцены и озирается по сторонам. Почти одновременно из дверей своих палат появляются Йонас и Йансенс. Короткая пауза. Какое-то время все присутствующие молча смотрят друг на друга.

Ребекка: Что здесь, наконец, происходит?... Почему вы не в постели... Господин Павел, это вы звонили?

Павел (*закрыв дверь, Йонасу и Йансенсу*): Свяжите ее. Да побыстрее, побыстрее. И возьмите у нее ключи.

Ребекка: Вы в своем уме?

Йонас: Дайте мне, пожалуйста, ключи, госпожа Ребекка... *(Одной рукой держит Ребекку за руку, другой пытается отнять у нее увесистую связку ключей)*.

Ребекка: Уберите свои руки, Йонас!.. *(Пытаясь вырваться из рук Йонаса)*. Господин Павел. Вы раскаетесь, если немедленно не прекратите этот спектакль...

Павел: Молчи ехидна. *(Йансенсу)*. Свяжите ее и отведите в палату! Да не спите, не спите же! Быстрее!.. Йонатан, помоги им.

Йонасу удается вырвать у Ребекки ключи. Одновременно Йансенс, обхватив ее за плечи, другой рукой достает моток веревки. Йонатан пытается помочь, схватив Ребекку за руку. Йорк победно мычит и размахивает руками.

Ребекка *(сопротивляясь)*: Немедленно отпустите меня!

Йансенс начинает связывать Ребекке руки.

Господин Йансенс!.. Вы с ума сошли!.. Неужели вам так хочется попасть в карцер?

Йансенс: Вам лучше делать то, что говорит господин Павел... *(Связывает Ребекке руки)*.

Ребекка: Вы очень скоро об этом пожалеете, Йансенс, очень скоро...

Павел: Рот. Закройте ей, наконец, рот!.. Старая ведьма!..

Наверное, ты думала, что вы сумеете водить нас за нос столько, сколько вам вздумается?.. (*Йансенсу*). Дай-ка мне ключи, сынок... (*Забрав у Йансенса связку ключей и издевательски звеня ими перед лицом Ребекки*). Видала?.. (*Звеня ключами*). Вот ключ от подсобного помещения... А вот – от процедурной... Этот – от ванных комнат... А этот от комнаты свиданий... (*Насмешливо*). А это что еще тут за ключик? (*Вертит ключ перед лицом Ребекки*). Ну, конечно же, это ключик от кухни. Маленький ключик от кухни, не правда ли, фрау Ребекка? От кухни, где вечно горит огонь и пахнет топленым жиром и луком, и где всегда стоит грохот от моющейся посуды и железных котлов, но где сегодня не слышно никакого шума, потому что, похоже, все ушли справлять Рождество. (*Понизив голос*). Справлять Рождество, фрау Ребекка, не так ли?.. Справлять Рождество, оставив без присмотра огонь, который только и ждет, чтобы кто-нибудь выпустил его наружу... (*Йансенсу резко*). Дай-ка мне быстро свои носки... Ну, что ты смотришь на меня? Сними свои носки и дай мне их!

Йансенс быстро снимает один за другим свои носки и отдает их Павлу.

(*Подойдя к Ребекке*). Открой рот, ехидна...

Ребекка: Господин Павел...

Павел (*кричит*): Открой сейчас же рот!.. (*Йонасу*). Помоги!.. (*Схватив одной рукой Ребекку за волосы, другой пы-*

тается запахнуть носки ей в рот, Йонасу). Да, держи же ее!.. (После короткой борьбы, затыкает рот Ребекки).

Ребекка мычит и пытается вырваться из рук Йонаса и Йансенса. Из-за дверных стекол выглядывают лица Йоргена и Йозефа.

А теперь свяжите ей ноги...

В то время как Йонатан и Йонас держат упирающуюся Ребекку, Йансенс быстро обматывает ее ноги веревкой и затягивает так, что, не удержавшись, она сползает на пол.

Вот так. Вот так... А теперь несите ее в палату... Да привяжите ее покрепче, чтобы эта лиса не думала, что может обхитрить нашего Господа.

Йонас, Йонатан и Йансенс поднимают Ребекку и уносят ее в одну из палат.

(Сквозь зубы). Покрепче, покрепче!.. (Сделав несколько шагов по сцене, останавливается и поднимает голову, негромко). Господи, Господи... Ты пролил на меня море милости и реки благодати, засыпал меня своими дарами и оградил от дьявольских козней. Не дай мне и в этот день сойти с твоих путей и ослабнуть духом, но дай мне силы дойти до

конца, держась за Твою руку... (*Какое-то время стоит, глядя перед собой, словно ожидая ответа*).

Короткая пауза.

(*Резко*). Пора. (*Кричит*). Йонатан... Йонатан!.. (*Йонатану, показавшемуся из дверей*). Иди сюда. Пора начинать. Я слышу, как Господь торопит нас...

Йонатан подходит ближе.

Йорген, Йозеф!.. Идите сюда...

Йорген и Йозеф выходят из палаты.

Встаньте возле дверей, дети мои, и не пускайте его назад, даже если он будет жечь вас огнем и поливать серой... (*Йонасу и Йансенсу, в палату*). А вы сидите в палате и ждите, когда понадобится ваша помощь... (*Йоргену, которого бьет сильная дрожь*). Тише, Йорген, тише, успокойся. Разве ты не знаешь, что нам нечего бояться, потому что с нами Господь и его воинство?.. (*Потрешав Йоргена по плечу*). Ну, перестань, перестань... Еще немного, совсем немного и Господь прольет над тобой свою благодать, помня, как ты сражался за Его Царство и шел среди первых, не зная страха и сомнения... (*Оставив Йоргена, Йонатану*). Давай, Йона-

тан. Давай. Прости свою руку, словно новый Иисус Навин, и пускай солнце стоит на своем месте до тех пор, пока мы не заставим Дьявола проглотить его собственное сердце!..

Подойдя к столу, Йонатан протягивает руку и нажимает кнопку звонка. Вновь, как и в первый раз, где-то в глубине здания раздается короткий, тревожный звонок.

Павел: Звони, звони, не останавливайся... Звони, пока он не вылезет из своей норы и не подаст голос.

Йонатан звонит. Пауза.

Йонатан (*не переставая звонить*): А может быть, он заснул и спит?

Павел: Нет, нет, Йонатан, он не спит. Он забился в свою нору и думает, что никто в мире не сможет заставить его вылезти оттуда. Он забыл только, что мы – Божьи гончие, которые с Божьей помощью выманят его из любой норы, чтобы вцепиться ему в горло и привести на Суд Божий... Звони, звони, Йонатан, пускай он слышит, как близко подошло к нему возмездие, пусть ужас охватит его внутренности и страх пусть высушит ему глотку!.. Звони, не думая ни о чем, потому что Господь давно позаботился обо всем, что нам нужно! И тебе, и Йонасу, и Йорку, и всем нам...

Йозеф: Я слышу, что кто-то идет... (*Заглядывает в за-*

мочную скважину и тут же отскакивает от двери, шепотом). Это он.

Павел: Тш-ш-ш... *(Жестом приказывает Йозефу занять место у стены).*

Йозеф *(шепотом, встав у стены):* Он идет...

Дверь открывается и на пороге появляется Доктор. Йорк тревожно мычит и пятится.

Доктор: Йорк?... Почему ты не спишь, Йорк? *(Не замечая Йозефа, Йонатана и Павла, делает несколько шагов в сторону Йорка).* Это ты звонил?

Йорк мычит и продолжает пятиться прочь.

(Обернувшись и заметив стоящих у стены). Что здесь происходит?... Йонатан?... Йозеф?... (Озираясь). А где госпожа Ребекка?

Павел: Она в палате Йодри.

Доктор быстро подходит и хочет заглянуть в палату, из которой появляются Йонас и Йансенс. В то же время Йонатан, Йозеф и Йорген делают несколько шагов к Доктору, так что он оказывается в окружении больных.

Доктор: Дай мне пройти, Йонас.

Йонас: Я не могу, господин доктор. (*Негромко хихикает*).

Йансенс: Мы не можем, господин доктор.

Доктор: Что значит "не можем"?.. Йорген!.. Йонатан!..

Что, наконец, тут происходит? (*В сторону открытой двери палаты*). Ребекка!.. С вами все в порядке?

Павел: Конечно с ней все в порядке, господин доктор. Как и с тем легионом бесов, которые вселились в свиней и бросились в море. (*Загораживающим дверь Йонасу и Йансенсу*). Вы слышали, что сказал вам доктор?.. Пропусти его, Йансенс... Отойди, Йонас. Дайте господину доктору пройти...

Йорген и Йонас расступаются и дают Доктору войти в палату. В то же мгновение, Павел стремительно вталкивает вслед за ним Йоргена, Йонаса и Йонатана.

(*Кричит*). Давайте! Давайте!.. Делайте свое дело!.. Йорген! Йонас! Йонатан!.. (*Йозефу и Йансенсу*). И вы! И вы!.. Идите и помогите своим братьям, которые сражаются с самим Сатаной!.. Давайте! Давайте!.. Разве вы не видите, как Господь идет впереди вас?.. (*Вталкивает Йозефа и Йонатана в палату и, захлопнув дверь, прислоняется к ней спиной, раскинув руки и подняв к небу лицо*).

Небольшая пауза. Слышны только приглушенные крики и глухой шум борьбы.

(*Глухо*). Помоги, Господи, верным Твоим одержать победу над Твоими врагами... (*Йорку*). А теперь иди сюда ты, Йорк... Помнишь, о чем мы говорили с тобой в последний раз?

Йорк мычит.

(*Обняв Йорка за плечо, отводит его к двери, ведущей в коридор, торопливо*). Конечно, ты все помнишь, Йорк. (*Достав из кармана связку ключей и протягивая ее Йорку*). Видишь этот маленький черный ключик? Он от кухни. Ты откроешь им дверь и войдешь туда, чтобы исполнить волю своего Господа, который избрал тебя для того, чтобы ты стал его мечом, не знающим поражения...

Йорк мычит.

Его мечом, Йорк... (*Отдавая Йорку ключи*). На, возьми их...

Йорк мычит, забирая ключи.

(*Наклоняясь к Йорку, шепотом*). Ты увидишь там две плиты... Две черные газовые плиты, в которых живет божественный огонь...

Обняв Йорка, что-то шепчет ему в ухо. Йорк негромко мычит и качает головой. Пауза.

Ты понял? Понял? Ты выпустишь его только тогда, когда услышишь звонок. Когда услышишь, как я позвоню тебе... Вот так... *(Нажимает кнопку звонка и в глубине клиники раздаются один за другим несколько коротких и тревожных звонков)*. Слышишь?

Йорк тихо мычит.

Только, когда услышишь звонок, Йорк. Не раньше и не позже... А теперь иди. Иди. И пусть Господь не оставит тебя Своей милостью. *(Обняв Йорка, открывает перед ним дверь)*.

С негромким мычанием Йорк исчезает. Какое-то время Павел стоит, глядя ему вслед, затем стремительно бежит к палате, в которой находится Доктор и, распахнув дверь, на мгновение замирает на пороге, после чего начинает медленно пятиться назад, давая возможность выйти Йонатану, Йонасу и Йоргену, которые волокут окровавленного и потерявшего сознание Доктора. Вслед за ними из палаты появляются Йансенс и Йозеф. Пауза.

Йонас: Мы поймали его, Павел... мы поймали его...

Павел: А... Я вижу... Вижу... Теперь сторожите его, сторожите, чтобы он не убежал. (*Йозефу*). А ты, Йозеф, принеси из моей палаты молоток и гвозди. Они лежат у меня под подушкой... Принеси их мне.

В то время как Йозеф исчезает в палате, Павел вытаскивает из-за стола доску и кладет ее поперек стола, так что она становится похожа на верхнюю перекладину креста.

(*Бормочет*). В самый раз... Я так и думал... В самый раз... (*Протягивая назад руку, кричит, не оборачиваясь*). Йозеф!.. Йозеф!

Йозеф (*появляясь из палаты с молотком и гвоздями в руках*): Я здесь, учитель.

Павел (*лихорадочно*): Давай, давай, давай!..

Вложив в руку Павла молоток, Йозеф становится у него за спиной. Павел несколькими сильными ударами прибавляет крестообразно доску к столу. Небольшая пауза.

(*Йозефу*). Теперь ты, наконец, видишь? Видишь?..

Йозеф: Что это, учитель?

Павел: Что это?.. Это крест, на котором Сатана когда-то распял нашего Господа, и на котором сегодня Господь рас-

пнет Сатану... Йозеф! Йорген! Йонатан!... Положите его на стол... Поднимите и положите его на стол... Давайте, давайте, время не ждет...

Йозеф, Йорген и Йонатан поднимают Доктора и кладут его на стол, так что ноги его свешиваются.

(Остановившись с противоположной стороны стола, возле головы Доктора). А теперь помогите мне. Держите его, чтобы он не смог вырваться...

Йозеф, Йорген и Йонатан наваливаются на лежащего, загородив от зрителей Павла. Йонас и Йансенс держат Доктора за ноги.

Держите, держите его!..

Из-за голов Йозефа, Йоргена и Йонатана медленно поднимается и сразу опускается рука Павла с зажатым в ней молотком, слышен глухой удар и громкий крик. Затем рука с молотком поднимается вновь и все повторяется. Ноги Доктора дергаются и выгибаются, так что Йонас и Йансенс с трудом их удерживают.

Йорген: Это кровь! Это кровь!..

Йонатан: Это кровь...

Йонас: Это кровь!..

Йозеф, Йорген, Йонатан, Йонас и Йансенс пятытся назад, открывая зрителям лежащего на столе Доктора, с пригвожденными к доске руками.

Павел: Это кровь, которой Дьявол заплатит сегодня за все грехи мира, начиная с греха Адама... Кровь, которая очистит Божье творение и станет очищающим огнем... А теперь помогите мне... Йорген! Йозеф! Помогите.

Втроем, Йорген, Йозеф и Павел поднимают и опрокидывают на одну сторону стол с распятым Доктором, который висит теперь, стоя на коленях и широко раскинув окровавленные руки, прибитые к доске. Голова его бессильно опущена. Он без сознания. Все боязливо отходят прочь, образуя вокруг распятого широкий круг.

Павел: Чего же вы испугались теперь?.. Йозеф!.. Йонатан!.. Лучше подойдите поближе и посмотрите на него!.. На того, кто восстал против нашего Бога и объявил Ему войну, кто искушал нашего Господа и радовался, когда Тот висел на кресте... Разве думал он, что его ожидает такой бесславный конец? Здесь, в больнице, среди больных и убогих?.. Да подойдите же ближе! Ближе!.. Видите?.. *(Смеется)*. Дьявол повержен, Сатана раздавлен, и скоро Господь уже будет здесь,

чтобы совершить над ним свой последний суд... (Доктору). Гнусное отродье! (Плюет на Доктора). Ну, что вы ждете? Плюйте на него, плюйте!.. Йорген!.. Йонас!.. Плюйте!

Подойдя к распятому, Йорген плюет ему в лицо. За ним подходят и плюют все остальные. Пауза.

А помнишь, как ты сомневался, Йорген?.. Как боялся даже своей тени?.. А сегодня ты плюешь на самого Сатану!.. На самого Сатану!.. (Внезапно схватив Йоргена, кружит с ним по сцене в каком-то сумасшедшем танце, вокруг потерявшего сознание Доктора).

Небольшая пауза.

(Отпустив Йоргена). А ты Йонас?.. Разве не перечил ты мне на каждом шагу, словно непослушный школьник? И кто же из нас оказался теперь прав? (Обняв Йонаса, пускается в танец).

Короткая пауза.

(Отпустив Йонаса и подхватив Йонатана). Ну, а ты, Йонатан... Разве это не ты звал меня за глаза «старым дураком» и «облезлой лисой»?.. И как же ты назовешь меня теперь, когда эта старая лиса обманула самого Дьявола?.. (Негромко

смеется, затем, оставив Йонатана, останавливается перед Йозефом). А ты, Йозеф... Ну-ка, дай-ка мне свою руку, негодник... Случайно не помнишь, кто это жаловался на Павла, что он мешает всем спать своими разговорами? Разве это был не ты, Йозеф?.. (Схватив испуганного Йозефа, почти тащит его в танце по сцене). Что ж, посмотрим, как ты запоешь теперь!..

Пока он говорит, Доктор приходит в себя и, подняв голову, пытается что-то сказать разбитыми губами, но оказывается в состоянии только издать едва слышимый невнятный стон.

Йонас (заметив, что Доктор пришел в себя): Павел... Павел!.. Посмотри... Мне кажется, он хочет что-то сказать...

Павел: Что-то сказать?.. (Оставив Йозефа, быстро поворачивается к Доктору). Ты сказал, он хочет что-то сказать, Йонас?.. Что ж, пусть говорит... Пусть попробует оправдаться, если, конечно, у него хватит для этого наглости... Мы даже разрешим ему сказать последнее слово, как это полагается в суде. А ты, Йонас, будешь защищать его, как настоящий адвокат, чтобы он не сказал потом, что мы обошлись с ним не по закону... Ну, давай... Скажи-ка нам сразу, знаешь ли ты про него что-нибудь хорошее? Что-нибудь, что могло бы смягчить гнев Господень. Какое-нибудь доброе дело? (Едва сдерживая смех). Какой-нибудь добрый поступок, Йо-

нас? Что-нибудь такое? (*Смеется*)...

Йонас: Конечно, я знаю, Павел. (*Чуть помедлив*). Он всегда был добр с нами.

Павел: Глупости, глупости, Йонас. Мы все знаем, что он притворялся. Неужели ты до сих пор не веришь, что он притворялся, чтобы ему было легче обвести вас вокруг пальца?.. Давай, сынок. Если тебе есть что сказать еще, то говори.

Йонас: Хорошо, Павел. (*Тихо*). Тогда я скажу, что он лечил нас...

Павел: Конечно, он лечил вас. Но только сначала он посылал вам болезни, от которых вы плакали и корчились в муках... Хочешь сказать что-нибудь еще, Йонас?

Йонас (*тихо*): Он дарил нам подарки.

Павел (*резко*): Он украл у тебя детство и взамен дал тебе эти морщины, седые волосы и больные суставы. А ты говоришь, что он дарил вам подарки!.. Можно ли быть таким глупцом, Йонас?

Йонас: Но ты ведь сам сказал, что я должен защищать его.

Павел: Но я не сказал, что ты должен говорить такие глупости... (*К остальным*). А может быть, кто-нибудь из вас хочет попробовать и сказать что-нибудь в защиту этого убийцы?

Присутствующие молчат. Короткая пауза.

Тогда пусть он говорит сам... Пусть попробует, а мы с

удовольствием послушаем, как шипит змея с вырванным жалом... *(Подходя ближе к распятому)*. Ты слышал?... Говори. Только не думай, что твой язык сможет спасти тебя...

Доктор негромко стонет.

Йорген *(шепотом)*: Он стонет, Павел.

Павел: Конечно, он стонет, Йорген. Он стонет, потому что боится Господа, который уже простер над ним свою руку...

Едва слышно, Доктор что-то говорит. Йансенс наклоняется над ним.

Йансенс: Он говорит, что ему больно.

Павел: Неужели?... Тогда пусть вспомнит Господа, который страдал по его вине. *(Доктору)*. Уж не думаешь ли ты, что я отпущу тебя, потому что тебе больно? *(Смеется)*. Слышал, Йонас?... Должно быть, он считает нас дураками. *(Доктору, сердито)*. Ты слышал, что я сказал тебе? Если тебе есть что сказать нам, то говори, пока у тебя остается еще немного времени!.. Но только не спрашивай меня, что я хочу от тебя услышать, лицемер! Потому что я хочу услышать, как ты будешь каяться в своих грехах и преступлениях, как станешь рыдать над погубленными тобой несчастными, как примешься в отчаянии раздирать когтями свое лицо, умо-

ляя Господа пощадить тебя!.. Я хочу услышать, как ты будешь визжать от страха, выть от бессилия и вопить от стыда! (*Кричит*). Говори! Говори!.. (*Быстро подбежав к распятому, несколько раз бьет его по лицу*). Дьявольское отродье!.. Говори сейчас же!..

Йорген: Ты ударил его?

Павел: Да. (*Отходя, резко*). Да! Я его ударил! Пусть он знает, что его время кончилось и наказание уже близко!..

Йорген: Но ведь ты хотел, чтобы он сказал свое последнее слово.

Павел: Последнее слово?.. Ты, в самом деле, думаешь, что ему есть, что сказать?.. Что ж, хорошо. Пусть говорит... Пусть этот убийца детей говорит свое последнее слово, а мы послушаем, как он будет лгать и изворачиваться... (*Повернувшись к Доктору*). Ты слышал?.. Открой свой рот и говори. (*Кричит*). Говори, если тебе есть, что сказать!..

Короткая пауза. Доктор негромко стонет и вновь едва слышно что-то говорит.

Йансенс (*прислушиваясь*): Он говорит... Он говорит... "Бедный Йоган"... Бедный Йоган... Кто это, Йоган, Павел, ты знаешь?

Павел (*резко повернувшись*): Дьявольское отродье! (*Быстро подбежав к Доктору, замахивается*). Дьявольское отродье!.. Если ты еще раз произнесешь это имя, то я убью

тебя!..

Йорген: Не бей его, Павел.

Йонас: Не бей его...

Йансенс: Не бей его, Павел...

Павел: Разве вы не видите, что он издевается над нами?..

Хочет вывести нас из себя и думает, что это ему удастся...

Старый плут, которого поймали за руку, когда он плутовал!..

(Говоря, подходит к звонку над столом дежурной медсестры, протягивает руку и, почти касаясь кнопки звонка, на несколько мгновений замирает на месте).

Небольшая пауза.

Йозеф *(шепотом):* Павел!..

Павел *(медленно опуская руку, в сторону Доктора, негромко):* Если бы ты только знал, как близок к тебе сейчас гнев Господень, то не называл бы меня «бедным»... *(С негромким смехом, отходя от стола).*

Йонас и Йорген неуверенно смеются вместе с Павлом. Их смех подхватывают Йонатан, Йансенс и Йозеф. Небольшая пауза.

Доктор *(тихо):* Дай мне воды... Я хочу пить.

Смех смолкает.

Йонатан (*шепотом*): Он сказал, что хочет пить.

Павел: Скоро он будет пить кровь грешников и лизать лед преисподней. (*Доктору*). Ты ведь не думаешь, что мы будем радовать тебя, исполняя твои желания, в то время как нам надо готовиться к встрече нашего Господа?.. Ты слышал, Йонатан?.. Он, кажется, опять что-то говорит.

Доктор (*едва слышно*): Бедный Йоган... Бедный Йоган...

Йонатан: Он опять назвал тебя бедным Йоганом.

Доктор (*тихо*): Бедный Павел...

Павел (*негромко, сквозь зубы*): Дьявольское отродье. (*Кричит*). Дьявольское отродье!.. (*Остальным*). Вы слышали?.. (*Доктору*). Он называет меня бедным, как будто никогда не слышал, что Господь пожелал открыть мне все свои богатства, скрыв их от мудрых и ученых!.. И после этого ты называешь меня бедным?.. Меня, которого Небеса благословили открыть миру, что время кончилось, и вместе с ним кончилась история, – эта продажная девка, которая изо всех сил старалась угодить Дьяволу, пока Господь, наконец, не сломал ей позвоночник?.. Эта шлюха, у которой на уме всегда было только одно, – набить себе брюхо и нацепить на себя украшения, которые она заработала воровством и развратом!..

Доктор стонет и закрывает глаза.

О, как же долго мы ждали этого часа, когда старые небеса совьются в свиток и время остановится, чтобы мы смогли, наконец, увидеть лицо нашего Господа! Как долго мы мечтали увидеть тебя висящим на этом кресте, скованным цепью, лишенным силы, не имеющим никакой надежды... И вот теперь-то, наконец, это время пришло и ты висишь здесь, прикусив свой язык и оставив всякую надежду, потому что не хуже нас знаешь, что завтра уже никогда не наступит!.. Дьявольское отродье!

Доктор (*издалека*): Бедный Павел. Бедный Йоган...

Йозеф: Он опять назвал тебя «бедным».

Павел (*кричит*): Пускай он называет меня, как ему нравится... Обещаю вам, что не пройдет и часа, как вы все увидите этого бедного Павла сидящего одесную нашего Господа!... А ты, Йонас, и ты Йонатан, и ты Йозеф, и ты Йорген, и ты Йансенс, – все вы будете сидеть рядом со мной!..

Йонас: Вы слышали?.. Мы будем сидеть рядом с Павлом!..

Доктор: Бедный Павел. Бедный, бедный человек...

Павел (*передразнивая*): Бедный Павел. Бедный человек... (*Хихикает*).

Присутствующие смеются вместе с Павлом. Голова Доктора бессильно падает на грудь.

Йонас (*шепотом*): Он умер? Умер?

Павел: Разве Дьявол может умереть по собственной воле, Йонас?.. Не беспокойся, Господь убьет его перед тем, как сожжет его царство и тех, кто с ним был.

Йонатан: Тогда почему же Он медлит? Почему не идет к нам? Разве мы не сделали все то, что Он велел?

Павел: Подожди еще немного, Йонатан, и ты увидишь Его.

Йонас: И мы снова станем молодыми? Да? Как ты обещал?

Павел: Конечно, станете, Йонас. Когда Сатана сгорит, ты снова станешь молодым, как будто тебе всего двадцать лет, потому что это самый лучший возраст... (*Мечтательно*). В двадцать лет я взбегал на двенадцатый этаж, обгоняя лифт и не чувствуя никакой усталости. (*Оборвав себя, сердито*). А пока молитесь, молитесь, чтобы Господь услышал вас, молитесь, чтобы Он сказал – Я слышу голоса своих детей, которые ждут Меня и надеются на Меня, голос Йонаса, голос Йоргена, голос Йонатана, голос Йозефа и голос Йансенса...

Йозеф: И голос Йодри.

Павел: И голос Йодри, который тоже зовет своего Господа из глубины своего сна...

Йонатан: И голос Йорка...

Павел (*вновь подходя к звонку над столом дежурной медсестры, рассеяно*): Да, да. И голос Йорка... Голос нашего брата Йорка... (*Медленно поднимает руку, касается пальцем кнопки звонка, сразу опускает руку и отходит в сторону*).

ну).

Йонас: А где он, Павел? Куда он пошел, наш Йорк?

Павел: Он пошел немного поторопить события, Йонас.

Немного поторопить события.

Йонас: Поторопить события?

Павел: Да, Йонас. Он пошел вниз, на второй этаж. Ты ведь знаешь, что под нами находится кухня, где живет огонь.

Божий огонь, который не пощадит ни одного грешника...

Наш Йорк пошел, чтобы выпустить его.

Йонас: Выпустить огонь?

Павел: Да, Йонас.

Йонас: Значит, мы все сгорим? Да?

Павел: Нет, нет, Йонас. Этот огонь сжигает только грешников. Одних только грешников и больше никого.

Йонас: Значит, мы не умрем?

Павел: Конечно, нет, Йонас.

Йонатан: Я чувствую какой-то запах, учитель.

Йансенс: И я тоже. (*Озираясь*). Какой-то запах...

Йорген: Я тоже чувствую какой-то запах. Что это, Павел?

Подняв голову, Павел какое время молча нюхает воздух. Йонас, Йонатан и Йансенс начинают, подняв головы, начинают принохиваться вслед за Павлом. Короткая пауза.

Павел: Я скажу вам, что это за запах, дети мои... Это запах огня. Запах божественного огня, который скоро зажжет

наш брат Йорк...

Йонас: Запах огня, который зажжет наш Йорк?

Павел: Да, Йонас.

Йонас: Но мы ведь, правда, не умрем, Павел?

Павел: Умрем? (*Сердито*). А разве Господь пришел для того, чтобы мы умерли?.. Ах, какой ты все-таки глупый, Йонас. Разве Господь – убийца, чтобы убивать своих детей, которые остались верны Ему до последнего вздоха?.. (*Подходя к звонку, снова протягивает к нему руку, но затем опускает ее*).

Короткая пауза.

Давайте-ка мы лучше помолимся Тому, кто всегда верен Своему слову и кто никогда не обманет нас, как не обманывает своих детей отец, пусть даже они непослушны и ленивы... (*Замирает в молитвенной позе, раскинув руки и подняв к небу лицо*).

Йорген, Йонас, Йонатан стоят, подняв, подобно Павлу, лица в небо, Йансенс стоит, опустив голову и скрестив на груди руки. Йозеф опустился на колени и спрятал лицо в ладонях. Длится долгая пауза.

Йорген (*тихо*): Йонас... Йонас... Ты слышишь?

Йонас: Что? (*Застыв, прислушивается*).

Йорген (*тихо*): Слышишь?

Йонас (*прислушиваясь, тихо*): Да... да... Что это?

Йорген: Я не знаю...

Йонас: Я слышу, слышу...

Йорген: И я...

Павел: Почему ты не молишься, Йорген?

Йорген: Потому что я слышу голос.

Йонас: И я тоже.

Йозеф: И я.

Павел: Голос?.. Какой еще голос?

Йонас: Я не знаю... Вот он! Где-то совсем рядом.

Йонатан: Я слышу, слышу...

Йонас: И я тоже.

Павел (*озираясь*): Не говори глупости, Йонас... Какой еще голос? Я ничего не слышу...

Йонатан: Он совсем рядом. (*Прислушиваясь*). Вот еще раз... (*Йоргену*). Ты слышишь, Йорген?

Йорген: Я слышу его уже давно...

Йозеф: И я.

Павел (*почти кричит*): Что, что, что?..

Йонас: Он очень громкий, очень громкий... (*Павлу*). Разве ты не слышишь его?

Йорген: Мне кажется, он идет прямо с неба.

Йозеф: Да, да! Он как дождь... Как ливень... (*Йансенсу*). Ты его слышишь, Йансенс?

Йансенс (*подняв в небо лицо*): Я слышу...

Йонас: Он грохочет словно гром.

Павел: И что же он говорит тебе, этот глупый голос, Йонас?.. Может быть, он говорит тебе, чтобы ты оставил эти глупости и поскорее помолился своему Господу, который ненавидит глупые фантазии, из-за которых человек легко становится добычей Дьявола?.. Отвечай немедленно, что он говорит тебе!

Йонас: Но он говорит совсем не мне, учитель. Правда, Йорген?.. Совсем не мне... (*Негромко*). Он говорит это тебе, Павел.

Павел: Перестань болтать глупости, идиот. Перестань болтать глупости и подумай, что он может говорить мне, если я его даже не слышу?

Йонас: Но он все равно говорит это тебе, Павел...

Павел: Наверное, вы все здесь сошли с ума! Отвечай сейчас же, что он говорит тебе, Йонас!

Йонас: Я боюсь, учитель... Он говорит, он говорит... (*Смущенно смолкает*).

Йорген: Он говорит – «Саул, Саул...» (*Смолкает*).

Павел: Что?.. Что?

Йорген: Он говорит, «Саул, Саул, зачем ты опять гонишь меня?..»

Павел: Он так говорит?

Йорген: Да, учитель... Зачем ты опять гонишь меня, Саул... (*Жалобно*). Зачем? Зачем? Зачем?

Павел (*кричит*): Врешь! Врешь! Врешь!.. (*На несколько*

мгновений останавливается, тяжело дыша и озираясь по сторонам).

Короткая пауза.

Почему тогда я не слышу его?.. *(Кричит)*. Почему я не слышу его, если он говорит это мне?.. *(Бросается к Йозефу)*
Ты тоже слышишь это?

Йозеф: Да, Павел.

Павел: И что он говорит? Что он говорит?

Йозеф: Он говорит: «Зачем ты снова гонишь меня, Саул?»

Павел: Он так говорит?.. Ты уверен? *(Бросаясь к Ионатану)*. А ты?.. И ты тоже это слышишь?

Ионатан: Да, учитель.

Павел *(бросаясь к Йансенсу)*. И ты?

Йансенс: Да, учитель... *(Жалобно)* Он говорит, «Зачем ты гонишь меня, Саул?.. Зачем ты гонишь меня?..»

Павел *(кричит)*: Замолчи!

Короткая пауза. Все стихают. Павел медленно идет по сцене, но вдруг внезапно останавливается и смотрит на распятого Доктора.

(Хрипло). Это он. Он. Дьявол... Это он говорит вам, чтобы вы усомнились в милосердии нашего Господа и погиб-

ли... (Подбежав к висящему Доктору, несколько раз сильно бьет его по лицу; голова Доктора беспомощно мотается из стороны в сторону). Сгинь! Сгинь! Сгинь!

Йансенс (едва слышно): Зачем ты гонишь меня, Саул...

Павел (кричит, обернувшись): Замолчи! (Бьет Доктора).

Йансенс: Но это не я, это не я... Это не я, учитель... Это Он. Это голос. Это не я.

Йонас: Зачем ты гонишь меня?..

Павел в ярости оборачивается к Йонасу.

Йорген: Зачем ты гонишь меня?

Павел оборачивается к Йоргену.

Йозеф: Зачем ты гонишь меня?..

Павел оборачивается к Йозефу.

Йонатан: Зачем ты гонишь меня?..

Расталкивая присутствующих, Павел бросается в сторону стола дежурной медсестры, но вдруг, остановившись, зажимает уши ладонями и трясет головой, словно пытаясь избавиться от наваждения. Короткая пауза.

Йорген (*делая несколько шагов к Павлу*): Зачем ты гонишь меня, Саул?..

Иозеф (*подходя к Павлу*): Саул, Саул, зачем ты гонишь меня?

Павел (*бормочет*): Кто ты? Кто ты? Кто? Кто? (*Медленно опускается на колени; на его лице – страдания и отчаянье*).

Йорген: Саул, Саул, зачем... зачем?..

Йонатан: Саул, Саул, зачем ты гонишь меня?

Йонас: Саул, Саул, зачем ты гонишь меня?

Иансенс: Саул, Саул, зачем ты гонишь меня?..

Иозеф: Саул, Саул, зачем ты гонишь меня?

Павел (*раскачиваясь и зажимая ладонями уши*): Кто ты? Кто ты? Кто ты... Кто ты?.. (*Кричит*). Кто ты?

Йорген: Саул... Саул... Саул... Зачем ты гонишь меня?..

Йонас: Саул... Саул...

Негромкие голоса сливаются в одно неразборчивый гул. Свет медленно гаснет, и тьма заливают сцену.

Занавес